

Японія
и
Японцы.

Нагасакская бухта.

НЕ КОПИРОВАТЬ

ЯПОНІЯ

И

ЯПОНЦЫ.

ЖИЗНЬ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ.

СОЧИНЕНИЕ

Эрнеста фонъ Гессе-Вартегъ.

Переводъ со 2-го нѣмецкаго исправленнаго и дополненнаго изданія

М. А. Шрейдеръ,

подъ редакціей и съ примѣчаніями

Д. И. Шрейдера.

Съ 28 отд. гравюрами, 100 рис. въ текстѣ и картой
Японской Имперіи.

С--ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

Дозволено цензурою. Спб.. 7 ноября 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду западно-европейскихъ писателей-путешественниковъ послѣдняго времени, посвятившихъ свое время ознакомленію европейцевъ съ своеобразнымъ, возбуждающимъ въ однихъ удивленіе и сочувствіе, въ другихъ—зависть и недображелательство народомъ, населяющимъ отдаленные острова Японскаго архипелага.—Грнстъ фонъ Гессе-Вартегъ (Ernst v. Hesse-Wartegg) занимаетъ, безспорно, наиболѣе видное мѣсто.

Бывалый и наблюдательный путешественникъ, объѣздившій въ сравнительно короткое время наиболѣе любопытныя страны Дальняго Востока (Китай, Японію, Корею и Сіамъ), Сѣверную Америку, Канаду, Мекенку, Тунисъ, Испанію и т. д., хорошій стилистъ, умѣлый рассказчикъ,—Гессе-Вартегъ умѣетъ отличить важное отъ неважнаго, —и въ своихъ многочисленныхъ трудахъ являетъ собою истинный образецъ того, какъ именно нужно описывать невѣдомыя или мало-извѣстныя страны. Читатель не найдетъ въ его описаніяхъ ни рассказовъ и описаній анекдотическаго свойства, ни—страницъ, посвященныхъ мало-интереснымъ и не нужнымъ мелочамъ и подробностямъ и отдастъ должную дань умѣнію автора схватить и освѣтить наиболѣе характерныя особенности быта и психологіи описываемой имъ страны и народа.

Одна изъ отличительныхъ чертъ Гессе-Вартега,—это прекрасное знакомство его не только съ описываемыми имъ странами далекаго Востока, но и знакомство его съ исторіей этихъ странъ,—что даетъ ему возможность глубже и вдумчивѣе отнестись къ различнымъ явленіямъ, возросшимъ на почвѣ чуждой намъ тысячелѣтней культуры, которыя иначе, безъ соотвѣствующаго освѣщенія, казались бы странными и не понятными.

Мы не можемъ, однако, раздѣлить одного изъ основныхъ взглядовъ автора, выраженіе котораго читатели найдутъ въ заключительной главѣ подъ названіемъ «Джіуджутсу», и считаемъ своимъ долгомъ выяснить наше отношеніе къ затронутымъ Гессе-Вартегомъ въ этой главѣ вопросамъ тѣмъ болѣе, что

наши взгляды, выраженные нами въ печати (см. мое сочиненіе «Японія и Японцы», 1895 г.), не совпадаютъ со взглядомъ Гессе-Вартега.

Талантливость, способность, энергія и благоразуміе японской націи въ настоящее время считается фактомъ, признаваемымъ даже ея антагонистами. Однако-же уже съ первыхъ дней знакомства европейцевъ съ японцами, съ легкой руки старѣйшаго по времени англійскаго посланника въ Японіи, сэра Гарри Паркса, пущена въ ходъ легенда, сущность которой сводится къ отрицанію всякой культурности въ японской націи и приписывающая всѣмъ видимые и притомъ поразительные культурные успѣхи Японцевъ **исключительно ихъ подражательности**. Какъ ни несомѣстимы понятія: **талантливость, способность, энергія, культурность и... подражательность**, однакоже легенда эта еще и до нашихъ дней имѣетъ немало сторонниковъ въ рядахъ публицистовъ и дипломатовъ Старого Свѣта, не могущихъ, повидимому, либо простить японцамъ ихъ непостижимые культурные успѣхи, либо понять психологію этой націи. Какъ человекъ, прекрасно знакомый съ описываемой имъ страной, Гессе-Вартегъ не можетъ, конечно, сочувствовать легендѣ прежнихъ годовъ; но находить «ключъ къ уразумѣнію характера японскаго народа» въ джіуджутсу, т. е. въ древнемъ атлетическомъ искусствѣ отжившаго **нынѣ** сословія самураевъ, которому (джіуджутсу) авторъ приписываетъ вліяніе на всѣ стороны жизни японскаго народа. Такъ, по мнѣнію Гессе-Вартега, только благодаря джіуджутсу, т. е. благодаря этому искусству «борьбы слабаго съ сильнымъ», искусству «покоренія подчиненіемъ» можно объяснить то, что японцы не усвоили ни внѣшнихъ признаковъ европейской культуры (брюкъ, паркетовъ и т. п.), ни внутреннихъ свойствъ ея (христіанства, свободы религій, свободной иммиграціи туристовъ, купцовъ и промышленниковъ и ихъ европейскихъ предпріятій и т. п.).

Все это даетъ Гессе-Вартегу поводъ и основаніе отказать Японіи въ истинной и искренней культурности и побуждастъ его «забить тревогу» и предостеречь европейцевъ противъ замкнутаго и загадочнаго народа Японскаго архипелага.

Съ такимъ взглядомъ автора мы не можемъ согласиться. Японцы еще слишкомъ недавно, всего только какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ, впервые непосредственно столкнулись съ европейцами и съ идеями далекаго европейскаго запада, съ другой стороны, они слишкомъ долго—цѣлыя тысячелѣтія—находились подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ своеобразной и древней культуры, для того, чтобы къ нимъ уже теперь можно было предъявлять требованія о полномъ перерожденіи въ такое непостижимо короткое время. Къ тому же развѣ большинство европейскихъ націй, которыя ставятся Японіи въ примѣръ, уже достигли идеала Гессе-Вартега и далеко ушли отъ Японіи во многихъ проявленіяхъ «мнимой культурности»: и здѣсь, вѣдь, далеко не вездѣ царитъ свобода религій, и здѣсь иназемные «купцы, промышленники и ихъ предпріятія» не пользуются ни особымъ гостепріимствомъ, ни особымъ покровительствомъ. По отношенію-же къ Японіи недовѣрчивое и прямо-таки недображелательное отношеніе къ европейцамъ, помимо сказаннаго выше, тѣмъ болѣе простительно, что они хорошо знакомы съ исторіей европейзованія своихъ ближнихъ сосѣдей (Китай, Корея, Индія и т. д.) и, какъ выражается Гессе-Вартегъ въ другомъ мѣстѣ («Китай и Китайцы», 1900 г., изд. А. Ф. Девріена, переводъ А. и П. Ганзенъ), восточные народы уже «убѣдились въ томъ, что никогда европеецъ не является съ тѣмъ, чтобы дать, но всегда съ тѣмъ, чтобы взять». **Вся** недолгая исторія сношеній европейскаго запада съ Дальнимъ Востокомъ научила японцевъ съ надлежащей осторожностью относиться къ дарамъ, приносимымъ въ страну европейцами,—этими поистинѣ (для восточныхъ странъ) дапайцами новаго времени,—и въ этомъ, и только въ этомъ тайна современнаго отношенія японцевъ къ европейцамъ.

Нѣмецкій текстъ мѣстами (въ примѣчаніяхъ) дополненъ нами новѣйшими свѣдѣніями. Глава о войскѣ дополнена нами свѣдѣніями о японскомъ флотѣ. Нѣкоторые рисунки заимствованы мною изъ моего сочиненія: «Японія и Японцы».

Д. И. Шрейдеръ.

Родина госпожи Хризантемы.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ совершила свой вѣздъ въ Европу оригинальная и забавная красавица Дальняго Востока, госпожа Хризантема.

Ея появленіе въ Европѣ походило на триумфальное шествіе по всему континенту. Европейцамъ нравилось ея напудренное и раскрашенное личико во вкусъ рококо, ея красивые, узкіе и черные глаза съ высоко-приподнятыми бровями, ея пурпуровый, какъ вишня, раскрашенный ротикъ, ея уморительныя движенія и позы. Она была наряжена въ пестрые, затканныя цвѣтами, пышныя платья, а ея роскошныя, черныя, блестящіе волосы были украшены бумажными бабочками, какъ *folie*. Надъ ея головой постоянно красовался пестрый японскій зонтикъ, точно ореолъ надъ головой божества, но божества совсѣмъ чуждаго намъ царства боговъ. Такого свѣжаго, граціознаго, наивнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественнаго существа дряхлая Европа давно не видала. Это было нѣчто совершенно новое, и, поѣтому, японка сейчасъ-же вошла въ моду. Ее стали изображать въ опереткѣ, въ кукольномъ театрѣ; рисовали на вѣерахъ, вазахъ и ширмахъ; всюду появились фарфоровыя, бронзовыя и деревянныя рѣзныя изображенія ея. Въ настоящее время ее можно найти въ миллионѣхъ экземпляровъ по всей Европѣ—отъ Испаніи до Россіи и отъ Норвегіи до Греціи—какъ во дворцахъ и чертогахъ высшей знати, такъ и въ самыхъ скромныхъ жилищахъ обыкновенныхъ смертныхъ. Ни одна примадонна никогда не пользовалась такимъ шумнымъ успѣхомъ, какъ эта маленькая, нарядная и забавная Хризантема.

Ея родина Японія, и ей дѣйствительно не мѣшало уѣхать оттуда и поискать себѣ новое отечество, такъ какъ у себя дома она начала, мало по малу, выходить изъ моды. Она долго царила у себя на родинѣ цѣлыя тысячелѣтія. И въ то время, какъ она покинула Японію, чтобы вскружить головы европейцамъ, въ ея отечествѣ ее замѣнила другая владычица — парижская и вѣнская **Мода съ шелковыми декольтированными платьями, съ длинными шлейфами, съ буффами на рукавахъ, въ перчаткахъ, огромной шляпѣ и шелковыхъ чулкахъ.** Дворъ и все высшее общество Японіи покоряются теперь этой модѣ. Госпожа Хризантема окончательно исчезла оттуда; только въ провинціи она еще царить пока. Въ числѣ городовъ, оставшихся ей вѣрными до нынѣшняго времени, — самое первое мѣсто занимаетъ **Нагасаки.**

Нагасаки — самый южный портовый городъ японскаго архипелага и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый восхитительный. Это наиболѣе подходящее мѣстопребываніе для госпожи Хризантемы: они, какъ будто, созданы другъ для друга и какъ бы дополняютъ другъ друга; поэтому, вѣроятно, у нихъ, и сохранилась до нашихъ дней взаимная вѣрность.

Всякій, кто впервые прѣзжаетъ въ Нагасаки изъ громаднаго и мрачнаго Китая, попадаетъ здѣсь въ какой-то новый, точно волшебный міръ. Виды, открывающіеся путешественнику при вѣздѣ въ глубокій Нагасакскій фіордъ, — классически прекрасны. Это идеальныя олимпійскія мѣста, которыя, по первому впечатлѣнію, и не могутъ быть обитаемы никѣмъ больше, кромѣ греческихъ богинь или соотечественницъ Хризантемы.

Названіе „фіорда“ обыкновенно связывается съ представленіемъ о холодныхъ, голыхъ скалахъ туманной Норвегіи **съ ея свѣжыми хлопьями и глетчерами и угрюмыми обитателями ея долинъ;** но Нагасакскій фіордъ представляетъ собою нѣчто совершенно противоположное. Въ то время, какъ норвежская природа производитъ впечатлѣніе чего то могучаго, величественнаго, **грознаго и дѣйствуетъ** на зрителя удручающимъ образомъ, — въ Японіи она точно ласкается къ темносинимъ, свѣтлымъ и тихимъ водамъ, тянущимся на сотни миль къ центру острова Kiu-siu.

Всюду вы видите прекрасныя группы скалъ, удобныя для восхожденія отлогія горы съ роскошной растительностью, изящныя и опрятныя деревушки, миниатюрныя садики, къ которымъ примыкаютъ выхолонныя рисовыя поля, содержащіяся въ такомъ образцовомъ порядкѣ, точно они служатъ своимъ собственникамъ только для забавы. Тамъ и сямъ надъ голубой поверхностью воды видываются высокія, живописныя скалы съ пиками и вершинами, увѣнчанными такими же живописными соснами или высокими криптомеріями; вьющіеся растенія въ двѣту ползутъ вверхъ по желтымъ склонамъ горъ и отражаются въ зеркальной глади водъ. Мѣстами изъ зелени выглядываетъ небольшой

храмъ причудливой архитектуры и прихотливой окраски, а на нѣкоторыхъ скалахъ видѣются высокія ярко-красныя пагоды. Дюжины островковъ разбросаны по всей бухтѣ, и между ними скользятъ, красиво покачиваясь, точно лебеди, лодки съ бѣлоснѣжными парусами.

Нигдѣ въ мірѣ я не видѣлъ такихъ идеально прекрасныхъ ландшафтовъ, какъ на японскомъ архипелагѣ. Огромные пыхтящіе пароходы, выпускающіе клубы дыма изъ трубъ и прорѣзывающіе своими стальными вѣнтами глубокія воды этой сказочной страны, еще болѣе прозаичныя люди-„дѣльцы“, являющіеся на родину Хризантемы,—все это какъ бы профанируетъ ее.

Среди высокихъ лѣсистыхъ горъ, устланныхъ храмами, въ самой глубинѣ бухты, расположена ея родина—Нагасаки.

Наступаютъ сумерки. Сѣрая, однообразная крыша изящныхъ, изящныхъ, деревянныхъ домиковъ почти незамѣтны на зеленомъ фонѣ окружающихъ ихъ деревьевъ. Вскорѣ появляются разсѣянные по всей гавани разноцвѣтные огоньки въ цвѣтныхъ бумажныхъ фонаряхъ; количество этихъ огоньковъ все увеличивается, и скоро тысячи ихъ мерцаютъ вдоль улицъ передъ домами и на открытыхъ верандахъ; они тянутся и по склонамъ прилегающихъ возвышенностей вплоть до храмовъ; издалека доносятся къ намъ слабыя звуки самизена *), смѣхъ и пѣніе, точно отдаленные отзвуки веселаго пикника.

Утромъ почти такой же смѣхъ и такое же пѣніе отрываютъ меня отъ моихъ сновидѣній, въ которыхъ главную роль играли изящныя мусмэ **) и танцовщицы въ нарядѣ Хризантемы. Въ маленькое круглое окошечко моей каюты смотритъ, улыбаясь, сама Хризантема. Конечно, это она! Это ея узкіе плутовскіе глаза, ея пурпуровый ротикъ,—но что у нея за фигура и какъ она одѣта?! И какимъ это образомъ добралась она до моего окошечка, находящагося на высотѣ шести метровъ надъ уровнемъ воды?

Но, вотъ, я начинаю соображать, въ чемъ дѣло: къ борту нашего парохода пристала неуклюжая баржа, доверху нагруженная углемъ, и отъ нея къ пароходу приставлены доходящія до нижней палубы лѣстницы. Ступени этихъ лѣстницъ сверху до низу устланы японками, съ любопытствомъ заглядывающими въ окна каютъ. Всѣ онѣ одинаково одѣты, но не въ красивые, пестрые и сборчатые кимоно ***), а въ короткіе, обтянутые панталонцы и просторныя, застегивающіяся спереди куртки изъ темно-синей матеріи, и безо всего внизу. Ноги у нихъ голыя, но за то на головахъ пестрые платки, оставляющіе открытыми красивыя, свѣжія и привѣтливыя личики. Пока я занимаюсь разглядываніемъ

*) Самизенъ—японская гитара.

**) Мусмэ—по японски: молодая дѣвушка.

***) Кимоно—запахивающійся спереди халатъ, перетянутый у таліи поясомъ.

японокъ, къ нашему пароходу еще пристають одна за другой баржи, нагруженные углемъ; цѣлые ряды лѣстницъ протянулись отъ нихъ къ нашему борту, и ступени ихъ устѣялись множествомъ миниатюрныхъ, изящныхъ японокъ; всѣ онѣ улыбаются, шалютъ и болтаютъ другъ съ другомъ. Самой старшей изъ нихъ не больше семнадцати—восемнадцати лѣтъ. Между тѣмъ, внизу, въ баржахъ, большія корзины наполняются углемъ и передаются находящимся на нижнихъ ступеняхъ дѣвушкамъ; эти, въ свою очередь, передаютъ ихъ, черезъ голову, сидящимъ выше и т. д. изъ рукъ въ руки, пока корзины не достигаютъ палубы. Тутъ другія дѣвушки принимаютъ ихъ, высыпаютъ содержимое въ корабельный трюмъ и сильнымъ движеніемъ сбрасываютъ корзины назадъ въ баржу. Очень скоро угольная пыль покрываетъ ихъ съ головы до ногъ, чернятъ имъ лица, крошечныя ручки и груди, такъ какъ мусмэ, вслѣдствіе жары, распахнули свои куртки. Тутъ ужъ не подмѣтишь ихъ стереотипной улыбки: онѣ становятся совсѣмъ похожими на чертенятъ. Даже какъ то не вѣрится, что эти хрупкія, молоденькія созданья, какъ бы рожденныя для игры на самизенѣ, для танцевъ и развлеченій,—превратились въ нагрузчиковъ угля!

У носа нашего гигантскаго парохода, среди черныхъ, закопченныхъ угольныхъ барокъ сплываютъ бѣлоснѣжныя сампаны (лодки на веслахъ); они такіе опрятные и новые на видъ, точно часть тому назадъ вышли изъ мастерской. Полуголые японцы съ бронзовымъ жилистымъ тѣломъ ловко правятъ ими и перевозятъ пассажировъ парохода на берегъ. Къ рулю прикрѣплено длинное весло, которое дѣлаетъ движенія, похожія на движеніе хвоста рыбы.

Передъ моими глазами разстилается, къ востоку отъ этой райской бухты, цѣлый рядъ одноэтажныхъ домовъ въ европейскомъ стилѣ:—европейская часть Нагасаки. Эта очаровательная гавань находится въ числѣ всего пяти гаваней, открытыхъ европейцамъ въ Японіи; на нѣсколькихъ гектарахъ земли, отданныхъ японцами въ распоряженіе бѣлыхъ людей, эти послѣдніе имѣютъ право строить свои дома и заниматься своими дѣлами.

Нагасаки—первая изъ пяти гаваней, куда, прежде всего, проникли европейцы; прежніе властелины океана—голланды—добились разрѣшенія основать здѣсь свой поселокъ. Теперь уже нѣтъ и слѣда того, что было раньше. На протянувшейся вдоль гавани улицѣ выстроены модныя, хотя скромныя дома; на параллельной ей и на всѣхъ прилегающихъ—то же самое, хотя тамъ же находятся и жилища японцевъ.

Европейскій контягентъ жителей состоитъ здѣсь не больше, чѣмъ изъ ста человекъ, включая сюда и консуловъ иностранныхъ державъ; несмотря на такую крайнюю немногочисленность, европейская колонія имѣетъ свой собственный клубъ съ билліардной, концертной залой и читальней; тутъ, все-таки, можно иногда вообразить себя гдѣ нибудь

въ европейскомъ центрѣ, а не въ Японіи. Немного южнѣе и ближе къ морю расположился среди садовъ скромный отель, справедливо посвящій свое названіе—„Belle-vue“, такъ какъ изъ его оконъ открывается удивительный по красотѣ видъ на японскую часть Нагасаки.

На берегу ожидаетъ прѣѣзжихъ путешественниковъ цѣлый отрядъ рикшей. Знаетъ ли читатель, что такое рикша? Навѣрное нѣтъ, а не то онъ давно уже ввелъ-бы ихъ въ Европѣ. Рикша—это самый удобный, легкій и дешевый экипажъ изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ въ распоряженіи человѣка. Геліосъ могъ-бы прикатить въ ней къ солнцу, а сатана—въ адъ. Рикша—это открытая, низкая, двухколесная „викторія“ безъ козелъ, предназначенная только для одного человѣка; въ нее такъ же легко и удобно сѣсть, какъ въ любое кресло. Спереди къ этой колесницѣ прикрѣплено вылообразное дышло. Японскій кули становится спиной къ рикшѣ между раздвоенными концами дышла, за которые онъ хватается обѣими руками, и пускается, съ мѣста въ карьеръ, галопомъ, таща за собою рикшу съ пассажиромъ. Обычная цѣна за конецъ не превышаетъ десяти—двадцати пфенниговъ (5—10 коп.), а если такой экипажъ нанимается на полъ-дня, т. е. на шесть часовъ, то за это платится не больше 25 сеновъ (20—22 к.). Благодаря такой дешевизнѣ, ни одинъ европеецъ въ Японіи не ходитъ пѣшкомъ и постоянно пользуется рикшей. Каждая рикша и находящійся при ней кули имѣютъ свой номеръ, точно такъ же, какъ наши извозчики, и всѣ они находятся подъ контролемъ полиціи.

Къ величайшему моему сожалѣнію, я не вижу 415-го номера; а мнѣ очень хотѣлось нанять именно его, такъ какъ 415-й номеръ, какъ извѣстно изъ романа Пьера Лоти „Madame Chrysanthe“, приходился де-веремъ знаменитому писателю. № 4-й также обладаетъ, впрочемъ, здоровыми легкими и крѣпкими ногами: не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, усѣсться въ рикшу, какъ онъ пустился вскачь.

Весенняя жара такъ ощутительна, что мой возница, рискуя попасть въ руки узкоглазого полицейскаго, снялъ съ себя весь свой костюмъ, состоящій, впрочемъ, только изъ такихъ же панталонъ и куртки, какъ у угольщикъ. Но, чтобы придать себѣ болѣе или менѣе приличный видъ, онъ, подобно другимъ своимъ коллегамъ, перепоясываетъ животъ бѣлой полотняной тряпичей шириною въ обыкновенный галстукъ. Его мускулистая спина блеститъ отъ пота, какъ полированная бронза; потъ градомъ струится съ него, онъ пыхтитъ и отдувается, но его ноги легко передвигаются и тащатъ за собою и рикшу и меня въ ней вдоль всего проспекта прямо къ туземной части города, гдѣ находится собственно Нагасаки.

Первое впечатлѣніе, которое испытываешь, попадая въ послѣполуденное время въ эти длинные узкія улочки со скромными одноэтажными домами,—это сильное разочарованіе. Улица вверхъ, улица внизъ,—

все это очень однообразно. Мостовая съ троттуаромъ—не вдоль домовъ, а посреди улицы. Цыновки и полотняные навѣсы защищаютъ отъ лучей палящаго солнца длинные ряды лавокъ; лавки занимаютъ всю переднюю часть дома, въ которой нѣтъ ни дверей, ни оконъ; все имѣющееся въ распоряженіи лавочниковъ пространство занято всевозможнаго сорта товарами: тутъ стоитъ цѣнная бронза и фарфоръ, а тамъ оружіе, мечи и шлемы, тутъ-же рядомъ и бумажныя падѣлія—фонари, бабочки и драконы; а, вотъ, и издѣлія изъ шелка и черепаховыя,—одно изъ главныхъ производствъ въ Нагасаки.

Какъ впереди дома, такъ и позади его нѣтъ никакой стѣны; пока я мчусь вдоль улицы, я успѣваю разглядѣть внутреннюю часть домовъ отъ одного конца до другого. Все на виду: на необыкновенно чистыхъ цыновкахъ пола сидятъ, на корточкахъ, сонные японцы-музыканты и женщины, всѣ въ глубокомъ неглиже, благодаря страшной жарѣ; всѣ посасываютъ маленькія трубки, съ верхушкой приблизительно такой величины, какъ наперстокъ у самой изящной изъ нашихъ дамъ; нѣкоторые спятъ на цыновкахъ, подложивъ подъ себя деревянную колодку вмѣсто подушки; другіе, сидя на корточкахъ (любимая поза японцевъ), поливаютъ чай изъ крохотныхъ чашечекъ, поставивъ предъ собою на полъ чайникъ. Кое-гдѣ среди домовъ я вижу миниатюрные садики, съ странно загнутыми и свернутыми соснами, съ прудиками и переброшенными черезъ нихъ крохотными мостиками; на газонахъ, величиною въ столъ, красуются всевозможныя статуи изъ бронзы и камня; все это очень забавно, потому что многіе изъ садиковъ занимаютъ мѣсто не больше любой изъ нашихъ европейскихъ жилыхъ комнатъ.

Площадей, скверовъ, общественныхъ садовъ—совершенно нѣтъ въ старомъ Нагасаки; все здѣсь имѣетъ древній видъ, все миниатюрно, изящно и, что меня больше всего трогаетъ, — рѣшительно все носитъ чисто-японскій характеръ. Новшества, введенныхъ въ старую Японию, такъ непріятно поражающихъ путешественниковъ въ Токио, Осака, Токио и въ другихъ городахъ,—тутъ не замѣтно и слѣда; между тѣмъ, эта гавань была доступна кавказскому племени еще двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда другія гавани были для европейцевъ герметически закрыты. Въ то время, въ древней Японіи, Нагасаки считался самымъ моднымъ портовымъ городомъ; теперь же, въ современной Японіи, Нагасаки — одинъ изъ немногихъ городовъ, сохранившихъ и донынѣ свою чисто-національную физіономію. Нигдѣ нельзя найти въ магазинахъ такихъ красивыхъ, старинныхъ произведеній японскаго искусства, какъ здѣсь; нигдѣ нѣтъ такого стильнаго фарфора, такихъ старинныхъ шелковыхъ тканей и оружія, и такой бронзы.

Можно отдать все свое состояніе, чтобы купить всѣ эти прекрасныя произведенія чужеземнаго искусства. Стоитъ мнѣ только зайти въ любую лавку, какъ всѣ продавцы—отецъ, мать и дочь, бросаются предо-

Джиннерикша.

мной на четвереньки и изъ вѣжливости касаются лбомъ пола; пока отецъ вынимаетъ завернутыя въ шелкъ, бумагу и шерсть изящныя вещи, чтобы показать ихъ мнѣ, его дочь готовитъ своими нѣжными ручками чай и на колѣняхъ подноситъ его мнѣ въ чашкѣ. При этомъ она такъ мила и изящна, и улыбка ея такъ обольстительна, что скорѣе я готовъ опуститься передъ ней на колѣни.

На противоположной сторонѣ этого оригинальнаго стариннаго города, съ его примолинейными и перпендикулярно пересѣкающимися улицами, на которыхъ рѣдко—почти никогда—не видѣются ни ломовые, ни другіе экипажи, находится предмѣстье Чунджендши; оно все густо засажено камфарными деревьями. Тамъ-то, въ одномъ изъ хорошенекхъ домиковъ, съ открытыми верандами и красивыми садиками съ цвѣтущими вистеріями, жилъ и Пьеръ Лоти со своей женой Хризантемой. Который изъ домиковъ могъ-бы это быть?

Со стороны бухты всѣ уступы горъ усыяны тысячами могильныхъ памятниковъ, и старыми камнями, заросшими папоротникомъ и миртами; между ними поднимается удивительно красивая лѣстница съ величественными каменными арками и тянется до знаменитаго храма Озува, одного изъ самыхъ красивыхъ шинтоистскихъ храмовъ Японіи.

Мой возница останавливается у подножія гигантской лѣстницы, вытираетъ струящійся съ лица потъ и приглашаетъ меня зайти въ храмъ.

Это скорѣе цѣлый рядъ храмовъ, выстроенныхъ много лѣтъ тому назадъ среди цѣлаго лѣса огромныхъ камфарныхъ деревьевъ и криптомерій; это маленькіе, простые деревянные домики съ тяжелыми, сѣрыми, покрытыми мхомъ крышами и обширными дворами, окруженными галереями, въ которыхъ набожные дайміосы помѣщали въ теченіе многихъ вѣковъ, разныя предметы въ качествѣ жертвъ богамъ: тутъ были фонари, каменные бассейны для воды, каменные драконы и идолы и даже бронзовый конь. Послѣдній представляетъ собою одну изъ достопримѣчательностей Японіи, особенно благодаря своей необыкновенной для этой страны работѣ.

Пьеръ Лоти увѣряетъ, что этотъ конь сдѣланъ изъ какого-то камня вродѣ нефрита, но его прекрасный романъ „М-ше Хризантема“—полонъ такихъ неточностей, что надо смотрѣть сквозь пальцы на его „каменную“ лошадь. Только свою Хризантему—эту „временную“ жену, да еще танцовщицъ и пѣвицъ онъ описалъ совершенно вѣрно.

На каждой площадкѣ лѣстницы японцы устроили небольшіе шинтоистскіе храмы и раки; надъ каждой аркой высится характерный пучекъ конопли съ длинными, висящими бумажными лоскутками—для защиты отъ злыхъ духовъ. Лѣстница кажется безконечной. Жрецы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и съ наголо остриженными головами спускаются

и впередъ въ проходахъ и исчезаютъ за бѣлыми драпировками; другіе съ разными таинственными церемоніями исполняютъ какойнибудь религіозный обрядъ. Есть и такіе, которые отдыхаютъ въ нишахъ и боковыхъ пристройкахъ и посасываютъ свои трубки, дымъ которыхъ смѣшивается съ запахомъ небольшихъ курительныхъ факеловъ, которые горятъ въ безчисленномъ количествѣ передъ каменными и деревянными идолами.

Натѣво расположены ворота, ведущія въ огромный тѣнистый садъ. Вотъ такъ сюрпризъ! Подъ гигантскими камфарными деревьями здѣсь расположено множество чайныхъ домовъ, и у каждаго изъ нихъ насъ приглашаютъ зайти пестро одѣтыя и привѣтливо улыбающіяся мусме. На нихъ красные, голубые и розовые кимоно, затканые цвѣтами; въ роскошныхъ волосахъ у нихъ тоже цвѣты; въ рукахъ у нихъ самизенъ—японская гитара. Стоитъ только войти въ одинъ изъ домиковъ, какъ онѣ моментально падаютъ ничкомъ и ждутъ нашихъ приказаній. Затѣмъ всѣ онѣ, улыбаясь, приносятъ стулья и столы, вслѣдъ затѣмъ жаровни съ горячими угольями, а потомъ и изящныя фарфоровыя мисочки съ необыкновенными кушаньями. Съ самымъ наивнымъ видомъ всовываютъ онѣ намъ въ руки особые приспособленія для ѣды—двѣ костяныя палочки, а потомъ смѣются надъ нашей неловкостью. Трое, четверо, пятеро этихъ изящныхъ созданий сидятъ на корточкахъ вокругъ меня и ощупываютъ мое платье, держатъ мою часовую цѣпочку и безпрестанно угощаютъ меня. Меня спрашиваютъ, не угодно-ли мнѣ посмотреть на ихъ танцы?

Я, конечно, отвѣтилъ утвердительно. Сейчасъ-же появляется на сцену самиску (музыкальный инструментъ), и въ то время, какъ одна изъ дѣвицъ перебираетъ пальцами струны,—другія танцуютъ своеобразныя японскіе танцы, какъ-то: мандай, княку и огурайяму; танцуютъ онѣ руками, боками, и колѣнями,—но только не ногами. При этомъ онѣ такъ очаровательны и милы, такъ молоды—имъ едва по четырнадцать, пятнадцать лѣтъ,—что совсѣмъ не надо быть французскимъ морскимъ офицеромъ, чтобы увлечься которойнибудь изъ нихъ. При разставаніи съ этими маленькими волшебницами, всѣ онѣ бросаются ницъ и, униженно касаясь лбомъ пола, повторяютъ: „сайонара, сайонара“ (т. е. „до свиданья, до свиданья“!).

Когда я возвращался отсюда на другой день къ вечеру обратно въ городъ и началъ спускаться внизъ, то предъ моими глазами развернулась на боковыхъ улицахъ предмѣстья та-же самая странная, почти невѣроятная картина, которую Пьеръ Лоти такъ часто имѣлъ возможность видѣть на родинѣ своей Хризантемы.

„Между пятью и шестью часами послѣобѣденнаго времени—пишетъ онъ—всѣ обитатели раздѣваются до-гола: дѣти, молодые люди, старики, старухи,—всѣ сидятъ въ какомънибудь чайнѣ и купаются. Все это про-

дѣлывается гдѣ попало:—въ саду, во дворѣ, въ лавкахъ, даже на порогѣ дома, для облегченія бесѣды съ сосѣдями черезъ улицу. Тутъ же принимаются посѣтители, и купающіеся, безъ всякихъ стѣсненій, выльзакуютъ на минуту изъ своихъ ваннъ, чтобы предложить посѣтителю посидѣть или обмѣняться съ нимъ привѣтствіями. Но какъ молодая дѣвушка, такъ и пожилыя женщины мало выигрываютъ отъ своего появленія въ такомъ первобытномъ видѣ. Всякая японская женщина безъ своего длиннаго кимоно и широкаго, претенціознаго оби (пояса изъ широкой цвѣтной матеріи) представляетъ собою невзрачный желтый комочекъ съ кривыми оконечностями и плоской, безформенной грудью; отъ ея искусственныхъ мыльных прелестей не остается и слѣда; все исчезаетъ вмѣстѣ съ ея платьемъ.“

Справедливость этого послѣдняго замѣчанія долженъ признать всякій, кто имѣлъ случай видѣть японку въ ваннѣ; а видѣлъ ее несомнѣнно всякій, побывавшій въ Японіи, даже если онъ не только не искалъ такого случая, но даже старался избѣжать его, такъ-какъ всюду по утрамъ и по вечерамъ можно видѣть японокъ при такихъ обстоятельствахъ.

Испыталъ-ли и Пьеръ Лоти въ своей женѣ японкѣ—этой типичной госпожѣ Хризантемъ, такое-же разочарованіе? Мой корабль собирался идти дальше только вечеромъ, такъ что у меня оставалось достаточно времени, чтобы успѣть посѣтить ее. Но какъ ее найдти? Бродя по набережной, я зашелъ къ консулу одной могущественной и дружественной намъ державы, чтобы освѣдомиться о ней. Если она со времени появленія книги Пьера Лоти сдѣлалась всемірной извѣстностью, то въ Нагасаки ее навѣрно хорошо знаютъ. Консула не было дома, а его секретарь не зналъ о существованіи Пьера Лоти и не имѣлъ понятія ни о его романѣ, ни о его героинѣ. Я подумалъ,—не можетъ ли французскій консулъ дать мнѣ нужныя свѣдѣнія? Я пробрался черезъ прекрасные тропическіе сады къ его квартирѣ.

—Лоти?—мадамъ Хризантема?—онъ пожалъ плечами:—къ сожалѣнію, мнѣ они совершенно неизвѣстны.—

И какимъ образомъ можетъ онъ знать всякаго морского офицера, флавирующаго по Нагасаки! Сюда приходитъ такая масса французскихъ военныхъ судовъ. Обыкновенно они останавливаются у госпожи Л.,—владѣлицы гостиницы Belle-vue.

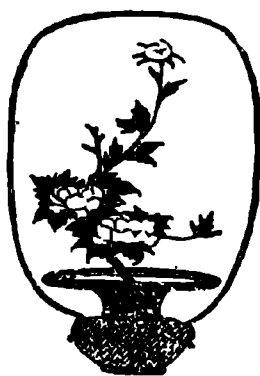
Я былъ какъ разъ недалеко отъ этой гостиницы и, кстати, собирался тамъ пообѣдать. Госпожа Л.—вдова одного французскаго журналиста, основавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Токио газету „Японскій курьеръ“. Вышедши въ количествѣ нѣсколькихъ номеровъ, газета погибла отъ „истощенія“ такъ же, какъ и ея основатель. Вдова-же устроила гостиницу и больше не терпитъ нужды. За кофеомъ, который я пилъ у нея за столомъ на террасѣ гостиницы,

я освѣдомился о Пьерѣ Лоти и мадамъ Хризантема. Она засмѣялась.

— Mais, monsieur,—c'est un farceur! (ахъ, monsieur, онъ, вѣдь, шутникъ!) Правда, онъ былъ въ Нагасаки, но ни жены, ни дома не имѣлъ. Онъ все сочинилъ. Онъ жилъ здѣсь у меня и у меня-же столовался.—

— А мадамъ Хризантема?—спросилъ я.—О, что касается этого, то тутъ ихъ тысячи; кликните кличъ, и онѣ явятся къ вамъ. Но Пьеръ Лоти никогда не жилъ съ такой. Единственная правда въ его книгѣ—это описаніе Нагасаки и его замѣчаніе, что мнимый бронзовый конь въ храмѣ Озува сдѣланъ изъ нефрита.

Я простился съ нею и разочарованный вернулся на свой корабль. Часа за два до этого я самъ стоялъ передъ бронзовымъ конемъ и, царапая по немъ перочиннымъ ножомъ, убѣдился въ томъ, что онъ сдѣланъ изъ бронзы. Можетъ быть, то, что рассказывала мнѣ хозяйка гостиницы о Пьерѣ Лоти,—такая же неправда, какъ и то, что конь сдѣланъ изъ камня?

Японскимъ средиземнымъ моремъ въ Кубе.

Когда передъ моимъ умственнымъ взоромъ проходятъ картины всѣхъ странъ, видѣнныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ землаго шара,—то я не могу себѣ представить ничего болѣе идиллически-прекраснаго, полнаго какой-то нѣги, чѣмъ этотъ райскій уголокъ восточной Азіи — Японію и особенно ея море.

Если даже представить себѣ знаменитое Лаго-Маджіоре съ Паланцой и Боррамейскими островами, увеличенными во сто разъ,—то и тогда можно получить лишь приблизительное представленіе о Японскомъ морѣ и его берегахъ. Никакое другое мѣсто въ мірѣ не можетъ выдержать сравненія съ Японіей. И даже Лаго-Маджіоре далеко не такъ красиво и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не такъ величественно.

Насупротивъ самаго большого изъ японскихъ острововъ—Гондо—расположены, по направленію къ юго-востоку, другіе три большіе острова: Кіу-сіу, Сякокфъ и Аваджи, а между ними простирается водная поверхность длиною въ 350 километровъ и шириною отъ 10 до 50 километровъ; она соединяется съ этой огромной и страшной водяной пустыней—Великимъ океаномъ—только узкими проливами. Вотъ это-то заключенное между четырьмя островами, водное пространство—и есть японское Средиземное море.

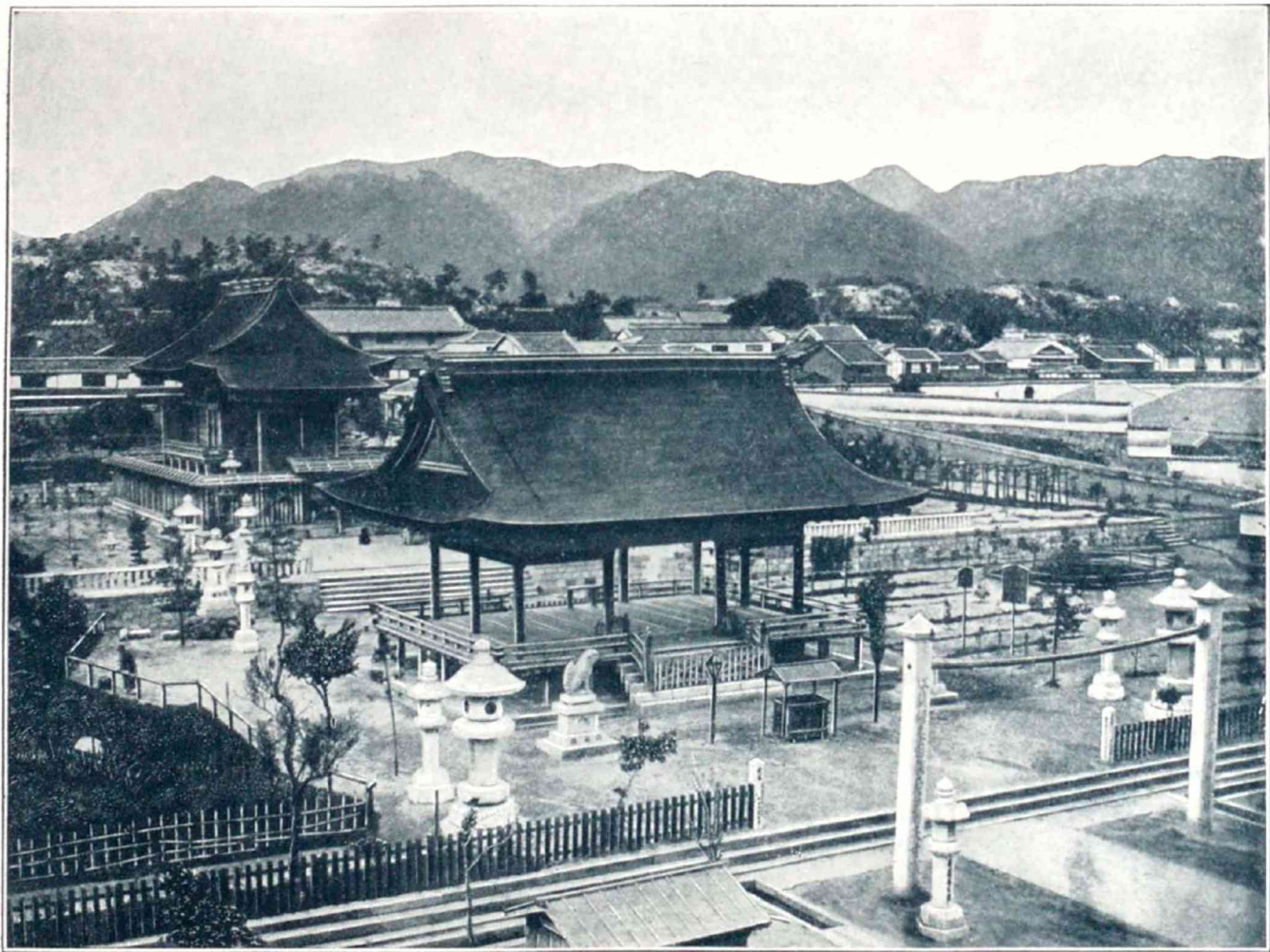
На моемъ пути изъ Нагасаки по направленію къ прославленному въ послѣднее время Симоносеки я читалъ на пароходѣ описанія Японіи, составленныя нѣкоторыми путешественниками, и невольно улыбался преувеличеннымъ похваламъ, расточаемымъ японскому Средиземному морю, преддверіе котораго какъ-бы составляетъ Симоносеки. Но дѣйствительность превзошла всякія описанія.

На долю Симоносеки приходится наименьшая доля красоты; это—ничто иное, какъ маленькій, скромный городокъ, который, главнымъ образомъ, состоитъ изъ единственной улицы, растянувшейся на протяженіи двухъ километровъ вдоль сѣвернаго берега Средиземнаго моря. Цѣлый лѣсъ мачтъ безчисленнаго количества парусныхъ судовъ заслонялъ его отъ нашихъ взоровъ.—Я воспользовался временной остановкой нашего парохода въ расположенной на противоположномъ берегу угольной станціи Моджи, сѣлъ въ легкій паровой катеръ, которымъ поддерживается сообщеніе между обоими берегами, и отправился осматривать Симоносеки. Симоносеки еще пока не коснулась европейская культура, и жители его живутъ и одѣваются точно такъ-же, какъ и до великой революціи. Европейцы рѣдко посѣщаютъ его и можно насчитать въ годъ не больше полудюжины туристовъ, останавливающихся въ одной изъ настоящихъ японскихъ гостинницъ. Позади мѣстечка, по направленію къ лѣсистымъ возвышенностямъ, каждый клочекъ земли застроенъ трудолюбивыми японцами. Единственно, что нарушаетъ эту мирную картину,—это безчисленные укрѣпленія съ грозно глядящими изъ нихъ жерлами пушекъ, расположенныя по обоимъ берегамъ Средиземнаго моря.

Симоносекскій проливъ своими живописными прибрежными горами и скалами и своимъ волненіемъ напоминаетъ мѣ Рейнъ, около Билгена. Ширина его, пожалуй, не многимъ больше Рейна, только извилины круче, такъ что большими морскими пароходами нужно здѣсь управлять особенно осторожно.

Когда я снова сѣлъ на пароходъ и двинулся въ дальнѣйшій путь, то уже послѣ двухчасового пути очертанія прекрасныхъ симоносекскихъ береговъ исчезли безслѣдно, и мы очутились въ уныломъ, широкомъ, безжизненномъ проливѣ Суво-Нада. Не прошло, однако, и двухъ часовъ, какъ передъ нашими глазами начали въ изобиліи появляться изъ глубины темносинихъ водъ прекрасные островки съ ярко-зеленымъ покровомъ, и всѣ слѣдующіе двадцать часовъ пути мы уже лавировали исключительно въ лабиринтѣ причудливыхъ, изящныхъ, небольшихъ островковъ Средиземнаго моря. Ихъ тутъ цѣлыя тысячи и, притомъ, всевозможныхъ величинъ; есть даже островки въ видѣ небольшихъ скалъ вышиною въ нѣсколько метровъ.—Всѣ эти островки необыкновенно живописны на видъ и такъ красиво сгруппированы, что, глядя на эту идеальную, красивую панораму, стоишь, какъ очарованный и не можешь глазъ отъ нея отвести. Всѣ пассажиры нашего парохода цѣлый день проводятъ на палубѣ и не могутъ оторваться отъ безпрестанно смѣняющихся картинъ и видовъ. Когда пришло время обѣда, то прислуга потеряла всякое терпѣніе, приглашая насъ къ столу звонкими и громкими ударами въ гонгъ.

И даже тогда, когда послѣ очаровательнаго, ежеминутно мѣняю-

Храмъ Нанко въ Кобе.

щагося освѣщенія солнце закатилось за горизонтъ, и на ясномъ безоблачномъ небѣ взошла луна и зажглись серебристыя звѣзды,—только немногіе рѣшились уйти въ свои каюты.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашъ пароходъ попадать какъ бы въ морскую котловину діаметромъ въ 10—20 километровъ, окруженную, казалось, со всѣхъ сторонъ непроницаемыми берегами. Высокія горныя цѣпи возвышались, какъ декорации, одяѣ позади другихъ; нѣкоторыя изъ нихъ покрыты густою растительностью, на другихъ-же видны только голыя верхушки вулкановъ. Обширное водное пространство пестритъ безчисленнымъ множествомъ парусныхъ судовъ старинной живописной конструкціи съ ослѣпительно-бѣлыми четырехугольными парусами; [плавно, какъ лебеди, скользятъ они, приближаясь къ нашему величественному пароходу.—Временами они проходятъ такъ близко отъ насъ, что мы имѣемъ возможность воочию убѣдиться въ идеальной чистотѣ этихъ вычищенныхъ до бѣла, а не раскрашенныхъ, какъ въ Китаѣ, судовъ. Между высоко вздымающимися надъ водой бортами большинства этихъ суденышекъ устроены небольшія палатки съ плетеными бамбуковыми стѣнами, и внутри ихъ располагаются пассажиры—цѣлыми семьями, видимо совершенно не обращая вниманія на безобразный черныи дымъ шумно-пылящаго огромнаго парохода, такъ безпощадно нарушающаго олимпійское спокойствіе этой единственной по своей красотѣ природы.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ, на нашемъ пути появляются стиснутые скалами узкіе проливы, напоминающіе своимъ сильнымъ и бурнымъ теченіемъ быстрые горные потоки. Пройдя, не безъ нѣкоторой опасности для парохода, эти мѣста,—мы снова попадаемъ въ живописныя группы острововъ. Ихъ вздымающіеся надъ голубыми волнами крутые склоны имѣютъ совершенно необычный видъ. Трудолюбивые жители повсюду, до самаго верха, сдѣлали параллельными рядами склоны и на устроенныхъ, такимъ образомъ, искусственныхъ террасахъ, возвели свои хуторки и деревушки. Параллельныя линіи такихъ террасъ, видѣются на каждомъ островѣ. Чистенькіе домики адѣшнихъ жителей ютятся, однако, не только на такихъ террасахъ, но и въ шумныхъ зеленыхъ долинахъ, наполовину скрытые въ тѣнистыхъ дубравахъ и рощахъ.

Мѣстами мы проѣзжаемъ такъ близко отъ береговъ, что можемъ, безъ всякаго труда, видѣть подробности скромной обстановки жилищъ туземныхъ обитателей. Изрѣдка мы встрѣчаемъ на берегу большіе города съ храмами, пагодами и снующими взадъ и впередъ судами. Небольшіе храмы и раки съ многочисленными ярко-красными портиками красуются и на самыхъ маленькихъ скалистыхъ островкахъ, обросшихъ живописными, фантастической формы, соснами, длинными, доходящими до воды вѣтви которыхъ приходятъ въ движеніе отъ поднятаго

нашимъ пароходомъ волненія. Надъ всей этой живописной, вѣчно-мѣняющейся картиной царятъ такой миръ и спокойствіе, что кажется съ наслажденіемъ тутъ сейчасъ и высадился бы, чтобы провести остатокъ своихъ дней среди этихъ счастливыхъ островитянь. Нѣкоторыя мѣста этого внутренняго моря напоминали мнѣ берега Азорскихъ острововъ или лежащіе на тысячи километровъ восточнѣе, въ центрѣ Великаго Океана,—Сандвичевы острова; въ другомъ мѣстѣ они напоминаютъ мнѣ Тысячи острововъ въ проливѣ св. Лаврентія, черезъ который я нѣсколько разъ проѣзжалъ, или же Puget-Sound въ далекой странѣ Вашингтона.

Острова, мимо которыхъ мы теперь проѣзжаемъ, представляли собою когда-то, вѣроятно, то-же, что и тѣ мирныя лѣсистыя островки американскаго внутренняго моря, которые и донынѣ населены индѣйцами. Но прошли уже цѣлыя тысячелѣтія, какъ ихъ коснулася культура, и именно это соединеніе разумной культуры съ идеальной природой придаетъ столько красоты этимъ мѣстамъ. Нѣкоторые изъ этихъ безчисленныхъ острововъ представляютъ собою святыни для японцевъ, какъ напримѣръ, островъ Міядзима, вблизи большого города Герошimy. Единственный по своей красотѣ паркъ съ гигантскими, старыми криптомеріями окружаетъ прекрасные храмы; эти деревья—великаны неприкосновенны, и ихъ не касается топоръ. Среди бродящихъ здѣсь пилигримовъ снуютъ и постоянные обитатели этого парка—ручные олени и ѣдятъ прямо изъ рукъ; по сохранившемуся еще до настоящаго времени старинному закону на этомъ священномъ островѣ не должно быть ни смерти, ни рожденія; поэтому, если ожидается одно изъ такихъ событій, то причастныхъ къ нимъ увозятъ отсюда.

Намъ, пассажирамъ, казалось, что время слишкомъ быстро идетъ впередъ; на слѣдующее утро мы съ сожалѣніемъ увидѣли, что приближаемся къ цѣли нашего путешествія и что одновременно съ этимъ расстаемся и съ Средиземнымъ моремъ: передъ нашими глазами на горизонтѣ уже вырисовывается бѣлый городъ—Кобе. Но, къ счастью, благодаря сильно развитому туземному коммерческому флоту, всемірному путешественнику представляется не одинъ случай посѣтить острова Средиземнаго моря и пожить тамъ нѣкоторое время. Конечно, туземные пароходы—не европейскаго характера. Только корпусъ и машина европейскіе, все-же остальное—японское; и путешественникъ долженъ довольствоваться на нихъ болѣе, чѣмъ скромной японской кухней, а если онъ хочетъ зайти въ свою каюту, то долженъ сначала снять съ себя обувь, точно такъ же, какъ если бы онъ заходилъ въ японскій домъ. Но съ какимъ удовольствіемъ приносишь въ жертву привычный комфортъ, лишь бы только посѣтить это восточно-азиатское Лаго-Маджіоре и провести нѣсколько недѣль безмятежнаго счастья на самыхъ прекрасныхъ островахъ земного шара.

Хотя послѣ Иокोगамы Кобе считается самымъ большимъ и наиболѣе посѣщаемымъ портомъ царства Микадо и даже самымъ интереснымъ мѣстомъ Японіи,—однако, на насъ этотъ городъ произвелъ непріятное впечатлѣніе, точно мы спустились съ Олимпа въ прозаическій міръ и дѣловую суету Европы. Кобе, дѣйствительно, представляетъ собою какъ-бы уголокъ Европы, перенесенный на берегъ самаго большаго японскаго острова Гоядо; уголокъ этотъ, правда, очень красивъ:—нѣчто вродѣ Риньеры, Ментоня или Вордингеры. Вокругъ оживленной бухты, по которой снуютъ взадъ и впередъ сотни пароходовъ и парусныхъ судовъ, видѣется красивая, широкая улица, засаженная деревьями и газонами и застроенная, со стороны города, ослѣпительно-бѣлыми, величественными постройками, въ центрѣ которыхъ развѣвается черно-бѣло-красный флагъ на зданіи германскаго консульства.

Въ южной части этого ряда домовъ видѣется вдающаяся далеко въ бухту коса съ маломъ; она образовалась изъ наносныхъ камней и ила, занесенныхъ сюда теченіемъ полповодной рѣки Минадогава, образующей здѣсь, у своего устья, границу между Кобе и другимъ японскимъ городомъ—близнецомъ Кобе—Хіого. Но, строго говоря, тутъ не можетъ быть рѣчи о границѣ, такъ какъ оба эти города давно уже слились въ одинъ общими интересами и дѣловыми сношеніями, и оба берега рѣки Минадогава, когда-то разъединявшіе оба города, превращены теперь въ прекрасные парки,—любимое мѣсто гулянья, какъ европейцевъ, такъ и японцевъ.

Кобе представляетъ собою образчикъ чисто-американскаго роста города, чѣмъ отличаются, впрочемъ, и многіе другіе города Японіи со времени великой революціи. Всего сорокъ лѣтъ назадъ на пустынномъ мѣстѣ близъ маленькаго городка Хіого, предназначеннаго японцами для европейской колоніи, появился первый европейскій поселенецъ, а въ настоящее время Кобе и Хіого насчитываютъ, вмѣстѣ, уже около двухъсотъ тысячъ жителей. Въ Кобе, какъ и въ Иокогамѣ, есть англійскій и нѣмецкій клубы, прекрасныя, большія гостиницы вполнѣ европейскаго типа, различныя кружки и феррейны и очень значительная торговая дѣятельность. Улицы Кобе, по своей ширинѣ и чистотѣ, превосходятъ даже Иокогаму. Въ центрѣ этого городка, такъ живо напоминающаго своимъ видомъ города южной Европы,—въ прежнія времена было пустое пространство, гдѣ совершался судъ и расправа. Земля пропиталась въ этомъ мѣстѣ кровью не одной сотни жертвъ, по угламъ площади вбиты были высокіе шести, на которые надѣвались отрубленные головы, добыча коршуновъ. Въ настоящее время эта площадь превращена въ прекрасный паркъ, позади котораго расположены на окружающихъ Кобе возвышенностяхъ виллы европейцевъ, конторы или магазины которыхъ находятся на набережной. Всякому, побывавшему въ этомъ прелестномъ, оживленномъ портовомъ городѣ, и сравнивающему

его съ какимъ-нибудь европейскимъ портомъ, покажется, что число его европейскихъ жителей простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Однако же, въ дѣйствительности, оно не доходитъ и до восьмисотъ, включая сюда женщинъ и дѣтей. Во время моего пребыванія тамъ, въ красивомъ городскомъ концертномъ залѣ давался концертъ; вся аудиторія была полна дамами въ самыхъ элегантныхъ туалетахъ и мужчинами во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, такъ что можно было подумать, что находишься въ Вѣнѣ или въ Берлинѣ, но никакъ не у нашихъ антиподовъ. Очень удовлетворительный мѣстный оркестръ аккомпанировалъ иностраннымъ артистамъ, и публика съ энтузіазмомъ аплодировала произведеніямъ Брамса и Шумана. Какъ днемъ на улицахъ, такъ вечеромъ въ клубахъ жизнь бьетъ ключемъ; особенное оживленіе замѣтно въ этихъ элегантныхъ мѣстахъ въ тѣ часы дня, когда въ портъ приходятъ иностранныя военныя суда, что бываетъ тутъ довольно часто. Моя комната въ гостинницѣ „Оріенталь“ выходила окнами какъ разъ къ находящемуся по сосѣдству нѣмецкому клубу, и я могъ бы много поразсказать о веселомъ времяпрепровожденіи европейской колоніи. Раньше трехъ часовъ ночи я никогда не могъ уснуть; горсть благородныхъ германцевъ, попивая на террасѣ клуба пѣнистое мюнхевское пиво, производила такой шумъ, какой бываетъ только на вечерахъ гимнастическихъ кружковъ въ большихъ городахъ. Большинство здѣшнихъ европейцевъ,—если они не посланники или не миссіонеры,—купцы и торговцы чаемъ и шелкомъ.

Я съ особеннымъ интересомъ пошелъ осматривать одно изъ заведеній для просушки чая, гдѣ сотни японокъ за ничтожную подневную плату, подсушиваютъ чайныя листья на горячихъ противняхъ. Всѣ онѣ въ растегнутыхъ кофтахъ и съ голыми руками, и такъ стоятъ онѣ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера возлѣ своихъ печекъ и перекладываютъ руками грязновато-зеленые листья, имѣющіе сбытъ по преимуществу въ Сѣверной Америкѣ.

Самое лучшее, что есть въ Кобе,—это его окрестности. Непосредственно за городомъ вадымается цѣлый рядъ горъ, возвышающихся на нѣсколько сотъ метровъ надъ уровнемъ моря; среди нихъ есть даже одна гора, названная горой Бисмарка благодаря тремъ тощимъ деревцамъ, растущимъ на ея голой вершинѣ. По этимъ горамъ тянутся прекрасныя мѣста для прогулокъ и пригородныхъ Экскурсій, ведущія къ тѣнистымъ лѣсамъ, храмамъ и чайнымъ домамъ. Самая пріятная прогулка — по направленію къ знаменитому водопаду Нунобики, вблизи котораго часто можно видѣть ползающихъ по деревьямъ большихъ обезьянъ. У этого водопада можно видѣть иногда, особенно въ праздничные дни, любопытныя сценки изъ японской жизни. Въ лужайкахъ, у подножья водопадовъ, купаются голые мужчины и женщины вмѣстѣ, съ трогательной непринужденностью. Въ чайныхъ домахъ

танцуютъ майко и поютъ гейши подъ звуки неизбежнаго самизена. Стоитъ только дѣвушкамъ увидѣть меня, или вообще какого-нибудь европейца, — какъ начинается монотонное пѣніе. И хотя бы вы сотни разъ раньше видѣли танецъ дѣвушекъ, тысячу разъ слышали бречанье японской гитары, вамъ, все-таки, придется опять смотрѣть и слушать. Ничего не подѣлаешь:—Японія, вѣдь, страна пѣнія и танцевъ.

Іокогама.

Важность и значеніе современной Японіи на международномъ торговомъ рынкѣ, легкость, съ которою она въ послѣднія тридцать лѣтъ примкнула къ европейской культурѣ и усвоила себѣ европейскую промышленность, дѣлають вполне вѣроятнымъ то предположеніе, что число пока еще немногихъ торговыхъ городовъ Японіи, открытыхъ для европейцевъ, скорѣе значительно увеличится. Однако-же, число живущихъ въ Японіи европейцевъ, едва-ли доходившее и въ лучшія времена до четырехъ тысячъ, въ послѣдніе годы скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается; особенно послѣ новаго договора съ европейскими державами, въ силу котораго европейцы въ Японіи всецѣло подчинены японскимъ законамъ, и консульская юрисдикція уничтожена.

Въ общемъ въ Японіи, до 1898 года, было семь городовъ, открытыхъ для европейцевъ (т. е. въ семи городахъ имъ было разрешено имѣть свои собственные дома для жилья), и всѣ находящіеся тамъ бѣлые люди, главнымъ образомъ, англичане и американцы, распредѣляются въ странѣ до настоящаго времени слѣдующимъ образомъ:

Въ Іокогамѣ	около 1800 чел.
„ Токио	„ 900 „
„ Кобе	„ 900 „
„ Нагасаки.	„ 400 „
„ Осака	„ 150 „
„ Хакодате.	„ 63 „
„ Ніигатѣ	„ 10 „

Изъ числа всѣхъ этихъ иностранцевъ около 2100 человекъ приходится на долю англичанъ, 1000—на долю американцевъ, 600—нѣмцевъ и 500—на долю французовъ.

Если принять во вниманіе, что большую половину этихъ иностранцевъ составляютъ христіанскіе миссіонеры, а изъ остальныхъ 2000 — нѣсколько сотъ человекъ служатъ въ посольствахъ своихъ странъ или числятся на государственной службѣ въ самой Японіи,—то окажется, что только немногимъ болѣе 1000 европейцевъ занимаются въ Японіи торговлей.

Главнымъ центромъ европейской торговли съ Японіей служить Іокогама; она-же и самая многочисленная европейская колонія въ царствѣ микадо.

Суда всѣхъ крупныхъ пароходныхъ компаній, поддерживающія сношенія между Европой, восточною Азіей, Америкой и Японіей, обязательно заходятъ сюда. Іокогама—это дверь въ Японію не только для иностранныхъ торговцевъ и туристовъ, но и для самихъ японцевъ; это гавань столицы страны—Токио и, благодаря близости къ Токио, она можетъ считаться какъ-бы предмѣстьемъ послѣдняго. Да такъ оно на самомъ дѣлѣ и есть, особенно для европейцевъ Іокогамы и Токио, составляющихъ какъ-бы единое, нераздѣльное общество. Такъ, на всякомъ торжествѣ, устраиваемомъ въ одномъ городѣ, европейцы, живущіе въ другомъ, принимаютъ живѣйшее участіе, и между обоими городами круглый годъ не прекращаются сношенія.

Европейцевъ здѣсь, сравнительно съ массой туземнаго населенія, однако, весьма немного, и если кто пріѣзжаетъ сюда впервые на одномъ изъ большихъ пассажирскихъ пароходовъ Ллойда изъ Китая, или на прекрасномъ кораблѣ Канадскаго Тихоокеанскаго Общества изъ Сѣверной Америки,—тотъ сразу и не замѣтитъ здѣсь вовсе пребыванія европейцевъ.

Первое впечатлѣніе пріѣзжаго при взглядѣ на живописныя красоты морскихъ береговъ этого восточно-азиатскаго рая, на чужеземныя суда, сгущающія по темно-синимъ водамъ гавани, усѣянныя многочисленными, оригинальными островками, таково, точно оны, послѣ продолжительнаго и однообразнаго путешествія по морю, очутились на другой планетѣ. Это впечатлѣніе еще больше крѣпнеть въ немъ, когда, еще до входа въ іокогамскую гавань, предъ его восхищеннымъ взоромъ неожиданно появляется лежащая далеко позади Іокогамы священная гора Фуджіама, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ,—этотъ японскій Олимпъ, грозный и страшный во время изверженія, необыкновенно изящный въ спокойное время. Коническая вершина этого вулкана, покрытая большую часть года снѣгомъ, рѣзко выдѣляется на фонѣ чисто-итальянскаго неба и по своему своеобразію и величественности напоминаетъ мнѣ другую гору—великана западнаго полушарія—мощную Орицабу въ Мексикѣ. Какъ эта послѣдняя, Фуджіама указываетъ морскимъ путешественникамъ путь своей сіяющей вершиной. Послѣ Фуджіамы на горизонтѣ показывается ближе къ востоку, второй величественный вулканъ—вѣчно дымящаяся Ошима на островѣ Фриэ. Передъ глазами удивленнаго путника развертываются, далѣе, необыкновенно живописные берега Токиосскаго залива; пароходъ точно пересѣкаетъ бухту Миссисипи съ ея крутыми, лѣсистыми, живописными скалами и, наконецъ, подвигается, уже въ виду Іокогамы, среди сотенъ судовъ всякаго рода, начиная съ чужеземныхъ броненосцевъ и кончая хрупкими японскими сампанами, стоящими на якорѣ на разстояніи почти километра отъ берега. Нашъ пароходъ—какъ и тотъ, что появляется на театральныхъ подмосткахъ въ третьемъ актѣ „Африканки“ Мейербера—сейчасъ-же наполняется темно-

кожими туземцами, которые, однако, пришли вовсе не для того, чтобы расправиться съ мирными путешественниками; наоборотъ, всё они привѣтливо улыбаются, даютъ адреса гостинницъ, портныхъ, сапожниковъ и торговцевъ рѣдкостями. Три самыя лучшія гостинницы Іокогама, къ счастью, увозятъ своихъ пассажировъ на собственныхъ паровыхъ катакахъ, а о багажѣ заботятся ихъ коммиссіонеры. На пристани, устроенной совсѣмъ по-европейски, стоятъ, какъ и у насъ, дрожки, сотни „курума“, удобныя двухколесныя кресла въ одно мѣсто; кули, являющійся въ одно и то-же время и кучеромъ и лошадыю, привозитъ насъ очень скоро на совершенно европейскую улицу, къ совершенно европейской гостинницѣ „Grand Hôtel“.

Первое, что въ Іокогамѣ особенно бросается въ глаза прїѣзжему, это полное отсутствіе непріятныхъ, шумныхъ и грязныхъ атрибутовъ нашихъ европейскихъ портовъ: здѣсь нигдѣ не видно высокихъ, мрачныхъ амбаровъ, дымящихъ и пытящихъ локомотивовъ, паровозовъ рельсовыхъ путей, телѣгъ для перевозки тяжестей, грязныхъ улицъ съ интернаціональной публикой, специальныхъ матросскихъ кабаковъ и мелочныхъ лавченковъ. Іокогама съ моря похожа скорѣе на какой-нибудь изъ нашихъ морскихъ курортовъ—Остенде или Нордерней. Нельзя себѣ также представить, что это одинъ изъ самыхъ значительныхъ портовъ и торговыхъ рынковъ большаго материка; можно скорѣе подумать, что это мѣстопробываніе зажиточныхъ европейцевъ, расположившихся здѣсь, какъ на Ривьерѣ, чтобы пріятно провести время среди прекрасной природы. Тысячи богатыхъ американцевъ и англичанъ, разѣзжающихъ по бѣлу-свѣту въ погонѣ за удовольствіями, мелькаютъ тутъ въ теченіи круглаго года; сотни европейскихъ переселенцевъ изъ Восточной Азіи, преимущественно изъ Шанхая, Гонконга, изъ Бангкока и Сингапура, проводятъ лѣто со своими семействами въ Японіи, и Іокогама является центральнымъ пунктомъ,—сборнымъ мѣстомъ этого фешенебельнаго общества.

Но, при всемъ томъ, этотъ вполне европейскій городъ царства микадо представляетъ собою что-то совершенно новое. Не далѣе, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, Іокогама извѣстна была только нѣсколькимъ дипломатамъ, и то въ лишь качествѣ жалкой рыбацкой деревушки, какою она была въ то время, съ какою нибудь парою сотенъ жителей. Японское правительство назначило ее европейцамъ для устройства колоніи. Въ то время еще никто, вѣроятно, и предвидѣть не могъ, что черезъ четыре десятилѣтія эта рыбацкая деревушка превратится въ большой городъ съ 200.000 жителей, со всемірной гаванью почти въ два милліона тоннъ и съ торговымъ оборотомъ въ полтора мѣста милліоновъ іенъ.

Іокогама расположена на совершенно ровномъ и плоскомъ островѣ, возвышающемся только на нѣсколько метровъ надъ уровнемъ моря. Съ

востока этот остров омывается водами Токиосскаго залива, а съ остальныхъ трехъ сторонъ онъ отрѣзанъ отъ берега искусственными водными путями—каналами. Этотъ островъ, длиною въ два километра и шириною въ одинъ километръ, дѣлится на двѣ части бульваромъ, застроеннымъ красивыми европейскими зданіями, окаймленными палисадниками, садами, садами и парками. Сѣверная часть его занята японцами, а южная европейцами.

Храмовая роша въ Азакузѣ.

Можно было бы подумать, что европейцы, прожившіе здѣсь столько лѣтъ, перенали кое что изъ симпатичной и поэтической культуры японцевъ, которая такъ нравится европейцамъ. И, дѣйствительно, у всякаго туриста, пріѣзжающаго въ Японію впервые, является желаніе перенять и усвоить что либо отъ японцевъ, такъ какъ онъ отлично сознаетъ много преимуществъ японской культуры передъ умѣренной, дѣловой и расчетливой культурой Европы. Но первыми переселенцами здѣсь были англичане. А Джонъ Вуль вездѣ остается вѣрнымъ самому себѣ, какъ на берегахъ Темзы, такъ и у антиподовъ. Его цивили-

лизація приросла къ нему такъ-же прочно, какъ часть его собственнаго тѣла, и онъ всюду таскаетъ ее за собою. Англичане начали дѣло, другіе народы слѣдовали за ними и, такимъ образомъ, здѣсь образовался совершенно европейскій городъ съ прямыми, хорошо вымощенными и прекрасно освѣщаемыми улицами, застроенными каменными домами въ европейскомъ стилѣ, съ магазинами, книжными торговлями, банками, аптеками, великолѣпными гостиницами, клубами, церквями, редакціями газетъ. Путешествуя по Іокогамѣ, можно было-бы вообразить себя въ Плимутъ или въ Пенцансъ, если бы на улицахъ не мелькали японскіе слуги, рабочіе и нищіе.

Воатѣ вышеупомянутаго бульвара Ниппонъ-о-дори съ зданіями почтамта и нѣсколькихъ консульствъ начинается самая красивая улица Іокогамы—Бондъ. Это совершенно прямая усаженная деревьями аллея, которая тянется на протяженіи дѣлаго километра вдоль берега моря, какъ Promenade des Anglais въ Ниццѣ, и застроена домами только со стороны города. Однако здѣсь, точно такъ-же, какъ и на другихъ улицахъ, находящихся за улицей Бондъ (Bond),—расположены гостиницы, клубы, консульства и дѣловые конторы. Но это Сити—дѣловая часть Іокогамы—бываетъ оживлено только днемъ. Большая часть европейцевъ живетъ въ Блѣффѣ, находящемся южнѣе острова Іокогамы на материкѣ Ниппона. Очень круто надъ моремъ вздымается здѣсь плато, вышиною въ пятьдесятъ метровъ, откуда открывается со всѣхъ сторонъ чудный видъ на широкій заливъ, на окружающіе его живописные берега и на виднѣющіяся вдаль цѣпи горъ средней Японіи съ возвышающеюся надъ ними Фуджіямой. Кто захочетъ взобраться по крутой дорогѣ, усыпанной японскими достопримѣчательностями и магазинами, на Блѣффъ (Bluff), тотъ, уже спустя нѣсколько минутъ, очутится въ прекрасномъ дачномъ мѣстѣ,—какъ-бы миниатюрномъ Гомбургѣ,—также европеизированномъ, какъ и дѣловая часть города у подножія Блѣффа. Каждая изъ выстроенныхъ въ новѣйшемъ стилѣ виллъ окружена садомъ, въ которомъ богатая флора Японіи, поддерживаемая искусными садовниками изъ туземцевъ, достигла высшей роскоши, особенно въ обширномъ общественномъ паркѣ Bluff-Garden, позади котораго находится даже мѣсто скачекъ, какъ въ Гудвудѣ или Эпсомѣ. Здѣсь же, на высотѣ, въ чащѣ величественныхъ камфарныхъ деревьевъ и японскихъ сосенъ, находятся германскій и англійскій госпитали, кладбище и множество миссій. Какъ въ торговой части внизу, такъ и въверху, въ Блѣффѣ, около трехсотъ домовъ,—и всѣ съ садами. Здѣсь живутъ Іокогамскіе купцы съ семействами въ прекрасныхъ домахъ, комфортабельно устроенныхъ въ европейскомъ стилѣ, но съ прислугой исключительно японской или китайской. Хотя въ Іокогамѣ доходы европейцевъ далеко не такъ велики, какъ въ Шанхаѣ или Гонконгѣ, но зато здѣсь жизнь дешевле. Китайцы—самые честные и вѣрные слуги, японцы очень привѣтливы

и притомъ прекрасные повара, такъ что въ Іокогамѣ европейскимъ дамамъ гораздо легче вести хозяйство, и холостяку можно тоже хорошо устроиться. Въ здѣшнихъ домахъ любятъ повеселиться; устраиваются иногда парадные обѣды, танцы, вечера, а о приготовленіяхъ заботятся необыкновенно находчивые японскіе слуги. У нихъ хорошія отношенія съ ихъ коллегами въ другихъ домахъ; и если гдѣ нибудь не хватаетъ мяса или рыбы, то недостающее занимается у коллеги, и очень часто случается такъ, что гость, приглашенный къ знакомому, видитъ тамъ, къ своему удивленію, свои собственные приборы, тарелки и блюда.

Въ Іокогамѣ, такъ же, какъ и въ Кобе, очень своеобразная нумерація домовъ. Всѣ главныя улицы имѣютъ свои названія, а отдѣльные торговые дома—носятъ названія своихъ фирмъ; но дома здѣсь нумерованы не по порядку улицъ, а въ томъ порядкѣ, какъ они строились, т. е. въ хронологическомъ; такимъ образомъ, и въ Сити и въ Блѣффѣ всего 300 номеровъ, причемъ въ Блѣффѣ, напримѣръ, возлѣ 99 номера находится номеръ 251, а противъ 115-го—185-й и 165-й. Тутъ, по возможности, стараются придерживаться нумераціи, такъ какъ здѣсь она имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ европейскихъ городахъ. Объясняется это тѣмъ, что почти никто изъ здѣшнихъ посыльныхъ, носильщиковъ, почтальоновъ и проч. не умѣетъ, какъ слѣдуетъ, прочесть европейскія фамиліи и имена (не вѣрно выговариваютъ); поэтому то въ здѣшнемъ обиходѣ принято обозначать фирмы и проч. номерами. Здѣшніе купцы печатаютъ на своихъ бланкахъ и визитныхъ карточкахъ свой номеръ и адресъ для телеграммъ, но—ни названія улицы, ни фамиліи домовладѣльца. А, напримѣръ, здѣшніе курума, или приказчики изъ японцевъ—называютъ европейцевъ попросту:—„господинъ номеръ 3“ или „госпожа 10-й номеръ“. Другаго имени они не признаютъ.

Насколько въ Іокогамѣ дешевы всякаго рода жизненные припасы, настолько же здѣсь дешевы и способы передвиженія. Большинство европейцевъ имѣютъ своихъ собственныхъ „курума“, стоящихъ имъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ и жалованьемъ кули, около десяти іентъ ежемѣсячно, т. е. двадцать пять германскихъ марокъ (одиннадцать—двѣнадцать рублей). Частные экипажи, съ кучеромъ и лошадыю, обходятся здѣсь всего лишь около ста марокъ въ мѣсяцъ; поэтому ѣзда здѣсь въ большомъ ходу. Вся живущая здѣсь небольшая группа европейцевъ и американцевъ всѣхъ націй ведетъ очень свѣтскій образъ жизни; дѣлами занимаются только втеченіе нѣсколькихъ часовъ въ день и то больше въ тѣ дни, когда приходившіе пароходы привозятъ и увозятъ почту.

Вечера проводятся у знакомыхъ, или въ обоихъ клубахъ; по временамъ тутъ устраиваются концерты и театральныя представленія разными бродячими труппами, а если ихъ нѣтъ, то, вѣдь, и въ самой Іокогамѣ есть кружки любителей пѣнія, оркестровой музыки, игры въ

крокетъ, верховой ѣзды и гребной гонки, такъ же, какъ въ любомъ европейскомъ городѣ, хотя число всѣхъ адѣшнихъ жителей едва достигаетъ тысячи человекъ. Тутъ есть даже городской оркестръ изъ японскихъ музыкантовъ въ мундирахъ; и въ тѣ вечера, когда этотъ оркестръ играетъ во время обѣда въ саду Grand Hôtel'я,—въ залахъ этой гостиницы царить такое оживленіе, какъ въ самомъ фешенебельномъ ресторанѣ Пиккадилли: дамы разодѣты въ балльные платья, а мужчины—сплошь въ черномъ и въ бѣлыхъ галстукахъ.

Эта свѣтская жизнь—можетъ быть, даже чересчуръ элегантная—была бы, въ смыслѣ содержательности, гораздо интереснѣе и живѣе, если бы адѣшніе европейцы не раскололись на нѣсколько замкнутыхъ кружковъ. Такъ, напримѣръ, многочисленное общество адѣшнихъ американо-протестантскихъ миссіонеровъ съ ихъ женами не имѣютъ почти никакихъ сношеній съ адѣшнымъ купечествомъ и служащими при посольствахъ. Точно также англичане отдѣляются отъ американцевъ, тѣ и другіе—отъ нѣмцевъ. Только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время скачекъ, при гребныхъ и парусныхъ гонкахъ, въ концертахъ и проч. всѣ собираются вмѣстѣ.

Японцы совершенно отсутствуютъ въ европейскомъ обществѣ. У нихъ своя часть города, и они живутъ тамъ такъ же, какъ и во всякомъ другомъ провинціальномъ городѣ Японіи. Но, благодаря безпрестаннымъ сношеніямъ съ европейцами, они переняли у послѣднихъ нѣкоторыя вѣдшія стороны, и, главнымъ образомъ,—нѣкоторыя принадлежности костюма: шляпы, обувь и зонтики. Благодаря постоянному общенію съ грубоватыми и безцеремонными англійскими и американскими туристами, они лишились, въ значительной степени, своей природной привѣтливости; мѣстные рынки примѣнились къ вкусамъ этихъ путешественниковъ, справедливо нелюбимыхъ постоянными жителями адѣшной европейской колоніи. Хотя адѣшніе магазины очень изобилуютъ товарами, но всѣ вещи въ нихъ расчитаны, главнымъ образомъ, на вкусы этихъ путешественниковъ, и тутъ ужь рѣдко увидишь старинныя японскія произведенія искусства. Тѣмъ не менѣе, обѣ главныя улицы японской части города—Вентень-дори и Гондшо-дори—самыя оживленныя и интересныя во всей Японіи. Знаменитая улица Исеакихо—самая широкая и оживленная улица Іокогамы, съ пятью большими театрами, балаганами для стрѣльбы въ цѣль, акробатами и разсказчиками сказокъ, съ хорошими японскими ресторанами и чайными домами—любимое мѣсто для прогулокъ у европейцевъ и очень популярная у туземцевъ—въ 1899 году сдѣлалась жертвой огня. Красивые базары сгорѣли до тла, и взоръ мой безпрепятственно окидывалъ сплошныя развалины отъ вокзала до греческой церкви, гдѣ раньше стояли высокіе дома и жили тысячи людей. Сгорѣли такъ же аданіе главной полиціи, большая школа Іошида, банкъ Музаши и кирпичный заводъ.

Отъ остальныхъ домовъ, которые были выстроены изъ дерева, остались лишь каменные очаги да черепицы отъ крышъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стояли дома, вездѣ вывѣшены полиціей дощечки съ написанными на нихъ фамиліями домовладѣльцевъ, дабы они могли въ обломкахъ искать тѣ предметы, которые устояли противъ огня. Въ нѣсколько часовъ погибло въ огнѣ 3300 домовъ, много было человѣческихъ жертвъ, а убытки простирались до многихъ миллионовъ.

Къ счастью, уцѣлѣли другія части города, хотя и имъ угрожала опасность.

Японская часть города Іокогамы очень мало цѣнится европейцами; хотя я посѣтилъ много городовъ въ царствѣ микадо, но въ Іокогамѣ я, тѣмъ не менѣе, нашелъ очень многое, достойное вниманія, особенно на вѣчно-оживленной Театральной улицѣ, съ ея безчисленными выставками товаровъ, театрами и вообще развлеченіями всякаго рода. Притомъ-же и окрестности Іокогамы—истинно-райской красоты; весь ландшафтъ, на много миль въ окружности, представляетъ собою выхоленное барское имѣніе съ прекрасными храмами въ рощицахъ, съ красивыми, чистенькими деревушками, жители которыхъ живутъ съ патриархальной простотой. Тутъ-же недалеко находится и Камакура съ ея знаменитой колоссальной статуей Будды изъ бронзы и ея древними храмами, Иношима съ ея морскими купаньями, Атами съ горячими источниками, а тамъ дальше—Гаконейскія горы съ озеромъ того-же названія и Міаношитою;—самымъ фешенебельнымъ купальнымъ курортомъ, гдѣ проводятъ лѣто со своими семьями живущіе въ Восточной Азіи европейцы.

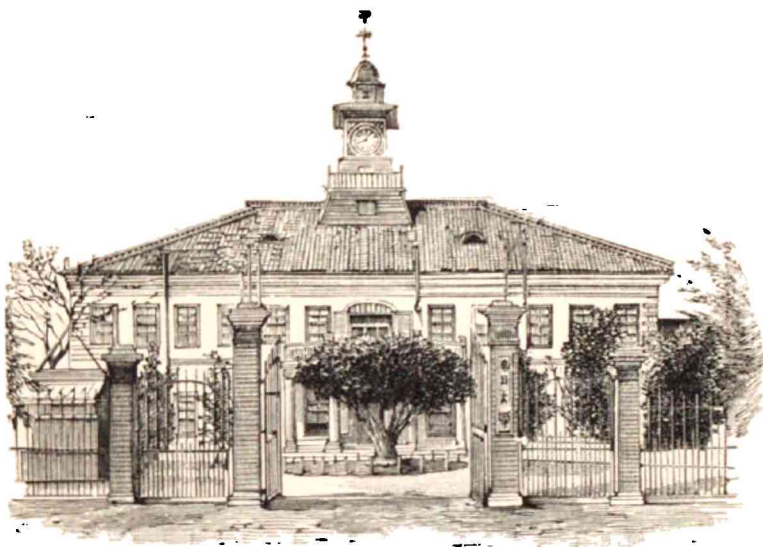
Такимъ образомъ, какъ читатели видятъ, западные пионеры живутъ въ далекой Японіи очень недурно, не испытываютъ особеннаго недостатка въ развлеченіяхъ и удобствахъ, какія есть въ нашихъ европейскихъ городахъ; они даже имѣютъ тутъ свои газеты. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ число жителей не превышаетъ населенія любой нѣмецкой деревни, выходятъ четыре ежедневныхъ газеты, и всѣ на англійскомъ языкѣ.

Хотя по числу жителей нѣмцы занимаютъ второе мѣсто послѣ англичанъ и американцевъ, тѣмъ не менѣе, у нихъ еще нѣтъ своей собственной газеты; но за-то одна изъ англійскихъ еженедѣльныхъ газетъ — „Восточный свѣтъ“ („The Eastern World“), издаваемая нѣмцемъ г. Шредеромъ, горячо заступаетъ за интересы нѣмцевъ въ Японіи, а иногда даже помѣщаетъ у себя нѣмецкія статьи. Какъ могутъ существовать всѣ четыре англійскія ежедневныя газеты, выходя въ количествѣ отъ *шестидесяти* до *ста* экземпляровъ, нашимъ европейскимъ издателямъ покажется загадочнымъ; вѣроятно, тоже самое кажется и японскимъ редакторамъ-издателямъ. При всемъ томъ, эти газеты въ смыслѣ содержанія, очень интересно составлены и заключаютъ въ себѣ самыя важныя телеграфическія извѣстія изъ Европы.

Въ настоящее время европейская колонія подлѣжитъ вѣдѣнію японской администраціи и уже не представляетъ собою одной изъ своеобразныхъ республикъ, во главѣ которой стоятъ консулы и самые уважаемые купцы, какъ это обусловлено въ международныхъ трактатахъ съ китайцами. Гордые англійскіе купцы, пѣмецкіе резервные офицеры, кичливые янки и туристы всѣхъ странъ изъ аристократическихъ классовъ общества, будь то министръ, или генералъ, — всѣ одинаково подчинены теперь маленькимъ косоглазымъ и некрасивымъ японцамъ, и эти послѣдніе, надо правду сказать, пользуются данной имъ властью во вредъ европейцамъ. Туземное судопроизводство оставляетъ желать лучшаго, и число жалобъ на несправедливости все растетъ. Тутъ опять Англія, чтобы упрочить торговныя преимущества своихъ корыстолюбивыхъ купцовъ, принесла въ жертву свою рассовую гордость и согнулась передъ желтой рассой.

Относительно пошлннъ и несправностей почтоваго вѣдомства также много пишутъ, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, въ японскихъ газетахъ и во всемъ обвиняють чиновниковъ. Даже офиціозная газета „Japan Mail“ (японская почта) присоединилась къ этимъ жалобамъ.

Токиоскій университетъ.

Столица царства Микадо.

Хотя Японію и называютъ то Англіей, то Франціей азіатскаго Востока, но столица ея, Токио,—вовсе не можетъ быть названа азіатскимъ Парижемъ. Я убѣжденъ, что ореди всѣхъ путешественниковъ, побывавшихъ въ столицѣ царства микадо за тѣ сорокъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ она открыта доступу иностранцевъ,—вѣроятно всѣ, за исключеніемъ очень и очень немногихъ, испытали полное разочарованіе отъ этой бывшей резиденціи сіюгуновъ. По своей величинѣ и по количеству своихъ жителей, Токио, правда, можетъ сравниться съ Парижемъ; но по своему однообразію—это скорѣе азіатская Филладельфія, по незаконченности—Чикаго, а по своей общей фیزیономіи—это, можетъ быть, самый безобразный и бѣдный городъ на всемъ земномъ шарѣ.

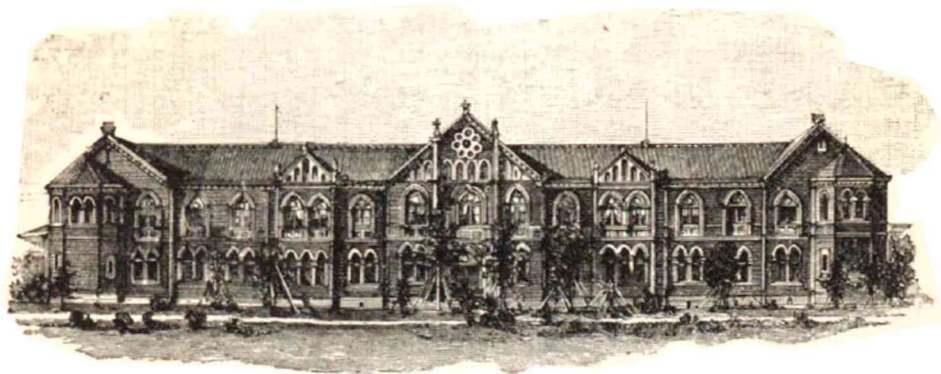
Всякій иноземецъ, пріѣзжающій впервые въ Токио, представляетъ себѣ этотъ городъ, какъ средоточіе европейскіхъ знаній и центръ иноземной культуры. До извѣстной степени, это и вѣрно; но попробуйте убрать отсюда тѣ двадцать слишкомъ европейскіхъ памятниковъ и виллъ, выстроенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе на берегахъ Сумидогавы, и знаменитый Токио,—эта столица Дальняго Востока, превратится, въ скверную деревушку. Напрасно будете вы здѣсь искать блестящихъ, оригинальныхъ построекъ, какъ въ древнихъ городахъ Индіи, или въ столицахъ Персіи, Египта, Сіама, Бирмы, или даже въ нѣкоторыхъ китайскихъ городахъ. Токио даже не можетъ быть названъ однимъ изъ

красивѣйшихъ и интересныхъ городовъ въ своей собственной странѣ. А что касается мѣстоположенія его и окрестностей, то я считаю Нагасаки гораздо живописнѣе, а прежнюю столицу Японіи—Киото гораздо интереснѣе. Въ Киото японскіе дворцы гораздо роскошнѣе, въ Никко-храмы красивѣе, въ Нагойѣ-улицы красивѣе, въ Осакѣ-жизнь и промышленность подвижнѣе. Въ Токио только жителей больше и населенность плотнѣе, чѣмъ въ другихъ японскихъ городахъ, притомъ это самый извѣстный и наиболѣе посѣщаемый городъ, въ виду того, что онъ служитъ мѣстопребываніемъ императора и является правительственнымъ и административнымъ центромъ. Своимъ расположеніемъ и постройками Токио производитъ очень неблагоприятное впечатлѣніе. Это уже не японскій городъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще не европейскій; онъ переживаетъ теперь очень невыгодное для себя переходное время; когда это время пройдетъ, то эта древняя, чисто японская столица сіюгоуи превратится въ самый обыкновенный городъ, вродѣ Милеаполиса или Омаги, или вродѣ какого нибудь другого города американскаго запада. Во всякомъ случаѣ, это превращеніе произойдетъ только съ внѣшней стороны, такъ какъ, по счастью, у Японцевъ достаточно здраваго ума, чтобы противостоять, и съ успѣхомъ, европейскому вліянію. И только именно это столкновеніе двухъ совершенно различныхъ культуръ и дѣлаетъ въ настоящее время Токио такимъ интереснымъ и достойнымъ вниманія. Какая изъ этихъ двухъ культуръ одержитъ верхъ?—теперь еще ничего нельзя сказать. Давленіе сверху здѣсь очень сильно; правительство дѣйствуетъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи значительными средствами; аристократія и капиталисты страны дѣйствуютъ за одно съ нимъ, частью изъ умнаго расчета, частью по симпатіи и убѣжденію. Но на внутреннюю жизнь народа они, къ счастью, еще не имѣютъ значительнаго вліянія; японцы, въ общемъ, какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ, гдѣ касается обычаевъ и костюмовъ, остались такими-же, какими были и до европоманія правительства. Токио—это единственный городъ въ царствѣ микадо, гдѣ можно видѣть японскую жизнь въ европейской рамкѣ не только въ настоящее время, но еще многіе годы. Токио находится у устья рѣки Сумидогавы, широкой мелководной бухты Теддо, но ея болотистые берега не допускаютъ къ нему большихъ морскихъ пароходовъ. Морская гавань Токио—это лежащая въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу Иокогама, съ которой его соединяетъ построенная по европейскому образцу желѣзная дорога. Отъ Сумидогавы идетъ широкій каналъ къ холмистой части города, гдѣ расположилось цѣлое море домовъ, причемъ каналъ этотъ образуетъ собою два концентрическихъ круга или кольца.

Во внутреннемъ кольцѣ находятся дворцы и сады императорской резиденціи, а во внѣшнемъ—городскіе кварталы съ главными правительственными учрежденіями, посольства, дворцы и виллы сановниковъ

и туземной аристократіи. Наконецъ, за предѣлами этого круга, соединеннаго съ Сумидогавой и моремъ каналами,—тянутся большія убогія деревни, постепенно слившіяся другъ съ другомъ и превратившіяся постепенно въ предмѣстья Токио.

Японцы выстроили себѣ деревни и дома въ далекихъ долинахъ, находящихся въ центрѣ цѣпи окружающихъ прежнее Іеддо горъ; эти послѣднія остались неприкосновенными при новыхъ постройкахъ и не лишились и до сихъ поръ своего украшенія—прекрасныхъ лѣсовъ. Они образуютъ парки и рошцы при храмахъ и составляютъ гордость и украшеніе Токио. Если бы старый Ходжо Уджичума, устроившій здѣсь крѣпость въ 1624 г. на болотистой землѣ, среди маленькихъ разбросанныхъ деревушекъ, вернулся снова къ жизни,—какъ удивился бы онъ, если бы увидѣлъ на мѣстѣ своей крѣпости одинъ изъ

Зданіе юридическаго факультета въ Токио.

самыхъ значительныхъ городовъ земнаго шара; еще больше удивился бы онъ тому, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его домъ, живетъ самъ микадо. Власть и имущество рода Ходжо уничтожены были первымъ сіогуномъ Іеясси, превратившимъ въ 1698 году маленькую крѣпость Іеддо въ свою резиденцію. Но даже и это обстоятельство еще не такъ сильно способствовало-бы быстрому росту и расцвѣту Іеддо, если бы сіогуны не заставили своихъ князей-феодаловъ проводить часть года въ непосредственной близости съ ними. Не особенно ладящіе другъ съ другомъ и слишкомъ слабые для того, чтобы устоять противъ власти сіогуна изъ богатаго рода Токугава, эти дайміосы принуждены были выстроить вокругъ укрѣпленной резиденціи сіогуна дома для себя и для своей челяди; и, такимъ образомъ, въ кольцѣ между первымъ и вторымъ каналомъ образовалось Іашики изъ трехсотъ съ лишнимъ дайміосовъ. Каждый изъ этихъ дайміосовъ пріѣзжалъ сюда ежегодно со свитой иногда въ нѣсколько тысячъ самураевъ (воиновъ); ѣхали они по главному шоссе Японіи, по Токайдо, въ Іеддо. Впереди

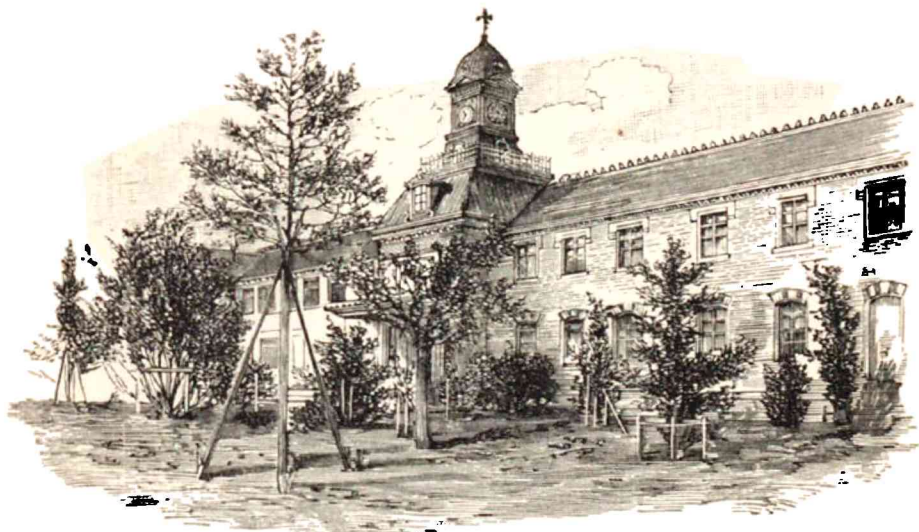
этого блестящаго поѣзда шель герольдъ и, размахивая вѣеромъ, кричать народу: „Шита-пи-ору“ (на колѣни!). По прибытіи въ резиденцію сіюгуна, даймюсы, вмѣстѣ со своими семействами и войскомъ, селились въ Іашики; если-же они, по повелѣнію сіюгуна, отправлялись на войну, то семьи свои они должны были оставлять сіюгуну въ качествѣ заложниковъ.

Это соединеніе всей анати страны въ Іеддо дѣлало этотъ городъ все богаче и многочислнѣе, и когда, наконецъ, послѣ кровопролитной борьбы, власть сіюгуна была сломана, и Іеддо, переименованное въ Токио, превратилось въ столицу страны и резиденцію императора, оно достигло еще большаго развитія, хотя еще далеко не дошло до своего апогея. Но все это произошло за счетъ живописныхъ красотъ стараго Іеддо, отъ котораго въ настоящее время осталось очень мало слѣдовъ; достаточно было пройти двумъ десяткамъ лѣтъ, чтобы стереть все это съ лица земли.

Когда изъ Іокогамы приѣзжаешь теперь, послѣ часового пути по желѣзной дорогѣ, въ Токио, то попадаешь на самый людной, вполне европейскій вокзалъ, вродѣ Лейпцигскаго, съ тою только разницею, что тутъ, вмѣсто запряженныхъ лошадьми экипажей, стоятъ, въ ожиданіи сѣдоковъ, рикши, ручныя тележки, въ которыя запрягаются японскіе кули. Но даже и эти рикши до нѣкоторой степени европеизированы. Кули носятъ синія куртки, плотно-облегающіе панталоны и круглыя шляпы, а на рикшахъ номера, какъ на нашихъ экипажахъ; швейцаръ (portier), въ европейской ливреѣ, несетъ багажъ. Вы катите по широкимъ улицамъ мимо магазиновъ съ европейскими вывѣсками и европейскими же товарами и, наконецъ, подъѣзжаете къ окруженной садомъ гостинницѣ „Imperial“—по японски „Тайкоку Хотеру“; эта гостинница могла бы находиться въ Висбаденѣ или Трувилѣ, и тамъ она считалась бы однимъ изъ элегантнѣйшихъ каравансараевъ. Даже прежнія хорошенькія маленькія „mesans“,—прислуживающія вездѣ въ настоящихъ японскихъ гостинницахъ, принесены въ жертву культурѣ, и вмѣсто нихъ явились лакеи. Вы спите въ совершенно европейской комнатѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ, обѣдаете въ великолѣпномъ залѣ, вамъ подаютъ европейскія блюда, и за весь пансіонъ вы платите, со всѣми накладными расходами,—отъ двѣнадцати до семнадцати германскихъ марокъ въ сутки. Изъ оконъ этого отеля,—самаго элегантнаго не только въ Токио, но и во всей Японіи,—вы видите немногимъ болѣе, чѣмъ въ гостинницѣ „Аудитори“ въ Чикаго; предъ вашими глазами разстилаются большія незастроенныя равнины съ разбросанными кое гдѣ трехъ—или четырехъ-этажными дворцами, пустынные улицы безъ всякихъ построекъ и длинные ряды телеграфныхъ столбовъ съ натянутыми на нихъ сотнями проволокъ. Я самъ сосчиталъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ до пятисотъ штукъ. Даже при первомъ осмотрѣ города,

предметами котораго служить обыкновенно императорскій дворецъ и зданіе посольства, вы напрасно будете искать все то, что носить чисто японскій характеръ.

На широкихъ благоустроенныхъ улицахъ стоятъ газовые фонари, тамъ и сямъ видѣется европейская вилла, окруженная садами:—это жилище какого-нибудь японскаго принца или иностраннаго посланника; на перекресткахъ улицъ стоятъ маленькіе, вѣжливые полицейскіе въ европейскихъ мундирахъ, часто съ очками на носу; люди, снующіе по улицамъ, одѣты, по большей части, такъ-же, какъ мы; экипажи, кареты, военные—все, какъ въ Европѣ. Мосты, переброшенные черезъ каналы и рвы, могли бы быть и на Шпрее, и когда я немного позже, по

Первая гимназія въ Токио.

одному случаю, явился представляться къ микадо во дворецъ, то я и тамъ увидѣлъ нѣсколько комнатъ, устроенныхъ по европейски, совсѣмъ какъ во дворцѣ какого-нибудь властелина Стараго Свѣта. Вблизи моей гостиницы находился клубъ—„Рокумей-Квагъ“, устроенный по образцу Ст.-Джемса или Гросеноръ, съ билліардной, читальней и игорной комнатою, въ которыхъ маленькіе японскіе франты въ парижскихъ костюмахъ говорили по-французски или играли въ вистъ. Единственное, что напоминаетъ здѣсь прогуливающемуся по городу европейцу о томъ, что онъ ходитъ по тѣмъ самымъ мѣстамъ, гдѣ прежде властвовали сіогуны и жили дайміосы,—это циклопическія укрѣпленія, окружающія резиденцію императора. Болѣе величественными бастионами едва-ли обладаетъ еще какая нибудь крѣпость въ мірѣ. Эти стѣны, немного вогнутыя, вышиною отъ тридцати до сорока метровъ, составлены изъ такихъ огромныхъ плитъ, что нужно только удивляться, какъ могли

эти маленькіе человѣчки нагромождать ихъ въ такой массѣ безъ помощи машинъ или какихъ нибудь другихъ новѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ, распространенныхъ у насъ въ Европѣ. Вдоль этихъ стѣнъ тянется ровъ шириною, а мѣстами и глубиною, отъ пятидесяти до шестидесяти метровъ; надъ нимъ потрудились не одна сотня тысячъ людей въ теченіи многихъ лѣтъ. Поверхность воды во рвахъ бываетъ лѣтомъ покрыта цвѣтомъ лотоса, а надъ ними на валахъ растутъ огромныя старыя пиніи самой причудливой формы, съ длинными, достигающими земли, вѣтвями. Во время моего пребыванія въ Токио, я больше всего любилъ гулять по этимъ тѣнистымъ, живописнымъ валамъ; рѣдко встрѣчать я тамъ людей, и на улицахъ—по другую сторону вала—я почти не видѣлъ движенія, за исключеніемъ одного раза, когда въ послѣбѣдненное время тамъ происходили пышныя похороны умершаго англійскаго посланника, котораго провожало множество военныхъ.

Неужели это тотъ самый городъ, который такъ картинно описывался тридцать лѣтъ тому назадъ саромъ Рутерфордомъ Олькокомъ и Лауренсомъ Олифантомъ? Токио далеко опередилъ это описаніе, и то что не только тридцать, но даже десять лѣтъ тому назадъ писалось о немъ, теперь уже не вѣрно. Гдѣ все то, что описывать Олькокъ слѣдующимъ образомъ:

„Черезъ каждые сто шаговъ мы входимъ въ ворота, которыя запираются ночью при первомъ сигналь о появленіи воровъ или днемъ во время какихъ нибудь безпорядковъ, въ то время, какъ жалкая го, родская стража помѣщается вблизи, въ отведенномъ ей помѣщеніи:—на ея обязанности лежитъ слѣдить за спокойствіемъ вѣреннаго ей квартала. Какъ только мы входимъ въ ворота, часовые выскакиваютъ изъ своихъ будокъ; они вооружены длинными шестами, на верхнемъ концѣ которыхъ висятъ желѣзныя кольца. Они сильно ударяютъ этими шестами объ землю, такъ что кольца звенятъ:—это они, по своему, отдають намъ честь“.

Ничто подобное случалось мнѣ видѣть во время моихъ путешествій по Китаю и Корей, но въ Токио я искалъ бы этого съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ Чикаго.

А Олифантъ, посѣтившій Токио въ шестидесятыхъ годахъ, пишетъ:

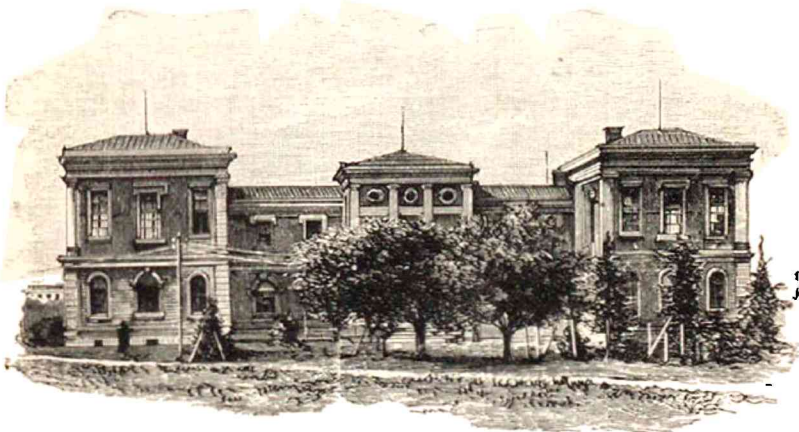
„Каждая улица отдѣляется отъ другой воротами, и отъ однихъ воротъ до другихъ насъ провожаетъ толпа любопытныхъ. Какъ только мы входимъ въ какія нибудь ворота,—ихъ запирають, и вся толпа народа остается позади и продолжаетъ смотрѣть на насъ съ любопытствомъ черезъ рѣшетки воротъ. Между тѣмъ, вокругъ насъ собирается новая толпа, провожающая насъ до слѣдующихъ воротъ. Всѣ боковыя улицы, примыкающія къ главной, отдѣлены перетянутыми поперекъ канатами, и никто не пробуетъ перескочить черезъ нихъ или пролѣзть подъ ними“.

На берегу Средиземного моря (Хіого).

Гдѣ же теперь эти ворота, эти канаты, гдѣ любопытныя толпы народа? Я бродилъ по самымъ отдаленнымъ частямъ города, и никто не обращалъ на меня никакого вниманія.

А гдѣ Іашики, эти сотни дворцовъ даймюсовъ, широкимъ кольцомъ окружавшихъ дворецъ сіюгуна? Они также принесены въ жертву новымъ вѣяніямъ. Достаточно было пройти нѣсколькимъ годамъ, чтобы ихъ уничтожить и на ихъ мѣстѣ оставить пустынные равнины, на которыхъ начинаютъ появляться признаки современнаго Токио. Эта равнина, занимающая площадь въ нѣсколько квадратныхъ километровъ широкимъ кольцомъ окаймляетъ императорскіе дворцы и во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ мнѣ площади въ нѣкоторыхъ европейскихъ городахъ, преимущественно въ Вѣнѣ, образовавшіеся послѣ сня-

Физическій кабинетъ Токиосскаго университета.

тія крѣпостныхъ валовъ и гласисовъ. Кое гдѣ еще попадаются скрытые среди аданій европейскаго стilia постройки прежнихъ даймюсовъ. Одинъ изъ такихъ оригинальныхъ дворцовъ находится позади гостиницы „Имперіаль“. По своему влѣшнему виду онъ похожъ на конюшню; и, дѣйствительно, сохранившіеся донинѣ даймюскіе дворцы служатъ теперь лишь казармами и конюшнями для современной японской кавалеріи. Но прежніе гербы даймюсовъ замѣнены изображеніями хризантема, —нынѣшнимъ государственнымъ гербомъ. Іашики не представляли собою тѣхъ замковъ и укрѣпленій съ крѣпостными стѣнами, башнями, вышками и балконами, какими владѣли аристократы и патриціи въ нашихъ странахъ и особенно въ Италіи и Испаніи. Японцы заботились объ архитектурныхъ украшеніяхъ только на своихъ храмахъ и пагодахъ, а ихъ жилые дома всегда отличались простотой и такими же остались до настоящаго времени. Они представляютъ собою приземистыя деревянныя постройки, безъ единой капитальной стѣны, и съ прикрѣпленной къ деревяннымъ сваямъ крышей. Стѣны состоятъ изъ

деревянныхъ рѣшетокъ и бумажныхъ рамъ. Длинныя наружныя постройки Іашики служили прежде квартирами двумечникамъ, т. е. вооруженной стражѣ даймюсовъ, и казались сдѣланными изъ камня. Но они также сдѣланы изъ дерева и только оштукатурены цементомъ. Въ своей резиденціи даймюсы имѣли большіе многоэтажные дома, но въ столицѣ они жили просто.

Поэтому-то японскія части города, лежащія внѣ обоихъ колецъ каналовъ, имѣютъ видъ деревень. Около трехсотъ тысячъ домиковъ расположилось на площади, равной по своей величинѣ Парижу, и образуетъ запутанную сѣть улицъ и переулковъ; только новыя кварталы, выстроенныя вокругъ устья Сумидогавы на отвоеванномъ у моря болотистомъ берегу, разбиты на правильные квадраты, на манеръ американскихъ. Тамъ же находится и кварталъ иностранцевъ — „Тскиджи“ съ немногими живущими въ немъ купцами, множествомъ миссіонеровъ и церквей. Въ нынѣшней свободной „европейской“ Японіи запрещено было европейцамъ, вплоть до 1898, жить въ столицѣ по своему произволу; только европейцы, бывшіе на службѣ у японскаго правительства, пользовались преимуществомъ жить въ самомъ Токио, всѣ же другіе должны были жить въ Тскиджи. У насъ, въ Европѣ, въ прежнія столѣтія такъ поступали съ евреями и теперь еще кое гдѣ такъ же поступаютъ въ отношеніи цыганъ. И европейскія державы спокойно переносили такое отношеніе желтыхъ, косоглазыхъ монголовъ къ представителямъ самой гордой расы земнаго шара.

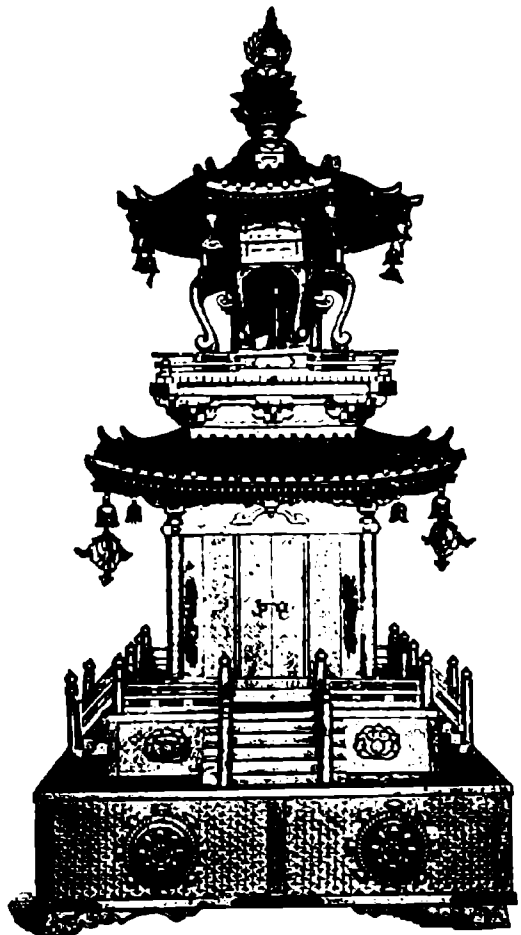
Въ однообразной и убогой уличной суматохѣ Токио замѣтны послѣдніе годы большій порядокъ. Японскіе „Гаусмапы“ могутъ не заботиться объ упраздненіи дѣлыхъ кварталовъ и объ устройствѣ новыхъ улицъ и аллей; имъ значительно облегчаютъ трудъ многочисленные опустошительные пожары, случающіеся здѣсь каждый годъ и уничтожающіе всякій разъ тысячи домовъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ одного пожара въ Токио, послѣ котораго тысячи домовъ обратились въ пепелъ; нельзя, однако, сказать, чтобы это произвело особую сенсацію. Всѣ эти домики изъ бумаги и дерева горятъ, какъ спичечныя коробки, и какъ только гдѣ-нибудь начинается пожаръ, то пожарные и не думаютъ тушить его, заботясь только о томъ, чтобы онъ не распространился дальше, для чего разрушаютъ всѣ окружающія постройки. „Цыѣтокъ Іеддо—это огонь“,—говоритъ одна старая японская пословица, и, дѣйствительно, жители Токио никогда не увѣрены въ цѣлости своихъ домовъ. У многихъ имѣются въ запасѣ другія балки и остоны крыши для новаго дома на случай бѣды. И если у японца сгоритъ домъ, то можете быть увѣрены, что къ вечеру другого дня у него уже будетъ готовъ новый.

Всякій разъ послѣ того, какъ пожаръ уничтожаетъ нѣсколько улицъ или кварталовъ, на мѣсто пропавшаго являются городскія власти и регулируютъ или расширяютъ сѣть улицъ; такимъ образомъ, теперь

тамъ есть нѣсколько прямыхъ широкихъ улицъ, по которымъ даже проходятъ уже конки. Самыя интересныя и оживленныя улицы въ Токио—это Джинза и Накадари: онѣ тѣмъ интересны, что тамъ тянется магазинъ за магазиномъ подъ-рядъ, и все они наполнены всяческими японскими издѣліями, рѣдкостями и старинными вещами. У японцевъ есть обычай, согласно которому извѣстныя отрасли торговли помѣщаются въ опредѣленныхъ улицахъ или округахъ такъ же, какъ у китайцевъ. Въ этихъ торговыхъ и промышленныхъ кварталахъ дома ничуть не выше и не лучше, чѣмъ вездѣ, но японскіе купцы, проученные пожарами, помѣщаютъ свои самыя цѣнныя товары въ каменныхъ домикахъ съ черепичными крышами и желѣзными ставнями.

Все это однообразное, густое, безцвѣтное и убогое море домовъ въ Токио прерывается мѣстами маленькими холмиками съ густою растительностью, среди которой прячется небольшой храмъ, посвященный какому нибудь божеству. Но главное, что отличаетъ Токио отъ всѣхъ другихъ городовъ Японіи, это два прекрасныхъ парка—Шибя и Уено съ ихъ огромными старыми криштомеріями и соснами, съ длинными аллеями, усаженными яблонями, съ священными рощицами вокругъ храмовъ и съ прудами, усыянными цвѣтами лотоса.

Великолѣпные храмы, со множествомъ неописуемыхъ украшеній и съ великолѣпнымъ убранствомъ, хранятъ въ себѣ не только гробницы сіюгуновъ, но также гробницу древне-японскаго искусства. Правда, въ Токио имѣются теперь высшія школы, госпитали, библіотеки, музеи, арсеналы и фабрики,—предметъ гордости для японцевъ, но все это благопріобрѣтенія, усвоенныя ими отъ чужеземцевъ. За то ихъ врожденное творчество и результатъ любви и пониманія природы,—ихъ искусство, бывшее когда-то въ расцвѣтѣ своихъ силъ,—все это

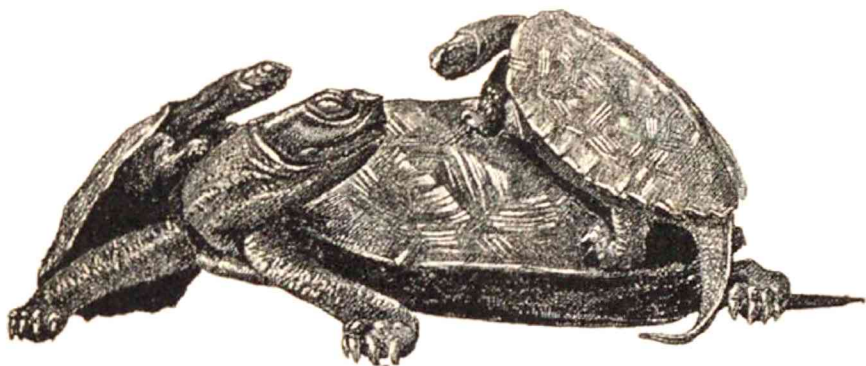
Японскій алтарь.

японцы принесли въ жертву современной наукѣ, не проронивъ ни одной слезы сожалѣнія. Всякій, кто прогуливался по рощицамъ, гдѣ стоятъ храмы, подъ своеобразными арками мимо длинныхъ рядовъ каменныхъ и бронзовыхъ фонарей, поставленныхъ когда-то дайміосами въ память сіюгуновъ, и, наконецъ, всякій посѣтитель гробницъ и посвященныхъ разнымъ богамъ храмовъ поневолѣ испытываетъ, наряду съ восхищеніемъ, глубокое сожалѣніе о погибшей великой культурѣ, которой современный японецъ не понимаетъ и не сочувствуетъ.

Но въ Токио еще есть кое что изъ прежней неподдѣльной Японіи, что, надо надѣяться, сохранится благодѣтельнымъ Провидѣніемъ еще долгое время на радость и удовольствіе посѣтителей изъ восточныхъ и западныхъ странъ:—на противоположной сторонѣ великолѣпнаго парка Уено, у подножія увѣнчаннаго величественными криптомеріями холма, расположилось это своеобразное дѣтище выродившихся японскихъ обычаевъ,—именно Іошивара съ ея веселыми домами, посвященными Венерѣ. Сюда-же примыкаетъ кварталъ Азакузы самой интересной токіоской достопримѣчательности.

Многояэтажная каменная башня, пережившая уже нѣсколько опустошительныхъ землетрясеній, представляетъ собою признакъ Азакузы, или самого Токио. Вокругъ этой башни раскинуты въ большихъ рощахъ самые величественные храмы города: Хонгванъи—храмъ, посвященный богинѣ милосердія Куанонъ, и буддійскій храмъ Сенгоджи. Объ эти замѣчательныя зданія, съ ихъ оригинальными изображеніями боговъ, съ надписями, картинами и безчисленнымъ множествомъ молящихся, разбилось упорство американскихъ баптистовъ, методистовъ, унитаріевъ, пресвитеріянцевъ и многихъ другихъ миссіонеровъ. Вокругъ этихъ храмовъ расположилось безчисленное множество магазиновъ съ витринами, чайные дома, театры;—все это постоянно оживлено, особенно въ дни многочисленныхъ праздниковъ, когда тысячи пышно-разодѣтыхъ японцевъ съ женами, мусмѣ и дѣтьми высыпаютъ и принимаютъ участіе въ народныхъ празднествахъ, которыя, по своему своеобразію и оригинальности, представляютъ для европейца гораздо больше интереса, чѣмъ стереотипныя копіи европейскихъ университетовъ, арсеналовъ, кококъ, газовыхъ заводовъ, которыми такъ хвастаютъ современные японцы передъ европейцами.

Японскій императоръ и его дворъ.

Во главѣ всѣхъ, отстаивавшихъ интересы Японіи въ продолженіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій, стоятъ Мутсу-Гито, нынѣ царствующій императоръ. Гибель сіюгуновъ, водвореніе во главѣ правленія старинной династіи, введеніе европейской культуры, устройство новой арміи и флота, конституція,—однимъ словомъ, все это удивительное, безпримѣрное въ исторіи превращеніе Японіи изъ прежней деспотической, феодальной страны въ современное передовое государство съ западной цивилизаціей,—все это приписывается въ Европѣ инициативѣ японскаго императора.

Если это дѣйствительно такъ, то Мутсу-Гито можетъ считаться самымъ замѣчательнымъ не только изъ ста двадцати двухъ императоровъ своей династіи, но даже значительнѣйшей личностью въ исторіи. Поэтому особенно интересно ближе познакомиться съ такой личностью. Уже одно то, что сто двадцать третій членъ одной и той же династіи занимаетъ тронъ, и что его генеалогическое дерево беретъ свое начало съ 660 г. до Р. Х., т. е. 2602 года тому назадъ,—одно это дѣлаетъ его интересной личностью.

При ближайшемъ знакомствѣ обстоятельства выясняются иначе. Въ Японіи далеко не такъ строго придерживались правилъ престолонаслѣдія, какъ у насъ въ Европѣ. Наслѣдникъ престола избирался изъ толпы сыновей, родившихся отъ наложницъ, а иногда на тронъ возводились даже женщины. Нерѣдко императоръ выбирать себѣ въ наслѣдники и усыновлялъ сына ближайшей къ трону аристократической семьи.

Въ японской исторіи были, правда, случаи, когда тронъ переходилъ отъ отца къ сыну, но эти случаи были крайне рѣдки. Въ первыя столѣтія существованія этой династіи, родоначальникомъ которой считается Иму-Тенно—сынъ неба,—императоръ былъ самодержавнымъ властелиномъ; позже стали пользоваться вліяніемъ и властью нѣкоторые члены семьи, изъ ближайшихъ ко двору; онѣ постепенно перетянули на свою

сторону все правительство, и вскорѣ императоры превратились въ безвольныхъ куколъ, которые сажались на тронъ, по произволу правящихъ регентовъ, еще совершенными дѣтьми и изгонялись, какъ только достигали зрѣлаго возраста и могли стать опасными для узурпаторовъ. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе микадо Го-Ню (1302—1308 гг.) было одновременно въ живыхъ еще четыре микадо: во первыхъ, онъ самъ, царствовавшій съ семнадцати до двадцати трехъ лѣтъ; затѣмъ его четыре предшественника: Го - Фукакуза, вступившій на престолъ четырехъ лѣтъ

отъ роду и оставившій его на семнадцатомъ году своей жизни, конечно не по своей волѣ; затѣмъ Камеяма, царствовавшій отъ одиннадцати лѣтъ до 21 - го года; Го-Уда, бывшій царемъ съ восьми до двадцати одного года и, наконецъ, пятый микадо, Фушима, показался министрамъ совсѣмъ не подходящимъ и поэтому, будучи провозглашенъ императоромъ, когда ему было двадцать три года, онъ въ томъ-же году былъ свергнутъ съ престола. Изъ этого видно, что въ прежней Японіи такъ-же часто мѣняли императоровъ, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ мѣняютъ теперь министровъ.

Когда послѣдніе сіюгуны Имму Тенно, родоначальникъ японскихъ микадо. изъ знаменитаго рода Токугава захватили власть въ свои руки, то японскимъ микадо оказывали всевозможныя почести, соотвѣтствовавшія ихъ сану; но въ то-же время они были окончательно устранены отъ власти и были, въ сущности, только плѣнниками, но даже не въ золотой кліткѣ. Благодаря особой милости императора, мнѣ разрѣшено было осмотрѣть въ Кіото, бывшей столицѣ Японіи, дворцы, въ которыхъ жили предшественники нынѣ царствующаго императора и онъ самъ въ молодые годы.

Въ обширныхъ и однообразныхъ деревянныхъ дворцахъ съ широкими верандами и бумажными стѣнами было еще меньше великолѣпія, чѣмъ во дворцахъ ихъ подданныхъ—сіюгуновъ. Здѣсь проводили всю свою жизнь японскіе микадо, отрѣзанные отъ внѣшняго міра, невидимые, въ полномъ невѣденіи относительно величія и своеобразія своей

Изображенія Будды.

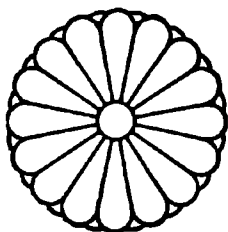
страны. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ покидали они стѣны своего дворца, и то въ наглухо закрытыхъ и завѣшанныхъ экипажахъ—паланкинахъ. Ихъ жены и придворная свита составляли единственное общество, въ которомъ они проводили время съ первыхъ дней вступленія на престолъ и вплоть до самой смерти. Только куги и дайми-осы, т. е. самая высшая знать и аристократія страны, допускались—и то въ рѣдкихъ случаяхъ—въ тронный залъ, чтобы выразить сыну Солища свои пожеланія или вѣрноподданническія чувства. Они падали на колѣни лицомъ къ землѣ и въ такой позѣ лежали въ одномъ концѣ зала, въ то время какъ микадо сидѣлъ на тронѣ на противоположной сторонѣ. Но что представлялъ собою этотъ тронъ! Это была палатка, похожая по своему внѣшнему виду и по величинѣ на самую маленькую изъ нашихъ лагерныхъ палатокъ, но только изъ бѣлаго шелка. Внутри ея, на деревянномъ полу, лежалъ соломенный матрацъ, а на немъ сидѣлъ съ подобранными ногами сынъ Солища. Во время аудіенціи сверху спускалась еще плотная занавѣска, чтобы ни одинъ смертный не могъ видѣть священнаго лика „сына неба“.

Нынѣ царствующій императоръ такимъ-же образомъ принимаетъ когда-то своихъ князей, и если бы кто-нибудь въ Японіи осмѣлился тогда сказать, что черезъ четверть вѣка этотъ самый властелинъ будетъ на выставкѣ въ Токио собственноручно раздавать награды въ присутствіи многихъ тысячъ своихъ подданныхъ и что онъ, вмѣстѣ съ императрицей, откроетъ вновь устроенное зданіе парламента, или будетъ въ своихъ новомодныхъ европейскихъ дворцахъ давать обѣды и празднества (Garden-party),—то этого дерзкаго предсказателя заперли бы въ сумасшедшій домъ.

Дѣйствительно, все это кажется просто невѣроятнымъ и читается, какъ фантастическая японская сказка. Но самымъ невѣроятнымъ изъ всего этого кажется то, что императоръ Мутсу-Гито, видѣвшій до шестнадцатилѣтняго возраста очень немногихъ постороннихъ людей, впервые покинувшій, семнадцати лѣтъ отъ роду, свой дворецъ и увидѣвшій тогда, въ первый разъ, своими глазами зеленныя рисовыя поля, лѣсистыя горы, деревни и города, что этотъ самый императоръ, спустя немного лѣтъ, образовать армію по европейскому образцу, ввелъ европейскую культуру и европейское платье среди своихъ вѣрноподданныхъ, а въ 1889 году далъ даже своей странѣ конституцію на манеръ европейской.

Всѣ эти нововведенія приписываются въ Европѣ личной энергіи и благоразумію императора, но это не совсѣмъ такъ. Способствовали возникновенію такого ошибочнаго взгляда на роль Мутсу-Гито тѣ понятія, которыя у насъ имѣются о нашихъ государяхъ. Въ Европѣ правители имѣютъ свою индивидуальность, тогда какъ въ Японіи микадо, по справедливому опредѣленію Чемберлена, только царь, но не пра-

витель. У него даже нѣтъ имени, которое могли бы произносить его подданные. Послѣ смерти онъ будетъ называться „Мейи“, т. е. „Просвѣщеніемъ“, потому что онъ далъ его своей странѣ. Всѣ предписанія, нововведенія, мѣропріятія идутъ отъ лица императора, но, во всякомъ случаѣ, не онъ инициаторъ ихъ. Да и было бы совершенно невозможно ожидать, чтобы императоръ, не видѣвшій, наиримѣръ, ни разу, за всю свою жизнь, открытаго моря и не побывавшій никогда ни на одномъ изъ своихъ кораблей, устроитъ, по своему собственному почину, военный флотъ по образцу европейскаго; или чтобы онъ, не видѣвшій никогда никакого другого солдата, кромѣ самурая (двумечника) въ своей свѣтѣ во время побѣдокъ въ Токио,—призвалъ въ Японію нѣмецкихъ штабныхъ офицеровъ для обученія своей новой арміи тактикѣ и стратегіи.

Конечно, японскому императору нельзя отказать въ одной заслугѣ передъ своей страной и народомъ, а также передъ торжествомъ нашей европейской культуры: онъ сумѣлъ окружить себя энергичными, умными и дальновидными людьми, оказать имъ полное довѣріе и оставить ихъ на прежнихъ постахъ даже послѣ того, какъ они не только урѣзали его власть, но даже принудили его спуститься съ его божественной высоты къ людямъ и сдѣлаться самому человѣкомъ. Для этого нужно много душевнаго величія, пониманія и ума, т. е. такихъ душевныхъ и умственныхъ качествъ, какими азіатскіе властелины отличаются весьма рѣдко.

Вмѣсто того, чтобы поддаваться настроеніямъ общественнаго мнѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ, Мутсу-Гито всегда самъ первый подавалъ примѣръ; онъ приказывалъ, и первый повиновался своему приказу. Если государь подчиняется необходимости принести въ жертву своеобразную тысячелѣтнюю культуру своей страны, чтобы привить себѣ и своему народу совершенно чуждые и вначалѣ никому несимпатичныя культурныя оковы, то его подданные должны слѣдовать за нимъ. Самые умные и образованные изъ нихъ дѣлали это изъ убѣжденія, а большая часть подчинялась волѣ царя, послушаться котораго, по старымъ традиціямъ, было немислимо. Только благодаря авторитету и его полубожественному положенію, идея котораго сохранилась за императоромъ отъ прежнихъ временъ, совершился тотъ переворотъ, который рѣшили произвести японскіе государственные люди. Какъ въ Германіи и Италіи, такъ и въ обновленной Японіи, рядомъ съ императоромъ нужно назвать и его сотрудниковъ; на первомъ планѣ стоитъ графъ Ито, японскій Бисмаркъ, за нимъ слѣдуютъ Ямагата, Инуе, Ямада, Аоки, оба Сайго, Курода, Мутсу, Охама, Окубо, Йошида и Терашима. Всѣ они—истинные создатели новой, „западной“ Японіи,—люди, воодушевленные любовью къ отечеству, стече-

ные, благородные, не преслѣдующіе личныхъ цѣлей; они заботятся о возвеличеніи своего отечества, а не о своемъ. Счастлива страна, въ которой есть такіе люди!

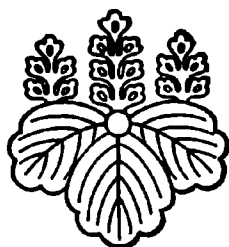
Нынѣшній императоръ родился 3 ноября 1852 г. и вступилъ на престолъ 13-го февраля 1866 года, послѣ смерти своего отца. Спусти два года, т. е. 9-го февраля 1868 года онъ вступилъ въ бракъ съ Гарукой, третьей дочерью куга (князя) Ихіо Тадака, родившейся 28 мая 1850 года и бывшей, такимъ образомъ, двумя годами старше императора. 15-го апрѣля 1868 года августѣйшіе супруги покинули старую столицу Японіи и перемѣстили свою резиденцію въ Іеддо, переименованную вскорѣ въ Токио (восточная столица).

Когда извѣстный американскій политическій дѣятель Сьювардъ, во время своего кругосвѣтнаго путешествія (въ 1871 году), посѣтилъ Японію, то императоръ принялъ его еще въ старинномъ царскомъ нарядѣ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ красивымъ. Онъ состоялъ изъ длиннаго жесткаго шелковаго платья, совершенно скрывающаго все туловище за исключеніемъ рукъ, а на головѣ красовался оригинальный черныи волосяной копакъ съ прямолинейной накладкой, приподнятой сзади на полъ-метра. Императоръ не говорилъ ни слова и не удостоилъ Сьюварда даже взглядомъ. Всѣ его вопросы и замѣчанія написаны были на отдѣльныхъ листкахъ, которые одинъ изъ придворныхъ раскладывалъ передъ Сьювардомъ и читалъ вслухъ. Въ этомъ и состояла вся аудіенція.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ императоръ перемѣнилъ свое традиціонное платье на военный мундиръ французскаго покроя и съ тѣхъ поръ онъ уже ни разу не показывался открыто въ японскомъ нарядѣ. По повелѣнію императора всѣ придворные должны были одѣть европейское платье, и всѣ, начиная съ императрицы и кончая послѣднимъ придворнымъ лакеемъ, не должны уже больше появляться при дворѣ въ національномъ костюмѣ. Однимъ росчеркомъ пера положенъ былъ конецъ старой Японіи или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ устарѣлымъ обрядностямъ.

Нужно правду сказать, японцы съ жаромъ набросились на пересозданіе, по европейскимъ образцамъ, двора, всего правительственнаго механизма и даже всей столицы. Принцъ Коматсу провелъ нѣсколько лѣтъ въ столицахъ Европы, чтобы изучить на мѣстѣ взаимныя отношенія дворовъ; гофмаршалъ Санномія Іошitano былъ посланъ къ вѣнскому двору, чтобы изучить весь древне-испанскій церемоніаль во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, и когда онъ вернулся въ Японію, то онъ былъ уполномоченъ примѣнять этотъ церемоніаль не только не соображаясь съ японскими обычаями и, по мѣрѣ возможности, примѣняясь къ нимъ, но долженъ былъ въ точности выполнять все, что видѣлъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ, можно сказать, что не башмакъ пригнали къ ногѣ, а ногу втиснули въ тѣсный башмакъ.

При этой метаморфозѣ японскій дворъ потерять, конечно, всѣ свои характерныя особенности, всю прелесть и поэтичность, окружавшую его съ стародавнихъ временъ. Хотя новые шаги японцевъ за послѣднія десятилѣтїя привѣтствуются всѣми, но упраздненіе національнаго костюма вызываетъ сильное неудовольствіе европейцевъ, американцевъ и большинства японцевъ. Старая вдовствующая императрица придерживается до нынѣшняго дня стариннаго костюма, а вмѣстѣ съ нею и довольно большой контингентъ высокопоставленныхъ японцевъ. И во всѣхъ случаяхъ, исключая придворныхъ празднествъ, они съ большимъ удовольствіемъ одѣваются въ свои красивыя платья со множествомъ складокъ, какія они носили въ молодости, такъ какъ они прекрасно понимаютъ, что безъ этого костюма японцы теряютъ всю свою

Фамиліальный гербъ
микадо.

природную миловидность и грацію. Надо надѣяться, что Японіи еще не поздно вернуться къ старинному костюму; и очень можетъ быть, что японскія власти, выказавшія въ другихъ случаяхъ столько мудрости и пониманія, поймутъ нецѣлесообразность реформы костюма и сами сорвутъ тѣ оковы моды, которыя они добровольно наложили на своихъ соотечественниковъ. Европейскія моды пользуются въ Японіи далеко не такимъ успѣхомъ, какъ въ Европѣ.

Только придворные или находящіеся на государственной службѣ принуждены носить европейскіе костюмы. Кромѣ нихъ еще, можетъ быть, члены аристократическихъ семействъ, студенты и франты, объѣздившіе Европу. Но всѣ они, вмѣстѣ взятые, составляютъ не больше четырехъ-сотой части сорокаодного миллионнаго населенія. Я посѣтилъ цѣлый рядъ городовъ, гдѣ не видѣлъ ни одного японца въ европейскомъ платьѣ; мало того, въ Японіи имѣются и такія мѣста, гдѣ никогда не видѣли ни одного европейца.

Самому императору, кажется, не особенно нравится эта добровольно усвоенная его подданными симпатія къ европейскимъ модамъ; какъ только онъ освобождается отъ своихъ официальныхъ обязанностей,—онъ, прежде всего, снимаетъ съ себя европейское платье и одѣвается японское. На аудіенціяхъ, празднествахъ и во время путешествій онъ обыкновенно бываетъ въ мундирѣ японскаго генерала, который ему гораздо больше къ лицу, чѣмъ многимъ изъ его офицеровъ.

На частной аудіенціи, которую я имѣлъ честь получить, я имѣлъ давно желанную возможность видѣть императора вблизи. Вся церемонія, связанная съ этой аудіенціей, напоминала мнѣ то, что бываетъ при всякомъ европейскомъ дворѣ. У входа во дворецъ меня встрѣтили камергеры въ европейскихъ мундирахъ съ саблями и въ шляпахъ, украшенныхъ перьями. Прислуга была въ европейской ливреѣ—темно-синихъ фракахъ съ голубыми отворотами, на которыхъ былъ вышитъ го-

сударственный гербъ (шестнадцати-лепестковый цвѣтокъ хризантемы),— въ красныхъ жилетахъ, темносинихъ короткихъ панталонахъ и въ

Императоръ Мутсу-Гитто.

бѣлыхъ чулкахъ. Не могу сказать, чтобы эта ливрея была къ лицу маленькимъ, темнокожимъ, узкоглазымъ японцамъ съ вѣрошенными волосами. За то камергеры, церемоніймейстеръ и гофмаршалъ Саяномія, которымъ меня представили, оказались совершенно европей-

скими джентльменами. По ихъ типу и манерамъ я принялъ бы ихъ за испанцевъ или итальянцевъ, если бы встрѣтить ихъ гдѣ нибудь въ Европѣ. Они совершенно свободно говорили по-французски, по-нѣмецки и по-англійски; особенно понравился мнѣ пріемный сынъ графа Ито, учившійся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Гальберштадтѣ. Этотъ высоко-образованный юноша, настоящій аристократъ, на пути къ такой же блестящей карьерѣ, какъ и его знаменитый отецъ,—одинъ изъ создателей современной Японіи.

Залъ, въ которомъ мы находились, былъ меблированъ совсѣмъ по-европейски. На одномъ изъ столовъ лежали четыре записныхъ книги для императора и императрицы: у каждаго изъ нихъ одна—для европейцевъ, другая—для японцевъ.

Послѣ получасоваго ожиданія меня повели по длиннымъ высокимъ корридорамъ въ пріемный залъ, гдѣ обыкновенно представляются иностранные посланники и вручаютъ свои вѣрительныя грамоты. За исключеніемъ великолѣпнаго разрисованнаго потолка и небольшого трона посрединѣ, въ этомъ залѣ не было не только ни одного украшенія, но даже и мебели. На гладкомъ зеркальномъ паркетѣ разостланъ былъ модный коверъ. Находившаяся съ лѣвой стороны дверь съ большими зеркальными стеклами вела въ корридоръ, соединявшій пріемный залъ (аудіенцъ-залъ) съ внутренними покоями императора; дверь на право вела въ большой тронный залъ.

Одной стороной—тамъ, гдѣ мы помѣстились—пріемный залъ выходилъ въ удивительно красивый садъ съ фонтанами, скалистыми водоемами и лужайками, украшенными группами бронзовыхъ аистовъ. Они были выкрашены въ бѣлую краску и стояли въ такихъ натуральныхъ позахъ, что я въ первый моментъ принялъ ихъ за живыхъ.

Я не замѣтилъ, предшествовалъ ли императору церемоніймейстеръ, предупредили ли меня о его выходѣ,—но вдругъ я увидѣлъ его передъ собою.

Долженъ признаться, въ первый моментъ я растерялся и чувствовалъ себя не совсѣмъ свободно. Никто изъ его современниковъ не имѣетъ позади себя столькохъ событій, ни у кого нѣтъ столькохъ предковъ, берущихъ свое начало въ самой сѣдой старинѣ, за шестьсотъ лѣтъ до Р. Х. Я стоялъ предъ лицомъ обладателя трона, на которомъ возсѣдали сто двадцать два его предшественника и родоначальники которыхъ получили свою власть отъ самихъ боговъ!

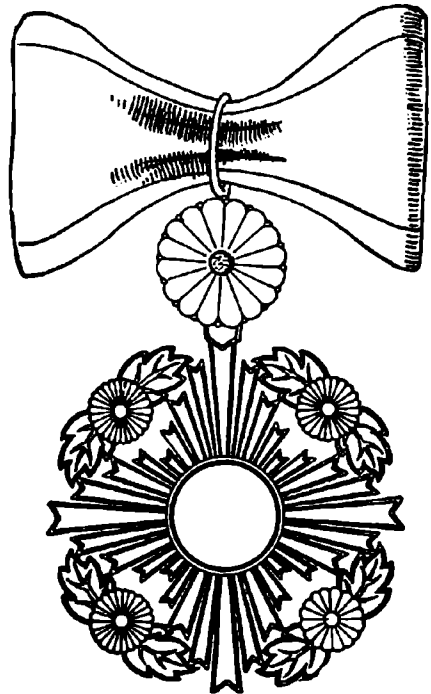
Императоръ довольно высокаго роста для японца; онъ представитель, хорошо сложенъ, у него небольшое желтое лицо, на которомъ сильно выдѣляются большіе, черные, пронизательные глаза; густые, взъерошенные волосы длиннѣе, чѣмъ обыкновенно носятъ японцы; мясистый носъ, жидкіе усы и борода съ жесткими длинными волосами; слезныя железки очень рѣзко выступаютъ. Нельзя сказать, чтобы импе-

раторъ былъ красивъ, но его невзрачная наружность искупается выраженіемъ гордаго достоинства и впечатлѣніемъ чего то необыкновенно величественнаго во всей его особѣ. Изъ многихъ тысячъ японцевъ, которыхъ я встрѣчалъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Японіи, я не видѣлъ ни одного съ такой интересной, характерной наружностью. И если принять во вниманіе, что императоръ является представителемъ семьи, которая въ продолженіи двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ не выходила изъ нѣвѣстныхъ границъ, то его можно считать японцемъ самаго чистаго типа.

Императоръ былъ въ мундирѣ (похожемъ на форму французскаго артиллерійскаго офицера) изъ чернаго сукна съ черными же шелковыми обшивками. На правой сторонѣ груди красовалась звѣзда ордена Хризантемы и два небольшихъ кавалерскихъ креста. Послѣ того, какъ я былъ представленъ церемоніймейстеромъ, императоръ обратился ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами, касающимися моихъ путешествій, особенно Кореи. Онъ говорилъ довольно тихо по японски, и переводчикъ, находившійся тутъ же, передавалъ мнѣ его слова на французскомъ языкѣ. Мои отвѣты и повѣствованія переводились ему по японски, причемъ онъ всякій разъ прерывалъ нетерпѣливыми восклицаніями: „гей, гей“, т. е. „да, да“ или: „понимаю, понимаю“. Во все время нашей бесѣды императоръ никому не смотрѣлъ въ глаза; онъ стоялъ прямо и неподвижно, какъ статуя, и на прощанье никому не протянулъ руки.

Поклонившись три раза, мы двинулись изъ зала, пятась къ дверямъ. Въ корридорѣ гофмаршалъ Санномія сообщилъ мнѣ, что императоръ, по собственному почину, отдалъ ему приказаніе показать мнѣ помѣщеніе дворца. Въ сопровожденіи этого любезнаго, свѣтскаго и образованнаго сановника я осматривалъ, въ теченіи слѣдующаго часа, весь дворецъ, хотя для того, чтобы лучше разсмотрѣть, какъ того заслуживалъ, японскіе предметы искусства, украшающіе здѣшнія залы, требовалось, конечно, гораздо больше времени.

Пріемные покои представляютъ собою очень счастливое сочетаніе европейскаго и японскаго стилей. Весь дворецъ состоитъ изъ цѣлаго

Орденъ Хризантемы.

ряда одноэтажныхъ, соединенныхъ другъ съ другомъ, построекъ, каждая изъ которыхъ имѣетъ свою отдѣльную крышу, свои веранды, корридоры и по одному большому залу. Всѣ эти постройки сдѣланы изъ дерева, но вмѣсто раздвижныхъ бумажныхъ стѣнъ, какія обыкновенно бываютъ въ японскихъ домахъ, дворцовыя постройки имѣютъ очень прочныя стѣны, обтянутыя восхитительной шелковой парчей; потолки такіе же, какъ во дворцахъ въ Кіото, и украшены позолотой и живописью.

Прежде всего, мы посѣтили столовыя разной величины, убранныя такъ же, какъ въ европейскихъ дворцахъ. Въ самой большой изъ нихъ, рассчитанной на нѣсколько сотъ человѣкъ, устраиваются, три раза въ годъ, парадные завтраки («tiffins»), на которыхъ, однако, не все бываетъ совсѣмъ по европейски, какъ это сообщаютъ иные путешественники. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наши дипломаты, принимающіе участіе въ этихъ завтракахъ, попадаютъ въ неловкое положеніе, благодаря ихъ чисто-японскимъ особенностямъ. У болѣе короткой стѣны, примыкающей къ внутреннимъ покоямъ императора, стоитъ маленький столъ, отъ котораго вдоль зала тянутся болѣе длинные столы. За маленькимъ столомъ сидитъ обыкновенно императоръ; за длинными же столами помѣщается (и притомъ только по одной сторонѣ, не имѣя визави) весь дипломатическій корпусъ, министры и генералитетъ.

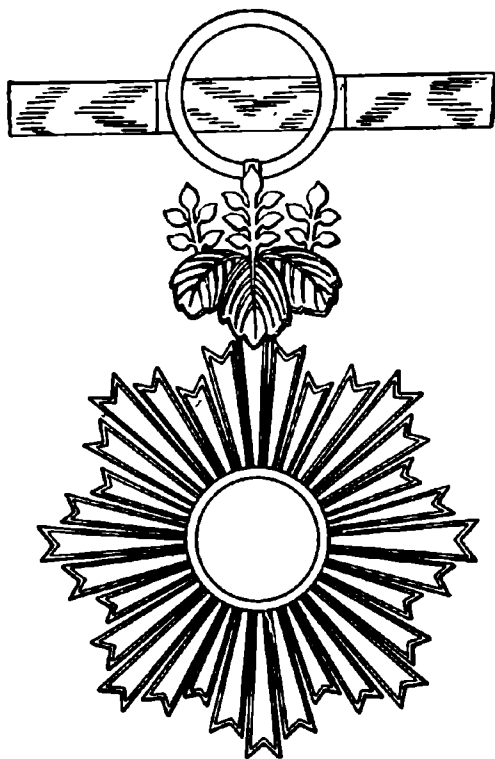
Завтраки начинаются обыкновенно въ одиннадцать часовъ утра; вся посуда сфабрикована по образцу европейской, только по краямъ красуется государственный гербъ, — цвѣтокъ хризантемы; вмѣсто же приборовъ лежатъ японскія костяныя палочки, которыми многіе европейскіе дипломаты напрасно пытаются взять какое нибудь кушанье. За маленькимъ столикомъ, недалеко отъ императора, сидитъ обыкновенно духовный глава царской семьи, руководитель шинтоистскихъ церемоній и культа предковъ, — обыкновенно какой нибудь принцъ изъ царской семьи. Въ последнее время этотъ санъ принадлежалъ принцу Такухито изъ семьи Аризавага-но-мія. При посѣщеніи европейскихъ принцевъ, какъ, на примѣръ, русскаго Цесаревича или австрійскаго наслѣдника престола, такіе завтраки устраиваются обыкновенно въ одномъ изъ меньшихъ залъ.

Прилегающая къ столовой большая гостинная убрана совершенно по европейски мебелью почти исключительно нѣмецкой работы. Посреди комнаты стоятъ два круглыхъ дивана, надъ которыми возвышаются на деревянныхъ пьедесталахъ двѣ бронзовыя группы аугсбургской работы, изображающія борьбу конныхъ всадниковъ съ медвѣдями и львами. По угламъ стоятъ европейской работы диванчики со столиками, а въ простѣнкахъ между окнами — севрскія вазы и французская бронза. Всѣ эти вещи вызвали бы восхищеніе всюду, только не въ японскомъ императорскомъ дворцѣ. Два гобелена съ французскимъ ри-

Улица львовъ въ Кіото.

сункомъ на стѣнахъ представляютъ собой образчики совершенно новой, доселѣ незнакомой мнѣ отрасли японской художественной промышленности. Японцы изучили фабрикацію гобеленовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи, и оба висящіе въ царскомъ дворцѣ прекрасные образцы показываютъ, какого совершенства они достигли въ самое короткое время. Менѣе красивъ смежный концертный залъ, и его тяжелыя парчевыя драпировки на высокихъ окнахъ, парча на стѣнахъ, ковры на паркетныхъ полахъ, множество дивановъ,—все это совсѣмъ не соответствуетъ его назначенію. Въ одномъ углу стоитъ большой концертный рояль. Красивыя вазы, бронза и эмальированныя вещи (среди нихъ замѣчательно искусно сдѣланный изъ эмали пѣтухъ въ натуральную величину)—всѣ эти вещи стоятъ, почему то, на неуклюжихъ цоколяхъ самой дешевой нѣмецкой работы, скверно-лакированныхъ и даже не позолоченныхъ. Странно, почему ихъ не замѣнили такими же цоколями японской работы изъ лакированного дерева съ золотомъ?

Орденъ Восходящаго Солнца 1-го класса.

Самый внушительный видъ имѣетъ большой тронный залъ, куда мы, наконецъ, взошли. Это—обширная, высокая комната, стѣны и потолокъ которой такъ красиво отдѣланы, что могутъ составить гордость японскаго искусства. Съ потолка спускаются двѣ хрустальныя люстры со множествомъ электрическихъ лампочекъ, которыя, однако, рѣдко зажигаются, такъ какъ въ деревянныхъ постройкахъ очень боятся огня. Поэтому во дворцѣ нѣтъ и каминовъ, и зимою комнаты согреваются паровымъ отопленіемъ. На низенькой, покрытой ковромъ эстрадѣ, у одной изъ длинныхъ стѣнъ зала, стоятъ два одинаковой величины тронныхъ кресла нѣмецкаго издѣлія для обоихъ Величествъ подъ однимъ общимъ высокимъ, съ пышными складками, бархатнымъ балдахиномъ. Въмѣсто коронъ, украшающихъ обыкновенно въ европейскихъ дворцахъ балдахины и троны, тутъ вездѣ красуются золотые цвѣты хризантемъ о семнадцати лепесткахъ и три листка съ тремя двѣточками растенія

Paulownia Imperialis. Первые изображаютъ государственный гербъ, а вторые считаются съ незапамятныхъ временъ фамильнымъ гербомъ японскихъ микадо. Хотя тутъ видно подражаніе европейскимъ дворамъ во всѣхъ мелочахъ, но передъ самыми существенными знаками достоинства европейскихъ государей—короной, скипетромъ и державой—японцы остановились.

Въ Японіи совершенно нѣтъ никакой короны, точно такъ-же, какъ въ Корей и Китаѣ. Только владыки граничащихъ съ Китаемъ индійскихъ и средне-азиатскихъ царствъ носятъ короны. Самую большую коллекцію ихъ я видѣлъ въ московскомъ Кремлѣ, но самыя красивыя и цѣнныя вещи—въ столицѣ Сіама. Знаки достоинства японской власти остались въ новой эрѣ тѣ же, какіе были въ прежнія времена: священный мечъ микадо Уда девятаго вѣка и священное зеркало—эмблема богини солнца Тенно. Это зеркало было дано родоначальнику японской династіи его матерью, богиней солнца, и съ тѣхъ поръ эта цѣнная бездѣлушка хранится, какъ самая драгоцѣнная семейная святыня.

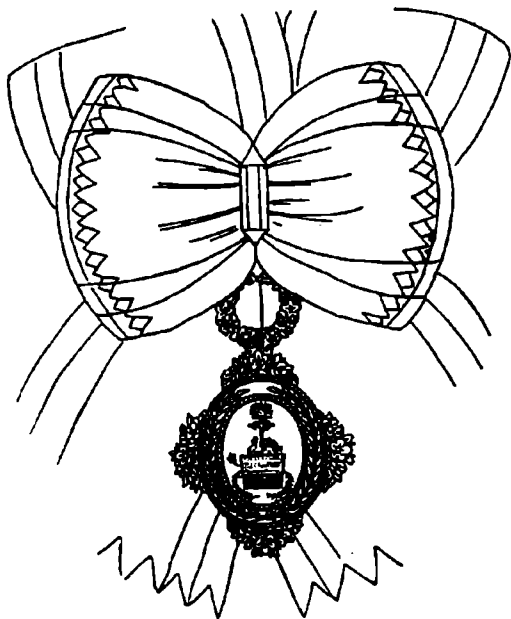
Въ тронномъ залѣ устраиваются торжественныя приѣмы въ дни Новаго года, въ дни рожденія императора и въ другихъ исключительныхъ случаяхъ. Императоръ и императрица помѣщаются на эстрадѣ передъ тронами, направо отъ нихъ, у эстрады, стоятъ королевскіе принцы, а налѣво принцессы; посланники, министры, генералы и прочіе сановники дефилируютъ передъ ними въ такомъ-же порядкѣ, какъ при европейскихъ дворахъ—особенно въ Испаніи, при звукахъ исполняемаго оркестромъ національнаго гимна,—того самаго гимна, который существовалъ въ Японіи еще во времена паденія римской имперіи и царствованія Карла Великаго.

Несмотря на то, что во время празднествъ не видно никакихъ остатковъ великолѣпія прежней феодальной Японіи, несмотря на то, что всѣ принцы одѣты въ современные мундиры, а принцессы въ парижскіе туалеты, и что между сотнями присутствующихъ нѣтъ ни одного, кто бы одѣтъ въ національный костюмъ,—за кулисами этого современнаго императорскаго двора сохранились нѣкоторые типичныя древніе обычаи.

Въ заранѣ назначенные дни празднествъ императоръ встаетъ въ два часа на разсвѣтъ и, съ соблюденіемъ всякихъ церемоній, принимаетъ ванну; потомъ на него одѣвается древне-японское королевское одѣяніе, и отъ, въ сопровожденіи самаго тѣснаго круга придворныхъ, отправляется въ шинтоистскій храмъ, находящійся среди дворцовыхъ построекъ; придворные не переступаютъ дверей храма и располагаются у нихъ ничкомъ, лицомъ внизъ къ землѣ, сохраняя такое положеніе (довольно, нужно сказать, неудобное) все время, пока императоръ молится у скрижалей своихъ предковъ. И только послѣ этой церемоніи старая Японія мо-

ментально исчезаетъ, и всѣ снова возвращаются къ обычаямъ и этикету, навѣянному датекамъ европейскимъ западомъ.

Однако, въ своей частной жизни императоръ сохранить въ слѣдъ всѣ чисто-японскіе обычаи. Въ его апартаментахъ нѣтъ ничего европейскаго. Длинный голый корридоръ ведетъ отъ вышеописаннаго дворца къ группѣ низенькихъ домиковъ, расположенныхъ среди роскошныхъ садовъ, и здѣсь императоръ занимаетъ три комнаты. По нашимъ европейскимъ понятіямъ, тамъ должны были бы находиться настоящія сокровищницы съ произведеніями японскаго искусства, позолоченныя и лакированныя вещи, прекрасная бронза, вазы и фарфоръ. Но въ этихъ комнатахъ съ невзрачными бумажными стѣнами совершенно пусто и голо. Нѣтъ ни стула, ни кровати, никакихъ предметовъ удобства и европейскаго комфорта. Поль устланъ плетеными циновками, и повелитель японскаго государства спитъ на твердомъ матрацѣ. Здѣсь даже нѣтъ ванной комнаты, какъ у насъ въ Европѣ, и императоръ купается въ деревянномъ чанѣ, такъ-же, какъ послѣдній изъ его подданныхъ.

Орденъ Короны 1-го класса.

Императрица занимаетъ три такихъ же комнаты; тутъ же находится нѣсколько комнатъ наслѣдника престола, въ которыхъ онъ, до своей женитьбы, посѣдовавшей въ 1900 г., жилъ во время своихъ посѣщеній императорской четы. Каждый изъ многочисленныхъ дѣтей императора отъ разныхъ женъ имѣетъ свой дворъ. Принцевъ крови съ дѣтства отдаютъ на воспитаніе въ разныя семьи въ странѣ; тамъ они вырастаютъ и по-мѣрѣ того, какъ они становятся старше, ихъ придворный штатъ увеличивается. Отъ времени до времени ихъ привозятъ погостить во дворецъ. Императрица осталась бездѣтной. Императоръ имѣетъ право взять себѣ столько женъ, сколько онъ захочетъ, но только одна Гарука носитъ титулъ императрицы и живетъ во дворцѣ.

Въ обыкновенное время императоръ ложится спать около полуночи и встаетъ между шестью и семью часами утра. Затѣмъ онъ принимаетъ министровъ и подписываетъ доложенныя ему бумаги. Въ

промежуткѣ между завтракомъ—въ 11 часовъ—побѣдомъ—въ 7 часовъ вечера—онъ занимается разнаго рода спортомъ: верховой ѣздой, стрѣльбой изъ лука и т. п. Въ восьмидесятыхъ годахъ его уговорили было заняться изученіемъ французскаго и англійскаго языковъ, но онъ вскорѣ оставилъ эту мысль и до сихъ поръ не владѣетъ ни однимъ европейскимъ языкомъ.

Внутри обширнаго парка, находящагося среди Токио, за тройной стѣной и тремя рядами рововъ, наполненныхъ водою, находятся жилища царскихъ слугъ и придворныхъ дамъ. Каждая изъ послѣднихъ имѣетъ свой домъ, свое хозяйство и свою кухню. Онѣ еще дѣтьми, въ возрастѣ десяти-одиннадцати лѣтъ, привозятся ко двору и тамъ, вдали отъ всего міра, воспитываются и обучаются всѣмъ церемоніямъ и обязанностямъ по отношенію къ императору. Въ прежнія времена въ придворныя дамы выбирались дочери куговъ и дайміосовъ; но въ теченіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ эта честь оказывается и дочерямъ самураевъ (низшая военная аристократія).

Японскій императоръ показывается своему народу исключительно въ европейскомъ мундирѣ съ лентами или звѣздами орденовъ, введенныхъ, конечно, очень недавно и съ такими же подраздѣленіями, какъ европейскіе ордена. По внѣшнему виду японскіе ордена пестры и некрасивы. Самый высшій изъ нихъ—орденъ Хризантемы, который дается только членамъ императорскаго дома. Постѣ него, второй по значенію—орденъ Солнца или цвѣтка Paulownia, называемаго такъ потому, что онъ изображаетъ собою священное зеркало солнца, обрамленное лепестками цвѣтка Paulownia; затѣмъ идетъ третій орденъ—Восходящаго Солнца, раздѣленный на восемь классовъ (степеней). Менѣе значительные ордена:—орденъ Зеркала или Священнаго Сокровища, заслуженный орденъ Святого Посвященія (военный орденъ), орденъ Короны—(дамскій орденъ),—бездѣлушка, изображающая цвѣточный горшокъ съ цвѣтами и золотой птицей. Немного вещей привились такъ къ вкусамъ японцевъ, какъ ордена.

Выѣзжаетъ императоръ обыкновенно въ золоченой парадной каретѣ съ зеркальными окнами. Большею частью, онъ сидитъ тамъ одинъ. Въ февралѣ 1898 года впервые случилось, что императоръ разрѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ собою и императрицѣ. Это было событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ японскаго двора,—событіе, которое являлось какъ бы косвеннымъ признакомъ равноправія императрицы. Впереди царскаго экипажа скачутъ верхомъ сначала чины полиціи, а затѣмъ три улана, изъ которыхъ одинъ ѣдетъ посреди улицы съ копьемъ стоймя, въ то время, какъ двое другихъ скачутъ по сторонамъ улицы съ опущенными копьями. Въ аррьергардѣ царскаго поѣзда также гарцуютъ три улана, но копья ихъ обращены остріями назадъ. Непосредственно впереди кареты ѣдутъ верхами, подъ предводительствомъ генераль-адъютанта.

танга, нѣсколько офицеровъ, одинъ изъ которыхъ держитъ императорскій штандартъ съ изображеніемъ цвѣтка хризантемы. Народъ, при

Императрица Гарука.

проѣздѣ императора, остается безмолвнымъ и не дерзаетъ поднять на него глазъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны существуетъ повѣрье, что одинъ взглядъ на лицо микадо приносить несчастье и смерть.

Вслѣдъ за экипажемъ императора ѣдетъ многочисленная свита въ нѣсколькихъ экипажахъ.

Если бы личность микадо не считалась въ Японіи такой божественной и такъ высоко парящей надъ всѣмъ земнымъ, то онъ выигрывалъ бы, пожалуй, гораздо больше своей чистой національностью, имѣя такую жену, какъ императрица Гарука (весна—по-японски). Она родилась въ Кіото и была третьей дочерью куга (принца). Воспитана она была сообразно со строгими обычаями старой Японіи; она изучала китайскихъ классиковъ, японскую поэзію, игру на самизенъ (гитарѣ) и кото (лирѣ), питье и вышиванье. По выходѣ замужъ за императора, она, по обычаю того времени, зачернила себѣ зубы и сбрила брови. Но съ тѣхъ поръ, какъ европейскій духъ проникъ въ Японію, этотъ обычай, къ счастью, упраздненъ. Теперь эта благородная женщина, носящая такое прекрасное имя, представляетъ собою обновленный типъ японской аристократки; она мала ростомъ, обладаетъ удивительно маленькими руками и продолговатымъ узкимъ лицомъ. Нужно думать, что очень немногія женщины въ Японіи расстались съ живописнымъ женскимъ костюмомъ съ такимъ сожалѣніемъ, какъ она, и замѣнили его ботинками, корсетомъ, жесткими юбками и большими шляпами,—и, нужно правду сказать, мало кому такъ не къ лицу европейскій костюмъ, какъ ей. Теперь какой нибудь европейскій путешественникъ, побывавшій въ Японіи, не можетъ даже судить объ этомъ; но тотъ, кто имѣлъ случай побывать на какомъ нибудь garden party при царскомъ дворѣ до и послѣ 1885 года, съ грустью констатируетъ переходъ отъ прекраснаго къ безобразному.

Garden party даются ежегодно два раза:—весной, когда цвѣтеть вишня, и осенью, когда національный цвѣтокъ японцевъ—хризантема—распускается во всей красѣ. Тысячи этихъ цвѣтковъ всевозможныхъ цвѣтовъ и величинъ красуются на широкихъ аллеяхъ императорскаго парка подъ длинными крышами изъ циновокъ; на нѣкоторыхъ кустахъ виднѣтся только одинъ цвѣтокъ, на нѣкоторыхъ ихъ цѣлыя дюжины, а на иныхъ, находящихся подъ шелковыми палатками бываетъ до четырехсотъ цвѣтковъ.

Кто можетъ описать красоту и изящество японскихъ дамъ, ихъ нѣжныя платья съ пышными складками, богатство узоровъ на матеріяхъ,—словомъ все великолѣпіе, какое было до 1885 года!

Въ аллеяхъ и на усыпанныхъ пескомъ площадкахъ парка расположились изящныя фигуры высочайшихъ особъ, возбуждая восторгъ посланниковъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ изъ приглашенныхъ европейцевъ. А, вотъ, и сама императрица съ многочисленной свитой принцессъ и придворныхъ дамъ, длинной процессіей проходящихъ вдоль палатки. Нарядъ императрицы состоялъ тогда изъ широкой, въ складкахъ, гамамы (панталоны) изъ тяжелой парчи ярко-кра-

снаго цвѣта, цибана (нижней юбки) и кимоно (нѣчто вроде шлафрока) изъ лиловаго шелка, затканнаго цвѣтами хризантемы. Шея ея была обвязана разноцвѣтнымъ шелковымъ платкомъ. Роскошные, черные волосы лежали на головѣ въ видѣ толстой косы и обрамляли лицо, спускаясь по плечамъ до бедеръ; мѣстами волосы были связаны въ приди клочками рисовой бумяги, какъ у шинтоистскихъ жрицъ... Надъ высокимъ лбомъ сіялъ маленькій золотой фениксъ, считающійся въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, символомъ власти. Въ одной рукѣ у нея былъ разноцвѣтный зонтикъ, а въ другой — деревянный раскрашенный вѣеръ съ тяжелыми висящими шелковыми шнурами.

Принцессы и свитскія дамы были одѣты почти въ такіе же костюмы изъ чудной серебряной и золотой парчи, какъ на старинныхъ одѣяніяхъ духовныхъ лицъ въ Европѣ. Шествіе этихъ оригинальныхъ, пестрыхъ и блестящихъ фигуръ среди настоящаго лѣса цвѣтовъ хризантемы должно было быть чѣмъ то волшебнымъ.

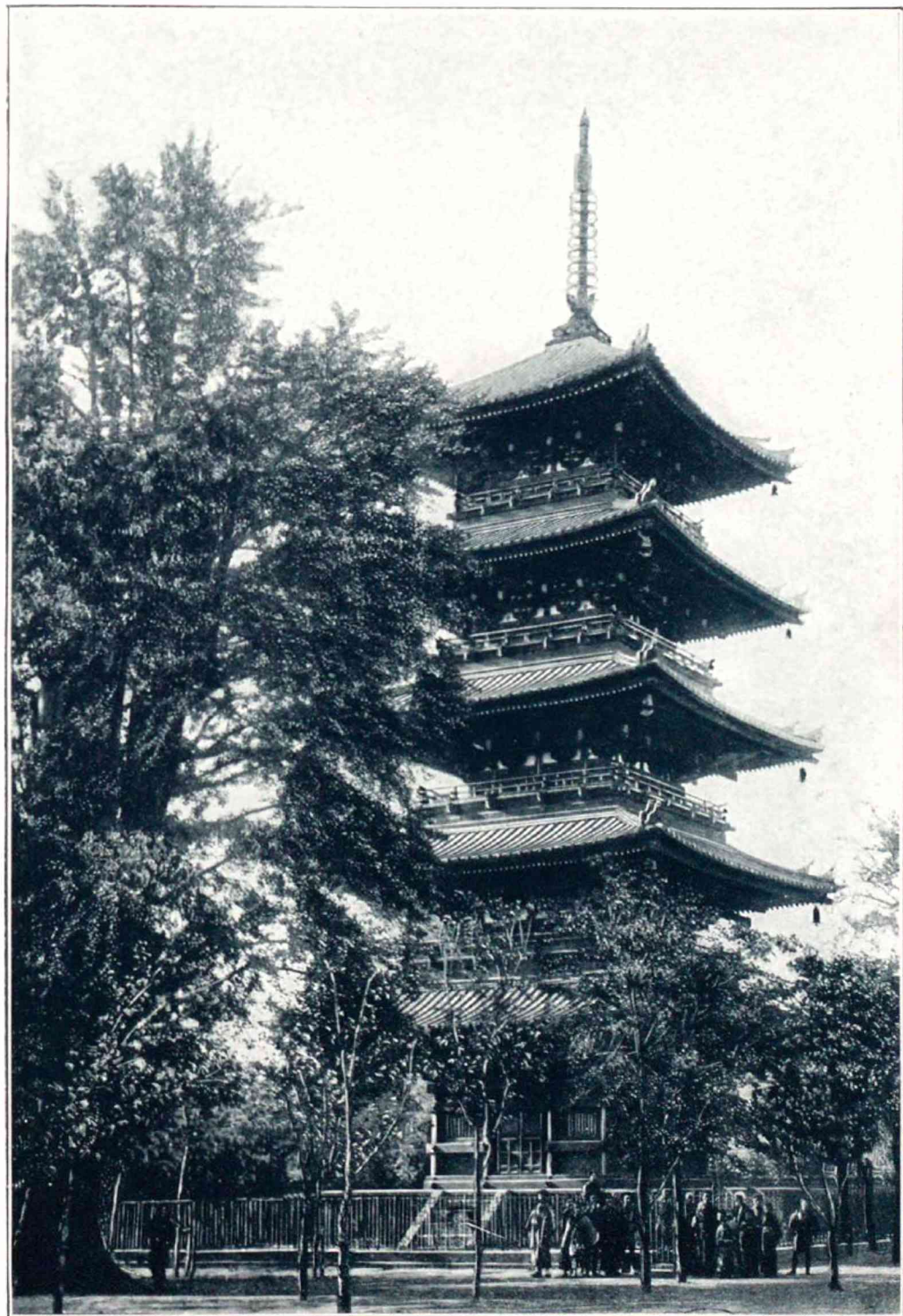
На слѣдующемъ послѣ этого праздникѣ вишневаго цвѣта всего этого великолѣпія уже не было. Парижскія моды въ теченіи зимы проникли въ Японію и лишили этихъ женщинъ-мотыльковъ ихъ блестящихъ крылышекъ. Однако, европейской модѣ побѣда далась не такъ легко, какъ многіе думаютъ. Какая изъ простыхъ смертныхъ среди портнихъ Rue de la Paix осмѣлилась бы дотронуться до священной особы императрицы и примѣрять ей платья? Долго противилась императрица и все не могли найти выхода изъ затруднительнаго положенія. Наконецъ, умная графиня Ито, супруга министра-президента и покровительница европейскихъ модъ въ Японіи, рѣшилась служить какъ бы манекеномъ для императрицы, и съ тѣхъ поръ императрица, въ большинствѣ случаевъ, носитъ уже европейскія платья, но сшитыя изъ японскихъ матерій. Ея примѣру послѣдовали, поневолѣ, и всѣ придворныя дамы. Прелестныя кимоно, тонкіе уборы, богатѣйшая парча и плотныя матеріи принесены были въ жертву моднымъ шляпамъ и ботинкамъ и парижскимъ платьямъ, и теперь на Garden Party при дворѣ или на балу у министра-президента почти такъ же однообразно и скучно, какъ въ Европѣ. Этотъ переворотъ стоилъ японской аристократіи, пожертвовавшей на алтарь отечества и безъ того большую часть родоваго имущества послѣ сверженія сіогуна, очень много денегъ, и японцы съ трудомъ оправляются теперь. Даже царская семья не можетъ похвалиться богатствомъ. Родовое имущество ея не велико, а цивильный листъ простирается всего до трехъ милліоновъ іенъ въ годъ (около 6.000.000 марокъ.). Однако, и изъ этихъ скромныхъ средствъ императрица жертвуетъ довольно много на разныя благотворительныя учрежденія, которымъ она даетъ починъ и поддержку.

И такъ какъ судьба отказала ей въ собственныхъ дѣтяхъ, то она является матерью своего народа въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

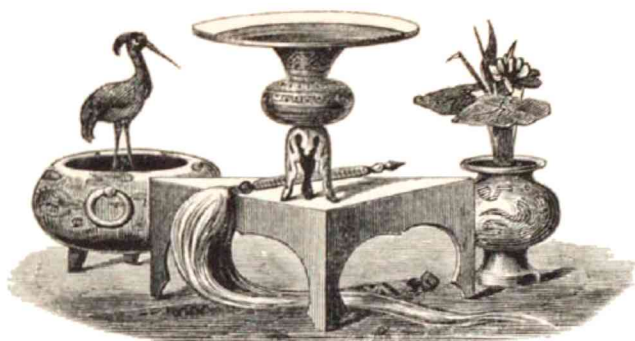
Госпиталь Краснаго Креста и школа для благородныхъ дѣтей пользуются ея особой заботливостью. Въ Токио можно часто видѣть, какъ императрица Гарука ѣдетъ по улицамъ столицы, чтобы удостоить эти учрежденія своимъ посѣщеніемъ, которое длится обыкновенно нѣсколько часовъ. Она съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушиваетъ отвѣты дѣтей на французскомъ и англійскомъ языкахъ, хотя сама она не знаетъ ни того, ни другого. Она поощряетъ и одариваетъ учащихся, бесѣдуетъ съ учителями и рѣдко уѣзжаетъ отсюда, не оставивъ учителямъ обычнаго царскаго подарка—свертка японскаго шелка. При ея выѣздахъ въ парадномъ экипажѣ ей сопутствуетъ большая свита. По странному обычаю, свойственному только Японіи, экипажъ императрицы, какъ только она выходитъ изъ него по прибытіи къ опредѣленному мѣсту, во время ея отсутствія старательно моется и перекрывается зеленымъ шелковымъ покрываломъ.

При дворѣ, за исключеніемъ вышеописанныхъ garden party, бываетъ очень мало празднествъ. Императоръ, очевидно, не особенный любитель ихъ. Иногда въ честь его даются празднества родственниками царской семьи или княжескими семьями страны, и императоръ охотно посѣщаетъ ихъ вмѣстѣ съ императрицей.

Наслѣдникъ престола, принцъ Юсихито Гаруномія,—сынъ императора и одной изъ его женъ Іаначивары, родился въ 1879 году; о немъ говорятъ, какъ объ очень живомъ, энергичномъ и честолюбивомъ человѣкѣ. Онъ получилъ образованіе въ японской школѣ для привилегированныхъ юношей, устроенной совсѣмъ по образцу подобныхъ же европейскихъ заведеній. Если его слабое здоровье позволитъ ему занять когда нибудь тронъ своихъ предковъ, то въ Японіи несомнѣнно произойдутъ еще новыя европейскія реформы. Судя по свѣдѣніямъ, какія имѣются въ японской государственной книгѣ, онъ—единственный изъ сыновей императора, находящійся теперь въ живыхъ; но, тѣмъ не менѣе, нечего опасаться вымиранія всей царской семьи, потому что тамъ, кромѣ старшей линіи, имѣется еще десять боковыхъ, главы которыхъ исключительно принцы крови, и цивильный листъ которыхъ достигаетъ тридцати тысячъ іенъ въ годъ, для cadaго въ отдѣльности.

Пагода въ Токио.

Высшее общество.

В современной Японіи не сохранилось ничего ни отъ прежняго блеска куговъ, ни отъ великолѣпія дайміосовъ,—словомъ отъ всего того, что служило раньше предметомъ наиболѣе краснорѣчивыхъ описаній у путешественниковъ по Японіи. Конецъ японскому феодальному, просуществовавшему свыше восьми сотъ лѣтъ, пришелъ въ 1871 году, когда его уничтожили, какъ вѣковую пыль, однимъ росчеркомъ пера.

Старинная аристократія, точно такъ-же, какъ многіе изъ принцевъ страны, во многихъ случаяхъ добровольно отказывались отъ своихъ земель, имущества, богатства и доходовъ и сдѣлались вѣрными подданными рода, царствовавшего у нихъ въ продолженіи двадцати шести вѣковъ. Нигдѣ въ мірѣ никакіе классы общества такъ охотно не подчинились реформамъ, какъ японская аристократія, и никто такъ быстро не освоился, съ внѣшней стороны, по крайней мѣрѣ, съ европейскими нравами и обычаями, какъ мѣстная знать.

Какъ велика была жертва, принесенная этой старинной аристократіей своему отечеству, можетъ судить только тотъ, кто ознакомился съ тѣмъ, какой властью и значеніемъ пользовалась здѣсь каждая аристократическая семья въ прежнія времена.

Рѣдко какая европейская аристократическая семья можетъ насчитать у себя такое большое количество предковъ, какъ любая изъ семей японскаго куга, нѣкоторыя изъ которыхъ берутъ свое начало еще за шестьсотъ лѣтъ до Р. Х. Самая знаменитая и знатная семья въ Японіи—Фудживара происходитъ, напримѣръ, отъ слуги дѣда Имму Тенно, родоначальника японской династіи, и уже въ продолженіи 2600 лѣтъ судьба ея тѣсно связана съ судьбой японскаго народа. Другіе, какъ, напримѣръ, Суговара, Таира и Минамото, хотя и значительно моложе семьи Фудживара („поле глициній“—по японски), но все, таки, старше всѣхъ европейскихъ императорскихъ семей, и всѣ ихъ предки занимали

въ свое время самыя высокія посты въ странѣ. Изъ современныхъ 155 семействъ куговъ 95 ведутъ свое начало болѣе, или менѣе, прямо отъ Фудживаровъ; всѣ состоятъ въ родствѣ съ царской семьей, и значительная часть этихъ знатныхъ семей имѣютъ своимъ родопачальниками принцевъ крови. Обыкновенно это были побочные сыновья императора, присвоившіе себѣ другія фамиліи и основывавшіе новыя семьи; сыновья ихъ, благодаря тѣсному родству съ царской семьей, получали выгодныя мѣста, и почти во всякой семьѣ сохранились такіе посты въ качествѣ родового наслѣдства; большую часть такихъ наслѣдственныхъ должностей присвоила себѣ фамилія Фудживара, и она какъ-то сумѣла сохранить ихъ въ своемъ родѣ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Въ седьмомъ вѣкѣ даже всѣ придворныя посты и большая часть должностей губернаторовъ провинцій была въ ихъ рукахъ. Тутъ происходило то же самое, что и въ Корей, какъ я уже писалъ, объ этомъ въ ранѣе изданной мною книгѣ объ этой странѣ. И какъ тамъ семья Минъ, такъ здѣсь семья Фудживара окружила тѣснымъ, непроницаемымъ кольцомъ своего микадо, бывшаго въ ея рукахъ послушнымъ и безвольнымъ орудіемъ. Какъ въ Корей члены семьи Минъ назначали какую нибудь изъ своихъ дочерей въ супруги своему королю, чтобы упрочить надъ нимъ свое вліяніе, такъ и въ Японіи, въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, всѣ императрицы были изъ семьи Фудживара, и даже живущая еще теперь въ Токио вдова покойнаго императора и мать нынѣ-царствующаго происходитъ изъ этого могущественнаго рода. Эти семьи, какъ паразиты, кишѣли вокругъ императорскаго рода, высасывали изъ него кровь, подкрѣпляя себя и ослабляя въ то-же время его силы. Такимъ образомъ, вся власть микадо постепенно переходила въ руки придворной знати; изъ среды послѣдней выходили и сѣюны вплоть до послѣдняго времени, и въ сущности, не императоры, а они были фактическими хозяевами и правителями страны.

Наряду съ кугами, или придворной знатью, въ японскихъ провинціяхъ, какъ и въ Германіи, образовалась, мало по малу, своя помѣщичья аристократія. Зажиточныя крестьянскія семьи увеличивали свои владѣнія посредствомъ браковъ и наслѣдства, а ихъ значеніе и положеніе улучшалось благодаря отдѣльнымъ личностямъ, выдвигавшимся изъ среды родовъ; безпрестанные грабежи заставляли менѣе многочисленныя и менѣе состоятельныя семейства искать защиты у своихъ богатыхъ сосѣдей; безпорядки и возстанія въ различныхъ мѣстахъ страны заставляли правительство прибѣгать къ помощи этихъ состоятельныхъ семей для подавленія бунтовъ, и поэтому въ началѣ седьмаго вѣка имъ пожалованы были за заслуги подобнаго рода должности въ провинціяхъ и въ пограничныхъ областяхъ имперіи. Царица Сунко издала въ 603 году декретъ, согласно которому всякому чиновнику присваивается дворянское достоинство, и, такимъ образомъ, въ про-

винціи постепенно образовалась служилая аристократія, стоящая во главѣ цѣлаго округа или даже области, какъ и теперь еще въ Шотландіи. Главы этихъ семействъ называются дайміосами, т. е. „великими именами“; ихъ было около трехсотъ человекъ ко времени крушенія стараго феодализма въ семидесятыхъ годахъ.

Какъ только семьи дайміосовъ достигли въ своихъ округахъ богатства и значенія,—власть ихъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалась соотвѣтственно величинѣ ихъ округа и энергіи, съ которой они выступали, или благодаря случайности,—и вскорѣ они приобрѣли значеніе почти сувереновъ. Въ то время было очень легко достигнуть такого положенія, такъ какъ путей сообщенія совершенно не существовало, а власть императора была слишкомъ слаба, чтобы препятствовать увеличенію власти дайміосовъ. Куги, конечно, продолжали быть не только самой крупной и важной знатью страны, но даже законодателями Японіи; но дайміосы были, въ сущности, гораздо богаче и могущественнѣе, и многіе изъ нихъ обладали еще въ первой половинѣ прошлаго (19-го столѣтія) огромными доходами. Ихъ чинъ соотвѣтствовалъ величинѣ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, самый богатый дайміосъ—Кага получалъ ежегодный доходъ въ миллионъ коку риса (около двухъ миллионновъ гектолитровъ), а менѣе богатые получали до десяти тысячъ коку риса (восемнадцать тысячъ гектолитровъ).

Власть дайміосовъ стала еще значительнѣе въ восьмомъ вѣкѣ, когда изданъ былъ указъ, согласно которому всѣ состоятельные крестьяне, умѣющіе владѣть оружіемъ, стрѣлять изъ лука и ѣздить верхомъ, должны были составить нѣчто вродѣ милиціи страны подъ предводительствомъ дайміосовъ. Это мѣропріятіе можно считать самымъ значительнымъ во всей исторіи царства микадо, такъ какъ благодаря ему все населеніе страны раздѣлилось на два класса: на земледѣльцевъ и солдатъ. Гриффисъ, въ своемъ сочиненіи „The Mikado's Empire“, совершенно вѣрно замѣтилъ, что благодаря этому часть народа принуждена была вести особый образъ жизни, заключающійся въ путешествіяхъ и приключеніяхъ и въ силу этого должна была обладать разными военными добродѣтелями: военной честию, рыцарствомъ и т. п., и, такимъ образомъ, образовался лучшій классъ японцевъ—самураи.

Самураи почти на протяженіи цѣлыхъ столѣтій монополизировали такія доблести, какъ храбрость, рыцарство, патриотизмъ и интеллигентность. Это были люди, всегда готовые учиться,—люди, которымъ можно приписать всѣ великія реформы современной Японіи: упраздненіе феодализма, сверженіе сіогунства и восстановленіе власти микадо. Ихъ духъ царитъ и теперь въ Японіи; ихъ сыновья изучаютъ въ Европѣ западную цивилизацію; самураи могутъ считаться душою націи.

Каждый дайміосъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ большее или меньшее количество самураевъ (двумечниковъ). Они дѣлились на

два класса:—шицукю, или самураевъ высшаго ранга, число которыхъ въ Японіи доходило послѣ упраздненія феодализма до 260.000 человѣкъ, и сотсу, или самураевъ низшаго ранга, въ количествѣ 167.000 человѣкъ.

Самые знатные даймюсы, у которыхъ было большее количество самураевъ и притомъ все высшаго ранга,—были Сатсумы, Хоэу, Тоза и Гитценъ; собственно они и руководили идеями, приведшими къ перевороту въ послѣднія десятилѣтія. И представители мужскаго поколѣнія этихъ родовъ и теперь сохранили въ своихъ рукахъ бразды правленія. Носители фамилій Ито, Ямагата, Ямада, Инуиэ и Аоки—все прежніе самурай Хоэу; оба Сайго, Терашима, Йошида, Ойяма, Курода—прежніе самурай Сатсума, роду которыхъ принадлежатъ весь современный японскій флотъ. Подобно тому, какъ при дворѣ микадо куги постепенно захватывали въ свои руки власть, такъ и при маленькихъ дворахъ даймюсовъ самурай, игравшіе тутъ роль кугонъ, захватывали въ свои руки власть даймюсовъ.

Всѣмъ округомъ правили самурай, а даймюсы совершенно не интересовались дѣлами правленія; они жили со своими семьями или въ своихъ помѣстьяхъ или вблизи своихъ резиденцій и проводили время не столько въ военныхъ упражненіяхъ, сколько въ занятіяхъ играми, чайными церемоніями, поэзіей, представленіями старинныхъ театральныхъ пьесъ, танцами и пѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, они сильно поддерживали изящныя искусства, и всѣ прекрасныя издѣлія изъ фарфора и бронзы, всѣ оружія, металлическія издѣлія, матеріи и вышивки, вызывающія теперь такой восторгъ въ посѣтителяхъ нашихъ музеевъ,—были, большей частью, исполнены по заказу даймюсовъ. Но, съ другой стороны, эта изнѣженная, бездѣтельная жизнь не могла, конечно, способствовать поддержанію въ нихъ бывшей энергіи и дѣятельности; что же касается ихъ женъ, то онѣ были не больше, какъ куклы. Въ замкахъ даймюсовъ не было ни умственного труда, какой замѣчался при дворѣ микадо, ни обязанностей и физическаго труда, какъ у женъ самураевъ, такъ что жизнь женъ даймюсовъ была, пожалуй, по словамъ Алисы Бэконъ, скучнѣе и безцѣльнѣе, чѣмъ жизнь всѣхъ другихъ женщинъ въ странѣ.

Стѣсненные безконечными правилами этикета, лишенные того возбужденія, которое даетъ физическій трудъ или интеллектуальная дѣятельность, эти женщины не жили, а прозябали. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что даймюсы во время владычества сіюгуновъ изъ рода Токугава вырождались и физически и умственно, такъ какъ въ жизни женщины не было ничего, что могло бы ихъ сдѣлать подходящими матерями и женами сильныхъ мужчинъ. Нѣжныя, изящныя, неестественныя, ловкія на всякія пустяки, но неспособныя къ самостоятельнымъ поступкамъ, онѣ, правда, были во всѣхъ отношеніяхъ

важными дамами съ инстинктомъ благородства и чести, привитымъ имъ съ дѣтства, но долгіе годы затворничества, раболѣпіе сотенъ слугъ, безпрестанное изученіе сложныхъ японскихъ церемоній, соотвѣтствующихъ ихъ положенію, сильно отягиваются еще до нынѣшняго времени на этихъ созданіяхъ.

Алиса Бэконъ говоритъ о нихъ: „имъ не хватаетъ силъ, тщеславія, ясности мысли, между тѣмъ какъ вся японская нація обладаетъ всѣми этими качествами въ высокой степени. Правда, за то у нихъ прекрасныя манеры, у нихъ есть умѣнье держаться, сильно-развитое самолюбіе и расовая гордость, вмѣстѣ съ скромностью, доходящей до самоуниженія“.

Алиса Бэконъ знаетъ ихъ очень хорошо, такъ какъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ она была учительницей въ существующемъ уже пятнадцать лѣтъ привилегированномъ училищѣ въ Токио, гдѣ сыновья и дочери аристократовъ воспитываются совсѣмъ по-европейски.

Послѣднія поколѣнія дайміосовъ опустились до такой степени благодаря своей изнѣженной и роскошной жизни, что сіюгуны династіи Токугава съ ними совсѣмъ уже не церемонились. Чтобы ихъ крѣпче держать въ уадѣ и воспрепятствовать имъ принять какія-нибудь мѣры въ пользу восстановленія царской власти, сіюгуны принудили ихъ построить себѣ дворцы въ столицѣ Токио и жить тамъ ежегодно въ теченіи шести мѣсяцевъ въ непосредственной близости къ сіюгуну.

Имъ оказывались всякія внѣшнія почести, но фактически большинство изъ нихъ были только безвольными маріонетками сіюгуновъ. Гриффисъ такъ характеризуетъ ихъ: „жажда чина, титуловъ и почестей—это главная страсть японцевъ. Самые богатые дайміосы не жалѣли большихъ суммъ и пользовались всякими протекціями въ Киото, чтобы только получить новый титулъ“.

Титулы и ордена и въ современной Японіи имѣютъ большое значеніе, и даже теперь еще здѣсь въ обычаѣ посмертное пожалованіе титуловъ и орденовъ выдающимся дѣятелямъ.

Въ настоящее время въ Токио, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, исчезли уже, повидимому, всякіе слѣды прежняго владычества куговъ и дайміосовъ; исчезли также и обширные дворцы аристократіи, еще двадцать лѣтъ тому назадъ окружавшіе резиденцію сіюгуновъ, обведенную стѣнами и валами, и составлявшіе какъ-бы аристократическій городокъ (нѣчто вродѣ Сень-Жерменскаго предместья), подобнаго которому нѣтъ нигдѣ въ мірѣ. Вмѣсто дворца сіюгуна внутри кольцеобразныхъ стѣнъ находится теперь новый дворецъ императора; на развалинахъ уничтоженныхъ дворцовъ дайміосовъ выстроены колоссальныя новыя зданія министерствъ, школы, университеты, а прежнія обширныя площади постепенно превращаются въ парки и сады.

Только немногіе дворцы избѣжали разрушенія и по этимъ сохранившимся памятникамъ сѣдой старины можно себѣ представить, какъ жили нѣкогда дайміосы.

Въ длинныхъ наружныхъ постройкахъ, которыя образовали собою четырехугольные дворыки, жили самуранъ, сопровождавшіе своихъ начальниковъ при поѣздкахъ въ столицу; а во внутреннихъ домахъ, гдѣ все было просто, голо, низко, съ обтянутыми бумагой деревянными рамами вмѣсто стѣнъ,—жили дайміосы.

Цвѣты ихъ гербовъ исчезли съ воротъ, и вмѣсто нихъ тамъ теперь красуется гербъ императора—хризантема; вмѣсто самураевъ, въ пристройкахъ квартируетъ японская кавалерія и артиллерія новѣйшаго образца. Точно также обращены нынѣ въ казармы всѣ гордые, многоэтажныя, оригинальныя крѣпости и замки въ провинціи.

Въ наше время бывшіе хозяева этихъ построекъ и ихъ семьи живутъ или въ старинныхъ японскихъ домахъ или въ модныхъ англійскихъ виллахъ, смотря по тому, какія у кого средства, такъ какъ большая часть ихъ доходовъ при уничтоженіи феодализма была у нихъ отнята вмѣстѣ съ помѣстьями. И это продѣлано было здѣсь съ гораздо большей легкостью, чѣмъ въ Европѣ. Да и чего нельзя было добиться у такихъ безвольныхъ господъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые болѣе основательные дайміосы, горячіе патриоты, дали первый толчекъ движенію въ такомъ именно направленіи. Сатсума, Хошіу, Тоза и Гитценъ подали прошеніе на имя императора, въ которомъ они объявили свои помѣстья не частной собственностью императора, а собственностью государства и заявили, что готовы отдать ихъ въ распоряженіе императора въ любое время. Менѣе значительные дайміосы отлично понимали, что дни ихъ власти сочтены и что всякое сопротивленіе бесполезно.

Въ сентябрѣ 1871 года появился императорскій эдиктъ, которымъ дайміосы всей страны созывались въ Токио, гдѣ они должны были поселиться навсегда и жить уже, какъ частныя лица.

Въ своихъ замкахъ, въ обширныхъ залахъ своихъ предковъ торжественно простились они со своими самураями и, въ сопровожденіи только нѣсколькихъ слугъ, пустились въ путь по направленію къ Токио.

Ихъ прежнія помѣстья раздѣлены были на провинціи и отданы подъ начальство префектовъ. Такимъ-то образомъ быть на всегда положенъ конецъ феодализму.

Дайміосы принуждены были отказаться даже отъ своихъ старыхъ родовыхъ фамилій. Титулы куга и дайміоса были уничтожены, и вмѣсто нихъ введены были новые ранги аристократіи по европейскому образцу. Были установлены титулы князей, маркизовъ, графовъ, вице-графовъ и бароновъ, которые раздавались прежнимъ дайміосамъ, глядя по ихъ состоянію и по тому классу, къ которому они ранѣе принад-

лежали. Даже самураямъ, принявшимъ живое участіе въ новомъ движеніи, раздавались новые титулы. Но старые куги не могли даже въ новомъ платьѣ освоиться съ тѣмъ, что бывшіе дайміосы и самурай, носящіе нынѣ одинаковые съ ними титулы, ихъ ровни; поэтому, въ современныхъ придворныхъ кругахъ Японіи существуетъ нынѣ такой-же расколъ, какъ и среди французской аристократіи.

Въ царствѣ микадо есть также свой faubourg St. Germain и faubourg St. Honoré, но вездѣ самое главное стремленіе—заслужить милость императора.

Современная японская аристократія насчитываетъ въ своей средѣ 10 князей, 25 маркизовъ, 80 графовъ, 352 виконта и 98 бароновъ. Изъ десяти князей пятеро—старые Гозекки, т. е. самые главные изъ прежнихъ 155 семей куговъ, именно: Ихію (откуда родомъ царствующая императрица), Куйю, Такатсуказа, Нійю, и Конойя; къ нимъ въ 1883 г. присоединили еще роды Санію, Ивакура, Шимадау, Мори и Токугава, и всѣ эти десять родовъ пользуются той привиллегіей, что изъ среды ихъ дочерей выбираются супруги для императоровъ и наслѣдниковъ.

Императоръ изрѣдка бываетъ въ гостяхъ у своихъ князей, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ домѣ князей Токугава было даже устроено въ честь его празднество въ древне-японскомъ вкусѣ. Во время фехтованья и театральнаго представленія „Но“ (нѣчто вродѣ лирической драмы) появились тѣ-же самыя маски и костюмы, которые были въ употребленіи въ семьѣ Токугава въ теченіи цѣлыхъ столѣтій раньше.

По древнему обычаю, императору поднесли цѣнный мечъ и прѣдѣлственное стихотвореніе въ ларчикѣ изъ позолоченнаго лака. Императоръ принялъ эти подарки изъ рукъ самого хозяина дома, который приходился сыномъ послѣднему сіюгуну.

Самъ-же бывший сіюгунъ, бунтовавшій противъ царской власти, живетъ теперь въ маленькомъ помѣстьи близъ Шидзоку, всѣми забытый, безъ приверженцевъ и безъ всякихъ политическихъ намѣреній и надеждъ. Между тѣмъ, сынъ его совершенно примирился съ существующимъ порядкомъ вещей и пользуется благосклонностью императора.

Глядя на нынѣшнихъ маркизовъ, графовъ и виконтовъ,—съ трудомъ вѣрится, что еще тридцать лѣтъ тому назадъ они разѣзжали по Токаидо или другой дорогѣ въ старинныхъ костюмахъ дайміосовъ, сопровождаемые множествомъ двумечниковъ и многолюдной живописной свитой, и что они были въ нѣкоторомъ родѣ маленькими царьками съ большими доходами.

Подвижные, тонкіе, паящіе, въ высшей степени вѣжливые, одѣваются они по послѣдней модѣ и имѣютъ такой элегантнѣйшій видъ, точно они всю жизнь провели въ Пикадилли или въ С.-Джемсъ. Они

разъѣзжаютъ въ модныхъ экипажахъ, ѣздятъ верхомъ, играютъ въ лаунъ-теннисъ и бесѣдуютъ съ иностранными дипломатами на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ обо всѣхъ европейскихъ дѣлахъ и событіяхъ. Въ своемъ „дворянскомъ“ клубѣ „Рокумейкванъ“ они читаютъ „Times“ или „Kreuzzeitung“, играютъ на билліардѣ, какъ французы, и въ покеръ, какъ янки. Въ промежуткахъ они ухаживаютъ за дамами, посѣщаютъ „afternoon-tee“ и позволяютъ себя обирать на благотворительныхъ базарахъ. Теперешній принцъ Шимадсу—никто иной, какъ бывшій дайміосъ Сатсума; маркизъ Маэда, аятъ королевскаго принца, извѣстный своимъ богатствомъ,—прежній дайміосъ Кага. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде его дворецъ, теперь выстроены новый университетъ; его прежній годовой доходъ, простиравшійся до двухъ милліоновъ гектолитровъ риса, идетъ теперь въ императорскую казну, но у него осталось еще такъ много, что онъ вездѣ, даже въ Европѣ, считается очень богатымъ человѣкомъ.

Но еще поразительнѣе перемѣна, происшедшая съ женами куговъ и дайміосовъ.

Эти нѣжныя раскрашенныя созданья, со сбритыми бровями и почерненными зубами, носившія когда-то пестрыя кимоно и тяжелыя деревянныя сандалии и жившія въ какомъ-то полу-снѣ въ замкахъ своихъ отцовъ, превратились теперь въ настоящихъ парижанокъ съ самыми модными туалетами и брилліантами. Онѣ опять отростили себѣ брови, ихъ зубы побѣлѣли, и будь у нихъ не такіе узкіе глаза и не такой желтоватый цвѣтъ лица, ихъ можно было-бы принять за европейскихъ аристократокъ. Несмотря на то, что прежде онѣ были совсѣмъ вдали отъ хозяйства, общества и не имѣли ни малѣйшаго понятія обо всемъ этомъ, теперь многія изъ нихъ ведутъ train дома, въ своихъ дворцахъ или виллахъ, совсѣмъ по европейски и исполняютъ свои многочисленныя обязанности такъ умѣло, что невольно вызываютъ удивленіе.

Онѣ научились даже верховой ѣздѣ. Въ Токио есть дамская школа верховой ѣзды, находящаяся подъ покровительствомъ императрицы, которая сама очень любитъ ѣздить верхомъ; молодыя японскія аристократки учатся здѣсь ѣздить на прекрасныхъ лошадяхъ—смѣси японскихъ и венгерскихъ.

Ничто такъ не говоритъ въ пользу таланта подражанія у японцевъ и усвоенія всего, какъ быстрота, съ какою ихъ женщины заимѣли свои взгляды и культуру. Онѣ, повидимому, съ такою же легкостью отложили въ сторону старую японщину, какъ пару старыхъ перчатокъ, но это только такъ кажется, потому что ихъ старанія изучить новые чуждые имъ языки, платья и правила этикета можно назвать героическими. Матери одновременно со своими дочерьми изучали языки и правила приличія у одинокъ и тѣхъ же учительницъ, а жены японскихъ дипломатовъ, какъ, напримѣръ, принцесса Коматсу, проводшая нѣ-

Японки за чаемъ.

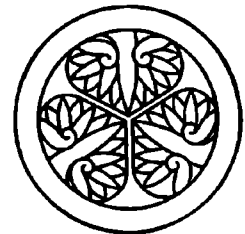
сколько лѣтъ въ Европѣ, по возвращеніи своемъ, учили высшее общество Японіи западному этикету и образу жизни.

Много способствовали этому нѣкоторыя европейскія дамы, вышедшія замужъ за японцевъ; среди нихъ первое мѣсто занимаетъ госпожа Саяномія, жена японскаго гофмаршала, англичанка родомъ. Двѣ японки изъ высшаго придворнаго круга съ успѣхомъ окончили курсъ извѣстнаго Fassag College въ Сѣверной Америкѣ, и возвращенія, привезенныя ими оттуда, сильно повліяли на все общество.

Самая красивая и элегантная изъ теперешнихъ придворныхъ дамъ — маркиза Набешима, жена оберъ-церемоніймейстера и самаго богатаго пэра Японіи.

Какъ въ Вѣнѣ и Парижѣ, такъ и въ Токио есть свой зимній сезонъ, продолжающійся обыкновенно съ октября до мая, т. е. до наступленія жаркаго времени года, и въ продолженіи всего этого времени тутъ соблюдаются всякія условныя приличія гораздо церемоннѣе и съ большей тщательностью, чѣмъ въ европейскихъ столицахъ. Обѣды, визиты и т. под. должны быть даны и исполнены непременно въ опредѣленный промежутокъ времени, и европеецъ, проведеншій зимній сезонъ въ Токио, почти не перестаетъ раздавать своихъ визитныхъ карточекъ. И онъ долженъ этому подчиниться съ большою тщательностью, если не хочетъ быть исключеннымъ изъ общества.

Даже европейскимъ танцамъ уже выучилась японская молодежь, и на многочисленныхъ балахъ у министровъ, придворныхъ особъ и посланниковъ узкоглазыхъ японскія княжны и баронессы танцуютъ съ такимъ умѣньемъ и исполняютъ всѣ фигуры кадрили и лансе съ такимъ знаніемъ всѣхъ деталей, точно солдаты на ученіи.

Гербъ рода Токугава.

Горю европейцу, сдѣлавшему какую-нибудь ошибку! Ему тотчасъ замѣтятъ это и, правда, помогутъ, но не съ шуткой или улыбкой, а очень серьезно, и отъ стыда передъ познаніями своей дамы онъ готовъ провалиться сквозь паркетъ.

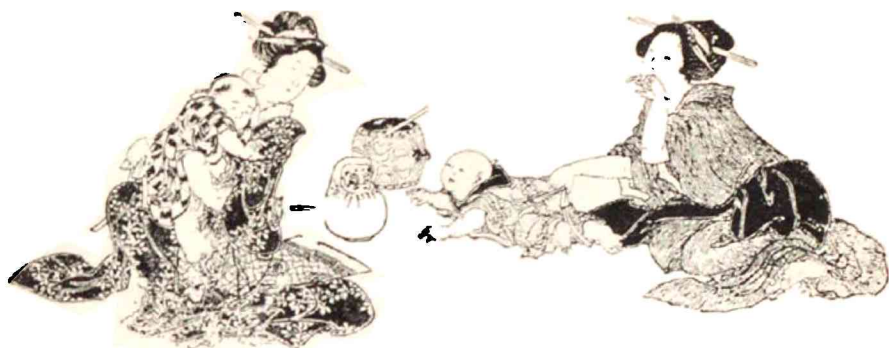
На танцевальныхъ балахъ въ Японіи главные кавалеры—это военные и навѣрное это не потому, что японскія дамы особенно симпатизируютъ имъ. Но такъ-какъ это въ обычаѣ въ Европѣ, то надо подражать.

При дворѣ устраивается только нѣсколько банкетовъ въ праздничные дни и два раза въ годъ garden party, на которыхъ показываються ихъ величества. За то министръ-президентъ даетъ на канунъ дня рожденія императора торжественный балъ, а вслѣдъ за нимъ и губернаторъ Токио. Въ посольствахъ европейскихъ державъ тоже бываютъ многочисленные празднества, танцевальные вечера, обѣды, гаг-

den party, затѣмъ у принцевъ и у высшихъ аристократовъ. Только съ музыкой до послѣдняго времени плохо было. Наряду съ европейскими кружками, въ Токио существуютъ и старо-японскіе, и число ихъ даже увеличивается въ послѣднее время. Они поставили себѣ задачей охранять унаслѣдованные нравы и обычаи, поощрять прежнюю музыку и театръ и даже отстаивать прежніе костюмы. Они, правда, не носятъ уже блестящихъ, съ золотомъ и вышивками, костюмовъ дайміосовъ, точно также и оружія, но національный кимоно и оби въ исключительномъ употребленіи въ этомъ кружкѣ аристократовъ-легитимистовъ. Что они принадлежатъ къ аристократіи, въ этомъ европеецъ можетъ убѣдиться даже послѣ недолгаго пребыванія въ странѣ, такъ-какъ у всѣхъ ихъ—и у мужчинъ и у женщинъ—на кимоно вышиты фамиліные гербы. Обыкновенно можно видѣть сзади на воротникѣ, на обонхъ рукавахъ и на груди бѣлые круги, величиной въ дамскіе часы, и внутри этихъ круговъ вышитые бѣлымъ фигуры, цвѣты и листья различныхъ растений, бабочки, птицы.

Это старинные гербы дайміосовъ; по нимъ можно узнать роды Токугава, Сатсума, Фудживара и др. Даже самураи носятъ такіе гербы; это единственное, чего западная культура не лишила Японію. Во многихъ отношеніяхъ можно, конечно, только пожалѣть объ этомъ. Связь между японской стариной и новой европейской культурой была-бы цѣлесообразнѣе и встрѣтила бы горячія симпатіи среди самихъ японцевъ.

Японская женщина.

Знакомство съ женщинами въ Японіи (а что можетъ быть интереснѣе?) гораздо менѣе затруднительно, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ. Тамъ, гдѣ господствуетъ исламъ, женщинъ прячуть и оберегаютъ такъ тщательно, что ни одинъ посторонній мужчина не можетъ ихъ видѣть; въ Индіи онѣ скрываются въ „денанахъ“; въ Китаѣ женщины высшихъ классовъ сидятъ за высокими обводными стѣнами своихъ обширныхъ квартиръ; въ Корей онѣ, при приближеніи посторонняго мужчины, закрываютъ себѣ лицо или убѣгаютъ. Такимъ образомъ, путешественникъ имѣетъ возможность познакомиться тамъ только съ одной половиной населенія—мужской.

Въ Японіи-же все иначе. Этими островитянамъ совсѣмъ незнакомы гаремы и „денаны“, и женщины у нихъ не стѣснены въ своихъ движеніяхъ. Ихъ лица не скрываются ни подъ головными платками, ни подъ вуалью. Здѣсь происходитъ даже нѣчто совсѣмъ обратное: вмѣсто того, чтобы скрываться, эти очаровательныя особы иногда даже слишкомъ бросаются въ глаза. Японскій языкъ далеко не такъ труденъ, какъ у другихъ народовъ, а общеніе съ иностранцами имъ такъ-же доступно, какъ со своими соотечественниками—мужчинами.

Но даже для того, кто не хочетъ взять на себя трудъ изучить звучный и симпатичный языкъ японцевъ, жизнь здѣшней женщины легко доступна наблюденію во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ. И это вовсе не потому, что японцы сами, или ихъ жены, черезчуръ откровенны; наоборотъ, они также несообщительны, какъ и другіе восточные народы, но семейная жизнь въ Японіи вся, какъ наладони. Въ уличной жизни, на празднествахъ, въ чайныхъ домахъ и театрахъ, въ гостиницахъ, во время поѣздокъ женщины играютъ почти такую же роль, какъ мужчины, и всякій, кто посѣтитъ Японію лѣтомъ, могъ видѣть черезъ открытые весь день домики съ садиками и двориками всю домашнюю жизнь японской семьи.

И японцы поступают совершенно правильно въ этомъ отношеніи, потому что именно ихъ женщины придаютъ этой восхитительной странѣ особую прелесть. Навѣрное всякій путешественникъ, проведеншій въ Японіи нѣсколько мѣсяцевъ, мечтаетъ потомъ о японскихъ женщинахъ; его восхищеніе ими растетъ, чѣмъ дольше онъ тамъ живетъ.

Цѣлый рядъ милыхъ картинъ изъ моихъ воспоминаній о Японіи проходить передъ моими глазами въ то время, какъ я пишу эти строки.

Знатныя дамы съ продолговатыми узкими лицами и красивыми черными глазами, одѣтыя въ дорогія шелковыя ткани, въ сопровожденіи маленькихъ скромныхъ служанокъ; одѣтыя по праздничному дѣвушки въ разноцвѣтныхъ, затканыхъ цвѣтами кимоно, съ пестрымъ зонтикомъ въ одной рукѣ и вѣеромъ въ видѣ бабочки—въ другой; лица ихъ сильно напудрены, черныя глазки бойко и кокетливо смотрять, а ихъ пурпуровыя раскрашенныя губки постоянно улыбаются; женщины изъ простонародья и рабочаго класса въ темносинихъ халатахъ во время стирки, шитья или стирки; на поляхъ—другія женщины съ высокоподнятыми платьями, по колѣна въ грязи, терпѣливо пересаживаютъ подъ палящими лучами солнца одинъ рисовый отростокъ за другимъ, по цѣлымъ часамъ безъ перерыва; хорошенькія молодыя дѣвушки съ полными, цвѣтущими личиками и пышными формами, одѣтыя въ узкія юбочки и панталонцы, верхами на навьюченныхъ лошадяхъ, искусно правящія ими на опасныхъ горныхъ тропинкахъ; это самая изящная кавалерія, какую только можно себѣ представить; вѣжливыя, внимательныя горничныя въ гостиницахъ, бросающіяся при моемъ появленіи ничкомъ на землю и касающіяся своимъ бѣлымъ лбомъ пола; дамы съ маленькими трубками въ зубахъ, сидящія на корточкахъ въ театрѣ, внимательно слушающія и слѣдящія за тѣмъ, что происходитъ на сценѣ; привѣтливыя, красивыя и нарядныя созданія, подающія мнѣ въ чайныхъ домахъ крохотныя чашечки съ чаемъ и саки и занимающія меня танцами и игрою на самизенѣ,—ездѣ, ездѣ женщины, такъ что иногда забываешь о мужчинахъ. Ни въ одной азіатской странѣ онѣ не появляются такъ открыто, какъ здѣсь, но за то нигдѣ это такъ мало и не цѣнится, какъ въ Японіи!

А, между тѣмъ, онѣ всю жизнь трудятся для мужчинъ и стараются имъ нравиться, облегчить и улучшить ихъ жизнь, добровольно принося себя въ жертву. Здѣсь—самые милые младенцы, самыя веселыя дѣти, самыя нѣжныя дочери, любящія жены и лучшія матери изъ всѣхъ восточно-азиатскихъ народовъ.

На свѣтѣ, однако, все бываетъ наоборотъ. Въ Европѣ такихъ женщинъ носили-бы на рукахъ, ихъ нѣжили бы и любили, а здѣсь, въ своей родной странѣ, мужчины относятся къ нимъ свысока, какъ къ подчиненнымъ, а ихъ самопожертвованіе принимается, какъ нѣчто должное. Въ Японіи не было своего Вертера, Тоггенбурга и Ромео, и

никогда еще ни одинъ японецъ не совершалъ подвиговъ для любимой женщины, не боролся на турнирѣ и не жертвовалъ ради нея своей жизнью. Шиллеровская „Перчатка“ должна показаться японцу просто смѣшной. Въ Японіи нѣтъ рыцаря Делоржа, и благородная дѣвица Кунигунда должна была бы потрудиться сама пойти къ леопардамъ и львамъ за своей перчаткой. Если у какого нибудь японца падаетъ вѣрѣ или трубка, то можете быть увѣрены, что не онъ, а его жена поспѣшитъ наклониться, чтобы поднять упавшую вещь. Первенство здѣсь на сторонѣ мужчинъ, а не на сторонѣ дамъ; ихъ пароль—*place aux messieurs!*

Домашняя сценка.

Во всякомъ случаѣ, крайне вѣжливыя и предупредительныя японцы оказываютъ нѣкоторую долю уваженія своимъ женщинамъ; дочерей своихъ они называютъ о-ю-сама, т. е. молодая барышня, а когда говорятъ о хозяйкѣ дома, то къ ея имени всегда вначалѣ прибавляется частица „о“, т. е. „уважаемая“. Это, впрочемъ, имѣетъ не особенно большое значеніе, потому что къ кули также обращаются съ этой частицей.

Въ своей книгѣ о Японіи докторъ Клейстъ рассказываетъ, что у его сосѣда европейца была собака съ необыкновеннымъ именемъ Мейеръ. Но его японскіе слуги звали ее не иначе, какъ прибавляя частицу „о“, такъ что выходило, будто они къ ней обращались слѣдующимъ образомъ: „уважаемый господинъ Мейеръ“!

Но, быть можетъ, японская женщина сама виновата въ томъ, что занимаетъ такое смиренное положеніе?

Присмотримся къ ней поближе. Японская женщина—это необыкновенно изящное, очаровательное созданіе маленькаго роста, съ крошечными ручками и ножками и тщательно причесанными черными, какъ вороново крыло, волосами; глаза у нея, какъ у Мадонны, а сердце—какъ у ребенка; улыбается она такъ, какъ будто возлѣ нея всегда ея возлюбленный, а въ обращеніи она вѣжлива и привлекательна; лицомъ она, по европейскимъ понятіямъ, безусловно красива. Цвѣтъ лица у японки такой, какъ у Андатузокъ, если вообще возможно опредѣлить его у дамъ обихъ расъ подъ толстымъ слоемъ пудры. Говоритъ она симпатичнымъ, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ и не скрываетъ своихъ лѣтъ. У нея прекрасные ровные бѣлые зубы, которые она послѣ свадьбы красить въ черный цвѣтъ, чтобы больше не нравиться ни одному мужчине, кромѣ своего мужа; напрасны, однако, ея старанія, потому что съ закрытымъ ртомъ она такъ же красива.

А японки умѣютъ держать ротъ закрытымъ, такъ какъ онѣ знаютъ, что болтливость—одинъ изъ семи поводовъ для развода. Вся фигурка японки утопаетъ въ цвѣтномъ халатикѣ, перетянутомъ на бедрахъ поясомъ. Когда японка садится, то она сначала становится на колѣни, а потомъ упирается всѣмъ корпусомъ въ пятки ногъ. Когда она ложится спать, то кладетъ себя подъ затылокъ деревянную подпорку, чтобы не испортить своей старательно-сдѣланной прически; когда она ходитъ, то выворачиваетъ внутрь пятки, какъ утка, и наклоняетъ весь корпусъ впередъ, точно при каждомъ шагѣ она рискуетъ упасть. При встрѣчѣ съ знакомыми, она нѣсколько разъ кланяется до земли, точно всѣ они короли, и во всякихъ сношеніяхъ съ обществомъ она придерживается строжайшаго этикета; она не пьетъ, мало играетъ, но за то при всякомъ удобномъ случаѣ охотно куритъ свою трубку, которую она всегда, вмѣстѣ съ мѣшечкомъ табаку и спичками, носитъ въ карманахъ рукавовъ своего кимоно.

Чистоплотность—одна изъ величайшихъ добродѣтелей японки и чтобы удовлетворять ей, она приноситъ въ жертву другую добродѣтель—стыдливость. Она ежедневно, даже по нѣсколько разъ въ день, принимаетъ ванны, внутри дома или снаружи, одна или еще съ кѣмънибудь и въ своей наивной невинности показывается, какъ есть, всему свѣту. Въ то же время ее возмущаютъ глубокіе вырѣзы на платьяхъ нашихъ дамъ. Только бы не дѣлать чегонибудь на половину. Она или совсѣмъ одѣта, или, если обстоятельства этого требуютъ, она сбрасываетъ съ себя кимоно и остается въ своемъ природномъ видѣ, который ей, однако, далеко не такъ къ лицу, какъ кимоно. Въ жаркое время года она, зачастую (у себя дома, или при работахъ на свѣжемъ воздухѣ), сбрасываетъ съ себя всѣ одежды.

Особенно содержательнаго разговора, духовной пищи нельзя, конечно, отъ нея ожидать, потому что въ молодости она учится лишь пѣнію, танцамъ, игрѣ на самизенѣ (японская гитара), чтенію, письму и домашнему хозяйству. За то она услаждаетъ жизнь своего мужа своей миловидностью, ангельскимъ терпѣніемъ, кротостью и покорностью. Она умѣетъ искусно составлять гирлянды изъ цвѣтовъ и чинить платье своего мужа. Она воспитываетъ своихъ дѣтей, любить и балуетъ ихъ, а ея собственная жизнь проходитъ въ трудѣ и разочарованіяхъ. Самое счастливое время для японской женщины—это дѣтство. Но разъ она выходитъ замужъ, она должна поставить крестъ надъ своимъ привольемъ. Ея замужнее яго начинается съ четырнадцати-шестнадцати лѣтъ и тянется всю жизнь.

Японки при встрѣчѣ.

Японская женщина, въ сущности, всю жизнь играетъ роль подчиненной. Пока она дѣвушка,—она подчиняется волѣ отца, когда она выходитъ замужъ, она обязана повиноваться мужу, а если овдовѣетъ, то поступаетъ въ подчиненіе своему старшему сыну.

Все, что ей приказываютъ, она исполняетъ въ точности, такъ что она даже безпрекословно выходитъ замужъ за несимпатичнаго ей человека. Когда она, въ качествѣ жены, переселяется въ домъ своего мужа, то не всегда, какъ равноправная съ нимъ хозяйка. Если живы родители ея мужа, то она сейчасъ же превращается въ ихъ служанку, и даже ея мужъ не сдумѣетъ защитить ее отъ преслѣдованій свекрови.

Алиса Бэконъ, все въ той же книгѣ о японскихъ женщинахъ, справедливо восклицаетъ: „счастлива та женщина, у которой свекрови и свекора нѣтъ въ живыхъ!“ Несчастье ея мужа служить, такимъ образомъ, ей въ пользу, такъ какъ вмѣсто того, чтобы служить двумъ хозяевамъ, она служитъ одному.

Конечно, она тогда одна ведетъ весь домъ, но не какъ равноправ-

ная жена своего мужа, а какъ его главная служанка. Она рѣдко показывается съ нимъ въ обществѣ; даже дома она не обѣдаетъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ кушаетъ одинъ, а она прислуживаетъ ему. Его желанія—для нея законъ, которому она весело и охотно подчиняется. Она обязана не только шить и мыть его платье, но даже помогать ему одѣваться и раздѣваться; нерѣдко для нея составляетъ предметъ особенной гордости собственноручно сдѣлать для него что нибудь такое, что обыкновенно дѣлаютъ прислуги. Даже императрица обязана во многихъ случаяхъ прислуживать своему мужу, императору.

Въ одномъ очень распространенномъ въ Японіи сочиненіи туземнаго моралиста Кайбары *) сказано: „молодая женщина никогда не должна уклоняться отъ приказаній родителей своего мужа; она должна обо всемъ спрашивать ихъ и повиноваться имъ безпрекословно; если они даже ненавидятъ и бранятъ ее, она обязана молчать. Она не должна эгоистично (?) думать, прежде всего, о своихъ родителяхъ. Ея вниманіе должно быть отдано сначала родителямъ мужа, затѣмъ его братьямъ и сестрамъ. Жена должна смотрѣть на своего мужа снизу вверхъ, какъ если бы онъ былъ небомъ; она неустанно, во всѣхъ случаяхъ жизни, должна слѣдовать за мужемъ, чтобы избѣжать небесной кары. Ревность ей не должна и сняться, ибо ревностью она только оттолкнетъ отъ себя мужа и сдѣлается въ его глазахъ невыносимой. Жена должна вставать рано утромъ и ложиться поздно вечеромъ. Вмѣсто того, чтобы спать днемъ, она должна заботиться о своемъ хозяйствѣ и неустанно ткать, шить и прядь. Она не должна пить слишкомъ много чаю и вина и гоняться за удовольствіями. Она не должна имѣть дѣла съ колдунами и гадалками, не должна входить въ непочтительную близость съ богами (?) и не должна проводить все время въ молитвахъ. Если она добросовѣстно исполняетъ всѣ свои обязанности, то ей вообще не зачѣмъ молиться:—она и безъ того будетъ подъ защитой боговъ. Отцы!—заканчиваетъ Кайбара свое поученіе,—учите дочерей этимъ правиламъ съ самаго ранняго дѣтства!“

Родители буквально слѣдовали этимъ наставленіямъ; это доказываютъ ихъ дочери всей своей горькой жизнью. И надо только удивляться тому, какъ бодро, съ какой смиренной преданностью переносятъ эти женщины самыя ужасныя униженія. Онѣ остаются дѣтьми до тѣхъ поръ, пока сами дѣлаются матерями и тогда онѣ всю свою жизнь и любовь отдають своимъ дѣтямъ и становятся, такъ сказать, ихъ рабынями. Но улыбка никогда не исчезаетъ съ ихъ устъ; пока онѣ живутъ подъ крылышкомъ матери,—улыбка у нихъ дѣтская; когда онѣ становятся молодыми дѣвушками, улыбка ихъ—наивно-радостная, а когда онѣ выходятъ замужъ, то улыбка ихъ становится горькой.

*) Сочиненіе это имѣетъ много сходнаго и по замыслу, и по значенію, и по своему содержанію съ нашимъ Домостроемъ.

Примѣч. редактора.

Онѣ всегда улыбаются въ присутствіи своихъ мужей. Во время моихъ путешествій по Японіи я, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, видѣлъ тысячи женщинъ во всевозможныхъ условіяхъ жизни и, можно сказать во всякихъ положеніяхъ, но никогда не видѣлъ я разсерженной женщины, никогда не слыжалъ я отъ нихъ громкихъ разговоровъ или брани, не былъ свидѣтелемъ женскихъ ссоръ. Онѣ прекрасно понимаютъ, что ихъ мужья полновластные хозяева надъ ними и что мужья терпятъ ихъ только до тѣхъ поръ, пока жены покорны и пріятны имъ. Сцены ревности, непослушаніе, сварливость, болтливость—все это достаточно уважительныя причины для того, чтобы изгнать женъ изъ дома.

Японки у себя дома.

Малѣйшій поводъ въ этомъ смыслѣ достаточенъ для развода, и тогда онѣ должны однѣ, безъ дѣтей, вернуться несчастными и разочарованными въ домъ своихъ родителей, безъ всякой матеріальной поддержки со стороны мужа. Такимъ образомъ, переходятъ онѣ въ полную матеріальную зависимость отъ своихъ родителей и братьевъ, такъ какъ въ Японіи женщины никогда не имѣютъ своего собственнаго состоянія. Только сыновья имѣютъ права на наслѣдство, а если у кого нибудь нѣтъ собственныхъ сыновей, то усыновляютъ чужихъ дѣтей. Все имущество женщины заключается въ ея платьяхъ и кое въ чемъ изъ домашней утвари, а всякій свободный трудъ для нея закрытъ; поэтому ей больше ничего и не остается, какъ страдать и терпѣть.

Если бы, взаимнѣя трудовъ и стараній для своихъ мужей, онѣ

хоть пользовались ихъ любовью и вниманіемъ! Но какъ съ ихъ стороны никто не требуетъ любви къ мужу, которому отдають ихъ родители, такъ и со стороны мужей онѣ также не встрѣчаютъ любви.

Профессоръ Чемберленъ, живущій въ Японіи больше двадцати лѣтъ, говоритъ въ своей книгѣ „Things japonese“, что за все время своего пребыванія въ Японіи онъ слышалъ только объ одномъ бракѣ по любви, причемъ и женихъ и невѣста получили воспитаніе въ Америкѣ. Конечно, очень часто бываетъ, что супруги чувствуютъ другъ къ другу симпатію, но она далека отъ того, что у насъ, европейцевъ, называется любовью.

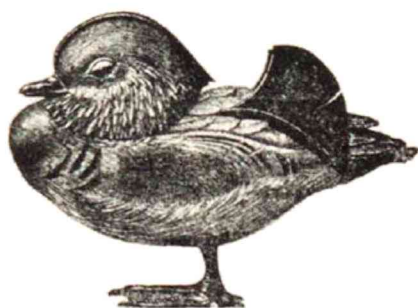
Между тѣмъ, эти милыя, маленькія, нѣжныя созданія—красивыя дѣвушки, терпѣливыя жены, и самоотверженныя матери,—всѣ онѣ точно созданы для любви. И развѣ это не похоже на какое то проклятіе, что небо отказало этому интеллигентному и цивилизованному народу къ самомъ высокому изъ всѣхъ чувствъ,—въ любви. Японцы даже не понимаютъ значенія поцѣлуя; онъ кажется имъ чѣмъ-то животнымъ.

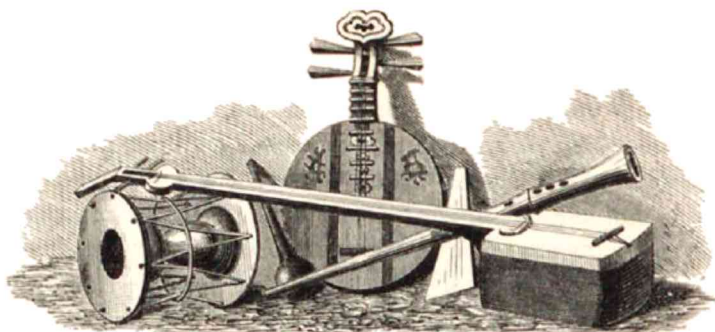
Если бы еще женщины жили всю свою жизнь однѣ, съ дѣтьми, у своихъ мужей! Но сейчасъ же послѣ рожденія перваго ребенка, мужъ удаляется отъ жены, и она должна терпимо отнестись къ тому, что онъ возьметъ въ домъ вторую, или даже третью жену. Она должна улыбаться, если онъ, въ ея присутствіи, расточаетъ второй женѣ нѣжности, и молчать, если онъ перестаетъ ее совсѣмъ замѣчать. Можетъ быть, все ея существо возмущается этимъ жестокимъ поступкомъ мужа, но японки съ дѣтства приучаются терпѣть и страдать, онѣ, впрочемъ и не страдаютъ такъ сильно, какъ наши женщины, именно потому, что не знаютъ настоящей любви.

Мимоходомъ я уже упоминалъ раньше о томъ, что японскимъ женщинамъ закрыты всѣ профессіи; но, надо замѣтить, что есть исключенія, главнымъ образомъ, для женщинъ низшихъ классовъ, изъ народа. Въ частныхъ домахъ, въ гостинницахъ и въ чайныхъ домахъ очень много служанокъ; очень много также такихъ, которыя посвящаютъ Терпсихорѣ или свой талантъ, или свою молодость. Кто не слышалъ объ очаровательныхъ гейшахъ, увеселяющихъ по вечерамъ публику своими танцами и музыкой. Даже эти дѣвицы, не смотря на свою легкомысленную жизнь, иногда находятъ себѣ мужа: иногда гейши выходятъ замужъ за сановниковъ и становятся скромными хозяйками, умѣющими привязать къ себѣ мужей своими талантами и остроуміемъ гораздо лучше другихъ.

Но самыми счастливыми женами въ Японіи могутъ считаться женщины, принадлежащія къ низшимъ классамъ населенія, и особенно въ деревняхъ. Мужья не имѣютъ достаточно средствъ для того, чтобы взять себѣ еще женъ, а „нужда не знаетъ закона“. Мужья работаютъ, дѣлятъ совмѣстно съ женами, дѣлятъ съ ними радость и горе, и

тутъ, въ этой убогой обстановкѣ, зачастую жена, вмѣсто того, чтобы быть служанкой, сама превращается въ властное лицо. При томъ небольшомъ значеніи, какимъ въ Японіи пользуются женщины, и при такой свободѣ мужчинъ, ихъ владыкъ, можно считать счастьемъ, что японцы, въ общемъ, такъ вѣжливы, предупредительны и спокойны, даже въ низшихъ слояхъ населенія. Какъ тяжела была бы участь женщинъ, если бы здѣсь царила такая же грубость, беспощадность и невѣжество, какъ въ другихъ странахъ, считающихъ себя вполне культурными!

Туалетъ японской женщины.

Главное, что больше всего красить японку, это, несомнѣнно, ея нарядъ. Но, конечно, не тотъ, который по безсмысленному приказанію новой Японіи проникъ сюда изъ нашихъ старыхъ западныхъ странъ, а тотъ, который она носила въ продолженіи многихъ вѣковъ. Къ счастью, въ Японіи наряды не такъ подчиняются капризамъ моды, какъ въ другихъ странахъ. Здѣсь никогда не знали кринолиновъ, буфчатыхъ рукавовъ и *souls de Paris*, центръ тяжести дамской моды не каждый годъ и не каждый сезонъ перемѣщается сверху внизъ и спереди назадъ.

Японскія дамы не носятъ на шляпкахъ чучель птицъ, крылышекъ жуковъ, перьевъ и тому подобныхъ варварскихъ украшеній. Онѣ не прокалываютъ себѣ ушей, чтобы продѣть тяжелыя украшения изъ драгоценныхъ металловъ и камней; онѣ не втискиваютъ своихъ нѣжныхъ ножекъ въ тѣсные башмаки, а что касается этого панциря изъ стали и китоваго уса, которыми наши дамы зашнуровываются, чтобы придать себѣ, по выраженію одного китайскаго мандарина, видъ осы,—то онѣ имъ даже совсѣмъ непоняты.

Костюмъ японки, по своимъ подробностямъ и покрою, отличается классической простотой; скорѣе всего, онъ напоминаетъ костюмъ гречанки классическихъ временъ, и онъ, навѣрное, не менѣе древняго происхожденія, чѣмъ послѣдній. Но при этомъ, японскій костюмъ, въ общемъ, гораздо красивѣе, потому что всѣ адѣшія длинныя, въ богатыхъ складкахъ, одѣянія сдѣланы изъ красивыхъ дорогихъ матерій, дивные цвѣта которыхъ постоянно восхищаютъ людей съ художественнымъ вкусомъ. Всякій, кто хоть однажды принималъ участіе въ безчисленныхъ народныхъ празднествахъ въ Токио, или въ древней столицѣ Дай-Ниппона-Киото, несомнѣнно приходилъ въ восторгъ не только отъ красоты и миловидности самихъ японокъ, но и отъ самаго вида этихъ нѣжныхъ, душистыхъ, разноцвѣтныхъ нарядовъ, придающихъ всей женской толпѣ

въ Японіи видѣ живаго цвѣтника, окруженнаго прелестными бабочками. Нужно думать, что постоянное общеніе японокъ съ окружающей ихъ чудной природой даетъ имъ возможность заимствовать у нея и ея дивныя краски. Эти чудныя пестрые наряды, въ которые одѣваются японки, сидятъ на нихъ, какъ цвѣты на стебелькѣ, или крылышки на бабочкахъ, и можно сказать, что только эти наряды и придаютъ японкамъ присущую имъ прелесть; безъ своего костюма японка напоминала-бы бабочку безъ крыльевъ, потому что, въ противоположность своей европейской сестрѣ, она не отличается красотой формъ.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что японка при-

Японки за туалетомъ.

даетъ костюму еще большее значеніе, чѣмъ европейская женщина. Но она дѣлаетъ это наивнѣе и безсознательнѣе, чѣмъ, напримѣръ, тѣ типы *fin de siècle's*, которыхъ одинъ умный французъ называетъ *demi-vierges*. Японка украшаетъ себя, чтобы нравиться себѣ и другимъ, но она съ полною непринужденностью и раздѣвается и показывается въ такомъ видѣ, въ какомъ ее создала природа. Когда японка купается, то она дѣлаетъ это открыто и считаетъ всякую принадлежность костюма излишней; дома, въ жаркое время года, она, зачастую, сбрасываетъ съ себя длинный кимоно и ходитъ иногда только въ одномъ фартукѣ... Она не дѣлаетъ тайны изъ того, что красится, бѣлится и пудрится. Всѣ здѣшнія дома открыты настежь, особенно въ деревняхъ, бумажныя ширмы отодвинуты въ сторону, чтобы не мѣшать проникать свѣжему воздуху, и всѣ уголки дома, даже самые отдаленные, открываются взору про-

гуливающагося по улицѣ. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что путешественникъ проникаетъ, можетъ быть, совершенно невольно, во всѣ интимныя стороны жизни японской женщины и видитъ здѣсь, безъ помѣхи, сотни разъ то, что въ западныхъ странахъ ему совершенно недоступно. Онъ можетъ наблюдать японку не только въ театрѣ, чайномъ домѣ или на гуляньяхъ; онъ видитъ ее въ домашнихъ хлопотахъ, при одѣваньи, даже въ ваннѣ; съ нимъ можетъ даже случиться, что въ нѣкоторыхъ національныхъ купальныхъ мѣстахъ Японіи, какъ, напримѣръ, въ Икао, онъ, купаясь самъ, можетъ очутиться въ обществѣ нѣсколькихъ очаровательныхъ нимфъ, которыя, въ своей наивности, не видятъ въ этомъ ничего дурнаго.

За исключеніемъ столицы, мужчины и женщины во всѣхъ городахъ Японіи купаются вмѣстѣ въ общественныхъ баняхъ; японцы привыкли къ этому съ дѣтства и съ стародавнихъ временъ: такъ повелось еще при ихъ дѣдахъ и отцахъ. Поэтому имъ совершенно непонятно удивленіе европейцевъ.

Покрой платья совершенно одинаковъ у всѣхъ безъ изыятія японскихъ женщинъ: у высокихъ и маленькихъ, у бѣдныхъ и богатыхъ, молодыхъ и старыхъ, словомъ, вездѣ и всюду на всемъ протяженіи японскаго архипелага. Маленькія трехъ-пятилѣтнія куколки съ бритыми головками, рѣзавшіяся на верандахъ, на улицахъ и передъ домами — одѣты точно такъ-же, какъ и ихъ бабушки. Единственная разница — въ сортѣ и цвѣтѣ матерій. Но и аристократка изъ княжеской семьи и дѣвушка изъ народа — обѣ тащатся въ неуклюжихъ, тяжелыхъ, деревянныхъ сандаляхъ, и, какъ послѣдняя, такъ и первая въ дурную погоду и въ холодное время года носятъ одинаковый головной уборъ вродѣ капюшона.

Японка (высшаго или низшаго класса, — это безразлично) начинаетъ свой туалетъ съ того, что обматываетъ себѣ бедра бѣлымъ юмоджи; по своей формѣ и ширинѣ, это нѣчто вродѣ нашего полотенца, но вдвое длиннѣе его; потомъ она одѣваетъ джибанъ, т. е. плотно облегающій халатикъ изъ тонкаго шелковаго крепа свѣтлыхъ цвѣтовъ. Эта красивая принадлежность костюма, закрывающая всю фигуру и даже ноги, замѣняетъ японкамъ нижнюю сорочку. Зимой сверхъ джибана одѣвается еще шитачи (шерстяное платье), а лѣтомъ поверхъ джибана одѣвается кимоно, т. е. самое верхнее платье. Всѣ эти три принадлежности костюма — джибанъ, шитачи и кимоно — одного покроя и такъ хорошо прилажены одна къ другой какъ извѣстныя японскія коробочки, но кимоно шьется обыкновенно изъ гораздо болѣе дорогой матеріи, чѣмъ все нижнее платье, и о немъ заботятся японки больше всего, такъ какъ по цвѣту, матеріи и отдѣлкѣ кимоно опредѣляется не только общественное положеніе обладательницы его, но даже ея возрастъ.

Прическа японки.

Дома японки одѣваются въ простенькіе кимоно изъ обыкновенной матеріи, для гулянья и праздниковъ припасены шелковые и хлопчатобумажные кимоно, а въ особенно торжественныхъ случаяхъ одѣваются кимоно изъ дорогой, тяжелой парчи прелестныхъ узоровъ съ нѣжной и богатой вышивкой. Такую парчу можно иногда видѣть въ Европѣ только на одѣяніяхъ князей церкви. Кто имѣлъ счастье, въ восьмидесятихъ годахъ присутствовать на какомъ-нибудь придворномъ торжествѣ, какъ, напримѣръ, на праздникѣ хризантемы въ императорскихъ садахъ, у того несомнѣнно навсегда осталось воспоминаніе о немъ, какъ о волшебной сказкѣ. Среди огромнаго богатства цвѣтовъ, среди чуднаго букета разсыпанныхъ по императорскому парку десятковъ тысячъ великолѣпныхъ хризантемъ всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, сверкавшихъ на солнцѣ самыми причудливыми красками и притягивавшими сочетаніями, сотни японскихъ дамъ, похожихъ на такіе-же цвѣты, расхаживали взадъ и впередъ по парку, и ихъ развѣвующіяся платья соперничали богатствомъ своихъ красокъ съ живыми цвѣтами; но непрочная красота цвѣтовъ исчезла съ наступленіемъ холодовъ, тогда какъ платья японскихъ аристократокъ, казалось, сдѣланы были такъ прочно, что просуществуютъ вѣчно. Эти платья переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію до пыльных дней, когда безсердечное, беспощадное распоряженіе японскаго правительства запретило ихъ, замѣнивъ ихъ некрасивыми платьями европейскаго покроя.

Прелестныя кимоно (по цвѣту и вышивкѣ—воплощеніе поэзіи) перешли къ скупщикамъ стараго платья, а отъ нихъ въ музеи и коллекціи частныхъ лицъ въ Европѣ, гдѣ они приводятъ въ восторгъ всѣхъ любителей искусства. Всякая японка изъ высшаго класса имѣла большой выборъ нарядныхъ костюмовъ для всякаго времени года. Во время цвѣтенія персиковъ и вишенъ она носила кимоно весь вышитый такими-же цвѣтами; наступало время расцвѣта хризантемы,—и она сейчасъ же мѣняла прежній нарядъ на другой, изящно расшитый только хризантемами; такимъ образомъ, костюмъ японокъ—этихъ живыхъ цвѣтовъ—мѣнялся соотвѣтственно цвѣтамъ японской флоры. Но такіе нарядные костюмы одѣвались ими только въ какіе нибудь торжественные дни или тогда, когда онѣ отправлялись въ гости; въ будни же и на улицѣ японки одѣваютъ кимоно попроще и полегче, и притомъ непременно скромныхъ цвѣтовъ и безъ вышивки. Единственнымъ украшеніемъ выходныхъ кимоно служатъ гербы ихъ обладательницъ, вышитые бѣлымъ шелкомъ на рукавахъ и на спинѣ.

Только дѣтей одѣваютъ, даже въ будни, въ пестрые платья. Ихъ кимоно бываютъ, обыкновенно, радужныхъ цвѣтовъ и разукрашены крупной, бросающейся въ глаза вышивкой. Чѣмъ старше ребенокъ, тѣмъ нѣжнѣе цвѣтъ его кимоно и мельче вышивка. Молодыя дѣвушки носятъ одноцвѣтные кимоно свѣтлыхъ тоновъ, чаще всего розовые, свѣтло-

лиловые, голубые и сѣрые. Послѣдній цвѣтъ считается теперь самымъ фешенебельнымъ. Чѣмъ старше женщина, тѣмъ темнѣе цвѣтъ ея кимоно, но никогда онъ не доходитъ до чернаго.

Но есть одинъ классъ женщинъ, которыя позволяютъ себѣ и въ обыкновенной жизни носить вышеописанные богатые наряды:—это пѣвицы и танцовщицы, эти оригинальныя и легкомысленныя существа, играющія такую большую роль въ Японіи.

Сверхъ кимоно одѣвается оби, т. е. широкій поясъ, и на эту принадлежность костюма обращаютъ все свое вниманіе и всю свою заботу японки всѣхъ классовъ. Оби—гордость и богатство японки. Путешественнику, встрѣчающему японокъ въ первые же дни своего пребыванія, на улицахъ, въ поѣздѣ, въ чайныхъ домахъ и театрахъ—не особенно понравится эта принадлежность костюма, потому что оби охватываетъ нѣжный станъ японки, точно ваточный набрюшникъ, такъ что сзади образуетъ турнюръ, имѣющій отдаленное сходство съ головной подушкой. Если бы оби были такіе же мягкіе и узкіе, какъ тѣ шарфы, которыми въ Японіи обматываютъ свои кимоно мужчины, то фигуры японокъ значительно выиграли бы отъ этого.

Оби представляетъ собою четырехугольный кусокъ матеріи длиною въ четыре метра и шириною въ одинъ метръ; онъ дѣлается всегда изъ самой тяжелой шелковой матеріи и, по возможности, изъ матеріи высокой доброты. Есть такіе оби, которые стоятъ нѣсколько сотъ рублей, но и обычная стоимость этого украшенія превышаетъ, обыкновенно, стоимость всего костюма японки.

Чтобы одѣть на себя оби, японкѣ нужна всегда помощь втораго лица, дѣйствительно, нужно большое искусство, чтобы завязать оби. Прежде всего кимоно стягивается хозо-оби, т. е. шарфомъ изъ крепа, затѣмъ оби, во всю свою длину, складывается въ шарфъ шириною около фута и обертывается, складками вверхъ, два или три раза вокругъ бедеръ. Концы оби завязываются сзади, образуя очень искусную петлю, и вотъ эти-то двѣнадцать—пятнадцать рядовъ очень тяжелой и плотной матеріи и образуютъ своеобразную подушку, которую японка носитъ сзади. Чтобы, опять-таки, оби держалось, сверхъ его повязывается эластичный тонкій шелковый поясъ съ изящными золотыми кончиками:—это оби-доми. Въ складкахъ оби японка прячетъ множество мелочей, которыя всегда должны быть у нея подъ рукой, а то, что не помѣщается въ оби, кладется въ широкіе мѣшкообразные рукава кимоно. Тутъ и мягкія бумажки, употребляемыя вмѣсто носовыхъ платковъ, затѣмъ трубка, мѣшечекъ для табаку и коробка спичекъ. Японки страстныя курильщицы и ежеминутно вынимаютъ свои крохотныя трубки съ головками величиною въ наперстокъ и черенкомъ длиною въ карандашъ, чтобы покурить. Кромѣ того, въ этихъ своеобразныхъ карманахъ масса принадлежностей туалета, какъ, напримѣръ, гребень, иголки,

пудреница, ящичекъ съ румянами, карандашикъ для подведенія бровей, маленькое зеркальце и, наконецъ, самая необходимая принадлежность туалета—бумажный вѣеръ.

Обувь японки можетъ показаться европейцу еще безобразнѣе, чѣмъ обл. Эти вѣжныя, эфирныя, хорошенькія созданья всю свою жизнь ходятъ въ тяжелыхъ деревянныхъ башмакахъ. Уже съ первыхъ лѣтъ дѣтства ихъ крохотныя ножки стискиваются въ толстыя (примѣрно—въ дюймъ) деревянные сандалии, прикрѣпленные къ ногѣ кожаными ремнями; какая-нибудь другая обувь имъ совершенно незнакома до самой смерти. Японки не носятъ чулокъ. Онѣ ходятъ съ голыми икрами, а когда лѣтомъ онѣ гуляютъ по улицамъ или тѣнистымъ городскимъ паркамъ, то онѣ перебрасываютъ черезъ руку свои кимоно и съ трогательною беззащитностію показываютъ голыя ноги. Но даже когда кимоно спущены, то всѣ платья, надѣтыя на японкѣ, при ходьбѣ развѣваются и при каждомъ шагѣ ея ноги болѣе или менѣе обнажаются. Въмѣсто чулокъ японки носятъ короткіе бумажные, или шелковые носки съ отдѣленіемъ для большого пальца и съ крѣпкой подошвой изъ толстой шерстяной матеріи. У себя дома, въ театрѣ, въ храмахъ и чайныхъ домикахъ японки ходятъ въ однихъ носкахъ, а деревянные сандалии остаются у входныхъ дверей. Выходя на улицу, онѣ снова одѣваютъ на ноги эти неуклюжія тяжелыя колодки и съ трудомъ, перегнувшись всѣмъ корпусомъ, тащатся въ нихъ съ согнутыми колѣнями. Пока японка неподвижна, она очаровательна, но вся ея прелесть исчезаетъ, какъ дымъ, лишь только она начинаетъ двигаться.

Въ Европѣ сильно ошибаются, если думаютъ, что распоряженія японскаго правительства оказали какое нибудь вліяніе на народъ, и что старая Японія принесла свой живописный нарядъ въ жертву моднымъ платьямъ, корсажамъ, шляпкамъ съ перьями и ботинкамъ. Эти принадлежности европейской моды носятъ исключительно при дворѣ, и дамы, появляющіяся въ такомъ маскарадномъ костюмѣ, наизрное служатъ пугаломъ для другихъ, не входящихъ ко двору; поэтому, да возблагодаримъ Провидѣніе, что въ Японіи можно встрѣтить всюду, куда ни пойдешь,—въ городахъ и деревняхъ, у богатыхъ и бѣдныхъ—только японское платье. Въмѣсто того, чтобы замѣнить его европейскимъ костюмомъ, слѣдовало бы скорѣе желать, чтобы японскій кимоно, только безъ оби и сандалій, введенъ былъ въ Европѣ.

Японская обувь.

Японка въ «оби».

Японская молодежь.

Европейскому путешественнику вся эта далекая, но прекрасная страна островов должна показаться однимъ огромнымъ дѣтскимъ садомъ. Все здѣсь какъ будто вертится вокругъ этого милаго маленькаго міра. Домики такіе крохотные, изящные; вся утварь въ нихъ напоминаетъ игрушки; садики, окружающіе дома, съ подстриженными и искривленными деревцами, съ маленькими лужайками, озерами—болотцами, съ переброшенными черезъ нихъ мостиками и храмами,—все это такъ миниатюрно, что, глядя на нихъ, можно подумать, будто все это устроено для куколъ, а не для людей. Да и дѣйствительно, въ Японіи взрослые люди, во многихъ отношеніяхъ, совершенныя дѣти. Здѣсь еще можно опредѣлить, когда начинается дѣтство; но никогда нельзя рѣшить, когда оно кончается. Японія—это сплошной и настоящій дѣтскій рай.

Самое горячее желаніе новобрачныхъ—имѣть дѣтей; и когда они появляются въ семьѣ, то—составляютъ гордость родителей и самое дорогое имущество ихъ. Отецъ здѣсь не работаетъ до самой старости, чтобы кормить своихъ дѣтей. Наоборотъ,—здѣсь дѣти кормятъ отца. Какъ только глава семьи состарится, онъ удаляется на покой и передаетъ дальнѣйшія заботы и все свое имущество своему старшему сыну. Весь остатокъ своей жизни онъ проводитъ въ покой и тишинѣ. Японскіе родители заглядываютъ въ будущее безъ боязни; они знаютъ, что могутъ всегда рассчитывать на то, что ихъ избытокъ любви и заботы о дѣтяхъ щедро вознаградится послѣдними, что до своей старости они будутъ окружены любовью, заботами и уваженіемъ своихъ дѣтей.

Рожденіе ребенка встрѣчается здѣсь съ радостью, особенно если родится мальчикъ, потому что въ Японіи только мальчики наследуютъ имя и имущество отца. Объ этомъ великомъ событіи сейчасъ-же оповѣщаются родственники и знакомые черезъ посредство гонцовъ, и счастливый домъ наполняется гостями, пришедшими поздравить родителей и взглянуть на новорожденного. На всѣхъ лицахъ написана радость, только новый гражданинъ, переходящій изъ рукъ въ руки, видимо, не особенно доволенъ первыми днями своего пребыванія на этомъ свѣтѣ. Подарки, которыхъ онъ получаетъ множество, его не интересуютъ, и онъ не можетъ оцѣнить ихъ по достоинству. Это или что-нибудь изъ одежды, матеріи разныхъ сортовъ, или игрушки и даже кое-что изъ провіанта, напримѣръ, яйца. Всѣ подарки аккуратно завернуты въ бумагу и перевязаны красной тесьмой; къ ней привязанъ крошечный пакетикъ съ кусочкомъ рыбы, завернутымъ въ красную бумажку; суетливые японцы убѣждены, что она приноситъ счастье.

На седьмой день послѣ рожденія отецъ или какой-нибудь другъ семьи даетъ ребенку какое-нибудь имя; обыкновенно это бываетъ немного измѣненное имя отца или какого-нибудь предка. Если родится дѣвочка, то ей дается имя какого-нибудь явленія природы или цвѣтка, напримѣръ: Весна, Солнечное сіяніе, Золото, Яблочный цвѣтъ, Хризантема, Лилія и т. д.

Новый пришелецъ записывается въ книги мѣстной префектуры, затѣмъ устраивается торжественный обѣдъ изъ риса съ красными бобами,—и вся церемонія окончена. Въ этотъ день, впрочемъ, совершается еще одно важное дѣло:—ребенку брѣютъ почти всю голову, за исключеніемъ маленькаго клочка на темени. Если нѣжная мать пожелаетъ, то можно оставить на головкѣ ребенка даже нѣсколько такихъ клочковъ или же узенькій вѣйчикъ, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, придающее японскимъ дѣтямъ необычайно забавный видъ. Только когда наступаетъ школьный возрастъ, имъ оставляютъ ихъ волосы.

На тридцатый день рожденія ребенка происходитъ религиозное освященіе его, заключающееся въ томъ, что его торжественно несутъ въ одинъ изъ шинтоистскихъ храмовъ и отдаютъ подъ покровительство одного изъ боговъ. Въ этотъ день счастливые родители отдаютъ всѣхъ тѣхъ, которые принесли подарки въ день рожденія ребенка; они рассылаютъ рисовые пряники, яйца или что-нибудь другое въ этомъ родѣ вмѣстѣ съ записочками, въ которыхъ выражаютъ свою благодарность.

Если принять во вниманіе, что такихъ подарковъ набирается—особенно въ болѣе состоятельныхъ классахъ—до ста и болѣе, то можно себя легко представить, сколько возни у молодой матери. Пряники посылаются обыкновенно въ деревянные лакированные коробочкахъ,

которыя должны быть возвращены посланному, но ихъ отнюдь не слѣдуетъ вычищать, такъ какъ это, по повѣрью, должно принести ребенку несчастье.

Этимъ кончаются всѣ церемоніи, сопровождающія появленіе на свѣтъ ребенка, и онъ можетъ спокойно начать свою жизнь. Въ холодную погоду ребенокъ сидитъ дома на чистыхъ, мягкихъ циновкахъ. Въ

Дѣтскія игры.

въ японскихъ домахъ нѣтъ мебели, такъ что ребенку не грозитъ опасность удариться головой объ уголъ стола или чего-нибудь другого; тамъ также нѣтъ стеклянныхъ шкапчиковъ и этажерокъ съ фарфоромъ и бездѣлушками, которыя можно было-бы разбить; даже стѣны комнаты сдѣланы изъ мягкой, натянутой на деревянную раму бумаги, и самое большое несчастье, которое могло-бы случиться съ ребенкомъ, это, если-бы онъ просунулъ пальчикъ сквозь бумагу. Свое платье онъ также не можетъ запачкать, прежде всего потому, что дѣтствомъ

дѣти вообще не носятъ здѣсь рѣшительно никакого платья. Когда ребенокъ проголодается, то мать кормитъ его своимъ молокомъ; материнское молоко—главная пища дѣтей до двухъ-трехъ лѣтняго возраста.

Въ состоятельныхъ семьяхъ, у куговъ и дайміосовъ, дѣтей одѣваютъ въ платья такого-же покроя, какъ и взрослыхъ. Нѣтъ ничего комичнѣе этихъ диллипутовъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, съ бритыми головками въ длинныхъ сборчатыхъ платьяхъ, когда они, подражая взрослымъ, низко раскланиваются другъ съ другомъ, или когда такія крошки двухъ или трехъ лѣтъ, сидя за общимъ столомъ, ѣдятъ не ложками, а костяными палочками (shop-sticks).

Они, конечно, еще не умѣютъ сами одѣваться; и объ этомъ заботится или мать, или старшая сестра. Кимоно разстилается на полу и на него сажаютъ ребенка. Потомъ ручки его продѣваютъ въ рукава, кимоно собирается вокругъ маленькаго тѣльца въ складки и связывается широкимъ поясомъ. Обыкновенно ребенокъ носитъ на шеѣ еще мѣдную пластинку, на которой обозначены его имя и адресъ, что-бы онъ не могъ затеряться; чтобы предохранить его отъ всякой опасности, ему прикрѣпляютъ къ поясу киншакъ—т. е. мѣшечекъ изъ дорогого шелка, въ которомъ хранится какое-нибудь волшебное средство. Въ холодную погоду дѣтямъ одѣваютъ два или три кимоно, одно поверхъ другого. *)

Въ бѣдныхъ семьяхъ (которыхъ въ Японіи гораздо больше, чѣмъ богатыхъ), конечно, нѣтъ возможности окружить дѣтей такимъ заботливымъ уходомъ. Они или ходятъ совсѣмъ голые, или имъ одѣваютъ одно кимоно. У матери слишкомъ много дѣла дома, въ саду и въ полѣ, чтобы отдавать много времени своему ребенку; оставить его одного дома она также не рѣшается, поэтому она привязываетъ его на спину длинной тесьмой. Но если имѣется старшая сестренка шести—семи лѣтъ, то ребенокъ привязывается ей на спину, и мать можетъ безпрепятственно заниматься своей работой.

Гдѣ только ни былъ я въ Японіи—въ городахъ и деревняхъ, на улицахъ и площадяхъ, я вездѣ встрѣчалъ дѣвочекъ въ возрастѣ отъ семи до пятнадцати лѣтъ съ ребенкомъ за плечами; ему очень нравится его положеніе, онъ весело смотритъ черезъ плечи сестренки

*) Заботливость и нѣжность японскихъ родителей къ своимъ дѣтямъ—безспорно самая характерная черта мѣстнаго населенія, единогласно подтверждаемая всѣми путешественниками. Японки, вообще очень, быстро и искренно привязываются къ дѣтямъ, что уже давно оцѣнено русскими, живущими на Дальнемъ русскомъ Востока, въ семьяхъ которыхъ няньками являются почти исключительно японки. Даже въ отношеніи къ совершенно чуждымъ имъ русскимъ дѣтямъ, японскія няни проявляютъ такую любовь и столько мягкости, что имъ могли-бы многое позавидовать.

на весь міръ; такимъ образомъ онъ проводитъ день за днемъ, недѣлю за недѣлей до тѣхъ поръ, пока самъ научится перебирать ножками. Какъ только ребенку минетъ пять—шесть лѣтъ, то, если это дѣвочка, ей зачастую самой приходится вступить въ роль няньки, такъ-какъ къ этому времени можетъ явиться на свѣтъ еще сестренка или братишка, котораго она, въ свою очередь, таскаетъ на спинѣ.

Молодая нянька очень скоро привыкаетъ къ своей ношѣ; она

Поздравленіе съ новорожденнымъ.

бродитъ по улицѣ, играетъ съ сосѣдними ребятишками, или работаетъ и, вообще, проводитъ время такъ непринужденно, точно ребенокъ приросъ къ ней сади, какъ горбъ. Цѣлыми часами таскаетъ она его съ собою; если онъ засыпаетъ, то продолжаетъ спокойно спать даже при тряскѣ во время бѣготни своей няньки.

Я часто самъ видѣлъ, какъ при этомъ ручки ребенка безпомощно висятъ, головка болтается изъ стороны въ сторону, откидывается назадъ или падаетъ на бокъ, и мнѣ не разъ становилось страшно, и казалось, что, вотъ-вотъ, онъ сломаетъ себѣ спинку; но ребенокъ про-

должна спокойно спать. Очень рѣдко случается здѣсь, что-бы нянька уронила ребенка; ребенокъ, какъ прирожденный наѣдникъ, обхватываетъ своими растопыренными ножками бока своей няни; она можетъ дѣлать, что ей угодно:—онъ твердо держится въ сѣдлѣ! Когда ребенокъ голоденъ, нянюшка садится возлѣ матери, или къ ней на колѣни, ребенокъ поворачивается и сосетъ у матери грудь, какъ умѣетъ: мать даже не придерживаетъ ребенка.

При всемъ этомъ, какъ жизнерадостны, спокойны и благовоспитанны японскія дѣти! Я рѣдко видѣлъ тамъ ребенка плачущаго, или кричащаго во весь голосъ; никогда не видѣлъ я шалящихъ дѣтей, мальчики никогда не дерутся, и родители никогда ихъ не сѣкутъ. Если дѣти ведутъ себя непристойно, то родители грозятъ имъ только краснымъ чертомъ „Они“, который забираетъ дѣтей. Это—величайшее пугало для японскихъ дѣтей, поэтому можете себя представить, какой ужасъ вызываетъ, особенно среди деревенскихъ дѣтей, появленіе нѣмца съ рыжей бородой и рыжими волосами на головѣ. Ребятишки бѣгутъ въ разсыпную и прячутся во всѣ закоулки. *)

Колыбелей и дѣтскихъ кроватокъ въ Японіи совершенно не знаютъ. Малютку тщательно купаютъ, да еще въ очень горячей водѣ, что ему, повидимому, большого вреда не приносить. Бѣдные люди, у которыхъ нѣтъ своихъ бань, берутъ съ собою ребятишекъ въ общественныя бани, гдѣ они купаются вмѣстѣ съ другими родителями и дѣтьми.

Купанье, постоянное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ и непринужденныя движенія на спинахъ своихъ сестеръ, очевидно, очень благотворно отзываются на здоровьи дѣтишекъ. Смертность среди японскихъ дѣтей свирѣпствуетъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ, и единственная довольно распространенная болѣзнь — это кратковременная сыпь на головѣ и на спинѣ, но какъ только сыпь проходитъ, дѣти имѣютъ такой здоровый и цвѣтущій видъ, что родители и друзья не нарадуются на нихъ; они ощупываютъ ихъ налитое упругое тѣлце и предсказываютъ имъ блестящую будущность. Да и, вообще говоря,

*) Европейцу, путешествующему по Японіи, бросается, между прочимъ, въ глаза на улицахъ мѣстныхъ городовъ и деревень, какая-то особенная, свойственная только мѣстнымъ дѣтямъ, благовоспитанность ихъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ, вы видите здѣсь только дѣтей—малышей, которыхъ ихъ сестренки таскаютъ у себя на спинахъ, или группы малолѣтокъ, мирно играющихъ или плещущихся у фонтановъ. Дѣтей школьнаго возраста вы встрѣтите здѣсь только за какимъ нибудь дѣломъ, и за то вы вовсе не увидите здѣсь буйныхъ «уличныхъ мальчишковъ», не услышите здѣсь шума и гама подростковъ, шатающихся безъ дѣла. Проявленіе дурныхъ и вредныхъ наклонностей, дурнаго поведенія среди дѣтей—здѣсь почти неизвѣстно. Все скрадывается и смягчается какой-то удивительною благовоспитанностью, свойственною вообще туземному населенію, отъ мала до велика.

гдѣ въ мірѣ дитя, въ глазахъ своихъ родителей, не считается самымъ красивымъ и умнымъ изъ всѣхъ дѣтей!

Мало по малу, малютка научается говорить гораздо раньше, чѣмъ начинаетъ ходить. Японскій языкъ вообще очень простъ, звученъ и, поэтому, легко усваивается, особенно самыя обиходныя выраженія. У японскихъ ребятишекъ первыми словами бывають тѣ-же, что и у насъ, т. е. „мама“, „папа“, „бебе“,—но эти слова имѣють здѣсь совершенно другое значеніе. „Мама“—это пища, питье; „бебе“—платье, „тата“—носки; слово „ія“ означаетъ „нѣтъ“, или „я не желаю“, „мнѣ это непріятно“. Затѣмъ ребенокъ начинаетъ ходить, сначала дома, а потомъ въ саду, который имѣется у большинства японцевъ позади деревянныхъ домиковъ, или же на улицѣ, по которой рѣдко проѣзжаютъ тележки, особенно въ деревняхъ.

Какъ только ребенокъ научается ходить по комнатамъ, его приучаютъ къ ношенію „гета“—т. е. деревянныхъ туфель, и нужно только удивляться, съ какой легкостью японскія ребятишки осваиваются съ этой неуклюжей и тяжелой обувью, какъ они умудряются съ этой тяжелой ношей на ногахъ бѣгать, прыгать и всячески рѣзвиться.

Японскіе родители слѣдятъ за развитіемъ своихъ дѣтей съ большою нѣжностью и заботливостью, можно сказать, что любовь между родителями и дѣтьми—это единственная любовь, какую признають японцы. Они внимательно слѣдятъ за развитіемъ своихъ малютокъ, учатъ ихъ и очень рѣдко наказываютъ. Въ воспитаніи дѣтей большую роль играютъ суевѣрія. Когда свирѣпствуетъ оспа или какая-нибудь другая эпидемія, то заботливый отецъ пишетъ на дверяхъ своего дома, что дѣтей нѣтъ дома, чтобы злые духи даже не переступали порога. Отъ лжи дѣтей отучаютъ угрозой, что злой Они вырветъ имъ языкъ.

Мальчикамъ предоставляется, обыкновенно, гораздо большая сво-

Японскія няньки.

бода, чѣмъ дѣвочкамъ. Мальчикъ самъ проложить себѣ путь въ жизни; онъ—наслѣдникъ отца, ремесло котораго онъ также изучаетъ; ему открыты пути и ко всякимъ другимъ профессіямъ.

Съ дѣвушкой все иначе. Она должна лишь учиться найти себѣ мужа и умѣть удержать его при себѣ навсегда. Она не должна имѣть своей собственной воли, не должна обнаруживать гнѣва, неудовольствій или страданій; она обязана скрывать всѣ эти чувства подъ пріятной улыбкой, вѣжливыми манерами и даже съ нѣкоторой долей кокетства; она должна научиться дѣлать пріятною жизнь не только себѣ, но и другимъ.

Къ счастью, все это внушается дочерямъ очень нѣжно и почти безсознательно. И, вообще говоря, дочь—любимица въ домѣ. Родители и братья обращаются съ нею любовно и нѣжно, а слуги относятся къ ней съ уваженіемъ.

Всѣмъ домашнимъ работамъ дѣвочка научается незамѣтно и какъ бы играя. Въ японскомъ домѣ эти обязанности не такъ сложны, какъ у насъ, потому что въ простенькихъ одноэтажныхъ домикахъ почти совсѣмъ нѣтъ мебели, бездѣлушекъ, картинъ, зеркалъ, ковровъ, оконъ и т. под. Комнаты совершенно пусты и голы, полы въ нихъ покрыты циновками, стѣны—ничто иное, какъ бумажныя ширмы, и держать въ чистотѣ такія комнаты точно такъ-же, какъ и ангаву, т. е. окружающую домъ галерею—очень нетрудно. Постели состоятъ изъ матрацовъ, которые вечеромъ кладутся на полъ, а утромъ прячутся въ шкафъ. Что касается ѣды, то японскія дѣвушки не вынуждены обучаться высшему кулипарному искусству, учиться варить разные супы, готовить жаркія и мучныя блюда, постигать тайну соусовъ и консервовъ, потому что здѣсь даже самый избалованный мужъ не потребуетъ отъ своей жены всѣхъ этихъ произведеній тонкой кухни. Утромъ ѣдятъ рисъ, къ обѣду рисъ, вечеромъ—рисъ; къ этому иногда еще прибавляется сушеная рыба и варенныя овощи; вотъ и все будничное меню.

Японцы не знаютъ также кружевъ и тонкаго бѣлья, которое нужно было-бы чистить, имъ не надо готовить себѣ модныхъ бальныхъ туалетовъ, не надо отдѣлывать себѣ шляпокъ; единственное умѣнье, которое требуется отъ японской женщины,—это умѣнье шить; ихъ кимоно, похожее на халатъ, и нижнее платье не нуждается въ портнихѣ; онѣ сами шьютъ себѣ платье, а если оно загрязняется, его распарываютъ и моютъ въ холодной водѣ безъ мыла. Утюгъ японкамъ совершенно неизвѣстенъ. Послѣ каждой стирки вещи шьются заново. Чулки и ботинки, т. е. то, что у насъ носить это названіе, почти не носятъ японками, точно также, какъ и шляпы. Единственнымъ головнымъ уборомъ ихъ служить тщательно сдѣланная прическа, украшенная шпильками и цвѣтами; эта прическа старательно дѣлается одинъ

Обзорный рядъ въ Токио.

разъ въ недѣлю специальными женщинами-парикмахерами за ничтожную плату.

Умственное воспитаніе до послѣдняго десятилѣтія отнимало у японки очень мало времени,—гораздо меньше, чѣмъ обученіе всякимъ пустякамъ, имѣющимъ очень большое значеніе въ царствѣ микадо. Молодые дѣвушки тщательно обучаются тайнамъ чайной церемоніи (ча-но-ю); онѣ обучаются церемоніи встрѣчи и приѣма гостей, искусству связывать и составлять букеты, игрѣ на самизенѣ, а въ болѣе состоятельныхъ семьяхъ еще танцамъ и пантомимамъ для развлечения родителей и гостей.

Въ возрастѣ отъ шести до десяти лѣтъ онѣ посѣщаютъ какую нибудь частную школу, гдѣ обучаются чтенію и письму китайскихъ и японскихъ знаковъ, китайской литературѣ, японской поэзіи и исторіи. Географія, ариметика, всеобщая исторія и всѣ другія науки, входящія въ программу нашихъ школъ, вводятся понемногу въ програму этихъ училищъ только въ послѣднее десятилѣтіе, но, прежде всего, онѣ должны пройти китайско-японскую школу. Бѣдной молодежи приходится довольно тяжело, когда, послѣ очень труднаго литературнаго языка монголовъ и рисованія тысячъ гіероглифовъ кисточкой и тушью, послѣднія замѣняются перомъ и черниломъ, а, вмѣсто китайскаго, они начинаютъ учить французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Вмѣсто того, чтобы сидѣть на корточкахъ, ихъ у саживаютъ на скамейки, и учатъ писать на столахъ.

Школьный вопросъ считается въ Японіи до сихъ поръ не разрѣшеннымъ, даже, пожалуй, неразрѣшимымъ *). Въ Токио, Іокогамѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ европейская культура сдѣлала нѣкоторые успѣ-

Сценка изъ жизни японскихъ дѣтей.

*) Это утвержденіе г. Гессе-Вартега нуждается въ серьезной поправкѣ. Со времени вступленія въ 1868 году на путь реформъ Японія подвергла кореннымъ преобразованіемъ также и дѣло народнаго образованія. Здѣсь введено обязательное обученіе, вся страна покрыта сѣтью низшихъ и среднихъ школъ, въ столицѣ страны, Токио, открытъ университетъ. Особенно выиграла отъ этой реформы народная школа, преобразованная по типу американскихъ, какъ дающихъ самые скорые результаты; замѣнивъ собою существовавшіи долгій рядъ лѣтъ и застывшіи въ оковахъ китайскаго классицизма низшія школы,—она сдѣлалась и народной и доступной. (См. мою книгу «Японія и Японцы», СПб. 1895 г., стр. 480—508).

хи, мнѣ было очень странно, вмѣсто хорошенькихъ пестро-одѣтыхъ японскихъ дѣтей, видѣть такихъ же, какъ у насъ, школьникѣвъ въ европейскомъ платьѣ, съ книжками подъ мышкой. Родителямъ это распоряженіе правительства доставляетъ только заботы и расходы. Для мальчиковъ можно еще признать нѣкоторую пользу новаго воспитанія, но у дѣвочекъ оно произведетъ полный переворотъ во всей ихъ жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, переворотъ въ культурѣ и во всемъ образѣ жизни всего народа. Имѣется-ли, однако, для этого на лицо какое либо нравственное основаніе.

Въ настоящее время на этотъ вопросъ приходится еще отвѣчать отрицательно, потому что японскимъ дѣтямъ не преподается религія, и христіанство дѣлаетъ здѣсь не быстрые успѣхи; нравственность, какъ ее понимаютъ европейцы, стоитъ въ Японіи на довольно низкой ступени. Наши взгляды на добродѣтель и цѣломудріе, на любовь и скромность большинству здѣсь совершенно непонятны, и надо только удивляться тому, что, несмотря на все это, японская молодежь сохранила въ себѣ такъ много дѣтской наивности.

Дѣвочки и мальчики остаются здѣсь гораздо дольше дѣтьми, чѣмъ у насъ; они не знаютъ за собою проступковъ и поэтому жизне-радостны, весело играютъ въ разныя игры, любятъ куколъ, сказки и празднества, которыхъ въ Японіи великое множество. Съ самаго ранняго дѣтства они учатся ариметикѣ, считая по пальцамъ, сколько дней осталось до слѣдующаго матсури (народный праздникъ). На новый годъ, въ буддійскій или народный праздникъ, или на домашнемъ торжествѣ, ихъ наряжаютъ въ пестрыя платья, какъ куколъ; дѣвочки пудрятся и румянятся, чернятъ брови, красятъ губы такъ-же, какъ женщины постарше. Нѣтъ болѣе веселаго зрѣлища, какъ то, которое открывается глазамъ зрителя въ праздничные дни, когда всѣ улицы, ведущія къ храмамъ, и дворики храмовъ, гдѣ расположилось множество лавочниковъ съ пестрыми и интересными игрушками, запружены этой маленькой публикой, разгуливающей въ сопровожденіи своихъ родителей, весело тѣсящейся вокругъ всѣхъ этихъ соблазновъ и все покупающей; даже самый ярый врагъ дѣтства не можетъ не радоваться, глядя на нихъ.

Каждый городъ въ Японіи—своего рода Нюренбергъ или Зоненбергъ; во всякой улицѣ можно найти всевозможныя игрушки и вообще это производство—самое распространенное въ странѣ.

Самый большой праздникъ у дѣвочекъ, — купальный праздникъ, который бываетъ на третій день третьяго мѣсяца, и въ этотъ день въ царствѣ микадо очень немного домовъ, гдѣ не вытащили бы изъ ящиковъ всѣхъ имѣющихся въ наличности куколъ, не вычистили-бы и не нарядили бы ихъ и не поставили-бы на подставки, къ величайшей радости дѣтей. Въ богатыхъ домахъ въ такихъ случаяхъ выползаютъ на свѣтъ Божій сотни куколъ, часть которыхъ составляетъ фамиліное

наслѣдство и обыкновенно изображаютъ императора, императрицу и всю ихъ свиту въ великолѣпныхъ нарядахъ. Въ этотъ день маленькія дѣвочки варятъ своимъ кукламъ обѣдъ въ крошечной посудѣ и подаютъ его имъ на такихъ же крошечныхъ тарелочкахъ; они водятъ ихъ гулять, одѣваютъ и раздѣваютъ. Въ дни общественныхъ праздниковъ дѣти развлекаются вмѣстѣ со взрослыми; они играютъ на улицѣ въ такія же игры, какъ наши дѣти: въ мячъ, въ волакъ и пускаютъ бумажнаго змѣя; зимой, когда наступаютъ холода, они садятся среди комнаты вокругъ хлбаджи (жаровня съ горячими угольями), играютъ въ карты, или слушаютъ прекрасныя японскія сказки, которыя рассказываютъ имъ бабушка или тетюшка (о-ба-санъ).

У мальчиковъ есть свой праздникъ—праздникъ флаговъ, бывающій въ пятый день пятаго мѣсяца; во всякой семьѣ, гдѣ есть сыновья, въ этотъ день привязываютъ къ бамбуковымъ шестамъ огромныя бумажныя рыбы, и самыя шесты укрѣпляются на крышахъ домовъ. Вѣтеръ надуваетъ рыбъ, какъ воздушные шары, и тогда можно видѣть надъ городомъ десятки тысячъ парящихъ рыбъ. Мальчики, наряженные солдатами и самураями, разгуливаютъ съ пестрыми флагами въ рукахъ и объѣдаются сладостями.

Великій праздникъ для дѣтей—тотъ день, когда родители берутъ ихъ съ собой въ театръ, потому что японцы забираются туда всѣмъ семействомъ съ утра и уходятъ оттуда только поздно вечеромъ. Дѣти внимательно слѣдятъ за пьесами историческаго содержанія, но все, что въ нихъ попадаетъ грубаго и безразсуднаго, не оказываетъ вліянія на ихъ почтительность къ родителямъ. Вообще говоря, ничто такъ сильно не бросается въ глаза европейцу, какъ эта благородная черта японскаго характера. Но она заходитъ такъ далеко, что, напримѣръ, всѣ дѣти и слуги при выходѣ родителей изъ дому или по возвращеніи ихъ домой, становятся на колѣни и касаются лбомъ земли. Нигдѣ въ мірѣ послушаніе не считается такой первенствующей добродѣтелью дѣтей, какъ въ Японіи, и въ этомъ отношеніи дѣти другихъ странъ должны были-бы брать примѣръ съ японскихъ дѣтей.

Мальчикъ въ киримонѣ.

Бракъ у японцевъ.

Для молодой, незамужней японки время, проведенное у родителей можетъ считаться самымъ счастливымъ.

Родители, сестры и братья окружаютъ ее пѣжностью и любовью и исполняютъ, по возможности, все ея желанія: она радуется своему возрасту и пользуется, до самого выхода замужъ (въ возрастѣ отъ четырнадцати до семнадцати лѣтъ) большей свободой, чѣмъ дѣвушки другихъ странъ. При первомъ взглядѣ на этихъ парумяченныхъ и напудренныхъ куколокъ можно подумать, что онѣ вполнѣ счастливы. На ихъ раскрашенныхъ губахъ—вѣчно веселая улыбка, ихъ черныя глазки жизнерадостно смотрятъ на Божій міръ, и даже послѣ того, какъ онѣ уже нѣкоторое время посвящены въ тайны супружества, онѣ все еще остаются дѣтьми и играютъ въ разныя игры со своими младшими братьями и сестрами.

Но какъ только онѣ выходятъ замужъ, ихъ радостямъ и дѣтской самостоятельности наступаетъ конецъ. Если-бы онѣ хоть могли сами выбирать себѣ мужей! Если-бы имъ хоть позволяли спрашивать совѣта у своего сердца, если-бы онѣ хоть знали, что такое любовь, какъ понимается она у насъ! Но такая любовь совершенно незнакома японцамъ.

Едва только дѣвушка достигаетъ возраста невѣсты, родители сейчасъ же начинаютъ мечтать о томъ, чтобы выдать ее замужъ по возможности скорѣе. Но предварительные переговоры рѣдко ведутся родителями невѣсты. Обыкновенно молодой человекъ, желающій жениться, обращается къ кому нибудь изъ своихъ жематыхъ пріятелей, который, по его просьбѣ, приеマトривается ко всемъ знако-

мымъ мусмэ; если онъ находитъ подходящую невѣсту для своего друга, то дѣлаетъ ея родителямъ соответствующее предложеніе. Они, въ свою очередь, наводятъ справки о женихѣ, о его матеріальномъ положеніи, и если они согласны выдать за него свою дочь, то молодымъ людямъ даютъ возможность познакомиться другъ съ другомъ. Встрѣча жениха и невѣсты устраивается обыкновенно или у пріятеля—посредника (свата), или въ театрѣ, или у другихъ знакомыхъ. О согласіи невѣсты не особенно заботятся, да она и сама относится къ этому довольно равнодушно. Мусмэ знаетъ, что ей не избѣжать замужества, какъ смерти, и поэтому она, въ этихъ случаяхъ, какъ бы выбираетъ

Портниха.

изъ всѣхъ золъ наименьшее, т. е. беретъ мужа, къ которому не чувствуетъ отвращенія.

Болѣе теплой симпатіи или любви отъ нея даже и не ждутъ. Если жениху она нравится, то дѣло тутъ же и налаживается: онъ, вѣдь, рѣшительно ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, считающихся пробными, онъ можетъ отправить ее, безъ всякой церемоніи назадъ къ ея родителямъ. Чтобы выразить свое согласіе на бракъ съ избранной имъ дѣвицей, женихъ посылаетъ ей обыкновенно шелковую матерію, что у японцевъ замѣняетъ наши обручальные кольца. Семья невѣсты ему, съ своей стороны, тоже посылаетъ шелковую матерію на кимоно. Послѣ этого начинаются приготовления къ свадьбѣ, которую здѣсь обыкновенно не принято затягивать. Друзья жениха отправляются къ гадалкамъ, чтобы онѣ назначили какой ни-

будь счастливый день для свадьбы, и вечеромъ этого дня невѣста переходитъ въ домъ своего жениха.

Религіозныхъ обрядовъ или гражданскихъ формальностей при заключеніи брака здѣсь никакихъ не полагается. Вся процедура только въ томъ и заключается, что невѣста изъ дома своихъ родителей въ переходитъ домъ своего жениха.

Все ея приданое заключается въ ея платьяхъ, письменномъ столкѣ, рабочей корзинкѣ, ящикѣ съ румянами и помадой, двухъ столпкахъ для ѣды и двухъ тарелкахъ изъ лакированнаго дерева. Чѣмъ богаче ея семья, тѣмъ больше у нея платьевъ и очень часто бываетъ, что молодая дѣвушка приноситъ съ собой нарядовъ больше, чѣмъ ей нужно на всю жизнь. Если въ родительскомъ домѣ у нея есть своя служанка, то, обыкновенно, и та переходитъ за нею въ ея новый домъ.

Вечеромъ того дня, въ который назначена свадьба, невѣста одѣвается вся въ бѣлое, (т. е., по понятіямъ японцевъ, въ цвѣтъ траура):—въ знакъ того, что съ этого дня она навсегда умираетъ для своей семьи. Какъ только новобрачная покидаетъ родительскій домъ, тамъ начинается тщательная чистка и уборка, а въ прежнія времена передъ входомъ въ оставленный невѣстою домъ зажигали даже костеръ, какъ это дѣлается тогда, когда изъ дома уносятъ покойника. Какъ только невѣста, въ сопровожденіи свата и его жены, входитъ въ домъ жениха, то она сейчасъ же бѣлый нарядъ замѣняетъ пестрымъ и отправляется въ комнату жениха. Какая нибудь молодая дѣвушка подноситъ поочередно, сначала невѣстѣ, а потомъ жениху, чарку саке (рисоваго вина). Послѣ троекратной пробы его, подносится вторая и третья чарка,—и бракъ считается окончательно скрѣпленнымъ. Рѣдко у какого народа заключается бракъ такъ просто и непоэтично.

Между тѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ собираются ближайшіе родные новобрачныхъ и другіе гости къ свадебному пиру, за которымъ бываетъ очень весело. Семья жениха и его домочадцы—въ очень хорошемъ настроеніи, такъ какъ всѣ они, даже слуги и конюхи, получаютъ подарки отъ семьи невѣсты. Въ Японіи существуетъ одинъ такой же обычай, какъ и у насъ: гости приносятъ новобрачнымъ подарки, обыкновенно вещи изъ домашней утвари или матеріи на платье. Драгоценности исключаются, такъ какъ японки ихъ не носятъ. Обыкновенно это веселое общество сидитъ за рисовымъ вѣномъ и лакомствами до глубокой ночи; пѣвицы и танцовщицы все время развлекаютъ гостей игрой на самизѣнѣ и кото; какъ только гости удаляются, одна изъ молодыхъ дѣвицъ вводитъ новобрачныхъ въ приготовленную для нихъ комнату; тамъ они опять отпиваютъ по три раза изъ трехъ чарокъ саке, но на этотъ разъ первымъ отпиваетъ женихъ. Теперь они считаются уже мужемъ и женой, и единственная формальность, которую надо исполнить отцу невѣсты,—это заявить въ полицейское бюро сво-

его участка, что дочь его уже не живетъ у него, а перешла въ домъ своего мужа.

Впрочемъ, не всегда у ея мужа есть свой собственный домъ: въ Японіи браки заключаются такъ рано, что зачастую мужъ не имѣетъ еще ни своего дѣла, ни своего дома. Въ такихъ случаяхъ новобрачный становится членомъ его семьи, которой и обязана безпрекословно повиноваться.

На третій день послѣ свадьбы у родителей невѣсты устраивается торжественный приемъ гостей, на которомъ бывають всѣ друзья и знакомые. Обыкновенно въ этотъ день родные жениха отдаривають родныхъ невѣсты. Новобрачные, согласно старинному обычаю, устраивають, въ свою очередь, у себя черезъ два—три мѣсяца послѣ свадьбы какое нибудь торжество: парадный обѣдъ или гулянье въ саду, къ которому приглашаются всѣ знакомые. Для многихъ только это торжество и является вѣстникомъ совершившагося бракосочетанія, такъ какъ въ Японіи знакомымъ не рассылають извѣщеній ни о помолвкѣ, ни о свадьбѣ. Вообще всему этому событію тамъ не придаютъ такого большого значенія, какъ у насъ. На жену японцы смотрять, какъ на главную служанку мужа, и поэтому въ Японіи считается совершенно безразличнымъ, на комъ именно кто либо изъ знакомыхъ женится. Уваженіе къ общественному положенію или къ семьѣ новобрачной почти не принимается во вниманіе и съ заключеніемъ брака для молодой дѣвушки не наступаетъ, въ этомъ отношеніи, почти никакой перемѣны. Въ положеніи мужа все остается по старому: онъ живетъ, какъ хочетъ, какъ жилъ холостымъ, у него не прибавляется никакихъ обязанностей, никакихъ ограниченій. Онъ можетъ проводить вечера внѣ дома, онъ имѣетъ право ввести въ свой домъ, въ качествѣ наложницъ, другихъ дѣвушекъ; отъ него не требуется ни любви, ни вѣрности. Но за то его жена обязана ему повиноваться во всѣхъ мелочахъ, должна спокойно и привѣтливо выслушивать отъ него все, ухаживать за нимъ, готовить ему кушанья, шить ему одежду, поддерживать въ домѣ полный порядокъ: въ сущности, она исполняетъ то, что дѣлаетъ у насъ служанка въ домѣ холостого мужчины, съ тою только разницею, что у насъ служанка получаетъ ежемѣсячное жалованье и можетъ во всякое время отказаться отъ своего мѣста, тогда какъ японская женщина пребываетъ на службѣ у мужа-владыки всю свою жизнь и въ знакъ того, что она добровольно соглашается на такое положеніе и даже не думаетъ о перемѣнѣ своего повелителя, она, выходя замужъ, обезображиваетъ себя, чернить свои зубы и брѣть брови. Въ большихъ городахъ этотъ обычай выходитъ изъ употребленія, но въ провинціи и деревняхъ я видѣлъ еще много женщинъ съ черными зубами.

Все вышеописанное вызоветъ у европейской женщины чувство возмущенія существующими здѣсь порядками и состраданіе къ япон-

камъ; особенно то, что онѣ вступаютъ въ свое тяжелое иго супружества безъ любви, безъ шаферовъ и даже безъ свадебнаго путешествія. Но у низшихъ классовъ японскаго народа все это обстоитъ еще хуже. Рабочіе, кули при рикшахъ, домашняя прислуга,—все обходятся даже безъ свадебнаго обѣда и церемоніи съ питьемъ саке. Они женятся на женщинѣ, которая кажется имъ подходящей и мѣняють ее на другую безъ всякой церемоніи, какъ мы мѣняемъ платье. Очень многіе изъ живущихъ въ Японіи европейцевъ, вернувшись къ себѣ домой, узнають, къ своему удивленію, отъ своего „боя“ (лакея) или бетто (конюха), что онъ только что женился. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ можетъ опять оказаться холостымъ; но если конюху когда нибудь опять выредеть на умъ жениться, то онъ сейчасъ же беретъ себѣ въ домъ жену, и она чинитъ ему платье, готовитъ ему обѣдъ и вообще прислуживаетъ ему гораздо лучше, чѣмъ онъ своему хозяину.

Чѣмъ выше поднимаешься по ступенямъ общественной лѣстницы, тѣмъ рѣже встрѣчаешь перемѣну женъ или то, что у насъ называется разводомъ.

Тѣмъ не менѣе, даже въ городахъ, которыхъ уже коснулась европейская культура, на каждые три брака приходится одинъ разводъ, и эта пропорція была-бы еще болѣе велика, если-бы въ достаточныхъ классахъ не существовали причины, въ силу которыхъ — къ разводу прибѣгаютъ сравнительно рѣдко. Это, конечно, не этическія соображенія или большая любовь и уваженіе къ своей женѣ; это происходитъ только благодаря тому, что большинство людей этого общества прониклось до нѣкоторой степени европейскими взглядами на жену и неодобрительно относится къ тому, чтобы ни съ того, ни съ сего гнать ее изъ дому. Кромѣ того, жены ихъ, все-таки, происходятъ изъ аристократическихъ семей и не всякому хочется, благодаря разводу, приобрести себѣ въ нихъ враговъ. Поэтому мужья оставляютъ своихъ женъ у себя, но берутъ въ домъ еще одну, двухъ и болѣе наложницъ,—смотря по желанію и средствамъ. Обыкновенно онѣ даже живутъ въ одномъ домѣ съ законной женой, и ихъ дѣти растутъ вмѣстѣ съ дѣтьми отъ законной жены.

Легко можно себѣ представить, каково положеніе бѣдной жены, которая должна все это переносить терпѣливо и съ улыбкой. Всякій протестъ съ ея стороны былъ-бы бесполезенъ; это только поведетъ къ разводу и тогда ей пришлось-бы оставить своихъ дѣтей и самой вернуться въ родительскій домъ. Но японки слишкомъ любятъ своихъ дѣтей. Правда, въ настоящее время, въ высшемъ обществѣ случаи конкубината стали гораздо рѣже.

Профессоръ Токиосскаго университета Чамберленъ—лучшій знатокъ современной Японіи—справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ о Японіи (появившейся въ печати въ Токогамѣ въ 1891 г.), что „японцу

Уличная сценка.

незачѣмъ создавать себѣ возню разномомъ съ несимпатичной ему женой, когда эта жена занимаетъ слишкомъ подчиненное положеніе, чтобы быть ему въ тягость, и когда общество ничего не имѣетъ противъ того, чтобы онъ взялъ себѣ нѣсколько наложницъ?“

Этотъ-же авторъ говоритъ дальше: „поводомъ для развода въ Японіи служатъ слѣдующее: непослушаніе, бездѣтность, порочность, ревность, проказа (чесотка) или другія неизлѣчимыя болѣзни, болтливость или наклонность къ воровству; словомъ, мужъ всегда можетъ избавиться отъ жены, если она ему надоѣла“.

Одна остроумная француженка сказала когда-то: „Fille on nous supprime, femme—on nous opprime“ (когда мы дѣвушки,—насъ притѣсняютъ; когда мы женщины,—насъ угнетаютъ). Но въ Японіи этого не слышно. Мужъ приказываетъ, а жена повинуется; у мужа всѣ права и свобода,—а у жены ничего этого нѣтъ; мужъ—царь природы, а жена—существо подчиненное, и если въ серьезныхъ случаяхъ жизни она оказываетъ вліяніе на мужа, то обязана этимъ не себѣ, а мужчинамъ своей семьи, т. е. своему отцу или братьямъ, только изъ уваженія къ которымъ ея мужъ не переступаетъ извѣстныхъ предѣловъ.

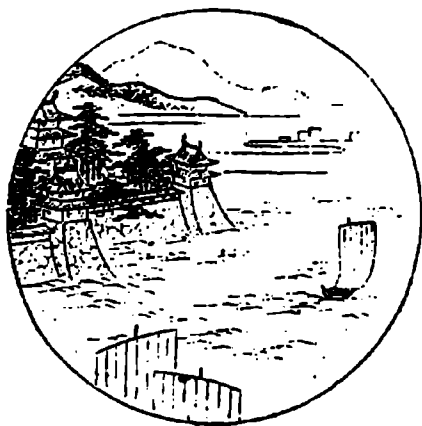
Нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай, имѣвшій недавно мѣсто въ Токио.

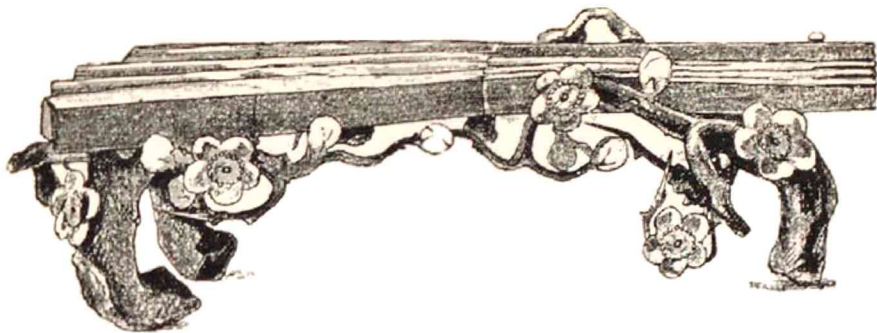
Одинъ молодой аристократъ, уже женатый, влюбился въ молодую деревенскую дѣвушку. Онъ привезъ ее въ Токио, нанялъ ей квартиру и совсѣмъ забросилъ свою жену. Вскорѣ теща открыла эту связь, и подняла шумъ; въ газетахъ появились объ этомъ событіи замѣтки, и друзья молодого аристократа опасались, что отъ всей этой исторіи пострадаетъ его служебное положеніе. Они рѣшили вмѣшаться, и скорѣ между мужемъ, женой, тещей и наложницей заключено было полюбовное согласіе, по которому мужъ отказалъ своей возлюбленной отъ квартиры, мать и теща обѣщали не поднимать больше скандала, увезенная-же имъ дѣвушка вернулась назадъ къ своимъ родителямъ, но съ условіемъ прѣзжать ежемѣсячно на нѣсколько дней къ своему возлюбленному.

Такіе случаи бываютъ, конечно, только въ высшемъ обществѣ. Даже субсидированная правительствомъ газета „Japan Mail“ говоритъ въ одномъ изъ своихъ номеровъ, что „строго говоря, полигамія не существуетъ теперь въ Японіи. Въ сущности, она никогда не была законна, такъ какъ законъ признаетъ только одну жену. Но во многихъ порядочныхъ домахъ живутъ паложница—даже нѣсколько—рядомъ съ законной женой. Положеніе послѣдней, конечно, очень печально, унижительно и носитъ характеръ чего-то средневѣковаго. Къ чести чиновниковъ, аристократіи и болѣе значительнаго купечества надо замѣтить, что среди этихъ слоевъ японскаго общества, за немногими исключеніями, конкубинатъ совсѣмъ упраздненъ“. Но доста-

точно-ли созрѣло общественное мнѣніе для того, чтобы признать конкубинаты преступленіямъ,—этого газета не можетъ сказать.

Въ Японіи, все-таки, бываютъ случаи, когда дѣвушка сама выбираетъ себѣ мужа. Если, напримѣръ, въ семьѣ исключительно дочери и нѣтъ ни одного сына, то отецъ считаетъ это большимъ несчастьемъ. Нѣтъ никого, кто унаслѣдовалъ-бы его дѣла, его имя, кто дѣлалъ-бы жертвоприношенія его предкамъ (въ Японіи только мужчины могутъ молиться своимъ предкамъ и приносить имъ жертвы). Поэтому отецъ старается найти среди своихъ знакомыхъ молодыхъ людей подходящаго мужа для своей старшей дочери, поэтому онъ спрашиваетъ и ея совѣта, справляется и съ ея вкусами, достаточно-ли красивъ и уменъ для нея ея будущій мужъ. Если дочь одобрила выборъ отца, то свадьба налаживается. Но въ такихъ случаяхъ мужъ играетъ такую-же жалкую роль, какую обыкновенно играетъ здѣсь жена. Онъ долженъ отказаться отъ своей фамиліи и принять фамилію жены; онъ переселится въ домъ жены и долженъ смиренно вести себя тамъ, иначе его выпроводятъ такъ-же легко, какъ въ другихъ случаяхъ выпроваживаютъ жену. Конечно, на такую роль идутъ только совершенно бѣдные юноши, потому что *c'est alors marame, qui porte les pantalons!*

Землетрясеніе.

Въ продолженіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій Токио, столица страны, и Иокогама, первая гавань царства микадо, были пощажены самымъ страшнымъ бичемъ японскаго архипелага,—землетрясеніемъ.

Величавая Фуджіяма, этотъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ гигантскій вулканъ, дремлетъ уже много лѣтъ, и путешественникамъ, любующимся изъ обоихъ городовъ этой красивѣйшей въ Японіи горой, почти и не приходитъ на умъ мысль о возможности изверженія.

Въ послѣднихъ числахъ іюня 1894 г. я собирался взобраться на вершину Фуджи, такъ какъ у меня было вполне понятное желаніе взобраться на высочайшій вулканъ восточной Азіи послѣ того, какъ за нѣсколько лѣтъ раньше я побывалъ на вершинѣ высочайшаго вулкана сѣверной Америки—Попокатепетль; но вдругъ пришло извѣстіе, что уснувшія силы священной Фуджіамы зашевелились; въ лежащемъ отъ нея къ сѣверу вулканѣ Азамаямъ внутри гудѣло и кипѣло, и изъ его огромнаго кратера выбрасывались цѣлые потоки лавы.

Перспектива взобраться именно теперь на гору показалась мнѣ еще заманчивѣе, и я отправился изъ Токио въ Иокогаму, чтобы приступить къ соотвѣтствующимъ приготовленіямъ для моего предпріятія.

День былъ страшно знойный; удушливая жара распространялась по рисовымъ полямъ токіосской бухты; небо было свинцоваго цвѣта, и мы, пассажиры, съ нетерпѣніемъ ждали ливня.

По приѣздѣ въ Иокогаму, я отправился въ Grand Hotel; вся публика была здѣсь въ такомъ же напряженномъ состояніи, какое испытывалъ я самъ; за „тиффиномъ“ (tiffin—легкій завтракъ) никто почти ничего не ѣлъ, и въ два часа дня мы всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

Едва я улегся на кровать, какъ вдругъ вся мебель вокругъ меня залясала; коммодъ упалъ, стѣны и полъ затрещали и закачались, какъ во время морской качки. Страшный стукъ и гулъ, раздавшійся въ воздухѣ, заставили меня предположить, что гдѣ-то взорвало пороховой складъ; но когда я, подбѣжавъ къ окну, увидѣлъ, какъ летятъ трубы съ крышъ домовъ и какъ эти послѣднія рухнули вслѣдъ за ними, я понялъ настоящую причину этого явленія.

Я пережилъ уже сильное землетрясеніе въ Венецуэлѣ. Однимъ прыжкомъ я очутился за дверью и по трещающимъ лѣстницамъ, между сильно шатающимися стѣнами, пустился бѣжать внизъ прямо на набережную; черепица, куски цемента, обломки карнизовъ падали вокругъ меня на землю.

Море, бывшее за нѣсколько минутъ до того зеркально-спокойнымъ, страшно возволновалось и посылало на берегъ гигантскія волны; тяжелые пароходы и военные броненосцы сильно раскачивались на рейдѣ; надъ городомъ стояла сплошная туча дыма и пыли, и при сильномъ колебаніи почвы едва можно было держаться на ногахъ.

Во время такихъ катастрофъ очень трудно дѣлать наблюденія; я только помню страшный подземный гулъ, падающія трубы и крыши, трескъ стеколъ въ окнахъ и обрушивающіеся обломки со скалъ сосѣдняго Блеффа. Я помню, что вокругъ меня на землѣ лежали дамы въ обморокѣ, что обитатели домовъ всей набережной въ ужасѣ выскочили изъ своихъ четырехъ стѣнъ на улицу, и что дома качались такъ-же, какъ корабли въ бурѣ.

Сколько времени продолжалось это ужасное явленіе, никто не зналъ; только впослѣдствіи намъ стало извѣстно, что толчки продолжались всего четыре съ половиной минуты. Наконецъ, почва стала неподвижна, но только немногіе рѣшились вернуться въ свои дома, такъ какъ всѣ боялись повторенія землетрясенія.

Я не терялъ времени, такъ какъ съ безпокойствомъ думать объ оставшейся въ Токио семьѣ. Возможно скорѣе бросился я черезъ груды обломковъ и между растрескавшимися стѣнами прямо къ себѣ въ комнату, сложить свои вещи и, нанявъ джиприкшу, отправился на вокзалъ. Тамъ я узналъ, что по случаю землетрясенія слѣдующій поѣздъ уйдетъ только черезъ часъ; я рѣшилъ употребить этотъ часъ на объѣздъ всего города. И вотъ что я увидѣлъ. На улицахъ лежали груды обломковъ, главнымъ образомъ, отъ обрушившихся крышъ, стѣнъ и трубъ; нѣкоторые дома совсѣмъ рухнули, другіе грозили обрушиться каждую минуту, а огромное большинство было съ трещинами и щелями въ стѣнахъ. Вокругъ одной чайной фабрики хлопотали полицейскіе и пожарные; они раскапывали обломки, подъ которыми погребено было около тридцати человѣкъ; раненныхъ клали или на соломенные циновки или на наскоро сколоченныя носилки. Многія крыши были продырявлены

упавшими на нихъ кирпичными трубами; на землѣ тоже кое гдѣ видѣлись трещины; на рынкахъ, особенно въ магазинахъ, гдѣ продается чудный японскій фарфоръ и эмаль, землетрясеніе причинило огромныя убытки; всѣ самыя лучшія и дорогія вещи лежали разбитыя на землѣ.

Больше всего пострадали дома въ европейскихъ кварталахъ, такъ-какъ тамъ они всѣ каменные и вышиною въ цѣлый этажъ; японскіе дома, большей частью, полуэтажные и деревянные; но хотя землетрясеніе пощадило ихъ, за то бывшая наканунѣ катастрофа принесла имъ бѣду; не меньше тысячи домовъ погибло въ пламени во время пожара, и теперь еще дымились обугленные остатки разрушеннаго японскаго квартала.

Я во-время вернулся на вокзалъ, чтобы поспѣть къ поезду, уходившему въ Токио. Во время часоваго пути я всюду видѣлъ слѣды землетрясенія: обрушившіяся стѣны и дома, испорченныя крыши, развалившіеся „тори“ (ворота, ведущія къ храму) и статуи. По дорогѣ отъ станціи Шимбаши (въ Токио) въ гостиницѣ Imperial, я увидѣлъ, что землетрясеніе было здѣсь еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Иокогамѣ, потому что тутъ было большее количество поврежденныхъ домовъ, особенно въ европейскомъ кварталѣ; поврежденія замѣчались почти черезъ домъ; трубы вездѣ провалились, стѣны треснули, куски цемента отвалились, и многіе дома разрушены были до основанія. Съ окружающаго императорскій дворецъ валовъ отвалилась отдѣлка на разстояніи пятидесяти метровъ.

Наконецъ, я благополучно добрался до Hotel Imperial, гдѣ къ счастью, не произошло никакихъ бѣдъ съ гостями.

Но за-то само прекрасное зданіе отеля представляло ужасный видъ. Большой входной порталъ былъ совершенно разрушенъ, и обломки его, вмѣстѣ съ желѣзной рѣшеткой, лежали на землѣ; трубы свалились и при паденіи образовали большія дыры въ крышѣ; стѣны дали большія трещины; другія были повреждены падающими кирпичами; въ салонахъ и жилыхъ помѣщеніяхъ попадала вся мебель, сорвались со стѣнъ картины и зеркала, а вазы и статуи валялись въ видѣ обломковъ. Сосѣдніе дома сильно пострадали, и большинство ихъ должно было быть снесено совсѣмъ.

Замѣчательно, что императорскій дворецъ почти совсѣмъ не пострадалъ отъ землетрясенія, а сами хозяева его отдѣлались однимъ испугомъ. Дворцы нѣкоторыхъ принцевъ были сильно повреждены. На всѣхъ улицахъ начались уже работы: убирались обломки, откапывались заживо-погребенные подъ ними люди, и даже начали исправлять поврежденія. Но ожидалось повтореніе землетрясенія. Дѣйствительно, въ девять часовъ вечера произошелъ еще толчокъ, но гораздо меньшей силы.

На слѣдующій день общая паника немного улеглась; но на сколько она была основательна, свидѣтельствуетъ появившаяся въ утреннихъ

газетахъ статистика происшедшихъ наканунѣ несчастій. Въ одномъ Токио, за эти четыре съ половиной минуты землетрясенія, было убито 36 человекъ, ранено—300; количество пострадавшихъ домовъ простиралось до 3720, обрушившихся стѣны до 162; обвалившихся домовыхъ трубъ было 289 и 96 трещинъ въ землѣ.

По странной случайности землетрясеніе ограничилось центральной Японіей на пространствѣ между Йокогамой и Токио; въ болѣе отдаленныхъ городахъ подземные толчки чувствовались только слегка и произвели небольшія несчастья. Вулканы во время землетрясенія не обнаруживали своей дѣятельности.

Но за то въ послѣдніе годы они дѣйствовали довольно сильно; особенно сильнымъ изверженіемъ отличился Бандайзанъ, находящійся въ сѣверной части Японіи. Послѣдствіемъ его изверженія была гибель нѣсколькихъ сотъ человекъ; только величайшій вулканъ Японіи,—знаменитая священная Фуджіяма, спокойна вотъ уже нѣсколько столѣтій. *)

*) Дѣйствующихъ вулкановъ еще и въ настоящее время въ Японіи насчитывается больше пятидесяти. Бываютъ года, когда число землетрясеній доходитъ до одной тысячи (напримѣръ, въ 1889 году)!

Японскіе артисты.

Современный театр въ Японіи.

Женщины на японской сценѣ!

Это одна изъ самыхъ сенсационныхъ новостей, которая доходитъ къ намъ изъ далекой страны восходящаго солнца.

Женщины, какъ актрисы и танцовщицы на подмосткахъ, которыя въ Японіи, какъ и у насъ, составляютъ особый міръ!

У самой императрицы являлась инициатива открыть новый путь японскимъ женщинамъ, такъ что можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ въ царствѣ микадо на театральномъ горизонтѣ также появятся звѣзды.

Хотя очаровательныя мусмэ всегда изучали драматическое и лирическое искусство, но имъ нельзя было выступать въ обществѣ своихъ коллегъ-мужчинъ. У насъ артистки высокаго роста съ удовольствіемъ выступаютъ въ мужскихъ роляхъ, въ Японіи-же, гдѣ все выворочено на изнанку, красивые мужчины выступаютъ въ женскихъ роляхъ. Всѣ женскія роли, (не только старухъ, но и молодыхъ), игрались

загримированными юношами, и даже японскій балетъ состоялъ только изъ батерій мужскаго пола.

Вы спросите, почему?—потому что появленіе женщинъ на сценѣ не согласуется съ приличіями и обычаями страны, и въ Японіи считалось совершенно немислимымъ, чтобы дѣвушки открыто выступали рядомъ съ молодыми мужчинами.

У японцевъ, вообще, своеобразныя понятія о приличіяхъ. Не смотря на то, что красивыя дѣвушки, въ возрастѣ отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ, и замужнія женщины, до тридцати лѣтъ и до старости открыто купаются на улицѣ, а дамы въ фешенебельныхъ курортахъ Икао и Карунцава, совершенно не стѣсняясь, купаются въ одномъ бассейнѣ съ мужчинами, не видя въ этомъ ничего предосудительнаго,—не смотря на все это, выступать совершенно одѣтой на однихъ подмосткахъ вмѣстѣ съ мужчинами—нельзя.

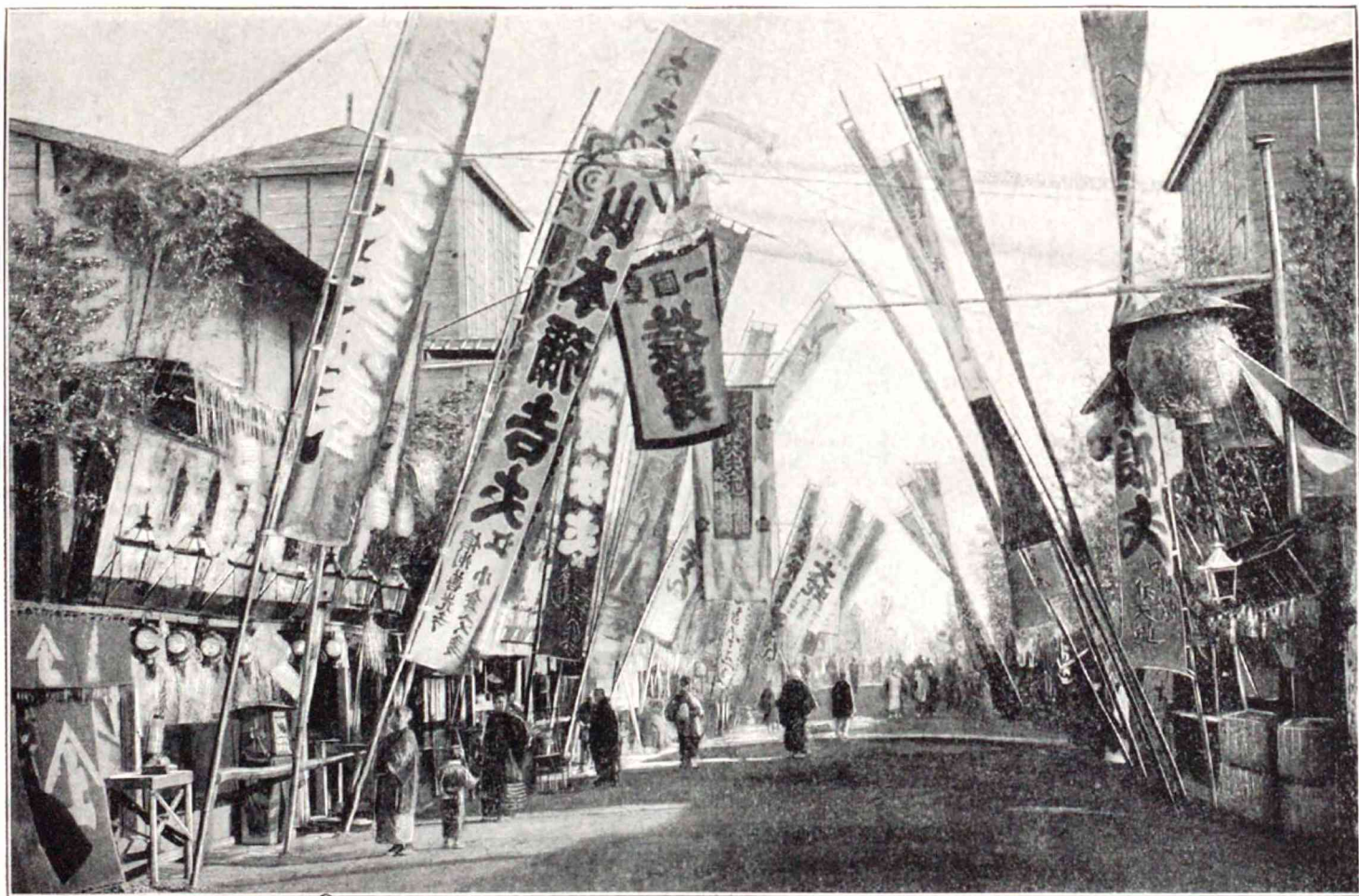
Въ 1896 г. одна знаменитая американская пѣвица—перная примадонна, посѣтившая Японію—обратила вниманіе тамошняго придворнаго круга на нелѣпость такого взгляда и рассказала, какое высокое положеніе занимаютъ европейскія артистки не только на сценѣ, но очень часто и въ обществѣ. Въ своемъ стараніи подражать европейцамъ во всѣхъ сферахъ японцы рѣшились приступить къ реформѣ своего театра и начали съ того, что открыли своимъ женщинамъ доступъ за кулисы и на сцену.

Къ счастью, это одно изъ немногихъ нововведеній въ японской культурѣ, согласующихся съ ея существомъ и даже придающее ей поэтическому своеобразію новый блестящій элементъ. Вообще-же японцы, допустивъ на сцену европейскіе костюмы и сюжеты, поставили крестъ надъ поэтическимъ прошлымъ своего театральнаго искусства.

Всякій, кому интересно видѣть его остатки, долженъ пойти въ японскій театръ. Тамъ оно еще нашло свое убѣжище и усиленно поддерживается консервативной частью японскаго общества.

Театральное искусство существуетъ въ Японіи совсѣмъ не такъ давно, какъ это можно было-бы себѣ представить, принимая во вниманіе ея высокую — для азіатской страны — и древнюю цивилизацію. Началомъ его служатъ религіозныя пляски и пѣніе, сопровождавшія въ прежнія времена религіозныя обряды буддійскихъ жрецовъ въ храмахъ. Мнѣ самому и теперь еще приходилось быть случайнымъ свидѣтелемъ такихъ представленій во время посѣщенія знаменитыхъ храмовъ въ Никко и Нара. Такимъ-же образомъ древніе греки и римляне чествовали своихъ боговъ, и этотъ обычай перешелъ даже въ Испанію, гдѣ пасхальный танецъ пажей въ севильскомъ соборѣ навѣрное представляетъ собою остатокъ языческаго богослуженія.

Знатные феодалы древней Японіи устраивали при своихъ дворахъ

Театральная улица въ Йокогамѣ.

такія представленія съ пѣніемъ и танцами; постепенно сюжеты мѣнялись и вскорѣ ихъ начали брать исключительно изъ японской исторіи и сказочнаго міра; такимъ образомъ, постепенно создавался современный японскій театръ. Но эти публичныя представленія посѣщались только простымъ народомъ и происходили они въ помѣщеніяхъ, напоминающихъ собою древніе храмы.

Дайміосы свято придерживались старыхъ традицій и поддерживаютъ эти театры еще и въ настоящее время. Въ Токио я имѣлъ случай присутствовать на нѣсколькихъ частныхъ представленіяхъ такъ называемыхъ пьесъ „но“, которыя даются только для приглашенныхъ гостей изъ аристократіи, и гдѣ актеры выступаютъ въ своихъ великолѣпныхъ дорогихъ костюмахъ, унаслѣдованныхъ ими отъ своихъ предковъ точно также, какъ и ихъ искусство.

Нѣкоторые изъ этихъ семей актеровъ имѣютъ свое театральное генеалогическое дерево уже въ шесть и десять поколѣній. Такіе актеры очень уважаются обществомъ и признаны имъ. За то актеры обыкновенныхъ общественныхъ театровъ не пользуются никакимъ положеніемъ въ обществѣ и причисляются къ классу „эта“ (внѣ законные); даже въ настоящее время ни одному японскому аристократу, офицеру или чиновнику не придетъ въ голову посѣтить какой-нибудь изъ общественныхъ театровъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, тогда, когда выступаетъ Даяжуро—этотъ японскій Левинскій, или когда даются спектакли съ благотворительной цѣлью, они бывають, и то въ двухъ или трехъ самыхъ лучшихъ театрахъ. Самъ микадо никогда еще не былъ въ театрѣ, и единственныя представленія, какія онъ видѣлъ, это пьесы „но“, которыя даются въ его дворцѣ.

За то простой народъ въ Японіи очень любитъ театръ; и кажется, нѣтъ другого народа, который былъ-бы такъ страстно преданъ театру. Въ каждомъ мало-мальски большомъ городѣ имѣется театръ; въ Токио, Киото и Осакѣ ихъ по нѣскольку и кому интересно присмотрѣться къ народной жизни въ Японіи, тотъ обязательно долженъ побывать въ театрѣ точно также, какъ и на тѣхъ необыкновенныхъ оживленныхъ улицахъ, гдѣ они расположены и гдѣ на каждомъ шагѣ попадаются чайные дома и разныя другія увеселительныя учрежденія. *)

Японскій театръ не имѣетъ ничего общаго съ европейскимъ.

Для японца, посѣтившаго Европу, нѣтъ ничего болѣе удивитель-

*) Постоянные театры существуютъ почти во всѣхъ мало-мальски значительныхъ городахъ Японіи со своими постоянными труппами. По незначительнымъ-же городамъ, деревнямъ и мѣстечкамъ представленія даются страждущими и бродячими труппами актеровъ, акробатовъ и фокусниковъ.

наго, какъ наши столичные великолѣпные оперные театры. Даже наши самые скромные провинціальные театры гораздо элегантнѣе и шикарнѣе, по обстановкѣ и по массѣ публики, чѣмъ самый богатый театръ въ Японіи. Большинство изъ нихъ представляютъ собою большіе сбитые изъ досокъ балаганы, зрительная зала которыхъ рассчитана только на триста—пятьсотъ человекъ. Передъ входомъ стоятъ, наклонно къ улицѣ, бамбуковые шесты, длиною въ восемь—десять метровъ, точно гигантскія удилица, на которыхъ висятъ синія и красныя полотняныя полосы съ пестрыми надписями. Американская реклама съ ея большими пестро раскрашенными афишами, проникла уже въ Японію, и всѣ театральные фронтоны облѣплены такого рода плакатами.

Къ театру обыкновенно примыкаютъ изящные чайные домики съ полузакрытыми, украшенными фонариками, балкончиками и галереями.

Въ большихъ городахъ Японіи всѣ театральныя улицы усеяны исключительно чайными домами, театрами и балаганами, въ которыхъ за небольшую плату показываются разныя чудеса, вродѣ того, какъ въ вѣнскомъ Вурстль-пратерѣ и въ парижскомъ Foire de Neuilly.

Въ этихъ улицахъ царитъ оживленіе съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера, потому что японскіе театры открыты не только по вечерамъ; представленія длятся здѣсь цѣлый день, и публика, желающая посѣщать представленія, забирается туда всѣмъ домою, не исключая и дѣтей, и весь день проводитъ въ театрѣ. Лишь немногіе приходятъ на часъ или на нѣсколько часовъ, чтобы видѣть только самыя интересныя сцены или взглянуть на любимыхъ артистовъ. Если въ репертуарѣ появляется новая пьеса, то во всемъ городѣ извѣстно, въ которомъ часу происходятъ самыя интересныя дѣйствія, и тогда въ театрѣ происходитъ давка. Множество чайныхъ домовъ съ ихъ прислужницами и гейшами (пѣвицами) еще больше способствуютъ скопленію народа въ этихъ улицахъ, такъ что здѣсь даже воспрещена ѣзда на лошадяхъ и рикшахъ.

Такимъ образомъ, посѣтителю японскихъ театровъ даже въ дурную погоду должны оставлять своихъ рикшей въ началѣ улицы и пройти отсюда въ театръ пѣшкомъ.

Неподалеку отъ театровъ или у главнаго входа стоятъ продавцы билетовъ, которые, за нѣсколько „кашъ“, вручаютъ проходящему деревянную дощечку, покрытую надписями; но японецъ, желающій имѣть мѣста для всей своей семьи, долженъ взять билетъ за день или даже за нѣсколько дней до представленія. Обыкновенно хозяинъ театра входитъ въ соглашеніе съ хозяиномъ сосѣдняго чайнаго дома; послѣдній часто ссужаетъ перваго деньгами и бываетъ его кассиромъ, продаетъ билеты за извѣстный процентъ и поставяетъ зрителямъ пищу и напитки.

Еслибы театры не узнавались по высокимъ удилищамъ, какъ будто выуживающимъ зрителей на улицѣ, то ихъ легко было бы узнать по сотнямъ сандалій и соломенныхъ башмаковъ, стоящихъ у входа передъ театромъ, ибо ни одному японцу не придетъ въ голову зайти въ обуви въ театръ, точно также, какъ и въ храмъ, въ лавку или къ себѣ домой.

Во всю длину театра тянутся тумбы, гдѣ на колышкахъ висятъ парами нѣсколько рядовъ неуклюжихъ деревянныхъ сандалій или соломенныхъ башмаковъ. У входа въ театръ посѣтитель снимаетъ съ ногъ свою обувь и оставляетъ ее гардеробщику, который выдаетъ ему номеръ, написанный на маленькой деревяшкѣ.

Внутренность японскаго театра сильно отличается отъ европейскаго. Здѣсь также есть подмости и занавѣсъ, но нѣтъ боковыхъ кулисъ, рампы, суфлерской будки, трапа и т. под. За то сцена здѣсь окружаетъ зрительный залъ съ трехъ сторонъ въ видѣ подковы, и подмости (шириною въ два метра и вышиною въ человѣческій ростъ) доходятъ до задней стѣны зрительнаго зала, охватывая, такимъ образомъ, партеръ.

Въ задней стѣнѣ есть корридоры, черезъ которые актеры проникаютъ на сцену. Доступъ публикѣ сюда воспрещенъ. Въ большинствѣ театровъ надъ партеромъ есть еще галерея, раздѣленная, какъ и партеръ, на ложи. Только небольшой промежутокъ позади ложъ и вплоть до стѣны занять нѣсколькими рядами сидячихъ мѣстъ для низшаго класса зрителей, а въ нѣкоторыхъ театрахъ одна ложа устроена специально для посѣтителей-европейцевъ съ стульями для сидѣнья. Вообще же въ театрѣ нѣтъ никакихъ сидѣній, потому что публика помѣщается сплошь на корточкахъ на полу. Весь партеръ раздѣленъ, до самой рампы, на четырехугольныя помѣщенія, въ четыре квадратныхъ метра, досчатыми перегородками вышиною въ два фута, и эти шахматные квадраты и есть ложи. Если чья-нибудь ложа находится въ самой серединѣ партера, то сидящій въ ней долженъ дойти до нея не иначе, какъ перелѣзая черезъ перегородки и черезъ цѣлый рядъ чужихъ ложъ. Когда онъ, наконецъ, попадаетъ къ себѣ въ ложу, то можетъ считать себя полновластнымъ хозяиномъ этого совершенно пустого ящика. Если онъ хочетъ, чтобы у него въ ложѣ были цыновки для сидѣнья, столикъ, ящикъ для угольевъ и для пепла, то онъ долженъ потребовать ихъ себѣ за особую плату, въ чемъ ему и выдается квитанція, которую онъ обязанъ предъявлять контролеру, иначе ему придется уплатить вторично.

Обыкновенно, члены одной компаніи, взявшей ложу, или цѣлая семья въ количествѣ четырехъ человѣкъ забираются въ театръ съ утра и усаживаются въ ложахъ на бамбуковыхъ цыновкахъ, разостланныхъ прямо на полу. Въ антрактахъ изъ чайнаго дома является мужская и женская прислуга и спрашиваетъ, чего имъ угодно:—чаю, сластей,

фруктовъ или какого нибудь кушанья. Кромѣ того, воалѣ самаго театра находятся лотки съ фруктами, табакомъ, печеньемъ и разнаго рода напитками, такъ что зрителямъ нѣтъ никакой надобности покидать театръ въ теченіи всего дня. За своихъ слугъ зрители не вносятъ входной платы; обыкновенно они, или слуги чайнаго дома, исполняютъ всѣ порученія зрителей, и къ концу представленія хозяева уплачиваютъ по представленному имъ счету.

Образчикомъ того, что стоитъ провести въ театрѣ цѣлый день четыремъ персонамъ, можетъ служить слѣдующій счетъ:

Входная плата	60 сеновъ
Ложа	80 "
Цыновки и жаровня съ угольями	25 "
Плата за услуги	10 "
Чай и сласти	25 "
Фрукты	25 "
Рыба и рисъ	25 "
Счетъ чайнаго дома	50 "
На чай прислугѣ	20 "

Итого 3 іена, 20 сеновъ (около 6½ герм. марокъ или 3 р. съ лишнимъ).

Такимъ образомъ, театральные посѣтители проводятъ въ театрѣ весь день, а для иностранца каждая отдѣльная ложа съ сидящими въ ней зрителями-японцами представляетъ собою отдѣльную сцену, по которой онъ скорѣе можетъ изучить жизнь и обычаи японцевъ, чѣмъ слѣдя за тѣмъ, что происходитъ на настоящей сценѣ.

Большинство посѣтителей театра—женщины и дѣвушки. Онѣ приходятъ въ театръ съ дѣтьми, съ подушками, свертками, пакетами, мѣшечками съ табакомъ, чайниками и устраиваются у себя въ ложахъ совсѣмъ по-домашнему. Дѣтей онѣ укладываютъ впереди себя на полу, жаровню съ угольями ставятъ въ срединѣ, а сами закуриваютъ трубки и усаживаются на корточки на полъ. Въ этой утомительной и неудобной, на европейскій взглядъ, позѣ онѣ сидятъ цѣлыми часами.

Меня всегда удивляло въ Японіи, какъ могутъ эти нѣжныя созданія такъ долго сидѣть съ согнутыми колѣнями. Отъ времени до времени онѣ растягиваются на цыновкахъ, подложивъ подъ голову руку, и засыпаютъ, или же, нѣсколько не стѣсняясь, кормятъ грудью своихъ дѣтей, курятъ при этомъ свои трубки, грызутъ сахарныя лакомства,

пьють глоточками чай и обмахиваются вѣерами. Каждая японка, точно такъ же, какъ и японецъ, не могутъ обойтись безъ трубки и вѣера; одинъ изъ этихъ предметовъ всегда у нихъ въ рукахъ.

Во время представленія зрители внимательно прислушиваются къ игръ актеровъ, покатываются со смѣху изъ за-каждой шутки, проливаютъ слезы при каждой печальной сценѣ, дрожатъ отъ страха, когда на сценѣ происходятъ казни и самоубійства, которыя занимаютъ видное мѣсто на японской сценѣ и воспроизводятся удивительно реально со всѣми кровавыми подробностями. Но какъ только занавѣсъ опускается, поднимается ужасный шумъ. Половина присутствующихъ срывается съ мѣста и, перепрыгивая черезъ перегородки ложъ, и пролѣзая между сидящими въ нихъ людьми, спѣшитъ къ палаткамъ съ буфетомъ. Въ то-же время, появляется дюжины двѣ прислужниковъ и прислужницъ изъ чайнаго дома, разнося дымящіяся въ рукахъ миски и чайники въ разныя ложи, дѣти перелѣзаютъ изъ одной ложи въ другую и даже на подмостки и располагаются съ закусками передъ самымъ занавѣсомъ; оставшіеся въ ложахъ должны остерегаться, чтобы имъ не отдавили пальцевъ. Я не разъ удивлялся терпѣнію и вѣжливости, какую проявляли японки, когда черезъ ихъ ложи и между ними проходила масса посторонняго народа и дѣтей. Ни одного нахмуреннаго лица, ни тѣни неудовольствія или нетерпѣнія; улыбаясь, киваютъ онѣ прислугѣ; улыбаясь, играютъ съ чужими дѣтьми;—онѣ улыбаются всегда.

Кое-гдѣ можно видѣть, какъ красивая мусмэ вынимаетъ изъ рукавовъ своего открытаго спереди на груди кимоно маленькое зеркальце, гребень, пудру, краску для губъ и другія принадлежности туалета и начинаетъ приводить себя въ порядокъ предъ лицомъ всей публики.

Но, вотъ, мало-по-малу, всѣ возвращаются на свои мѣста; со сцены раздаются три глухихъ удара, похожихъ на тотъ, какіе раздаются передъ началомъ спектаклей во французскихъ театрахъ; занавѣсъ поднимается или раздвигается въ стороны, и начинается слѣдующее дѣйствіе.

Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствіяхъ, точно также, какъ о трагедіяхъ, комедіяхъ и драмахъ европейскаго образца.

Представленія, начинающіяся, какъ выше было сказано, утромъ и кончающіяся поадно вечеромъ, изображаютъ, обыкновенно, историческія событія, сказки, преданія или выдержки изъ древне-японскихъ романовъ.

Японія совершенно не знаетъ спеціально театральнoй литературы. Когда я спросилъ однажды въ Токио у театральнаго антрепренера объ имени автора представляемой пьесы, то онъ былъ очень удивленъ и не зналъ, что мнѣ отвѣтить. И только тогда, когда я ему яснѣе растолковалъ свой вопросъ, онъ объяснилъ мнѣ, что въ составленіи японскихъ театральнoхъ пьесъ принимаютъ участіе директоръ театра, актеры, декораторъ, машинисты, и даже... публика.

Въ основѣ пьесы лежитъ какая нибудь сказка, разсказъ или напечатанное въ газетѣ происшествіе; актеры сами создаютъ себѣ роли; всякая удачная подробность и мѣткое замѣчаніе, съ какой стороны оно ни явилось бы, охотно принимается во вниманіе и такимъ образомъ, постепенно составляется пьеса, которая, однако, въ первыя шесть—восемь представленій всякій разъ измѣняется и совершенствуется. Впрочемъ, часто случается, что актеры и появленіе видоизмѣняютъ ее по произволу, причемъ однѣ сцены замѣняютъ другими, или вовсе выпускаютъ, и только при изображеніи историческихъ событій они стараются въ точности придерживаться мельчайшихъ подробностей. *)

За исключеніемъ нѣсколькихъ первокласныхъ театровъ, какъ, напримеръ, въ театрѣ „Шинтомица“ въ Токио, обстановочная часть въ японскихъ театрахъ такъ-же примитивна, какъ была она когда-то у насъ,

*) При всемъ томъ, исполненіе пьесы японскими актерами поражаетъ рѣзко выдающимся реализмомъ. Здѣсь на сценѣ продѣлывается буквально все, что происходитъ въ жизни: кара-кири, съ распарываніемъ живота и выпаденіемъ кишокъ, разрѣшеніе отъ бремени и т. под. По свидѣтельству д-ра Корсакова, въ большомъ почетѣ здѣсь пьесы комическаго содержанія, и вѣрѣдка нравоучительнаго. Любопытно, напримѣръ, содержаніе пьесы, изображающей вліяніе пьянства, доводящаго человѣка до гибели: въ мѣстный трактиръ пришелъ японецъ, одѣтый въ черный киримонъ; на лицѣ маска придающая ему выраженіе отвратительнаго и алаго дьявольскаго лица: на головѣ волосы не острижены, а торчатъ въ беспорядкѣ; вся фигура этого человѣка разстроенная, беспокойная. Выходитъ прислуга-японка и предлагаетъ пришедшему чаю, затѣмъ ѣду, сласти, но пришлецъ отъ всего отказывается. Тогда прислуга предлагаетъ принести японской водки (саке), на что пришедшій радостно киваетъ головой и залпомъ выпиваетъ принесенную ему большую чашку водки. Послѣ этого занавѣсъ задергивается и дѣлается коротенькій антрактъ. Когда сцена послѣ перерыва опять открывается, то посѣтитель стоитъ одинъ, по видѣ его сталъ еще ужаснѣе: онъ выше ростомъ, маска на лицѣ выражаетъ много свирѣпости, а волосы на головѣ страшно взъерошены. Снова выходитъ слуга и въ прежнемъ порядкѣ предлагаетъ угощеніе, отъ котораго посѣтитель отказывается, пока не доходитъ до предложенной ему водки. Слуга приноситъ водку, которую посѣтитель жадно выпиваетъ и жестомъ требуетъ еще. Послѣ каждой чашки выпитой водки, — а онъ выпиваетъ одну за другой четыре чашки, — лицо его становится все свирѣпѣе и алѣе, все темнѣетъ и принимаетъ, наконецъ, послѣ четвертой чашки, темно-бурый цвѣтъ, волосы сваливаются съ головы (парикъ ловко и постепенно сдергивается послѣ каждой чашки водки) и вырастаютъ рога, на пальцахъ вырастаютъ длинные когти, одежда также вся сваливается, и передъ зрителями предстаетъ въ полномъ своемъ безобразіи дьяволъ, какимъ рисуютъ его японцы. Обратясь въ дьявола, пьяница все требуетъ водки, но слуга обращается уже къ публикѣ и говоритъ: «Вотъ до чего доводитъ человѣка водка!» На этомъ возгласѣ занавѣсъ задергивается, и яркая картина остается нарисованной надолго передъ зрителями. Вообще же надо сказать, что японцы менѣе трезвы, нежели китайцы, и пьянаго японца можно встрѣтить вѣрѣдко. Во хмѣлю японцы придирачивы, буйны, лѣзутъ въ драку и пускаютъ въ ходъ, что подъ-рукой.

въ Европѣ, во времена Шекспира и даже какъ Шекспиръ самъ высмѣялъ ее въ своей комедіи „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

Никакихъ декорацій въ Японіи не полагается:—все голо. Если здѣсь хотить изобразить высокую стѣлу съ воротами, то среди сцены ставить ворота, а изображеніе публики должно дополнять остальное, т. е. стѣны по обѣимъ сторонамъ воротъ.

Актеры пользуются воротами и не должны знать, что дѣлается по другую сторону ихъ; чайный домъ обозначается тѣмъ, что въ землю втыкаются два фонаря съ надписью: „чайный домъ“. Сады изобража-

На помосткахъ японскаго театра.

ются съ настоящими растеніями. Въ лучшихъ токіоскихъ театрахъ имѣются уже теперь, на ряду съ другими европейскими усовершенствованіями, разрисованныя декораціи, электрическое освѣщеніе, а въ вышеупомянутомъ театрѣ Шинтомида достигаются очень красивые сценическіе эффекты. Обыкновенно-же все театральное великолѣпіе заключается почти исключительно въ костюмахъ актеровъ, гардеробъ которыхъ заключаетъ въ себѣ множество историческаго оружія, доспѣховъ, мантий и. т. под. вещей большой цѣнности.

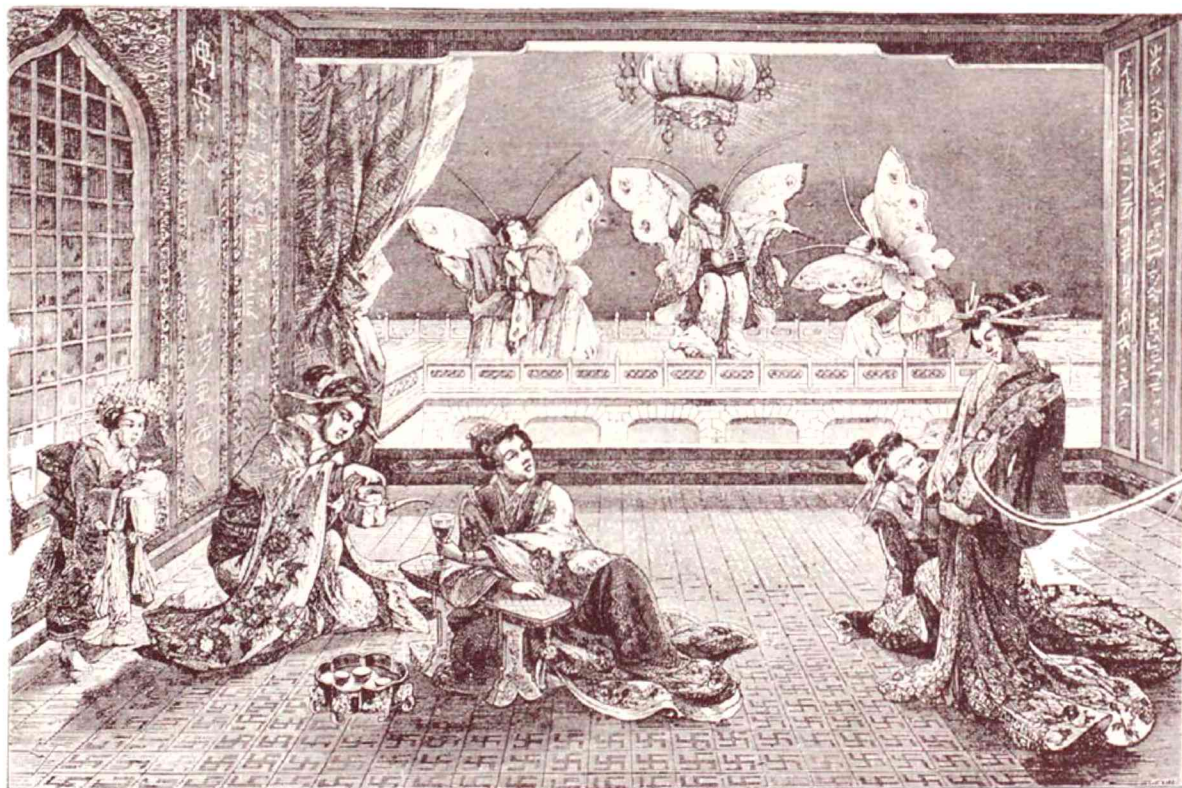
Любимые актеры получаютъ очень часто подобнаго рода вещи въ подарокъ отъ аристократическихъ семей. Актеры, впрочемъ, имѣютъ здѣсь большую возможность, чѣмъ у насъ, показать публикѣ свои пре-

красные наряды, потому что они выходятъ на сцену не только черезъ подмостки, но и по вышеупомянутымъ боковымъ эстрадамъ, гдѣ они торжественно и медленно шествуютъ среди публики. Притомъ-же здѣсь въ обычаѣ посѣщать актеровъ въ ихъ уборныхъ, гдѣ имъ обыкновенно подносятъ въ подарокъ разныя мелочи. У туземныхъ актеровъ, есть впрочемъ, и другіе способы составлять себѣ цѣлые музеи изъ подношеній публики, отъ которой они получаютъ и денежные подарки, такъ какъ въ Японіи актеры еще больше избалованы публикой, чѣмъ у насъ.

Обѣ боковыя эстрады, идущія по обѣимъ сторонамъ зрительнаго зала, называются гансъ-миши, т. е. „цвѣточная дорога“, потому что когда актеры проходятъ здѣсь, то публика усыпаетъ своимъ любимцамъ дорогу цвѣтами. Если актеры привели публику въ особенный восторгъ, то она приходитъ въ такой-же экстазъ, какъ испанская публика во время боя быковъ. Шляпы, вѣера, трубки, разныя принадлежности туалета,—все это нѣжныя ручки поклонницъ бросаютъ къ ногамъ артиста, точно такъ-же, какъ побѣдоноснымъ торреадорамъ. Послѣ представленія всѣ эти предметы выкупаются собственниками въ уборной артиста за наличныя деньги или въ обмѣнъ на какія либо другія вещи.

Заслуживаютъ-ли японскіе актеры такого почета по нашимъ европейскимъ понятіямъ,—это другой вопросъ. Большинству зрителей изъ европейцевъ эти представленія кажутся искусственными, ненатуральными и скучными. Первое представленіе въ японскомъ театрѣ представляетъ собою нѣкоторый интересъ для европейца, но потомъ прелесть новизны и чего-то необычнаго исчезаетъ, и только немногіе рѣшаются пойти во второй разъ. Но я сужу по своему личному опыту, что большую ошибку дѣлаютъ европейцы, отказываясь отъ повторныхъ посѣщеній, такъ какъ только послѣ нѣсколькихъ посѣщеній театра, когда привыкаешь къ особенностямъ японскаго драматическаго искусства, можно судить о преимуществахъ здѣшнихъ представленій.

Повидимому, традиція требуетъ отъ актеровъ, чтобы они на сценѣ изображали все противоестественное; ихъ движенія, ихъ костюмы, языкъ, которымъ они говорятъ, ихъ манеры и приемы, все это карикатуры дѣйствительности, но даже въ этомъ есть много искусства, которому не мѣшало-бы у нихъ поучиться. Что касается мимики и выраженія лица, то японскіе актеры изображаютъ въ этихъ случаяхъ иногда нѣчто поражающее; но такъ какъ во многихъ театрахъ до послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ не было рамповаго освѣщенія, то, во время игры, актеровъ сопровождали одѣтые во все черное слуги, съ бамбуковыми шестами, на концѣ которыхъ висѣли зажженные фонари, которые подносились къ самому носу актера, чтобы публикѣ виднѣе была игра его лица. Впрочемъ, актеровъ на сценѣ всегда сопровождаютъ слуги,

Театральное представление въ леддо.

на обязанности которыхъ лежить исправлять на актерѣхъ несправности костюма, прически, подавать различныя принадлежности, мѣнять декорации и т. д. При этомъ, какъ-бы само собою подразумевается, что эти слуги для публики невидимы. Суфлеръ также находится на сценѣ; иногда онъ сидитъ въ сторонѣ за особымъ столикомъ и естественнымъ голосомъ рассказываетъ содержаніе пьесы, или восхваляетъ искусство актеровъ, или поетъ съ аккомпаниментомъ оркестра, помѣщающагося съ правой стороны сцены на полу и состоящаго изъ гитары, барабана, литавровъ и трещетокъ и производящаго всеми этими инструментами большой эффектъ. При этомъ, главнымъ образомъ, отличается одинъ музыкантъ, бьющій одной деревянной палочкой объ другую, то очень быстро, то медленно, мѣняя темпъ по мѣрѣ надобности.

Какъ ни своеобразенъ японскій театръ,

и какъ, по-видимому, ничтожно должно быть его значеніе для европейцевъ, — тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, въ одномъ отношеніи японцы опередили

Театральный оркестръ.

европейцевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я посѣтилъ въ Нью-Йоркѣ театръ Мадизонъ-Скверъ и видѣлъ тамъ самое послѣднее усовершенствованіе, благодаря которому можно было на открытой сценѣ перемѣнить всю декорацию менѣе, чѣмъ въ одну минуту. Подъ сценой находилась другая, одинаковой величины съ первой. Въ то время, какъ на первой происходило представленіе, на второй, т. е. на нижней, рабочіе уже устанавливали декорации для слѣдующаго дѣйствія. По данному сигналу приводился въ дѣйствіе очень остроумный механизмъ, — и верхняя

сцена исчезаетъ внизъ, а, вмѣсто нея, появляется нижняя и, такимъ образомъ, публика избавляется отъ антракта.

Это американское изобрѣтеніе уже давно примѣняется въ Японіи, съ тою только разницей, что обѣ сцены находятся не одна надъ другой, а одна позади другой. Благодаря очень простому устройству въ механизмѣ сцены (нѣчто вродѣ желѣзнодорожнаго тормоза) она можетъ вращаться вокругъ вертикальной оси; передняя сцена уходитъ назадъ, а находящаяся позади выдвигается впередъ, и представленіе идетъ безъ перерыва.

Усвоеніе японцами европейскихъ нравовъ и обычаевъ не прошло безслѣдно и для театра. Теперь здѣсь уже предъявляется требованіе, чтобы давались пьесы, въ которыхъ изображалась-бы современная жизнь; представленія продолжаются уже не такъ долго, какъ раньше, и все клонится къ тому, чтобы посвящать театру только свободные вечерніе часы. Въ театрахъ Токио начали уже примѣнять наши европейскія усовершенствованія, а нынѣ, какъ было выше сказано, и женщины будутъ допущены въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ. Чтобы, по мѣрѣ возможности, привлечь большее количество публики въ театръ, здѣсь почти ежедневно даются нѣсколько коротенькихъ пьесъ; директора театровъ устраиваютъ даже, въ перемежку съ историческими пьесами и трагедіями, фарсы и балеты.

Вилеты можно брать на каждую пьесу отдѣльно точно такъ-же, какъ въ Испаніи въ театрѣ Царгуэла. Только опера и оперетка не ставятся еще въ Японіи и пройдетъ, пожалуй, еще нѣсколько десятилѣтій, прежде чѣмъ японцы войдутъ во вкусъ нашей вокальной музыки. Единственныя лирическія драмы, знакомыя японцамъ, это тѣ, въ которыхъ изображается историческая эпоха,—именно древнія драмы „но“, но эти драмы еще однообразнѣе и скучнѣе обыкновенныхъ японскихъ драмъ.

Во всякомъ случаѣ, японцы обязаны своей императрицѣ тѣмъ, что благодаря ея инициативѣ рѣшено допустить на сцену женщинъ, и японскій театръ сталъ интереснѣе и разнообразнѣе.

Данжуро

(Японскій Сальвини).

Быстро летать по улицамъ рикши, везомыя быстроногими ловкими куш, и выгружаютъ своихъ пассажировъ: европейскихъ дипломатовъ и офицеровъ, японскихъ министровъ, аристократію и чиновниковъ, хорошенькихъ, пестро одѣтыхъ мусмэ, и женщинъ всѣхъ возрастовъ, одѣтыхъ въ національный японскій костюмъ.

У дамъ въ волосахъ цвѣты и красивыя шпильки, въ одной рукѣ вѣеръ, а въ другой — пестрый зонтикъ. Передъ входомъ въ самый фешенебельный театръ въ Токио — Шинтомица — необыкновенная толпа. Но хотя сотни людей движутся все къ одной двери, тѣмъ не менѣе, данка и толкотня совершенно отсутствуютъ. Всѣ эти маленькіе, вѣжливые японцы предупредительно уступаютъ другъ другу дорогу, низко кланяются при встрѣчѣ, улыбаются и разсыпаются въ извиненіяхъ. Сейчасъ видно, что сегодня здѣсь собралось все высшее столичное общество.

Элегантныя дамы съ поклономъ вручаютъ гардеробщику свою соломяную и деревянную обувь, съ поклономъ же принимаютъ отъ него взамѣнъ номеръ и входятъ въ театръ въ однихъ бѣлыхъ чулкахъ; здѣсь онѣ занимаютъ свои ложи, гдѣ усаживаются прямо на полу.

Мы также запаслись ложей за нѣсколько дней до спектакля.

Представленіе уже давно началось; мы, а вмѣстѣ съ нами и всѣ тѣ японцы высшаго общества, о которыхъ я упоминалъ, пріѣхали такъ

поздно только потому, что еще заранее было объявлено о томъ, что въ этотъ часъ назначенъ выходъ знаменитѣйшаго японскаго актера Данжуро. Только низшіе и средніе классы населенія присутствуютъ на театральныхъ представленіяхъ съ утра до вечера.

Къ счастью, послѣ первыхъ же пьесъ становится извѣстнымъ, въ которомъ часу выступать лучшія силы и будутъ происходить самыя интересныя дѣйствія. Къ этому времени театръ переполняется публикой.

На право и на лѣво отъ насъ, въ балконныхъ ложахъ и подъ нами, въ ложахъ партера, расположилась публика, состоящая, по преимуществу, изъ женщинъ; всѣ находятся, большей частью, въ лежачихъ позахъ, или на коленяхъ, на корточкахъ; ѣдятъ, пьютъ, курятъ; разнообразныя платья съ пышными складками, цвѣты въ волосахъ, сотни пестрыхъ, постоянно движущихся вѣровъ,—все это соединяется въ одну своеобразную, живописную картину. Глаза всѣхъ устремлены на сцену, и зрители слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ за тѣмъ, что происходитъ тамъ, хотя многіе, быть можетъ, ужь сотый разъ видятъ одно и то же; но эта публика, самая нетребовательная и добродушная въ мірѣ, находитъ всякій разъ новое удовольствіе въ этихъ представленіяхъ.

Но, вотъ, на сценѣ начинается представленіе одной изъ выдающихся пьесъ въ репертуарѣ Данжуро. Онъ самъ выступаетъ въ роли пожилаго дайміоса изъ старинной, рыцарской эпохи Японіи.

Одѣтый въ великолѣпный, затканый золотомъ нарядъ, онъ молча и неподвижно сидитъ на полу и не обращаетъ никакого вниманія на сидящихъ востѣ него двухъ женщинъ, такъ-же нарядно одѣтыхъ.

Онѣ съ причитаніями плачутъ и рыдаютъ, слезы текутъ у нихъ по щекамъ и падаютъ на предметъ, который онѣ попеременно берутъ въ руки и прижимаютъ къ груди съ выраженіемъ страданія на лицѣ.

Разсмотрѣвши лучше этотъ предметъ, я, къ своему ужасу, узнаю, что это окровавленная человѣческая голова.

„Мой сынъ, мой бѣдный сынъ“,—безпрестанно восклицаетъ старшая изъ женщинъ.

„Мой мужъ“,—рыдаетъ младшая.

Но самъ дайміосъ, по-прежнему, невозмутимъ, спокойно и безучастно смотритъ онъ на окровавленную голову своего единственнаго сына, послѣдняго отпрыска его семьи, убитаго въ битвѣ противъ микадо. По его безмолвному знаку обѣ женщины удаляются.

Тутъ старикъ съ трудомъ поднимается съ пола и медленно осматривается, чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно-ли онъ остался одинъ и не будетъ-ли лишнихъ и нескромныхъ свидѣтелей его горя.

Онъ глубоко вздыхаетъ и вдругъ, съ неподражаемымъ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, бросается къ лежащей на полу головѣ. Онъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, лицо его залито слезами въ то время, какъ онъ

держитъ обѣими руками далеко впереди себя окровавленную голову съ стеклянными глазами и всклокоченными волосами; потомъ онъ прижимаетъ ее къ груди и къ лицу; долго остается неподвижнымъ въ этой позѣ и вдругъ падаетъ безжизненнымъ на полъ, въ то время, какъ голова катится изъ его рукъ.

Но постепенно жизнь возвращается къ старику, онъ поднимается, безучастно и удивленно оглядывается, точно старается припомнить событія послѣднихъ минутъ. Страдальческое выраженіе его лица показываетъ, что онъ вспомнилъ о своемъ страшномъ несчастіи.

Глубокій вдохъ вырывается изъ его груди, лицо его становится спокойнѣе и кажется, что печаль его прошла.

Вотъ онъ медленно вынимаетъ свой мечъ изъ ноженъ и кладетъ его возлѣ себя на полу; старательно и обдуманно снимаетъ онъ съ себя одинъ за другимъ свои военные доспѣхи; потомъ раскрываетъ нижнія шелковыя одежды, садится на полъ, беретъ мечъ и... распарываетъ имъ себѣ животъ.

Кровь брызжетъ изъ зіяющей раны, безжизненное тѣло падаетъ: старый дайміосъ не пережилъ своего горя и совершилъ надъ собой хара-кири.

Этимъ кончается первая пьеса, въ которой участвуетъ Данжуро. Занавѣсъ падаетъ, и всѣ вздыхаютъ съ облегченіемъ.

Теперь мнѣ становится понятной слава японскаго Сальвини, восхищающаго японцевъ уже въ продолженіи почти пятидесяти лѣтъ, точно такъ-же, какъ до него восхищали ихъ его отецъ, дѣдъ и т. д. до девятаго поколѣнія включительно.

Династія Данжуро принадлежитъ къ театральной аристократіи и насчитываетъ у себя девять предковъ. Эти послѣдніе передали своему потомку семейный талантъ, они посвятили его въ традиціи стариннаго классическаго искусства; нравы и обычаи времени рыцарскаго феодалама Японіи передавались отъ отца къ сыну до настоящаго времени, а вмѣстѣ съ ними и старинные костюмы и доспѣхи, которыми Данжуро дорожитъ, какъ самымъ драгоцѣннымъ наслѣдствомъ.

Онъ олицетворяетъ собою старую Японію и, глядя на него, японцы видятъ своихъ предковъ.

Послѣ небольшого антракта занавѣсъ снова поднимается, и Данжуро, которымъ мы только что восхищались въ роли стараго рыцаря, появляется теперь уже въ образѣ старой женщины. Съ удивительнымъ искусствомъ превратилъ онъ свое лицо въ аристократическое женское лицо и держится въ женскомъ платьѣ такъ непринужденно, что положительно можно поклясться, что передъ вами женщина. Она оплакиваетъ смерть своего мужа; ея сынъ стоитъ передъ нею, также грустящій о смерти отца и рѣшившійся покончить съ собою. Но мать съ пафосомъ призываетъ къ нему:

„Для того-ли я вскормила тебя своей грудью? Неужели мой сынъ хочетъ умереть, не отомстивъ за смерть отца?“

Старый любимецъ японцевъ такъ заинтересовать меня, что я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе моего переводчика провести слѣдующее дѣйствіе за кулисами и лично познакомиться съ артистомъ. Но въ Японіи, какъ и въ другихъ странахъ, артисты на сценѣ гораздо лучше, чѣмъ за кулисами.

При ближайшемъ знакомствѣ Данжуро оказался такимъ-же тщеславнымъ фатомъ, какъ и его коллеги изъ другихъ странъ, ближе лежащихъ къ намъ. Онъ пользуется своей славой даже еще хуже.

Визитъ къ нему на сцену или въ уборную сводится просто—напросто къ денежной сдѣлкѣ. Какъ вы платите за входъ въ театръ, такъ равно должны вы платить еще разъ за право входа въ уборную артиста, чтобы взглянуть на него и быть имъ принятымъ.

Цѣлая толпа обожателей Данжуро стояла у входа въ его уборную, и его японскій импрессарио быть въ это время какъ разъ занятъ тѣмъ, что за большій или меньшій денежный выкупъ возвращать владѣльцамъ ихъ шляпы и другія принадлежности туалета, которыя они бросали артисту въ порывѣ энтузіазма.

Кое-кто проникъ въ это святилище и было въ высшей степени забавно смотрѣть, какими низкими поклонами и похвалами они приветствовали Данжуро.

Самъ онъ относился къ окружающему его поклоненію вполне равнодушно, какъ къ чему-то нормальному и обычному. Но постепенно онъ становился все привѣтливѣе, и когда одинъ изъ его обожателей сказалъ ему что-то, повидимому, особенно лестное, то онъ снизошелъ до того, что подарилъ ему шпильку со своей головы; нѣкоторымъ дамамъ онъ написалъ крупными буквами на вѣерахъ свое имя и, наконецъ, онъ даже собственноручно приготовилъ чай и угостилъ имъ дамъ.

Время шло, посѣтители покинули сцену, и Данжуро пора было заняться приготовленіями къ слѣдующей пьесѣ.

Изъ своей комнатки, находящейся надъ сценой, ему видно было буквально все, что тамъ происходило, и онъ, какъ капризная примадонна, выкрикивалъ свои распоряженія; все было не по немъ, все дѣлалось не такъ, какъ ему хотѣлось, и не такъ, какъ слѣдуетъ. Его раздѣляли трое или четверо слугъ, онъ усѣлся на полъ передъ большимъ зеркаломъ и началъ гримироваться. Ему надо было выступить въ роли японской танцовщицы и, вотъ, онъ съ поразительной ловкостью вытѣпилъ себѣ изъ какой-то мази, вродѣ воска, другой носъ, нарисовалъ себѣ другія брови, одѣлъ на голову шиньонъ и волосы и, наконецъ, началъ одѣвать на себя великолѣпные наряды, которые хранятся у него въ большихъ бамбуковыхъ корзинахъ.

Гардеробъ Данжуро играетъ немаловажную роль въ его славѣ. У него нѣсколько дюжины старинныхъ дорогихъ костюмовъ изъ парчи и другихъ матерій, которые по добротѣ ткани, фасону и рисункамъ—единственные въ своемъ родѣ. Многіе изъ нихъ переходили въ его семьѣ по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и притомъ не только театральные костюмы, но и настоящее вооруженіе и придворные костюмы старинныхъ князей, подаренные послѣдними его предкамъ, и поэтому они, кромѣ матеріальной стойкости, имѣютъ еще и историческое значеніе. Его оружіе, трубки, вѣера, украшенія разнаго рода—настоящіе *chef d'oeuvre* искусства, и онъ самъ иногда съ гордостью показываетъ ихъ своимъ ученикамъ или фаворитамъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ часть его вещей была похищена.

Вся полиція Токио была поднята на ноги и послѣ долгихъ поисковъ удалось, наконецъ, вернуть ему похищенные вещи. Но когда ихъ принесли Данжуро, онъ гордо отстранилъ ихъ; никогда—сказалъ онъ—не одѣнетъ онъ на себя платья, оскверненнаго руками воровъ.

Этотъ старый мимикъ задержалъ начало представленія до тѣхъ поръ, пока не окончилъ своего туалета; но за то его превращеніе въ молоденькую танцовщицу было такъ совершенно, что я никогда не узналъ-бы въ ней Данжуро.

Мы поспѣшили въ свою ложу. Вотъ поднимается занавѣсъ (подарокъ Калакуа—короля Гавайи); появляется съ полъ-дюжины барабанщиковъ, одѣтыхъ въ прекрасныя, затканныя цвѣтами шелковыя платья, съ огромными барабанами за плечами и усаживаются на корточки въ въ глубинѣ сцены прямо на полу. За ними слѣдуетъ такое же количество музыкантовъ съ національнымъ инструментомъ японцевъ—самизекомъ. Барабанщики ударяютъ въ барабаны, музыканты перебираютъ струны самизаена, и появляется Данжуро въ волшебномъ-прекрасномъ и роскошномъ костюмѣ, изящный и граціозный какъ фея,—настоящее изображеніе японской гейши. Дойдя до середины сцены, этотъ старикъ, котораго мы уже видѣли въ роли даймюса и старой женщины, начинаетъ знаменитый танецъ свободныхъ гейшъ, причемъ для его почтеннаго возраста очень кстати было то, что японскія балерины во время танцевъ дѣлаютъ движенія рѣшительно всѣми частями тѣла, но только не ногами, такъ что эти послѣднія остаются публикѣ невидимыми.

Въ то время, какъ наши балерины въ своихъ декольте доходятъ до самыхъ крайнихъ границъ, ихъ японскія коллеги стараются, наоборотъ, навѣшать на себя какъ можно больше всякихъ дорогихъ матерій, чтобы, по мѣрѣ возможности, скрыть всѣ части тѣла, исключая лица, рукъ и кончиковъ ногъ. Одинъ острякъ когда-то сказалъ: „*La descente commence, où finit la beauté*“ (скромность начинается тамъ, гдѣ кончается красота). Но это касается только европейекъ; у японокъ въ лексиконѣ нѣтъ слова „скромность“, потому что тѣ самыя гейши, которыя навѣшиваютъ во

время танцевъ на свое миниатюрное тѣло цѣлый модный магазинъ, быть можетъ, купаются въ своей родной деревнѣ непосредственно на виду у всѣхъ проходящихъ на улицѣ, ничѣмъ не закрываясь.

Данжуро танцуетъ въ продолженіи четверти часа; затѣмъ къ нему подбѣгаетъ одѣтый въ черное театральный слуга и закрываетъ его отъ глазъ публики, какъ ширмой, покрываломъ.

Появляются еще слуги съ тяжелыми костюмами въ рукахъ, и Данжуро, тутъ же на сценѣ, мѣняетъ свой костюмъ, подь звуки барабановъ, самизеновъ и мяукающаго пѣнія невидимаго хора. Въ этомъ новомъ нарядѣ, если возможно, еще болѣе красивомъ, онъ начинаетъ другой танецъ, такой же граціозный, но и такой же однообразный, какъ первый. Затѣмъ слѣдуетъ третій и четвертый танецъ и, наконецъ, наступаетъ самый главный эффектъ:—выходъ дочерей Данжуро, Фукико и Дшизукко, танцующихъ вмѣстѣ съ отцомъ. Для присутствующихъ японцевъ онѣ представляютъ особенную прелесть своей юностью, но намъ, европейцамъ, это предпочтеніе совершенно непонятно. По нашимъ понятіямъ, никто не можетъ сравниться съ Данжуро въ мимикѣ лица, въ отчетливости рѣчи; каждый отдѣльный слогъ, каждое его восклицаніе имѣетъ свое значеніе, и онъ могъ бы служить примѣромъ многимъ нашимъ европейскимъ мимикамъ. Наконецъ, ни у кого изъ его партнеровъ нѣтъ такихъ великолѣпныхъ костюмовъ, и никто не умѣетъ ихъ носить такъ непринужденно, какъ онъ.

Данжуро, конечно, занимаетъ первое мѣсто въ театрѣ Шинтомица и получаетъ самое большое жалованье, которое когда либо платилось актерамъ въ Японіи, т. е. шесть тысячъ іенъ въ годъ (немного меньше трехъ тысячъ рублей). Что сказали бы наши Сальвини и Росси, получающіе такія суммы въ одинъ вечеръ? Правда, Данжуро выступаетъ и въ другихъ театрахъ Токио, а также въ провинціальныхъ городахъ, и эти гастроли, вмѣстѣ съ подарками, можетъ быть, удваиваютъ его доходъ. Молодые актеры играютъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ совершенно даромъ вмѣстѣ съ Данжуро, лишь бы поучиться у этого великаго артиста; они даже платятъ за честь выступать съ нимъ рядомъ. Благодаря этому, на японской сценѣ сохраняются еще старыя преданія, которыя и до сихъ поръ имѣютъ здѣсь громадное значеніе, несмотря на современный реализмъ, духъ котораго вмѣстѣ съ европейской культурой дошелъ къ нашимъ антиподамъ и начинаетъ проникать и въ японскій театръ.

Въ частной жизни Данжуро—настоящій японскій джентльменъ, любимое занятіе котораго—уженье рыбы. Данжуро—это театральный псевдонимъ, переходящій отъ отца къ сыну съ шестнадцатаго вѣка и до настоящаго носителя его.

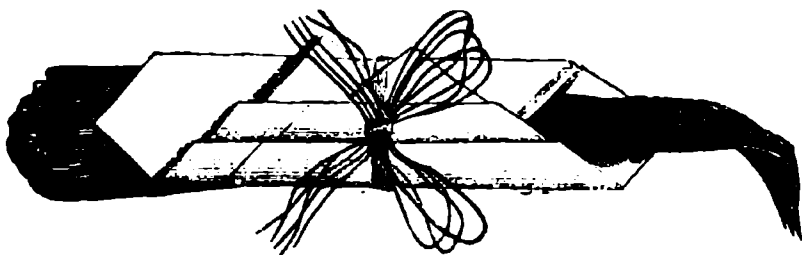
Въ Японіи, какъ и у насъ, всѣ знаменитые художники, писатели и актеры имѣютъ свои псевдонимы. Данжуро извѣстенъ своимъ

друзьямъ и знакомымъ подъ его настоящимъ именемъ Горикоши-Шу.

Данжуро, все таки, не единственныи представитель старинной театральной семьи; но, во всякомъ случаѣ, ни у кого нѣтъ такого количества театральныхъ предковъ, какъ у него; тѣмъ не менѣе, есть еще нѣсколько актеровъ, въ жилахъ которыхъ уже нѣсколько столѣтій течетъ кровь старинной театральной знати. Такъ, напримѣръ, слѣдующій за Данжуро любимецъ публики Геноске—представитель четвертаго поколѣнія этого имени. За нимъ слѣдуетъ Соданше, двоюродный братъ Данжуро, у котораго также нѣсколько предковъ. Но, несмотря на все это, даже эти лучшіе актеры не принимаются въ высшемъ японскомъ обществѣ и занимаютъ на своей родинѣ приблизительно такое-же общественное положеніе, какое занимали служители Талии у насъ въ прошломъ столѣтіи.

Вмѣстѣ съ новыми вѣяніями, господствующими въ настоящее время въ Японіи, должно, повидимому, постепенно исчезнуть и предубѣжденіе противъ актеровъ; но, вмѣстѣ съ этимъ, въ Японіи исчезнетъ и старое классическое искусство, виднымъ представителемъ котораго считается въ настоящее время старый Данжуро.

Литература и періодическая пресса въ Японіи.

Въ прежнія времена въ японской литературѣ появлялось очень много хорошихъ произведеній; но было бы ошибочно думать, что литература въ Японіи стояла на одинаковой степени развитія съ искусствомъ и художественной промышленностью. Правда, японская литература беретъ свое начало съ тѣхъ временъ, когда германцы были еще варварами, и можетъ указать на такія произведенія, какъ „Кошики“, написанное въ 712 г., или „Нихонджі“ (японская хроника), которая вышла въ свѣтъ въ 720 г.; но романтическая поэзія здѣсь никогда не достигала совершенства и можно смѣло сказать, что извѣстный японскій романъ Таменаги („Вѣрность до гроба“) по нашимъ европейскимъ понятіямъ—одно изъ лучшихъ произведеній японской изящной литературы.

Этотъ романъ очень популяренъ въ Японіи.

Первыя поэтическія произведенія были написаны еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ и замѣчательно то, что авторами ихъ и въ слѣдующіе вѣка и въ ближайшее къ намъ время были, главнымъ образомъ, женщины.

Гриффисъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее:

„Въ средніе вѣка придворное общество любило проводить время, главнымъ образомъ, въ сочиненія стиховъ и декламированіи ихъ. Самъ императоръ нерѣдко оказывалъ честь какой нибудь дамѣ тѣмъ, что давалъ ей тему для сочиненія стиховъ, и если она удачно исполняла заданную ей работу, т. е., если выходило что-нибудь остроумное, или получался звучный стихъ, то этого было совершенно достаточно, чтобы ее произвели въ статсъ-даму, или императорскую наложницу, а иногда даже сдѣлали императрицей.

Другое любимое времяпрепровожденіе при дворѣ было писать беллетристическія произведенія (повѣсти) и читать ихъ вслухъ; такимъ образомъ создались „Моноготари“, которыя знакомятъ насъ съ придворной жизнью десятого и одиннадцатаго вѣковъ. Знатные кавалеры

и дамы того времени выступают передъ нами во всей своей суетности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и во всей эlegantности аристократической жизни того времени“.

При чтеніи этихъ произведеній мы знакомимся съ тѣмъ, какъ нѣкогда проводило время высшее японское общество:—съ обуревавшими ихъ мыслями, любовными похождениями, мечтаніями при лунѣ, а также съ описываемымъ въ нихъ обществомъ и костюмами, какіе тогда носили. Первое произведеніе этого романтическаго періода,—сказка „Такетори моноготари“ т. е. „разсказъ плетельщика бамбука“, въ которомъ описываются приключенія одной дѣвушки, изгнанной съ

Японская поэтесса и ея слушательницы.

луны на землю. Но самое значительное и наиболѣе извѣстное произведеніе того времени это „Гендши моноготари“, сочиненіе Мураэки Шикибу, дочери даймюса Этшизена, написанное въ 1004 г.

Самымъ изящнымъ и красивымъ языкомъ писала свои поэтическія произведенія одна царская фаворитка (наложница) Сен Шонаганъ, жившая также въ одиннадцатомъ вѣкѣ.

Мужчины въ то время и даже въ позднѣйшіе вѣка писали не на чисто японскомъ языкѣ, такъ какъ они примѣшивали очень много китайскихъ выраженій, какъ у насъ въ средніе вѣка прибѣгали къ выраженіямъ латинскимъ и греческимъ.

Китай былъ своего рода Греціей для восточной Азіи; отсюда заимствованы были науки, религія, искусства и литература; только женщины владѣли чистымъ японскимъ языкомъ. Оди́нъ изъ лучшихъ зна-

токовъ японской литературы, В. Г. Астонъ говоритъ по этому поводу: „что касается исторіи литературы Японіи, то можно положительно утверждать, что большая часть литературныхъ произведеній лучшей эпохи этой націи принадлежитъ перу женщинъ“.

Послѣ реставраціи свѣтской власти мякадо лица, стоящія во главѣ правленія, старались возобновить старыя традиціи. Одинъ разъ въ году, обыкновенно въ январѣ, задается тема для поэтического произведенія, и всякій, кто хочетъ, можетъ ее обрабатывать и получать за нее премію. Императоръ, императрица и величайшіе сановники посылаютъ свои произведенія, которыя должны цѣликомъ состоять изъ тридцати пяти слоговъ, заключающихся въ пяти строкахъ.

Въ 1889 г. задана была слѣдующая тема: „Молитва за царствующую династію въ шинтоистскомъ храмѣ“; въ 1890 г.—„Патріотическія пожеланія“; въ 1891—„Продолжительность жизни зеленого бамбука“ и т. п.

Самый популярный и извѣстный литераторъ Японіи—Бакинъ (1767—1848 г.г.), обогатившій японскую литературу 290 произведеніями, нѣкоторыя изъ которыхъ написаны въ двѣнадцать томахъ. Самое значительное произведеніе этого плодовитаго писателя—„Хаккендзень“, т. е. „Исторія восьми собакъ“ въ ста шести томахъ. Одно изъ самыхъ изящныхъ его произведеній—„Плѣнники любви“, переведено недавно однимъ американцемъ, Эдвардомъ Гресемъ, на англійскій языкъ. Къ несчастью, переводчикъ постарался, насколько было возможно, сохранить всѣ особенности японскихъ выраженій, а, главнымъ образомъ, чопорныя привѣтствія, языкъ которыхъ совершенно неестественъ.

Въ „Плѣнникахъ любви“ рѣчь идетъ о двухъ самураяхъ, согрѣшившихъ противъ чести, и объ одномъ охотникѣ, измѣнявшемъ религію; за эти преступленія не только всѣ эти трое, но и ихъ дѣти подверглись гнѣву боговъ. Вина охотника заключалась въ томъ, что онъ, представившись жрецомъ, молился и, залучивъ къ себѣ священнаго оленя пяти цвѣтовъ, убилъ его мѣтко-направленной стрѣлой. Самурай-же провинился тѣмъ, что когда на ихъ дайміоса Нитта Юшизаду напалъ непріятель въ количествѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ то время, какъ онъ находился въ сопровожденіи небольшой свиты, они не только не защитили его, но даже, струсивъ, покинули его.

Старшій изъ самураевъ, рыцарь Итара Тараго Такеязу, поступилъ на службу къ другому дайміосу и женился на Гашибузѣ, любовницѣ раззорившагося священника (жреца), по имени Сайкоя, сына вышеупомянутаго охотника. Гашибуза нечаянно отравляетъ своего мужа тѣмъ, что бросаетъ ящерицу въ колодезь, откуда самурай набираетъ себѣ въ чайникъ воды. Младшій братъ самурая, рыцарь Итара Широ-Широ-Такеакіра, клянется отомстить, и, принявъ въ темнотѣ Гашибузу, вдову брата, за Сайкоя, отрубаетъ ей голову. Его обвиняютъ въ убійствѣ и обязываютъ совершить надъ собою хара-кири.

Жена охотника умираетъ въ тотъ самый день, какъ ея мужъ возвращается домой съ убитымъ оленемъ пяти цвѣтовъ, а черезъ девять лѣтъ онъ самъ умираетъ отъ водобоязни. Сынъ его также умираетъ неестественной смертью, и всякій, кому достается шкура оленя, трагически кончаетъ свою жизнь. Послѣ многихъ приключеній Сайкоя—сына охотника и Тайи,—дочери младшаго самурая,—также убиваютъ, и этимъ кончается вся повѣсть.

Въ повѣсти Бакина очень много сверхъестественнаго элемента. Такъ, напримѣръ, онъ рассказываетъ, какъ однажды Сайкоя освободилъ громъ изъ вѣтвей дерева, въ которыхъ онъ запутался. За это жена грома долго охраняетъ его отъ преслѣдованій Тайи; она даже позволяетъ ему занять въ облакахъ мѣсто грома, когда тотъ на нѣкоторое время охромѣлъ.

Очень наивны замѣтки на поляхъ книги, которыми Бакинъ усердно усаждаетъ свою повѣсть. Такъ, напримѣръ, онъ очень серьезно замѣчаетъ о громѣ: „земля наполнена сѣрой и селитрой, которыя поднимаются въ видѣ испареній и, соединяясь вверху, превращаются въ паръ, обладающій всеми свойствами пороха. Если этотъ паръ подходитъ близко къ солнцу, то отъ зноя онъ быстро воспламеняется, и взрывъ его раздается на весь міръ“.

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ рассказываетъ объ убійствѣ и убійцахъ своихъ героевъ, сказано въ примѣчаніи слѣдующее: „иногда бываетъ очень трудно побороть въ себѣ зло, но если ты, читатель, дѣйствительно стремишься къ добру, то добьешься своего. Я отъ души желаю, чтобы это было такъ. Бакинъ“.

Послѣ Бакина и Таменачи Шунауи, слѣдуетъ еще одинъ интересный современный писатель Шиппенша Икку; его поэма „Гипа куриге“ считается однимъ изъ лучшихъ образцовъ японской литературы. Икку съ большимъ юморомъ описываетъ приключенія двухъ бѣдняковъ, совершившихъ пѣшкомъ по Токайдо длинное путешествіе изъ Кіото въ Токио.

Все таки, въ общемъ, вся романтическая литература Японіи далеко не такъ содержательна, какъ это думаютъ въ Европѣ, и только немногія беллетристическія произведенія представляютъ нѣкоторый интересъ для европейцевъ. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ появившійся недавно въ нѣмецкомъ переводѣ романъ Таменачи Шунауи, такъ какъ онъ опирается на выдающіяся событія изъ японской исторіи, и это большая удача для японцевъ, что они дебютируютъ этимъ романомъ среди европейской читающей публики.

Преобладающее большинство японскихъ романовъ представляетъ собою не больше, какъ бабьи сказки или разныя приключенія, могущія заинтересовать только юныхъ читателей.

Вазиль Холтъ Чамберленъ, профессоръ императорскаго универси-

тета въ Токио и признанный даже японцами, лучшимъ знатокомъ японской литературы, говорить не стѣсняясь: „въ рассказахъ японскихъ авторовъ попадаются иногда красивыя и глубокія по мысли мѣста; они представляютъ нѣкоторый интересъ для филологовъ, археологовъ и историковъ, но многое, что японцы больше всего цѣнятъ въ своей литературѣ, на вкусъ европейца невыносимо скучно и бессмысленно. Ихъ романы такъ-же скучны, какъ и историческія произведенія“.

Въ другомъ мѣстѣ Чамберленъ такъ отзывается о лучшемъ романистѣ Японіи, Бакинѣ:

„Неподражаемо!“—восклицаютъ восхищенные японцы, прочитавъ „Гаккенденъ“,—романъ, который всякій читаетъ и перечитываетъ до тѣхъ поръ, пока не выучиваетъ его почти наизусть.—Неподражаемо!—Да, онъ очень хорошъ,—отвѣтитъ европеецъ,—но хорошъ, какъ снотворное средство, благодаря скучнымъ описаніямъ неправдоподобныхъ приключеній, о которыхъ рассказывается на протяженіи ста шести томовъ. Въ японской литературѣ отсутствуютъ геній, идея, логика, глубина, широта и разносторонность.

Таково мнѣніе того ученаго, который по своему положенію, первый долженъ произнести этотъ приговоръ. Но японофилы, восхваляющіе до небесъ все японское, могутъ провѣрить вышесказанное у другихъ признанныхъ авторитетовъ, и вездѣ они найдутъ то-же самое: и у Сатова, и у Гриффиса, и у Астона, и у другихъ.

Но, можетъ быть, японофилы возражаютъ намъ, что со времени реставраціи имперіи современная японская литература подаетъ большія надежды.

Опроверженіемъ этого можетъ служить мнѣніе Чамберлена по этому вопросу.

Вотъ что говоритъ онъ, напримѣръ, въ своей книгѣ „Things Japanese“, появившейся въ печати въ 1891 г. (въ Токогамѣ).

„Открытіе страны доступу европейской культуры, въ сущности, убило настоящую японскую литературу. Правда, печать ежегодно выпускаетъ тысячи книгъ и брошюръ, т. е. гораздо больше прежняго; но большинство ихъ—только переводы европейскихъ авторовъ или же сочиненія, написанныя подъ влияніемъ европейскихъ идей. Это вполнѣ понятно и въ порядкѣ вещей. Современная школа европеизированныхъ ученыхъ и авторовъ—такихъ, какъ Фукузава, Ниши-Шу, Като Хироюки, Тама Мазагацу и др.—дѣлаетъ доступной японцамъ каждую отрасль знанія. Но, конечно, эти переводы, подражанія и перефразировка интересуютъ европейскаго читателя, имѣющаго возможность читать все это въ оригиналѣ, гораздо меньше, чѣмъ японскія книги временъ стараго режима. Теперь даже романы пишутся здѣсь по образцу европейскихъ. Японскіе писатели не только цѣлкомъ переняли у европейцевъ манеру писать, но даже заимствуютъ у нихъ содержаніе, причемъ

европейскія имена, по созвучію, передѣлываютъ въ японскія: напримеръ, Шмидтъ передѣлывается въ Шимиду, Элиза въ О—Ризу и т. д. Европейскія мѣстныя условія примѣняются къ японскимъ...

Я готовъ держать пари, что ни одинъ читатель этой книги (Things Japanese) не догадается, кто именно герой самаго національнаго романа, появившагося въ царствованіе нынѣшняго императора. Это никто иной какъ Эпаминондъ. Это сомнительное произведеніе, озаглавленное Кіе-коку Биданъ, занимается разборомъ Ойвиской политики. Причиной большаго распространенія этой книги служитъ то, что во многихъ мѣстахъ ея не трудно усмотрѣть намеки на современную японскую политику. Авторъ ея, Яно Фушіо, на доходы со своей книги выстроилъ себѣ хорошій домъ и совершилъ путешествіе въ Европу*.

„Другая повѣсть, также имѣвшая успѣхъ, называется „Кашинъ-но-Кигу“; дѣйствіе начинается въ вашингтонскомъ Капитоліи, гдѣ одинъ японецъ читаетъ своему провожатому американскую декларацію о свободѣ. Карлисты, злые англичане, лишившіе египтянъ ихъ героя Араби-Паши,—все это проходитъ, какъ въ калейдоскопѣ, на всемъ протяженіи этого произведенія, написаннаго, что болѣе всего удивительно, классическимъ китайскимъ языкомъ“.

Вотъ что говоритъ профессоръ Чамберлэнъ.

Конечно, возможно и то, что въ виду такого крайняго, чтобы не сказать вырождающагося, европеизированія японской литературы, можетъ возникнуть обратное теченіе, какъ это было съ костюмами, обычаями, искусствомъ, театромъ,—о чемъ я неоднократно говорилъ выше.

И въ настоящее время уже появилось нѣсколько обществъ, имѣющихъ цѣлью поддержаніе старинныхъ традицій и сохраненіе прежней Японіи. Но что же это за литература, которую нужно искусственно поддерживать и холить, какъ тепличное растеніе! Внутренняго достоинства, т. е. силы и сочности, основы жизненной силы народа, въ японской литературѣ нѣтъ,—и врядъ ли въ Японіи появится еще одинъ Зумшинъ или Бакинъ. Но если таковой и появится, то уже не въ прежнемъ видѣ; его умъ, какъ и самъ онъ, приметъ европейскую форму. *)

*) Мы отнюдь не можемъ раздѣлять скорби Гессе-Вартгега о томъ, что японскія книги «временъ стараго режима» отошли уже въ область преданій. Въ Гессе-Вартегѣ, какъ и въ большинствѣ путешественниковъ, говоритъ, въ данномъ случаѣ, чувство личной, эгоистической неудовлетворенности тѣмъ, что современная японская литература не представляетъ въ настоящее время интереса новизны и не заключаетъ въ себѣ мѣстнаго колорита и специфическаго интереса для случайно попадающаго въ страну иностранца. Если-бы Гессе-Вартегъ принялъ во вниманіе интересы самой Японіи, то онъ, конечно, судилъ-бы иначе, и для него было-бы ясно, что рядъ реформъ, проведенныхъ въ живнѣ въ послѣднее 25-лѣтіе и измѣнившихъ весь строй государства и общества, не могъ не вызвать самой горячей поддержки среди мыслящей и лучшей части японскаго общества, и что именно глубокое пониманіе ея нуждъ и интересовъ побудило лучшихъ представителей этой націи взяться за популяризацию западно-европейскихъ идей и знаній.

Призваніе редактора.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ японскихъ книгъ. При печатаніи романовъ, повѣстей, сказокъ и старыхъ историческихъ произведеній придерживаются и теперь еще старинныхъ образцовъ.

Листы бумаги, въ видѣ длинныхъ полосъ, печатаются только съ одной стороны и потомъ складываются въ форматъ нашихъ книгъ такимъ образомъ, что напечатанныя страницы находятся съ наружной стороны, а пустыя внутри. Эти листы связываются у корешка тонкой бичевкой, и затѣмъ наклеивается тонкая обертка. Если-бы кто-нибудь вздумалъ разрѣзать книгу, то за двумя напечатанными страницами слѣдовали бы двѣ пустыя. Поэтому въ японскихъ книгахъ листы вовсе не разрѣзываются. Обертки и текстъ зачастую украшены художественными рисунками. Страницы нумерованы, а заглавіе находится въ концѣ книги, какъ въ арабскихъ и китайскихъ сочиненіяхъ. Бумага гораздо легче, плотнѣе и мягче, чѣмъ въ европейскихъ книгахъ. Въ послѣднее время здѣсь особенно въ ходу мягкая, жилистая бумага для книгъ съ сказками и другими подобными произведеніями. Эти странныя жилки, дѣлающія бумагу похожей на крепъ, получаютъ благодаря тому, что напечатанные уже листы бумаги оборачиваются вокругъ бамбуковыхъ шестовъ, жилки которыхъ отпечатываются на бумагѣ.

Всѣ научныя произведенія, переводы европейскихъ авторовъ и нѣкоторыя туземныя въ послѣдніе годы печатаются и переплетаются, какъ европейскіе оригиналы: переплеть на нихъ твердый съ золотымъ тисненіемъ.

Поразительно быстро развилось въ Японіи газетное дѣло. Въ 1864 г. основана была первая газета на японскомъ языкѣ, и вначалѣ она боролась со многими препятствіями. Тѣмъ не менѣе, до 1874 г. появилось еще десять газетъ, которыя выходили въ свѣтъ неправильно и совершенно не были оригинальны; онѣ только переводили извѣстія изъ англійскихъ ежедневныхъ газетъ. Редакторъ, издатель, репортеръ, типографщикъ и разнощикъ,—все соединялось въ одномъ лицѣ.

Только послѣ революціи, съ началомъ новой эры, газетное дѣло вполне развилось, и теперь въ Японіи насчитывается 600 періодическихъ изданій. Въ одномъ Токио больше двадцати ежедневныхъ газетъ, выходящихъ (всѣ вмѣстѣ) въ количествѣ четверти милліоновъ экземпляровъ, затѣмъ 130 еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданій, выходящихъ въ количествѣ полумилліона экземпляровъ.

Во главѣ самыхъ значительныхъ мѣстныхъ газетъ стоитъ оффиціозный органъ Ничи-нichi—шимбунъ (Новѣйшія извѣстія). Въ этой газетѣ принимаетъ участіе больше полутора ста человекъ; она имѣетъ главнаго редактора, редактора политическаго отдѣла, пять помощниковъ редактора, двѣнадцать репортеровъ, двухъ стенографовъ, но всего

четырехъ наборщиковъ, при каждомъ изъ которыхъ имѣются помощники, и двѣнадцать типографщиковъ.

Какъ во всѣхъ японскихъ газетахъ, такъ и въ этой, репортерство самое большое мѣсто. Такъ-какъ репортеры получаютъ по-суточную плату и притомъ довольно скудную, то большая часть ихъ извѣстій представляетъ собою плодъ собственнаго вымысла и фантазіи. Несмотря на все это, ихъ ежемѣсячный заработокъ, въ общемъ, не превышаетъ сорока германскихъ марокъ (около 16 рублей).

Слѣдующія выдающіяся столичныя газеты: — радикальный органъ Джиджи Шимпо (Наше время) и Хотши Шимбунъ, органъ графа Окума.

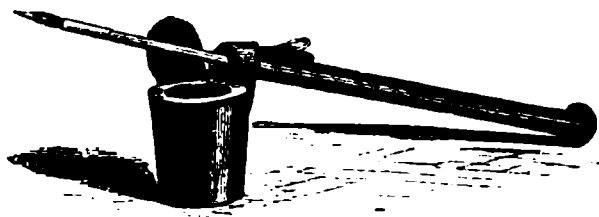
Джиджи Шимпо обладаетъ той особенностью, что постоянно предлагаетъ новыя реформы, которыя на бумагѣ кажутся легко исполнимыми, но въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью никуда не годятся.

Большимъ значеніемъ пользуются также: либеральная газета Майнити Шимбунъ (Ежедневныя Новости), принадлежащая г-ну Нюма, президенту парламента, затѣмъ еще такой же свободомыслящій органъ — Тшоя Шимбунъ (Парламентскія и Народныя Извѣстія), консервативный Токио-Демпо (Геддосскій Телеграфъ), который считается органомъ прежняго министра торговли генерала Тоши, наконецъ, радикальный органъ Коранъ Шимпо (Общественное Мнѣніе), въ которомъ высказываютъ свои мнѣнія шовинистъ графъ Итагаки и графъ Гото, усердный политиканъ, уже давно безуспѣшно стремящійся удержать въ своихъ рукахъ главенство надъ радикальной оппозиціей. Впрочемъ, подъ опредѣленіями либеральнаго, радикальнаго, свободомыслящаго и т. п. органовъ японской прессы и политическихъ дѣятелей кроется далеко не то, что подъ этимъ подразумѣвается въ Европѣ, такъ какъ совершенно юный еще пока парламентъ Японіи не настолько созрѣлъ, чтобы разбиться на партіи.

Хотя цензура въ Японіи упразднена, тѣмъ не менѣе, прессѣ приходится терпѣть много непріятностей отъ властей.

Въ одномъ изъ обширныхъ залъ полицейскаго бюро въ Токио возсѣдаетъ множество чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ чтеніе всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ періодическихъ изданій и уповленіе въ нихъ всего анти-правительственнаго и противозаконнаго. Если одинъ изъ этихъ господъ, вооруженный большими ножницами и краснымъ карандашомъ, найдетъ что-нибудь подозрительное, то онъ докладываетъ объ этомъ своему шефу, который, въ свою очередь, сносится съ правительствомъ. И если въ высшихъ сферахъ выразить желаніе привлечь къ отвѣтственности редактора, то послѣдній вѣжливо приглашается въ полицію, гдѣ ему объявляется безъ околичностей, что „его уважаемая газета“ запрещается на столько-то дней или недѣль.

Но все это не всегда ограничивается однимъ временнымъ запрещеніемъ; очень часто дѣло кончается судомъ и заключеніемъ редактора въ тюрьму. Чтобы избѣжать этихъ непріятностей, многіе японскіе редакторы прибѣгаютъ къ такому-же средству, какъ наши, т. е. имѣютъ подставныхъ лицъ, которые, за небольшое вознагражденіе, соглашаются быть отвѣтственными редакторами.

Сценка изъ японо-китайской войны.

Японское войско и флотъ. (*)

Весьма возможно, что японцы, принявъ смѣлое рѣшеніе побѣдить китайскаго колосса, руководствовались не своимъ собственнымъ опытомъ, а примѣромъ Англіи и Франціи, которыя привели въ исполненіе этотъ смѣлый планъ еще при болѣе неблагоприятныхъ обстоятельствахъ и съ неимѣнно меньшими средствами.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ десять тысячъ французовъ и англичанъ заняли Пекинъ и продиктовали китайцамъ условія мира въ ихъ собственной столицѣ. Въ свѣтъ самоувѣрія японцы вообразили, что ихъ войско не хуже европейскаго и очень возможно, что они увѣрили себя, что если одержало побѣду такое незначительное войско, пришедшее притомъ-же издалека, то имъ, японцамъ, нечего сомнѣваться въ успѣхѣ своего войска, такого многочисленнаго и пришедшаго къ тому-же, изъ сосѣдней Китаю страны.

Дѣйствительно, въ развитіи и организаціи своей маленькой арміи японцы достигли удивительныхъ результатовъ. Всякому, кто видѣлъ японскихъ солдатъ на ученьи или во время маневровъ, покажется просто невѣроятнымъ, что эти самые люди, которые во время маневровъ такъ строго выполняютъ всѣ требованія европейскаго военнаго искусства, еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ носили на себѣ средневѣковое вооруженіе, и что вмѣсто самыхъ новѣйшихъ ружей и полевыхъ орудій у нихъ были лишь колчаны и стрѣлы.

(*) Отдѣлъ этой главы о японскомъ флотѣ написанъ редакторомъ, Д. И. Шрейдеромъ.

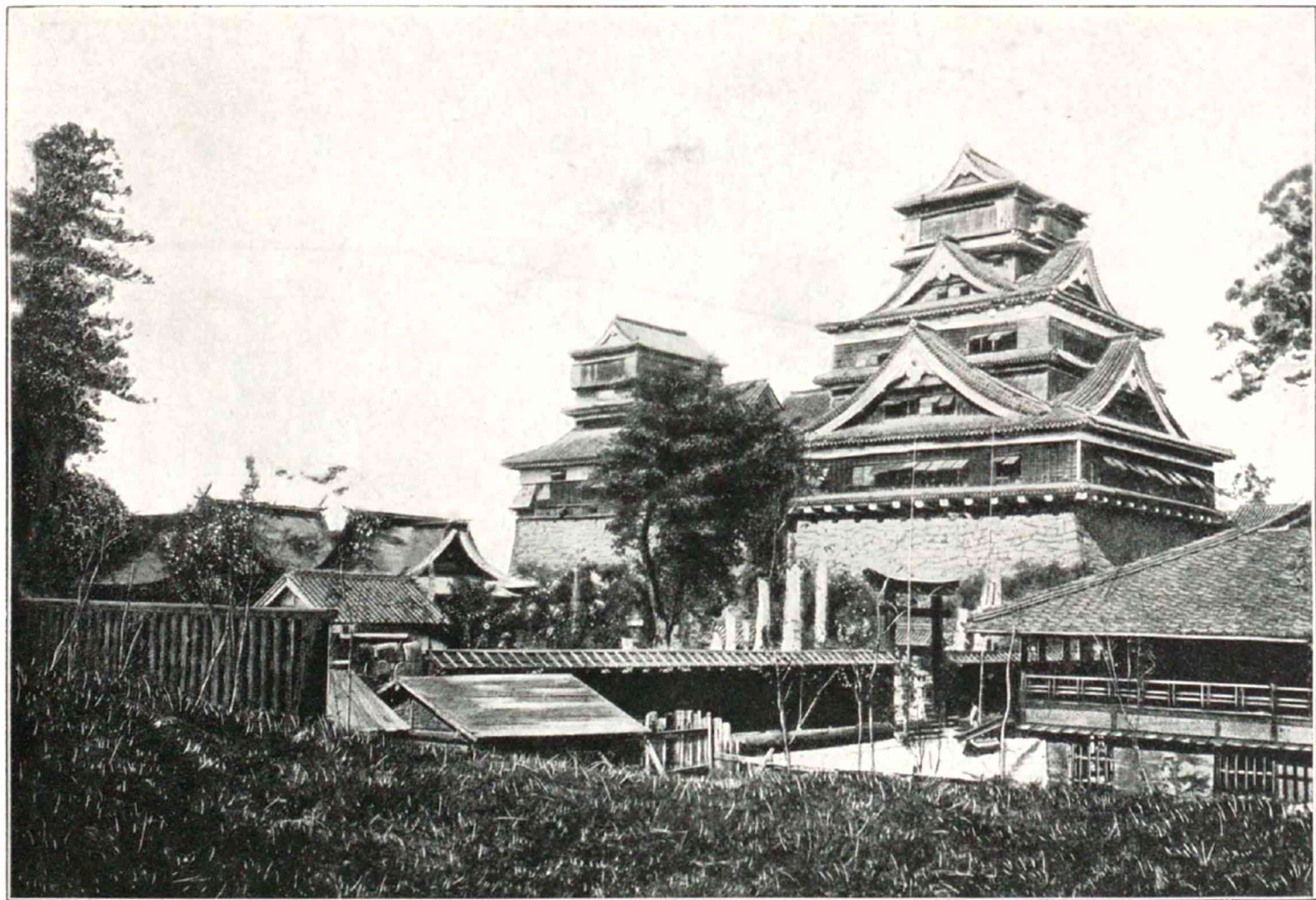
Японія была тогда въ такомъ же положеніи, какъ Германія передъ наобрѣтеніемъ пороха. Страна была въ рукахъ феодаловъ, которые сидѣли въ своихъ укрѣпленныхъ городахъ и поддерживали свое знаніе при помощи оруженосцевъ и вооруженныхъ воиновъ—самураевъ. Каждый изъ дайміосовъ былъ самостоятельнымъ князькомъ, а императоръ совсѣмъ не имѣлъ власти.

Въ настоящее время онъ—полный властелинъ, дайміосы присоединились къ нему, ихъ владѣнія вошли въ составъ Дай-Ниппона, т. е. Великой Японіи, ихъ войска распущены, и прежніе самураи одѣты въ европейскіе мундиры.

Когда въ Японіи видишь небольшую, правда, но вполне благоустроенную современную армію, которая создавалась въ послѣдніе двадцать лѣтъ, и когда узнаешь, что все ея вооруженіе и обмундировка изготовлены тутъ же въ странѣ, и что теперь здѣсь имѣются большіе арсеналы, судостроительныя мастерскія, военныя школы и академіи, то у профессиональнаго военнаго человѣка это должно вызвать удивленіе и даже восхищеніе. Но на самомъ дѣлѣ это превращеніе еще гораздо больше, чѣмъ оно кажется при первомъ взглядѣ. Солдаты здѣсь не просто перемѣнили статское платье на военное, какъ наши рекруты. Они должны были, выражаясь фигурально, сбросить съ себя старую японскую цивилизацію и напилить на себя европейскую, такъ какъ современная военная служба совершенно не отвѣчаетъ прежнимъ обычаямъ, условіямъ и одѣяніямъ.

Среди прежнихъ самураевъ и дайміосовъ царилъ рѣзко-выраженный, чисто-азиатскій кастовый духъ, передаваемый имъ многими поколѣніями и всосавшійся въ плоть и кровь. Когда же они поступили на службу въ новую армію, то многіе самураи неожиданно оказались подъ начальствомъ своихъ прежнихъ подчиненныхъ. Казалось, это было непреодолимымъ препятствіемъ для сохраненія военной дисциплины:—преувеличенная, даже смѣшная для европейцевъ вѣжливость японцевъ къ старшимъ, оставшаяся съ прежнихъ временъ, еще до сихъ поръ соблюдается въ Японіи.

Мужчины, занимающіе различное общественное положеніе, безпрестанно кланяются и говорятъ другъ другу любезности; подчиненный бросается передъ своимъ начальникомъ на колѣни и касается лбомъ земли, когда послѣдній приходитъ къ нему въ домъ. Вчера еще онъ только такъ, а не иначе, встрѣчалъ своего начальника, а сегодня, какъ только онъ одѣтъ солдатскій мундиръ, онъ обязанъ прямо и неподвижно стоять передъ этимъ же начальникомъ и стараться смотрѣть ему прямо въ глаза. Вчера еще весь его костюмъ состоялъ изъ одного свободнаго, перетянутаго на бедрахъ кимоно и сандалій или соломенныхъ туфель. Шея, грудь, руки и ноги были обнажены. Теперь же онъ долженъ носить тѣсную военную форму, съ тугимъ воротомъ

Замокъ дайміоса въ Кумамото.

и со многими, совершенно непривычными для него и незнакомыми ему пуговицами; вмѣсто легкой соломенной шляпы, онъ носить на головѣ тяжелый тшакъ (шлемъ); вмѣсто маленькаго вѣра, у него въ рукахъ тяжелое ружье; вмѣсто соломенныхъ туфель, самое мучительное орудіе для японцевъ—сапоги съ раструбами, которые для него служатъ тѣмъ же, чѣмъ были когда-то для жертвъ религіознаго фанатизма испанскіе инквизиціонные сапоги.

Раньше онъ сбрасывалъ съ ногъ свои соломенные туфли при входѣ въ чей нибудь домъ и ступалъ по красивымъ и чистымъ циновкамъ совсѣмъ босой или въ чулкахъ. Теперь-же отъ японца-солдата требуется какъ-разъ противоположное:—онъ не смѣетъ снимать сапогъ при входѣ въ чью нибудь квартиру. Прежде столы и стулья были предметы, ему совершенно незнакомые; онъ сидѣлъ, ѣлъ и спалъ на полу. Теперь же онъ обязанъ спать на кровати, сидѣть на стулѣ и ѣсть за столомъ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, что японецъ, при поступленіи въ армію, долженъ навсегда разстаться со всѣмъ своимъ прежнимъ образомъ жизни и со всей своей природой; поэтому самый лучший комплиментъ, какой можно сказать японской арміи, это тотъ, что она вполне освоилась и безропотно подчинилась этимъ чуждымъ, жестокимъ и даже ненавистнымъ предписаніямъ, и что случаи непокорности, нарушенія дисциплины и военной субординаціи здѣсь очень рѣдки.

По словамъ японскихъ офицеровъ, въ казармахъ совсѣмъ не имѣется помѣщеній для наказуемыхъ, кордегардій и арестныхъ помѣщеній; а тамъ, гдѣ они имѣются, они всегда бываютъ пусты. Японцы какъ то непостижимо скоро осваиваются съ европейскимъ военнымъ обученіемъ; они быстро выучиваются всему и имѣютъ очень воинственный видъ въ своихъ чистенькихъ, хорошо сшитыхъ мундирахъ.

Всѣ эти факты гораздо поразительнѣе, чѣмъ бросающаяся въ глаза общая организація военнаго дѣла. Последняя была, просто на просто, въ точности скопирована у европейскихъ государствъ. Японцы посылали многихъ офицеровъ и военныхъ technicians въ Европу, гдѣ имъ съ слишкомъ большою предупредительностью всюду открывали ходы; они приглашали офицеровъ изъ европейской арміи, инженеровъ и рабочихъ изъ европейскихъ арсеналовъ, приобретали европейское оружіе, ружья, пушки, предметы вооруженія, машины и проч., но все это приобреталось не въ потребномъ количествѣ, а только въ качествѣ моделей, чтобы впоследствии по нимъ сдѣлать то-же самое въ самой Японіи. Европейцы всему обучали ихъ, и когда японцы выучились, то дали европейцамъ полную отставку.

Даже съ патентованными изобрѣтеніями здѣсь практиковались злоупотребленія; мѣнялась какая-нибудь составная часть его, и, послѣ

этого, вывезенное изъ Европы изобрѣтеніе выдавати, за свое собственное, японское.

Такъ, напримѣръ, вся японская пѣхота вооружена ружьями системы Мураты, которыя представляютъ собою ничто иное, какъ французскія ружья Гроса, немного измѣненныя находчивымъ японскимъ полковникомъ Мурата.

Благодаря этому, въ Токио теперь имѣется арсеналь, представляющій собою подражаніе европейскимъ фабрикамъ оружія; а составляющій гордость Японіи арсеналь въ Осакѣ, въ общемъ и во всѣхъ своихъ деталяхъ,—точная копія арсенала въ Вульвичѣ: то-же раздѣленіе, тѣ-же машины, та-же работа, съ тою только разницей, что японцы, присмотрѣвшись къ новѣйшимъ изобрѣтеніямъ и улучшеніямъ въ другихъ арсеналахъ, примѣнили ихъ къ своему арсеналу въ Осакѣ.

Отъ европейца, осматривающаго всѣ эти мастерскія военныхъ орудій, военныя школы и академіи, казармы и проч., гордые японцы ждутъ восхищенія всѣмъ этимъ, и они бываютъ очень недовольны, если имъ ставятъ въ укоръ, что ихъ нововведенія не чисто-японскаго происхожденія. Благодаря снисходительности и предупредительности европейскихъ военныхъ вѣдомствъ, японцамъ удалось перенять у этихъ послѣднихъ все точно такъ-же, какъ это было съ европейской промышленностью. Благодаря этимъ заимствованнымъ порядкамъ, японцы создали прекрасную армію, въ основѣ которой лежитъ всеобщая, обязательная для всѣхъ воинская повинность.

Каждый японецъ въ возрастѣ между семнадцатью и сорока годами, на основаніи закона 1869 г. о воинской повинности, немного измѣненнаго въ 1872 г., обязанъ отбыть извѣстный срокъ на военной службѣ.

Армія состоитъ изъ постояннаго (регулярнаго) войска, перваго запаснаго (резервнаго), втораго запаснаго войска и территоріальной арміи. Въ постоянномъ войскѣ полагается трехлѣтняя служба, въ первомъ и второмъ запасномъ войскѣ—четыре года, а въ территоріальной арміи—пять лѣтъ службы. Послѣдняя призывается къ дѣйствию только въ случаѣ войны, а первый и второй запасы только въ теченіи шестидесяти дней ежегодно.

Такимъ образомъ, вооруженная сила Японіи въ мирное время насчитываетъ у себя 70000 человекъ; но это только на бумагѣ, а въ дѣйствительности всего 40000. При населеніи въ сорокъ одинъ миллионъ человекъ, ежегодно призываются на военную службу больше 200000 молодыхъ людей. Что-же дѣлають сверхъ-комплектные?

Прежде всего, здѣсь, по образцу Германіи, введена служба вольноопредѣляющихся, которая длится одинъ годъ; затѣмъ отъ дѣйствительной службы избавляются: люди, ростъ которыхъ не достигаетъ 4 футовъ и 11½ дюймовъ благодаря чему у малорослыхъ японцевъ бракуется масса рекрутовъ.

Точно также избавлены отъ дѣйствительной службы: главы семействъ, лица духовнаго званія, учителя и учащіеся въ правительственныхъ школахъ, врачи и лица, находящіеся на государственной службѣ, которыхъ на ихъ посту никто замѣнить не можетъ; одинъ изъ двухъ братьевъ, одновременно призванныхъ къ набору; лицо, братъ котораго служить или погибъ на дѣйствительной службѣ.

Эти исключенія составляютъ сорокъ процентовъ призывающихся, но, все-таки, въ распоряженіи правительства остается еще почти втрое больше рекрутовъ, чѣмъ нужно, такъ что изъ нихъ выбирается, по жребію, опредѣленное количество людей, которые должны пробыть на дѣйствительной службѣ одинъ годъ, а затѣмъ переводятся въ первый резервъ.

Главнoкомандующій арміей—самъ императоръ, а при немъ, въ качествѣ генераль-штабъ-шефа, состоитъ маркизъ Ойяма, который считается, нѣкоторымъ образомъ, шефомъ арміи. Организация арміи и управленіе ею находится въ завѣдываніи военнаго министерства.

Постоянная армія дѣлится на 12 дивизій, главныя квартиры которыхъ находятся въ самыхъ значительныхъ городахъ страны. Каждая дивизія состоитъ изъ двухъ пѣхотныхъ бригадъ, одного кавалерійскаго полка, одного полка полевой артиллеріи, одного инженернаго батальона и одного обознаго; въ составъ каждой бригады входятъ два пѣхотныхъ полка, по три батальона, съ четырьмя ротами въ каждомъ.

Пѣхотный полкъ состоитъ изъ одного полковника, или оберъ-лейтенанта, четырехъ маіоровъ (одинъ изъ которыхъ штабный), одного адъютанта, двѣнадцати батальонныхъ командировъ, двадцати семи лейтенантовъ, изъ которыхъ въ каждомъ батальонѣ по двое, а трое состоятъ при штабѣ, 25 прапорщиковъ, 15 фельдфебелей, 82 гунзо, или оберъ-сержантовъ, 48 сержантовъ, 192 капраловъ, 432 солдатъ пернаго разряда и 816 рядовыхъ второго разряда. Сюда же нужно присоединить и 65 человекъ нестроевой роты, въ томъ числѣ казначей, врачи, больничные служители, каштенармусы, ремесленники и т. п. и, наконецъ, 14 лошадей. Въ общемъ итогъ, слѣдовательно, въ каждомъ полку имѣется 1720 человекъ и 14 лошадей.

Во время войны число людей въ полку увеличивается до 2880 человекъ.

Кавалерійскій полкъ состоитъ изъ трехъ эскадроновъ, въ каждомъ изъ которыхъ 159 офицеровъ и солдатъ, 135 лошадей; въ военное-же время тамъ 189 человекъ и 145 лошадей. Артиллерія дѣлится на бригады, раздѣленныя на двѣ батареи съ четырьмя пушками; каждая бригада въ военное время состоитъ изъ десяти офицеровъ, 326 солдатъ, 12 пушекъ и 258 лошадей.

Въ военное время къ нѣкоторымъ дивизіямъ присоединяются еще: одинъ отрядъ саперовъ съ понтонными мостами и т. под., затѣмъ отдѣ-

лы—санитарный и полевая телеграфа, депо лошадей, продовольственные и аммуниціонныя колонны и, наконецъ, значительное число походныхъ госпиталей.

Наконецъ, армія пополняется еще распределенными по всей странѣ 24 батальонами при магазинахъ дѣйствующей арміи и 12-ю при территоріальномъ войскѣ. Последнее во время войны образуетъ 12 пѣхотныхъ полковъ, столько же кавалерійскихъ паводовъ и инженерныхъ отрядовъ, съ соответствующимъ количествомъ другихъ военныхъ вспомогательныхъ частей.

Военная сила японской арміи, за исключеніемъ территоріальнаго войска, представляетъ собою слѣдующее:

	Дѣйствующ.	Оба резерва.	Всего.
Пѣхота	38089	64293	102382
Кавалерія	671	788	1459
Артиллерія	3817	4064	7881
Саперы	1708	1814	3522
Продовольственный обозъ .	548	54458	55006
Жандармерія	1435	1	1436

Итого . . . 46268 125418 171686,

въ томъ числѣ 450 штабъ-офицеровъ, 3360 оберъ-офицеровъ, 10391 унтеръ-офицера. Число полевыхъ орудій достигаетъ до 252.

Въ вышепомѣщенной табличкѣ каждому военному сразу бросится въ глаза удивительная ничтожность контингента кавалеріи. Какъ я слышалъ, въ послѣдніе годы она увеличена до 3000 человекъ, но все же это отношеніе составляетъ всего 0,1 часть общепринятаго числа кавалеріи въ европейскихъ арміяхъ.

Эта несоразмѣрность была бы простительна, если бы Японіи пришлось воевать съ неприятелемъ въ своей странѣ. Вся Японія состоитъ изъ горъ и топкихъ рисовыхъ полей и, такимъ образомъ, въ кавалеріи здѣсь не ощущается такой необходимости, какъ въ Европѣ. Но для внѣшней войны, какъ, напримѣръ, послѣдняя съ Китаемъ, японская кавалерія совершенно недостаточна. Это одинъ изъ дефектовъ, очень повредившій Японіи во время недавней войны.

Верховая ѣзда японскихъ кавалеристовъ очень одобряется европейскими знатоками. Всадники превосходно обмундированы, имѣютъ весьма приличный видъ, крѣпко сидятъ на своихъ маленькихъ, но сильныхъ лошадакахъ и очень хорошо исполняютъ строевое ученіе. Также бросается въ глаза и то, что здѣсь мало примѣняются трубныя сигналы; приказанія даются, большей частью, сабельными сигналами; кромѣ сабель, гвардейцы еще вооружены копьями.

Лошади берутся на службу начиная съ четырехлѣтняго возраста и получаютъ отставку въ шестнадцать лѣтъ. Приблизительная стоимость каждой лошади—280 германскихъ марокъ (около 112 р.). Съ недавнихъ поръ ихъ стали подковывать, какъ въ Германіи, и имъ подстилаютъ теперь въ конюшняхъ солому, тогда какъ прежде они стояли на голомъ деревянномъ полу; при этомъ лошади стоятъ головами не къ стѣнѣ, а къ среднему наружному проходу, какъ я видѣлъ въ Китаѣ и Корей. Благодаря этому, они пользуются большимъ количествомъ воздуха и свѣта, чѣмъ европейскія лошади. Конюшни здѣсь гораздо выше и шире, а стойла гораздо просторнѣе, чѣмъ въ Европѣ.

Знатоки военного дѣла очень хвалятъ также японскую пѣхоту; хотя японцы ростомъ гораздо меньше европейскихъ солдатъ, тѣмъ не менѣе, у нихъ, очень бравый и воинственный видъ, держатся они и маршируютъ хорошо, движенія ихъ сознательны и увѣренны и обращаются они съ оружіемъ, какъ на плацу во время ученія, такъ и во время обученія стрѣльбѣ, поразительно хорошо. Одно только странно, что они, сражаясь штыками сражаются точно такъ-же, какъ кавалеристы саблями, и сопровождаютъ криками каждую вылазку или отбой.

Служба соблюдается здѣсь очень строго,—гораздо строже, чѣмъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ арміяхъ, и солдаты отпускаются изъ казармъ не больше двухъ разъ въ недѣлю. Но за то въ казармахъ устроено рѣшительно все необходимое для удобства солдатъ. Помѣщенія, въ которыхъ солдаты спятъ, предназначены, обыкновенно, для двадцати или тридцати человѣкъ и отличаются вышиною, обиліемъ воздуха, свѣта, просторомъ, довольно сносными койками и головными подушками, достаточнымъ количествомъ столовъ и скамеекъ, и все это—необыкновенной чистоты.

При всѣхъ, безъ исключенія, казармахъ имѣются свои больницы, собственные бани съ холодной и горячей водой, гдѣ солдаты могутъ, по желанію, два-три раза въ день купаться,—роскошь, которая у насъ немногимъ доступна.

Кухня также отличается необыкновенною чистотою, хотя въ этомъ и нѣтъ особенной заслуги, если принять во вниманіе крайне простую и несложную пищу японскихъ солдатъ. Мяса имъ совсѣмъ не полагается, хлѣба, какъ у насъ, въ качествѣ ежедневной пищи,—тоже нѣтъ, вмѣсто этого, они ѣдятъ три раза въ день рисъ, варенный съ какой нибудь зеленью, большую бѣлую рѣдьку, которая извѣстна здѣсь подъ названіемъ „дайконъ“ и, для разнообразія, бобы и сушеную рыбу. Жалованье японскаго солдата, за всевозможными вычетами, равняется двумъ іенамъ (около 4 германскихъ марокъ или 1½ руб.) ежемѣсячно.

Изъ всѣхъ родовъ японскаго войска больше всего хвалятъ артиллерию. Одинъ англійскій артиллерійскій майоръ, по имени Генри Кнол-

лись, позволяет себѣ, въ своей книгѣ „Life in Japan“, слѣдующее выраженіе, продиктованное ему чисто англійскимъ самомиѣніемъ:

„Конечно, японская артиллерія не достигаетъ даже приблизительно такого совершенства, какъ англійская, но, на сколько можно судить о ней въ мирное время, можно сказать, что японскія полевыя баттарей по сравненію съ французскими, бельгійскими и германскими, нисколько не отстаютъ отъ нихъ“.

Японскія пушки (7½ сантиметровъ) сдѣланы изъ ухатіусской стальной бронзы, изготовлены въ Осакомъ арсеналѣ и запрягаются шестью лошадьми. Поверхность ихъ—не металлическая, блестящая, а покрыта японскимъ лакомъ. При каждой пушкѣ состоятъ пять канонировъ и конный унтеръ-офицеръ.

Японское офицерство заслуживаетъ большой похвалы; многіе офицеры служили въ европейскихъ арміяхъ и, поэтому, говорятъ на одномъ изъ трехъ главныхъ европейскихъ языковъ; это говорили мнѣ офицеры находящейся въ Корей дивизіи. Эта дивизія была первая, со времени реорганизациі японской арміи, къ которой примѣнены были нововведенія, и я видѣлъ все вышеописанное мною тамъ въ дѣствительности.

Саперы везли съ собой матеріалы для мостовъ; въ то время, какъ я ѣхалъ изъ корейской столицы, Сеула, въ Чемульпо, устанавливался походный телеграфъ, по дорогѣ мнѣ попадались амуниціонныя и санитарныя отряды, баттарей имѣли по шести пушекъ и весь вышеописанный составъ, и весь этотъ отрядъ, вообще, производитъ очень хорошее впечатлѣніе.

Поэтому-то японцы, въ противоположность китайцамъ, очень любить свою армію и относятся къ ней съ уваженіемъ. Въ мирное время богатые обыватели многое дѣлаютъ для улучшенія быта защитниковъ отечества; а во время войны съ Кореей было очень трогательно видѣть ихъ заботу о войскѣ. Солдатамъ присылали изъ Японіи массаи табакъ, саке (рисовую водку), провизію всякаго рода и даже деньги.

Надо упомянуть еще объ одной отрасли военнаго дѣла:—о санитарномъ дѣлѣ.

У китайской арміи этого отдѣла, въ видѣ самостоятельной организациі, вообще вовсе не существуетъ. У китайцевъ нѣтъ ни военныхъ врачей, ни какихъ либо приспособленій для того, чтобы подбирать съ поля сраженія своихъ раненыхъ и потомъ лечить ихъ.

Во время послѣдней войны здоровые, по возможности, заботились о своихъ раненыхъ товарищахъ; но все же большую часть раненыхъ постигла-бы ужасная смерть, еслибъ имъ не пришла помощь со стороны японцевъ и европейскихъ миссіонерскихъ врачей. Точно также и корейскимъ солдатамъ вовсе незнакома наша санитарная организациі, такъ какъ во всей Корей нѣтъ людей, которые могли бы претендовать на званіе врача. Только многочисленныя католическія миссіонеры

въ Корей всегда заботились не только о спасеніи душъ корейцевъ, но и объ ихъ тѣлесномъ выздоровленіи; поразительные успѣхи ихъ дѣятельности можно приписать только ихъ знанію медицины. Другія миссіи устроили госпитали въ нѣкоторыхъ городахъ и на первомъ пляжѣ — здѣсь госпиталь англиканскаго епископа Корфе въ Сеулѣ.

Епископъ Корфе былъ прежде духовникомъ при англійскомъ военномъ флотѣ и капелланомъ адмирала, герцога Эдинбургскаго. Благодаря своему положенію, ему удалось собрать среди англійскихъ морскихъ офицеровъ достаточную сумму денегъ для устройства въ Сеулѣ англиканской миссіи съ большимъ госпиталемъ при ней. Въ этомъ прекрасномъ госпиталѣ, находящемся подъ руководствомъ двухъ европейскихъ врачей, я видѣлъ въ 1894 г. двадцать корейскихъ солдатъ, которые были ранены въ походѣ противъ мятежника Тогакуто. Они рассказывали мнѣ о тѣхъ ужасахъ, которые происходятъ у нихъ на полѣ сраженія, гдѣ раненные безпомощно томятся въ продолжительной агоніи, если ихъ сразу не умертвить побѣдители.

Однимъ изъ лучшихъ приобрѣтеній, которое дала японцамъ цивилизація, является то, что они направили свою заботу не только въ ряды воюющихъ солдатъ, но и на раненыхъ, и своей организаціей санитарнаго дѣла они скорѣе заслуживаютъ занять мѣсто среди культурныхъ странъ, чѣмъ своими пушками и прусской выправкой солдатъ.

У японцевъ имѣется не только превосходный медицинскій отрядъ съ врачами, получившими дипломы въ европейскихъ университетахъ; у нихъ имѣется даже общество Краснаго креста. Оно было основано только въ 1877 г. и первоначально насчитывало у себя всего 20 членовъ; въ настоящее-же время въ этомъ обществѣ больше 28.000 членовъ, и годовой доходъ его простирается до 70.000 іенъ, т. е. около 150.000 германскихъ марокъ (почти 60.000 р.); основной капиталъ его равенъ одному миллиону марокъ (400.000 р.).

Толчокъ для основанія этого общества дало происходившее въ 1877 г. въ провинціи Сатсума большое возстаніе. Виконтъ Сано, нынѣшній президентъ общества Краснаго креста, былъ и его основателемъ; благодаря его неустанной и энергичной дѣятельности и помощи его ближайшихъ сотрудниковъ, обоимъ бароновъ Зибольдъ (сыновей извѣстнаго описателя Японіи), Общество Краснаго креста сильно процвѣтаетъ теперь. Микадо и его супруга очень сочувствуютъ этому предпріятію (одни ихъ личные взносы достигли миллиона марокъ) и взяли это Общество подъ свое покровительство.

Виконтъ Сано не могъ придумать лучшаго образца для организаціи своего дѣла, какъ основанное въ Вѣнѣ барономъ Мунди (Mundy) Добровольное Общество спасенія.

Какъ тамъ, такъ и въ Японіи, уходъ за больными бываетъ не только въ военное время. Нерѣдкія землетрясенія даютъ ему частую

возможность проявлять плодотворную дѣятельность и въ мирное время. Такъ, напримѣръ, во время большого землетрясенія въ октябрѣ 1891 г. только въ одной провинціи Омари и Мино было убито свыше 7000 человекъ и ранено 11.600. Въ эти мѣста сейчасъ же посланы были врачи и служители Краснаго креста, и больше 2000 человекъ были взяты имъ на свое попеченіе.

Въ томъ же году на средства этого Общества выстроенъ въ Токио большой госпиталь, образцомъ для котораго послужилъ университетскій госпиталь въ Гейдельбергѣ. Вся внутренняя организація его была въ точности воспроизведена въ Токио, и главнымъ врачомъ его былъ назначенъ докторъ Гашимото, старшій врачъ японскаго резервнаго войска.

Какъ только объявлена была война съ Китаемъ, масса добровольцевъ предложила свои услуги въ качествѣ „братьевъ милосердія“; ихъ организовали въ правильные отряды, снабдили всѣмъ необходимымъ и отправили вслѣдъ за арміей въ Корею.

Уходъ за больными во время этой войны, былъ, главнымъ образомъ, въ рукахъ отряда санитаровъ-добровольцевъ; и къ чести ихъ нужно сказать, что они заботились не только о своихъ соотечественникахъ, но и о раненыхъ китайцахъ.

Въ 1886 г. это общество, благодаря ходатайству японскаго правительства, было подчинено дѣйствию женеvской конвенціи и даже, несмотря на языческую религію своихъ членовъ, приняло христіанскій знакъ его—красный крестъ на бѣломъ фонѣ—, проявившій свою плодотворную дѣятельность даже на поляхъ сраженія дальняго Востока.

Японо-китайская война 1894 г., обострившая взаимное соревнованіе европейско-американскихъ государствъ на далекомъ азіатскомъ Востокѣ и завершившаяся въ истекшемъ 1901 году почти неожиданнымъ заключеніемъ англо-японскаго союза,—выдвинула въ странѣ Восходящаго Солнца на первую очередь вопросъ о развитіи и укрѣпленіи ея морскаго могущества и объ образованіи достаточныхъ для поддержанія ея престижа военно-морскихъ силъ.

Армія, какъ оплотъ для правительства въ борьбѣ съ феодальнымъ режимомъ во время событій послѣдняго сорокалѣтія, когда остатки этого режима вырывались съ корнемъ и все старое замѣнялось новымъ, принесеннымъ съ далекаго европейскаго запада;—флотъ, какъ внушительная поддержка принципа „Японія для японцевъ“, какъ могущественное орудіе, единственно способное удержатъ на приличной дистанціи разгорѣвшіеся аппетиты западно-европейскихъ завоевателей,—армія и флотъ были, на протяженіи всего послѣдняго времени, предметами особой и исключительной заботливости японскаго правительства.

Выше читатели видѣли, какого развитія достигли къ настоящему времени военно-сухопутныя силы страны. Къ сказанному намъ остается только добавить, что въ данный моментъ размѣръ этихъ силъ значительно увеличился, такъ какъ, согласно бюджету на 1902 годъ, мирный составъ арміи предусматрѣтъ уже въ количествѣ 135,533 солдатъ и 8116 офицеровъ, а въ военное время составъ войска долженъ достигнуть 392,220 человекъ при 1098 пушкахъ.

Гораздо большее, однако, значеніе имѣетъ, особенно для насъ, русскихъ, идущее быстрыми шагами развитіе японскаго флота, такъ какъ, согласно англо-японскому союзу, военно-морскія силы Японіи призваны играть первую роль въ Китаѣ и, вообще, въ нашихъ восточно-азиатскихъ владѣніяхъ на случай столкновенія съ Россіей.

Еще въ 1858 году японскій флотъ состоялъ всего изъ нѣсколькихъ джонокъ и незначительнаго количества парусныхъ шхунъ, построенныхъ по образцу голландскихъ кораблей XVII вѣка. Эти представители военно-морскихъ силъ страны, претендующей нынѣ на положеніе, равное Соединенному Королевству въ Западной Европѣ,—давали, впрочемъ, даже въ то время представленіе скорѣе о художественныхъ вкусахъ французовъ Востока, чѣмъ объ ихъ могуществѣ на морѣ, такъ какъ они отличались дѣйствительно превосходной и вычурной отдѣлкой, но почти вовсе лишены были серьезнаго вооруженія.

Впрочемъ, въ то время флотъ и не могъ играть какой либо существенной роли въ дѣлѣ обезпеченія внѣшнихъ границъ страны и не могъ получить какого либо развитія въ виду господствовавшего тогда принципа строжайшей изолированности отъ всего, внѣ Японіи лежащаго. Суда тогдашняго флота не только не предпринимали какихъ либо кампаній внѣ внутреннихъ водъ страны, но обитателямъ ея даже запрещены были, подъ страхомъ смерти, всякія сношенія съ иностранцами, превосходно отдѣланныя суда служили только для морскихъ прогулокъ всемогущихъ феодаловъ, никогда, за все время существованія страны Восходящаго Солнца, не удалявшихся отъ береговъ своей прекрасной и удивительно живописной родины.

Единственнымъ украшеніемъ японскаго флота того времени служила только маленькая паровая яхта (всего въ 400 тоннъ) подаренная (въ 1858 году) японскому микадо англійской королевой. Но этимъ судномъ японцы въ то время даже не умѣли еще управлять и оно лишь бесполезно занимало мѣсто въ рядахъ японскаго флота, такъ какъ, по неумѣнію японцевъ съ нимъ обращаться, оно даже не могло служить средствомъ для морскихъ прогулокъ, которымъ такъ страстно предавались всегда богатые и знатные японцы.

Количественный и качественный составъ судовъ японскаго флота начали замѣтно развиваться только съ того времени, когда страна стала твердой ногой на путь реформъ и измѣненія всего своего феодальнаго строя.

Въ страну, какъ изъ рога изобилія, повалили европейскіе инженеры, ученые, инструкторы; японцы съ жаромъ и съ одной только имъ однимъ свойственной энергіей принялись изучать европейскую культуру, науку и знанія. Не прошло и одного десятилѣтія, какъ страна начала покрываться стѣю фабрикъ, заводовъ, доковъ, верфей. Ко времени японо-китайской войны, страна обладала уже солиднымъ военно-морскимъ вооруженіемъ, и водонамѣщеніе всѣхъ военныхъ судовъ страны достигло уже 58,000 тоннъ. Наряду съ этимъ, начали развиваться и торговый, коммерческій флотъ, развитіе котораго можетъ быть поставлено въ заслугу не только правительству, но и отдѣльнымъ лицамъ, быстро понявшимъ, какое огромное значеніе и для страны и для всего азіатскаго востока имѣетъ созданіе удобныхъ средствъ сообщенія между отдѣльными портами японскаго архипелага и разбѣянными по всему восточно-азиатскому побережью торговыми центрами. И нужно отдать справедливость японцамъ,—съ этой задачей они справились настолько блистательно, что уже лѣтъ десять тому назадъ ни одна страна не могла конкурировать въ водахъ Тихаго океана съ японскимъ коммерческимъ флотомъ. Въ настоящее время не рѣдкость видѣть суда японскаго торговаго флота въ гаваняхъ самыхъ отдаленныхъ отъ Японіи европейскихъ государствъ.

Военно-морскія силы Японіи получили особенно большое развитіе со времени японо-китайской войны, служившей и служащей до сего времени самымъ серьезнымъ и убѣдительнымъ импульсомъ въ дѣлѣ все болѣе и болѣе увеличивающагося вооруженія страны. Мы можемъ, съ грустью, констатировать, что и эта страна, съ тѣхъ поръ, какъ она волею судебъ была втянута въ международную жизнь и интересы чуждыхъ ей до недавняго времени государствъ, пошла по тому же пути безконечныхъ вооруженій, по которому слѣдуютъ въ наше время всѣ государства Западной Европы.

Благодаря этому, жизнь стала и здѣсь, подобно всѣмъ прочимъ странамъ—жертвамъ системы вооруженнаго міра, невозможно дорогою по сравненію съ самымъ недавнимъ временемъ; прежніе налоги увеличились вдвое, втрое и даже вчетверо, но, кромѣ того, создались новые налоги, лежащіе тяжелымъ, зачастую непосильнымъ бременемъ на населеніе. Въ настоящее время мы уже являемся свидѣтелями все болѣе и болѣе усиливающейся эмиграціи японцевъ въ Америку, Корею, Уссурійскій край, Китай, Гоголулу, Формозу и т. д.

Все болѣе ухудшающіяся условія жизни въ странѣ, все больше и настойчивѣе толкаютъ Японію на путь завоевательной политики (экспедиція въ Формозу, Корею и т. д.), требующей все болѣе жертвъ и напряженія всѣхъ силъ страны. Въ результатѣ—какой то заколдованный кругъ, изъ котораго вывести страну можетъ, конечно, не примѣръ европейцевъ, а лишь присущій японцамъ въ высокой степени

здравый смыслъ и трезвое пониманіе истинныхъ интересовъ страны; нужно надѣяться, что эти свойства японской расы удержатъ страну отъ мишурнаго увлеченія ролью всемірной державы и отъ губительной колоніально-завоевательной политики. Правда, увлеченіе описанной стороной европейской культуры, раззоряя массу населенія, создаетъ здѣсь, въ то-же время, крупный финансовый міръ, содѣйствуетъ развитію капитализма, промышленности и т. п. Но страна отъ этого, конечно, мало выигрываетъ.

Со времени японо-китайской войны, развитіе военно-морскихъ силъ Японіи увеличивается особенно сильно. Въ настоящее время общее водоизмѣщеніе военныхъ судовъ страны Восходящаго Солнца достигло уже 232,000 тоннъ, т. е. увеличилось болѣе, чѣмъ въ четыре раза по сравненію съ 1894 годомъ, причемъ, въ составѣ флота Японія имѣетъ уже шесть первоклассныхъ броненосцевъ водоизмѣщеніемъ отъ 12,300 до 15,000 тоннъ. Эти броненосцы обладаютъ скоростью не менѣе 18 узловъ въ часъ; они снабжены артиллерійскими снарядами сильнаго боя и броней изъ закаленной стали. Къ этимъ судамъ причисляется также броненосецъ, отнятый во время послѣдней войны у китайцевъ, выстроенный въ Германіи. Японскій флотъ обладаетъ также въ настоящее время быстроходными крейсерами для развѣдочной службы, каботажными судами и флотиліей миноносковъ и контръ-миносенокъ новѣйшаго типа. Нужно замѣтить, что значительное большинство судовъ японскаго флота сооружено на судостроительныхъ верфяхъ этой страны, которыхъ въ настоящее время имѣется уже четыре въ Японіи.

По послѣднимъ извѣстіямъ, японское правительство не предполагаетъ ограничиться имѣющимися уже въ наличности судами и имѣетъ въ виду составить новый проектъ вооруженія военныхъ судовъ, находя свой флотъ недостаточнымъ въ виду того, что всѣ европейскія державы увеличиваютъ, все болѣе и болѣе, количество своихъ судовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Наряду съ этимъ, предполагается усилить и личный составъ моряковъ (достигающій теперь 30.000 человекъ), для чего, кромѣ существующей уже морской школы въ Едасимѣ, предполагается въ скоромъ времени основать еще цѣлый рядъ военно-морскихъ школъ.

Чѣмъ все это кончится, когда окутывающій страну воинственный туманъ разсѣется,—сказать трудно. Можно только пожалѣть о томъ, что Японія пошла по этому скользкому, невѣрному пути вооруженій, едва-ли оправдывающемуся современными обстоятельствами и уже навѣрное ведущему ее къ раззоренію.

Увеселительная яхта.

Уличная жизнь въ Токио.

Изученіе народнаго быта на улицахъ Японіи, зимою и лѣтомъ, день за днемъ, съ восхода солнца и до десяти или одиннадцати часовъ ночи, будетъ для иностраннаго туриста безспорно интереснѣе всѣхъ другихъ достопримѣчательностей столицы Японіи.

Японская улица для европейца—своего рода музей, который покажетъ ему съ самой привлекательной стороны всю Японію—бѣдную и богатую, высшую и низшую,—Японію всѣхъ сословій и профессій. Рано утромъ здѣсь можно видѣть всѣхъ за одѣваніемъ, въ предъ-обѣденное время—въ свѣтскомъ времяпрепровожденіи, послѣ обѣда—на прогулкѣ и вечеромъ—за развлеченіями.

Передъ отелемъ уже съ шести часовъ утра стоятъ оригинальныя японскія дрожки, „курума“, въ которыя запрягаютъ кули, и если я въ этотъ часъ выхожу на улицу, то меня неизмѣнно и обязательно привѣтствуетъ мой обычный курумайя и, держа шляпу въ рукахъ, задаетъ мнѣ все одинъ и тотъ-же вопросъ: „сукоши о аруки иррашаи?“ (не снизойдете-ли до небольшой достоуважаемой прогулки?).

Если бы я отказалъ ему, то этимъ я, все таки, не избавился бы отъ двухъ другихъ курума, которые слѣдуютъ за мной по пятамъ, таская за собой свои телѣжки до тѣхъ поръ, пока я не рѣшусь кого-нибудь изъ нихъ взять.

Японцы не любятъ рано вставать.

Въ шесть часовъ утра улицы еще совершенно пусты, почти всѣ дома закрыты, и только изрѣдка видишь женщинъ, подметающихъ передъ своимъ домомъ улицу. Японская полиція очень взыскательна, и всякое упущеніе влечетъ за собою немедленную кару.

Троттуаровъ на столичныхъ улицахъ нѣтъ; да они здѣсь и не такъ необходимы, какъ въ европейскихъ городахъ, такъ какъ въ Токио почти нѣтъ ѣзды въ экипажахъ. Здѣсь всѣ ходятъ пѣшкомъ, или

сидятъ въ маленькихъ рикшахъ, которыхъ въ столицѣ больше сорока тысячъ. Поэтому-то здѣсь и легко держать улицы въ чистотѣ. Что не успѣваютъ подмести домовладѣльцы, то подбирается множествомъ куръ, которыхъ въ этотъ ранній часъ выпускаютъ на короткое время изъ клѣтокъ.

На перекресткахъ стоятъ, въ европейскихъ мундирахъ, сонные полицейскіе; кули съ длинными узкими кадкамп на спинѣ бѣгаютъ съ озабоченнымъ видомъ изъ дома въ домъ, чтобы собрать накопившійся наканунѣ навозъ и свалить его въ полѣ за городомъ.

Навозъ здѣсь считается очень дорогимъ матеріаломъ, потому что благодаря ему японцамъ удается унавозивать огороды и получать цѣнные культуры.

Въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ обитатели нѣкоторыхъ домовъ платятъ за наемъ квартиры вмѣсто денегъ — навозомъ.

Это полезное примѣненіе городскихъ отбросовъ имѣетъ и свою дурную сторону. Въ Токио до сихъ поръ нѣтъ водопровода, а колодцы не даютъ достаточнаго количества воды, и жители бѣдныхъ кварталовъ берутъ воду въ рѣчкахъ и ручьяхъ, которые, благодаря общеупотребительному въ странѣ искусственному орошенію полей, снова приносятъ въ городъ часть отбросовъ. Благодаря этому, здѣсь такъ часты эпидеміи тифа и холеры.

Но, вотъ, начинаютъ показываться деревенскіе жители и рыбаки, приносящіе на рынокъ свой ночной уловъ. Одни несутъ свои ноши на спинѣ, другіе везутъ ихъ въ ручныхъ телѣжкахъ; иногда видишь повозки, въ которыя запряжены лошади или быки, но главное грузовое сообщеніе совершается, большей частью, на плечахъ и спинахъ трудолюбивыхъ, работающихъ кули.

Постепенно пробуждаются и въ домахъ.

Съ громкимъ скрипомъ и трескомъ отодвигаются въ сторону установленныя на ночь вокругъ веранды амадо (деревянные перегородки).

Я медленно проѣзжаю мимо всѣхъ жилищъ и мнѣ удается проникнуть въ самую интимную сторону домашней жизни японцевъ. Вотъ цѣлая семья усѣлась на мягкихъ и чистыхъ циновкахъ и завтракаетъ. Родители и дѣти сидятъ на корточкахъ вокругъ чашекъ съ бѣлоснѣж-

Мать и дитя.

нымъ дымящимся рисомъ и попиваютъ горячій чай изъ крошечныхъ пзщныхъ чашекъ. Въ другомъ мѣстѣ японецъ лежитъ еще на своемъ матрацѣ и посасываетъ трубку, въ то время какъ, женскій персоналъ дома уже за домашней работой: моетъ, чиститъ и стряпаетъ. Въ соседнемъ домѣ продавецъ рѣдкостей раскладываетъ свои сокровища, не обращая никакого вниманія на своихъ сосѣдокъ, принимающихъ утреннюю ванну въ большомъ деревянномъ чанѣ.

Въ другомъ домѣ молодая дѣвушка, обнаженная до пояса, сидитъ на корточкахъ передъ зеркаломъ, пудритъ свое красивое личико и румянитъ губы, совершенно не стѣсняясь, точно она находится внутри четырехъ стѣнъ. Въ той-же комнатѣ, одновременно съ ней, одѣвается мужчина.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ страну проникла европейская культура, японцы уже не носятъ прежнихъ причесокъ; они отрѣзали свои косы, и щетинистые волосы не слушаются гребня. Только чиновники, аристократы и ученые носятъ бороды; а мужчины изъ народа гладко брѣютъ лицо. Какъ только эта работа кончается, они одѣваютъ широкіе кимоно, натягиваютъ на ноги бѣлые или синіе полотняные чулки, и весь ихъ туалетъ оконченъ.

Улицы все больше и больше наполняются народомъ, спѣшащимъ къ своимъ дѣламъ или на рынокъ.

Рисъ, рыба и зелень составляютъ главную пищу японцевъ. Мяса потребляется немного; вмѣсто него идетъ рыба, разнообразныя сорта которой можно достать на адѣшнихъ интереснѣхъ и оживленнѣхъ рыбныхъ рынкахъ. Меня, между прочимъ, поражаетъ то, что закупкой нужной провизіи занимаются здѣсь мужчины.

На рынокъ все обходится замѣчательно чинно и спокойно, покупатели и продавцы низко присѣдаютъ другъ передъ другомъ и такія сцены, какія разыгрываются на нашихъ рыбныхъ рынкахъ, здѣсь такъ-же немыслимы, какъ и тѣ скверныя ругательства, которыя можно услышать у насъ. Въ японскомъ языкѣ, вообще, нѣтъ словъ, выражающихъ ругань, брань или проклятія.

Японцы расточаютъ еще больше вѣжливостей при встрѣчѣ съ знакомыми на улицѣ или въ домахъ.

Большая часть японцевъ до сихъ поръ ходитъ съ непокрытой головой; только солдаты, чиновники, студенты или элегантные денди носятъ головные уборы, и ихъ привѣтствія заключаются въ томъ, что они или отдають честь, или вѣжливо снимають, шляпы сопровождая это безчисленными поклонами.

Поклоны и привѣтствія у прежнихъ японцевъ, даже изъ низшихъ классовъ, производятъ на европейца комическое впечатлѣніе. При лучшемъ состояніи улицъ они, навѣрное, опустились-бы на колѣни другъ передъ другомъ. Теперь же они ограничиваются тѣмъ, что при встрѣчахъ

останавливаются и только наполовину опускаются на колѣни. Въ этомъ положеніи они отвѣщаютъ нѣсколько поклоновъ, потираютъ руками свои бедра и сквозь стиснутыя зубы втягиваютъ въ себя воздухъ. Такъ стоятъ они одинъ передъ другимъ, пока одинъ изъ нихъ не рѣшится, наконецъ, продолжать свой путь; но, конечно, его въ этомъ случаѣ сочтутъ ненѣжей, если только по своему общественному положенію онъ не выше того, ранѣе котораго онъ ушелъ.

Въ переживаемый нынѣ Японіей переходный періодъ на улицахъ Токио встрѣчается весьма нерѣдко болѣе, чѣмъ комичное смѣшеніе національных костюмовъ. Консервативный элементъ Японіи, какъ и вездѣ, составляютъ женщины. За все время моего пребыванія въ царствѣ микадо я ни разу не видать японки въ европейскомъ костюмѣ на улицѣ, въ театрѣ или чайныхъ домахъ; попадались только единичные случаи въ высшемъ столичномъ обществѣ. Даже отдѣльныя части костюма, какъ, напримѣръ, шляпы, ботинки, чулки и проч. не проникли еще къ японкамъ; и на улицѣ и у себя дома онѣ одѣваются еще совсѣмъ по-японски, носятъ свои кимоно и обп, обмахиваются бумажными вѣерами, курятъ маленькія трубки и сморкаются въ кусочки бумаги.

Только одинъ европейскій предметъ удостоился вниманія японскихъ дамъ. Такъ, вмѣсто красивыхъ бамбуковыхъ зонтиковъ, обтянутыхъ пестрой бумагой, онѣ носятъ теперь, большей частью, наши европейскіе зонтики, крытые темной матеріей.

У восточныхъ женщинъ европейская культура проникла, такъ-сказать, снизу; алжирскія тунисскія, египетскія и малоазійскія красавицы охотно промѣняли свои туфельки на европейскіе чулки и башмаки. У японокъ-же европейскій духъ проникъ сверху, въ видѣ зонтика, въ то время, какъ онѣ упрямо не хотятъ разстаться со своими тяжелыми, неуклюжими деревянными сандалями (гета). На этихъ деревяшкахъ, вышиною въ одинъ или два дюйма, тяжело тащатся онѣ съ согнутыми колѣнями и перегнувшимся впередъ корпусомъ, и если, несмотря на это, японскія женщины, все-таки, самое интересное, что можно видѣть на улицахъ, то этому причина только ихъ привѣтливыя лица и пестрые, широкіе и длинные костюмы.

Г-жа де Сталь очень вѣрно замѣтила относительно европейскихъ дамъ, что имъ трудно красиво танцовать, еще труднѣе красиво ходить, но труднѣе всего—красиво стоять. Японкамъ же тяжело красиво стоять, еще тяжелѣе—красиво ходить, а танцовать, какъ мы это теперь понимаемъ, имъ совершенно невозможно.

Даже среди мужчинъ, рассказывающихъ по улицамъ Токио, рѣдко можно видѣть кого нибудь въ европейскомъ костюмѣ. Вотъ, напримѣръ, ѣдетъ верхомъ офицеръ въ европейскомъ мундирѣ въ сопровожденіи ординарца; полицейскіе, почтальоны носятъ мундиры; чиновники, врачи.

профессора, сановники, придворные и нѣкоторые франты, побывавшіе въ Европѣ или учившіеся тамъ, одѣваются въ европейское платье. Но, въ общемъ, японцы остались вѣрны своему національному костюму. Нѣкоторые, впрочемъ дѣлають уступку новымъ вѣяніямъ:— вмѣстѣ съ своими длинными кимоно, они носятъ круглыя шляпы или шелковые цилиндры, что придаетъ имъ далеко не живописный видъ. Вообразите теперь себѣ господина, гуляющаго по какой-нибудь европейской улицѣ въ очкахъ, цилиндрѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ и деревянныхъ туфляхъ на ногахъ, одѣтаго, притомъ-же, въ темный халатъ, распаивающійся на ходу и открывающій обнаженные ноги!

И такія фигуры тысячами попадаются на улицахъ Токио!

Еще болѣе дикій видъ они имѣютъ во время дождя. Чтобы не запачкать своего кимоно, Японцы поднимають его почти до бедеръ и шествуютъ съ голыми ногами. То-же самое, впрочемъ, дѣлають, совершенно не стѣсняясь, и японскія женщины и дѣвушки.

Невинному все кажется невиннымъ. Это самое, вѣроятно, думали тѣ сорокъ тысячъ крѣпкихъ юношей, которые расторопно веали свои ручныя телѣжки по улицамъ Токио, когда имъ было объявлено распоряженіе властей о ношеніи формы. Раньше они казались уже очень нарядно одѣтыми, если на бронзовой кожѣ ихъ тѣла были вытатуированы нѣсколько красивыхъ цвѣтныхъ фигуръ. Но, вотъ, имъ велѣно одѣть мундиры. Въ Европѣ они и за эти были бы посажены въ тюрьму, потому что они слишкомъ мало закрываютъ ихъ, но при здѣшнихъ условіяхъ они отвѣчаютъ имъ больше, чѣмъ надо. Темносиніе обтянутые панталонцы закрываютъ нижнюю часть тѣла, а толстая синяя шерстяная куртка, открытая спереди, покрываетъ верхнюю часть тѣла. На головѣ у нихъ огромная соломенная шляпа въ формѣ гриба, обтянутая бѣлой матеріей, а на ногахъ соломенные сандалии. Кромѣ того, у каждаго курумая на спинѣ куртки пришить номеръ его телѣжки. У почтальоновъ и разнощиковъ телеграммъ мундиры, похожіе на эти, съ тою только разницею, что они носятъ бѣлыя вязаныя перчатки. Кули, работающіе на берегахъ рѣки Сумида, гдѣ всегда бываетъ масса барокъ и грузовыхъ пароходовъ, обходятся даже безъ панталонъ. Открытая спереди куртка и бѣлый поясъ, шириной не больше нашихъ галстуковъ,—вотъ и все, изъ чего состоитъ ихъ костюмъ.

Студенты университета и даже школьники Токио, въ большинствѣ случаевъ, носятъ европейское платье, и среди этого своеобразнаго, пестраго уличнаго движенія, очень странно видѣть маленькихъ узкоглазыхъ японцевъ не въ кимоно, а въ панталонахъ и башмакахъ, съ сумкой или связкой книгъ подъ мышкой. Маленькія-же дѣвочки придерживаются, по примѣру своихъ матерей, красиваго національнаго костюма, и среди всѣхъ фигуръ, появляющихся все въ большемъ количествѣ на улицахъ съ наступленіемъ дня, самыя хорошенькія—это дѣ-

Японцы за обѣдомъ.

вочки. Обыкновенно онѣ уже съ шести-семи лѣтъ начинаютъ съ маленькимъ братишкой или сестренкой, еще не умѣющими ходить; послѣдніе привязаны къ ихъ спинамъ, но это не мѣшаетъ имъ весело рѣзаться. Отсутствие коннаго движенія и грязи на улицахъ позволяетъ имъ бѣгать возлѣ родительскаго дома. Иногда послѣ обѣда, все таки, проѣзжаютъ по главнымъ улицамъ экипажи принцевъ или посланниковъ; но обыкновенно впереди бѣжитъ скороходъ, продѣ египетскихъ санбровъ, и объявляетъ объ этомъ, предупреждая возможные несчастія.

Храмъ Асакузы.

Улицы все больше и больше оживляются, а въ предъобѣденное время кажется, что поднялось на ноги все населеніе Токио. Появляются священники въ своихъ своеобразныхъ одеждахъ, съ пестрыми и блестящими медалями и въ облаченіяхъ, и никто изъ прохожихъ не обращаетъ на это никакого вниманія. Множество лавокъ въ нѣкоторыхъ улицахъ тянутся на разстояніи цѣлаго километра, причемъ всѣ онѣ тѣсно примыкаютъ одна къ другой; хозяева выставляютъ со стороны улицы весь свой товаръ, въ видѣ принадлежностей дамскаго туалета, вѣеровъ, дѣтскихъ игрушекъ, фарфора, посуды, обуви, бумажныхъ фонарей и т. под. Всѣ эти лавочки переполнены покупателями, и

весь этотъ торгъ нѣсколькихъ тысячъ людей, вся дѣловая жизнь ихъ производить впечатлѣніе какой-то игры, развлечения, точно въ этой далекой странѣ вовсе нѣтъ борьбы за существованіе, точно всѣ жители ея — ронтеры, безмятежно живущіе доходами со своихъ капиталовъ, и точно они занимаются торговлей только между прочимъ, для развлечения, не рассчитывая на выгоды.

Доказательствомъ легкого, веселаго образа жизни японцевъ, любви къ развлечениямъ, играмъ, сладостямъ служитъ то, что здѣсь масса разнощиковъ, которые запруживаютъ улицы изюмъ, даявъ депъ, изъ недѣли въ недѣлю, какъ будто каждый день происходятъ матсури (праздники).

Чтобы ближе познакомиться съ японцами, я отпускаю своего возницу и отправляюсь пѣшкомъ побродить въ толпѣ. Но меня сейчасъ же окружаютъ другіе возницы и предлагаютъ свои услуги. „Рикша? Данна? О и де наза? Иррашаймасъ но дезака?“ (Не угодно-ли вамъ рикшу, сударь? Вамъ не угодно ѣхать? Не угодно-ли вамъ занять уважаемое мѣсто?).

Когда же я на отрѣзъ отказываюсь отъ ихъ услугъ, они извиняются: „Вамъ угодно идти уважаемыми погами? (Соре кара о ти аши де нкимасъ?).“

Въ Японіи все—„уважаемое“. Отовсюду раздаются общеупотребительныя привѣтствія: „охайо“, „іо о иде нафаймашта“, „сайанара“, „иррамал“; со всѣхъ сторонъ предлагаютъ разные тонары, лакомства, мороженое и лимонады, и все это самымъ вѣжливымъ образомъ.

Вотъ моджи-аки (сжигатель писемъ) съ пряными и сладкими пряниками, въ формѣ буквъ, звѣрей и разныхъ украшеній. Рядомъ съ нимъ амея (человѣкъ со студнемъ), который за одинъ пфенигъ выдуваетъ дѣтямъ изъ трубки различныя фигурки изъ ячменнаго киселя (студия); далѣе, въ укромномъ уголкѣ, сидитъ на корточкахъ предсказатель судьбы (гадальщикъ); передъ нимъ разостланъ на землѣ платокъ, а на платкѣ разложено пятьдесятъ маленькихъ палочекъ и шесть красныхъ и черныхъ деревянныхъ кубиковъ, посредствомъ которыхъ за два пфенига онъ предсказываетъ желающимъ грядущую судьбу; еще далѣе стоитъ разнощикъ съ липкими пряниками изъ бобовъ, стараясь обратить на себя вниманіе звуками гонга и бубенчиками, въ то время, какъ слѣпой амма (массажистъ) дѣлаетъ это посредствомъ свистка; за небольшую плату, онъ готовъ кому угодно, растереть тѣло. Вотъ важно выступаетъ врачъ въ откахъ; его сопровождаетъ мальчикъ, неся съ собой ящикъ съ медикаментами и ступку; тутъ же робко бродитъ оборванный эта (парія), или ками-кудаухирой (тряпичникъ), подбирая бамбуковымъ крючкомъ клочки бумаги или обрывки одежды, или осторожно пробирается охотникъ на норобьевъ вдоль домовъ съ липкой бамбуковой палкой въ рукахъ и съ удивительною ловкостью ловить не подозревающихъ опасности птицъ.

Передъ входомъ въ храмы тѣснятся палатки, лотки съ игрушками, среди которыхъ сидятъ на корточкахъ артисты, окруженный почитателями; у него мѣшечки съ пескомъ, окрашеннымъ въ разные цвѣта; попеременно беретъ онъ горсти этого песка, разсыпаетъ его по землѣ, и у него выходятъ различные ландшафты, фигуры, орнаменты и т. п. Въ храмы то и дѣло заходятъ, большей частью, женщины и дѣвушки. Передъ тѣмъ, какъ зайти, онѣ моютъ у колодца руки, потомъ медленно поднимаются по ступенямъ храма и даютъ своимъ богамъ знать о себѣ тѣмъ, что дергаютъ висящій съ крыши колоколъ. Послѣ того, какъ раздается звонъ колокола, онѣ громко хлопаютъ въ ладоши и, согнувшись, прочитываютъ молитву. Послѣ этого онѣ извѣщаютъ боговъ новымъ хлопаньемъ въ ладоши объ окончаніи молитвы, бросаютъ на алтарь или въ стоящій по близости деревянный ящикъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и продолжаютъ свой путь дальше.

Въ обѣденный часъ улицы пустѣютъ, а въ лѣтнее время, между двумя и четырьмя часами дня, онѣ кажутся точно вымершими, развѣ только въ сильную жару увидишь женщинъ или дѣтей, поливающихъ улицы передъ своими домами, если ихъ не замѣняютъ высланные городомъ спеціальныя фуры для поливки улицъ.

Трое или четверо черпаютъ воду изъ открытой бочки черпаками, укрѣпленными на длинныхъ шестахъ и сильными взмахами разливаютъ ее по улицѣ; многія лавки завѣшаны прикрѣпленными къ крышѣ кусками синей или черной матеріи для защиты отъ солнечныхъ лучей. Всѣ предаются снѣсть, спать, пьютъ чай или курятъ трубки.

Позже, часовъ около пяти, уличная жизнь снова оживляется, начинается посѣщеніе чайныхъ домовъ и многочисленныхъ питейныхъ лавочекъ, гдѣ продается саке; эти послѣднія легко узнаются по прикрѣпленнымъ у входа сосновымъ вѣткамъ и большимъ раскрашеннымъ боченкамъ. Высшій сортъ рисоваго вина обозначается большимъ раскрашеннымъ цвѣткомъ, ганацакари; второй — надписью „музо-итши“, т. е. ничѣмъ не превосходящій, а третій сортъ — большой раскрашенной піоніей.

Въ послѣдніе годы, благодаря введенію въ Японію машинъ для производства искусственнаго льда, возникла новая отрасль торговли. Очень много лавчонокъ продаетъ фруктовыя воды съ очищеннымъ льдомъ, и это лакомство очень скоро сдѣлалось самымъ любимымъ у простонародья. Въ этотъ часъ многіе идутъ въ ближайшую баню, чтобы, несмотря на зной, принять горячую ванну. Въ Токио больше тысячи общественныхъ бань, въ которыхъ, среднимъ числомъ, ежедневно принимается до трехсотъ тысячъ ваннъ; кромѣ того, въ каждомъ мало-мальски зажиточномъ домѣ имѣется „фуро-до“, т. е. домашняя баня, гдѣ обитатели дома купаются нѣсколько разъ въ день.

Можно не заходить въ самыя бани и, тѣмъ не менѣе, видѣть все, что тамъ дѣлается, такъ какъ стѣны въ нихъ рѣшетчатыя. Мужчины, женщины, дѣти входятъ толпами, платятъ у входа нѣсколько мелкихъ монетъ, складываютъ свое платье въ ящики, прикрепленные къ стѣнамъ, и голышомъ входятъ въ бассейнъ, наполненный горячей водой и раздѣленный на двѣ части (для мужчинъ и женщинъ) протянутой веревкой или бамбуковымъ шестомъ. Нѣкоторыя женщины сидятъ на ступенькахъ тѣсенки, ведущей въ воду, дѣвочки стоятъ безо всякаго костюма у края бассейна и болтаютъ, смѣясь, другія же стоятъ и обсыхаютъ, ничуть не смущаясь.

Все это общество ведетъ себя, при этомъ, такъ непринужденно, точно оно находится въ театрѣ или чайномъ домѣ. Чайные дома обыкновенно соединены съ нѣкоторыми банями, и часто бываетъ, что какая нибудь молодая парочка отдыхаетъ тамъ послѣ бани въ отдѣльномъ кабинетикѣ на мягкихъ циновкахъ.

Съ наступленіемъ вечера всѣ опять высыпаютъ на улицу; тысячи людей отправляются подъ сѣнь старыхъ огромныхъ сосенъ паркомъ Шiba или Уено и располагаются тамъ на травѣ или въ чайныхъ домахъ, которыхъ множество вокругъ прудовъ съ лотосами и на берегу Сумидагавы; другіе нанимаютъ лодки, идутъ въ театры или клубы наслаждаться танцами и пѣніемъ гейшъ; на улицахъ постепенно зажигаются длинные ряды фонарей, изъ многихъ домовъ доносятся звуки самизена и пѣніе, вездѣ кипитъ жизнь и веселье, точно у этихъ маленькихъ людей нѣтъ ни заботъ, ни труда, и вся эта столица царства микадо—ничто иное, какъ, модный курортъ въ разгаръ сезона.

Серьезное отношеніе къ жизни только тогда и проявляется на уличной фizioноміи японцевъ, когда случается какая нибудь катастрофа, какъ, напр., землетрясеніе: трубы, крыши, цѣлые дома рушатся, и испуганное населеніе выбѣгаетъ на улицу. Или же, когда на темномъ ночномъ небѣ появляются ярко красныя „цвѣты Геддо“, т. е. огненные языки пожара. Во всѣхъ частяхъ города можно видѣть высокіе столбы съ колоколами и тѣстницами, на верхушкѣ которыхъ сторожа постоянно и зорко слѣдятъ за тѣмъ, не покажется ли гдѣ дымъ или пламя. Какъ только они замѣчаютъ что-нибудь подозрительное, то сейчасъ же даютъ знать извѣстнымъ числомъ ударовъ колокола, въ какомъ кварталѣ пожаръ, и тотчасъ-же среди беззаботнаго населенія начинается тревога. Всѣ быстро бѣгутъ домой; обитатели квартала, гдѣ произошелъ пожаръ, какъ можно скорѣе несутся къ себѣ, чтобы спасти свое имущество. Маленькіе домики, выстроенные изъ сухаго дерева, съ бумажными стѣнами и соломенными циновками, вспыхиваютъ, какъ трутъ, и нечего и думать о спасеніи горящаго или сосѣдняго съ нимъ дома.

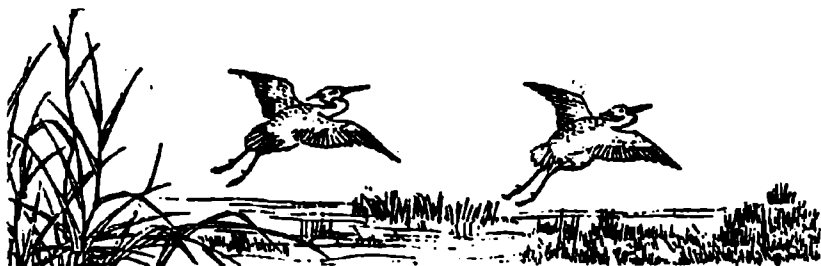
Токио уже много разъ страдалъ отъ огня и ежегодно и даже ежемѣсячно множество домовъ превращаются въ пепелъ. Ничего нѣтъ,

поэтому, удивительнаго, что въ такихъ случаяхъ весь городъ въ тревогѣ; вольная пожарная команда со своими фантастическими знаменами и касками спѣшитъ къ мѣсту происшествія, и даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ квартала перепуганное населеніе собираетъ свои пожитки, чтобы отнести ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Это нетрудно сдѣлать благодаря несложности и простотѣ японской обстановки. Дѣвушки моментально скатываютъ тонкіе матрацы, соломенные циновки и одежду, женщины быстро бросаютъ въ какую-нибудь корзину посуду и кухонную утварь, мужчины вынимаютъ изъ пазовъ передвижныя стѣны изъ дерева и бумаги, и все это имущество помѣщается въ маленькой ручной тележкѣ. Только крыша и сваи, на которыхъ она стоитъ, остаются жертвами пламени, если пожарной командѣ не удастся локализовать огонь, разрушивъ опустошенные дома.

Иногда среди всей этой мелюзги видишь высокое, массивное, на видъ, зданіе почти невредимымъ; это „кура“, т. е. огнеупорная постройка, съ глиняными стѣнами около сорока сантиметровъ толщины, въ которой зажиточные японцы хранятъ свои цѣнныя вещи. Эти зданія, не взирая на матеріаль, изъ котораго они сдѣланы, очень красивы на видъ; ихъ дѣлаютъ изъ глины и плетеной бамбуковой соломы. Постройка такого зданія продолжается годъ или два, потому что каждый пластъ глины долженъ сначала высохнуть, и только послѣ этого кладется на него слѣдующій слой. Крыша сдѣлана изъ плотной черепицы. Во время пожара толстыя двери и ставни, края которыхъ зазубрены такъ, что входятъ одна въ другую, плотно запираются, а щели замазываются всегда готовой и находящейся вблизи глиной. Послѣ того, какъ собственникъ вырѣзываетъ свое имя въ глину, „кура“ запечатывается, — и только по окончаніи пожара она открывается снова въ присутствіи свидѣтелей. Такимъ образомъ, въ Японіи, на случай пожара, все правильно организовано, какъ въ частности, такъ и въ цѣломъ, потому что этотъ народъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ долженъ былъ считаться съ такими элементарными силами, какъ огонь, землетрясеніе и недостатокъ воды.

Во времена владычества сіюгуновъ феодальные князья и другія высокопоставленныя лица должны были выѣзжать на мѣсто пожара верхами и въ полномъ вооруженіи вести борьбу со стихіей. Теперь въ Японіи имѣется пожарная команда, устроенная совсѣмъ по образцу европейской.

Странно держать себя тѣ, у которыхъ погибло имущество или семья, или и то и другое вмѣстѣ. Отъ нихъ не услышишь ни раздирающихъ душу воплей, ни другихъ выраженій отчаянія: — на всѣхъ лицахъ нѣмая покорность неизбежному. Хотя японецъ, вообще, человѣкъ настроенія, но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣетъ подавлять въ себѣ проявленія душевнаго страданія.

Путешествіе внутри страны.

Если кто былъ когда-нибудь въ Японіи лѣтомъ, то ему станетъ понятно, почему европейцы стараются, по возможности, скрыться изъ столицы и портовыхъ городовъ въ высокія и прохладныя горы Гондо главнаго острова Японіи.

Въ этой восточно-азиатской Швейцаріи есть два округа, посѣщаемые европейцами, не только живущими въ Японіи, но и всѣми другими, живущими въ восточной Азіи: первый—Никко, къ сѣверу отъ Токио, и второй—Гаконе, къ югу отъ него.

Японцы прекрасно знаютъ красоту своей отчизны и, при присущей имъ гордости они стараются показать и себя и свою страну съ самой лучшей стороны блѣднолицымъ людямъ далекаго запада; поэтому они употребили все возможное, чтобы сдѣлать доступными европейцамъ лучшія горныя мѣста Японіи.

Европейская предприимчивость, которая проявляется вообще въ Азіи—на Цейлонѣ и Явѣ, въ Индіи и Китаѣ—въ Японіи не нашла себѣ примѣненія. Мосты, желѣзныя дороги, улицы, конки, шоссе, гостиницы и купальни по европейскому образцу,—все сдѣлано японскими инженерами и на японскія деньги; теперь можно прожить въ лучшемъ мѣстѣ азиатской Швейцаріи, особенно Гаконе, съ такими-же удобствами, какъ и въ Гриндельвальдѣ.

Изъ Токогамы, гдѣ, несмотря на близость моря, быть нестерпимой зной, поѣздъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, привезъ меня въ Коцу.

Это маленькій и бѣдный городокъ, находящійся на берегу моря вблизи устья каменистой Сакавагавы, и, навѣрное, онъ никогда не былъ бы избранъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ европейскаго путешественника, если бы не былъ преддверіемъ самаго прекраснаго горнаго округа—Гаконе.

Хотя старинная большая дорога Японіи, Токайдо, ведетъ изъ Коцу прямо въ Гаконе, тѣмъ не менѣе, желѣзнодорожный путь проложенъ не по ней, а нѣсколько въ сторонѣ и, огибая Гаконе въ видѣ подковы, только съ другой стороны, у Нумазу, подходитъ опять къ морю.

Вдоль всего Токайдо, гдѣ еще тридцать лѣтъ тому назадъ феодальные князья ѣздили въ сопровожденіи своей живописной свиты, теперь идетъ конка съ скверными вагонами, влекомыми настоящими кліачами.

Мы садимся въ конку, чтобы доѣхать до Юмото, къ подножію лѣсистой горы. Мои спутники состоятъ изъ деревенскихъ жителей, голыхъ кули, хорошенькихъ мусмэ въ пестрыхъ кимоно и старухъ съ ушами и коряинами.

Всѣ они очень вѣжливы другъ съ другомъ, но по отношенію къ намъ, европейцамъ, они выражаютъ холодное презрѣніе, а въ лучшемъ случаѣ—равнодушіе. Въ послѣдніе годы они встрѣчались со многими англо-американцами-невѣжами, грубо отвѣчавшими на ихъ поклонны, громко насмѣхавшимися надъ ихъ вѣжливостью и, вообще, показавшими себя съ самой худшей стороны; ничего, поэтому, нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эти островитяне почувствовали антипатію къ туристамъ съ европейскаго Запада.

Въ Одаварѣ, гдѣ противъ станціи конной желѣзной дороги воздымаются огромныя стѣны разрушеннаго феодальнаго замка, — конка ненадолго остановилась и затѣмъ двинулась дальше надъ каменистымъ русломъ Хаягавы къ Юмото среди тщательно обработанныхъ и обильно орошенныхъ рисовыхъ полей по широкой дамбѣ.

Тутъ насъ, европейскихъ пассажировъ, сразу окружили полуголые кули, предлагая рикши для дальнѣйшей поѣздки въ горы. Подѣхавшія двухколесныя телѣжки выстроились баттарейми; не успѣли мы оглянуться, какъ нашъ багажъ уже былъ уложенъ въ рикши, и кули не оставили насъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ не нанялъ рикшу съ двумя или тремя кули; одинъ брался за оглобли телѣжки, становясь между ними, другой впереди его одѣвалъ себѣ на плечи лямки, и въ то время, какъ этотъ живой тендемпъ съ крикомъ пускался въ путь, третій подталкивалъ коляску сзади. Такимъ образомъ, промчался весь караванъ изъ нѣсколькихъ дюжины рикшей черезъ деревню, красиво расположенную на крутомъ берегу оврага, откуда вытекаетъ полноводная Хаягава, источникъ прелестнаго горнаго озера Гаконѣ.

Сильные лѣтніе дожди незадолго передъ этимъ сорвали мостъ, такъ что вмѣсто него устроили другой, очень непрочный, изъ досокъ и бревенъ, черезъ который и перевезли насъ наши рикши.

На противоположной сторонѣ оврага мы сѣли въ другія ожидавшія насъ рикши, и тутъ началась широкая изрытая, дождевыми потоками дорога, круто поднимающаяся кверху въ горы. Направо отъ насъ, въ глубинѣ, пѣшился потокъ, а на лѣво поднимались крутыя, мѣстами совершенно нависавшія на насъ стѣны горъ съ пышной растительностью. Самые прелестные цвѣты — огромныя японскія лиліи (наши

комнатныя растенія, за которыми у насъ приходится тщательно ухаживать), тысячами покрываютъ отвѣсы горъ; повсюду шумятъ потоки, несясь каскадами къ Хайягавѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дождевые потоки разрушили горы, черезъ которыя правительство съ такимъ трудомъ проложило дороги; на многихъ крутыхъ поворотахъ вдоль темныхъ овраговъ дорога ведетъ отъ находящейся не высоко надъ уровнемъ моря равнины вверхъ къ восхитительной горной идилліи — Міяношита, которая находится на высотѣ пятисотъ метровъ, затиснутая среди зеленой пирамиды Мойогаты и лѣсистой Сенгеніамы.

Я удивлялся выносливости моихъ быстрыхъ кули, которые въ теченіи всего часового пути только одинъ разъ остановились, чтобы смочить себѣ водой изъ ключа головы и плечи и напиться воды.

Потъ градомъ струился по ихъ бронзовымъ спинамъ и мускулистымъ ногамъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы отъѣхали отъ Юмото, они сняли съ себя полотняныя курточки, выжали ихъ, какъ сполоснутое бѣлье, и развѣсили для просушки на дышло телѣжки. Съ восхищеніемъ, смѣшаннымъ съ завистью, смотрѣли мы, изнѣженные европейцы, на этихъ прекрасно-сложенныхъ горцевъ.

Міяношита состоитъ изъ двухъ маленькихъ, старинныхъ японскихъ деревушекъ, между которыми высится на плато, съ разбитыми по европейски садами, величественный отель „Фуджи-йя; немного ниже, на верхней части крутаго оврага надъ Хайягавой, стоитъ еще одинъ отель, по наружному виду совсѣмъ европейскій, но служащій, главнымъ образомъ, мѣстопребываніемъ знатныхъ японцевъ. Когда я въ первый разъ былъ въ Міяношитѣ, то тутъ гостили два королевскихъ принца, сыновья микадо и какой нибудь японской графини или баронесы; при нихъ была большая свита, и когда они отправлялись на ежедневную прогулку, то ихъ сопровождала толпа придворныхъ и полицейскихъ.

Отель Фуджи-йя, одинъ изъ лучшихъ во всей восточной Азіи, устроенъ на-половину по японски, т. е. къ совершенно европейскому дому, построенному въ стилѣ швейцарскаго шале, примыкаютъ легкія, хрупкія, какъ спичечныя коробки, пристройки. Въ отдѣльныхъ комнатахъ имѣются кровати и всѣ другія европейскія приспособленія, но стѣны представляютъ собою, по образцу японскихъ, раздвижныя деревянныя ширмы, обтянутыя бѣлой бумагой, безъ оконъ и дверей, окруженныя деревянной верандой, съ которой попадаютъ въ спальни, отодвигая бумажныя ширмы. Неосторожно брошенная горящая спичка или неловкое обращеніе со свѣтильной,—и весь отель вспыхнетъ, какъ одна куча лучинъ. За то японскіе и европейскіе гости этого карточного домика не страдаютъ тутъ отъ землетрясенія,—этого бѣдствія страны. Въ то время, какъ мы, живущіе въ главномъ домѣ, нѣсколько разъ были испуганы подземными толчками, благодаря которымъ все

Храмовыя ворота на Гаконейскомъ озерѣ.

зданіе трещало, и вся мебель срывалась съ своихъ мѣстъ, — въ японской половинѣ дома эти толчки почти не чувствовались.

Единственное, что среди комфортабельной жизни въ отелѣ Фуджи-йи напоминало мнѣ о томъ, что я нахожусь не въ швейцарскомъ горномъ караван-сараѣ, а въ тысячахъ километрахъ отъ него у антиподовъ, это маленькія, привѣтливо улыбающіяся „нэзанъ“ (горничныя), прислуживающія за столомъ и въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Это все, большей частью, хорошенекія дѣвушки, съ тщательно-причесанными волосами и въ пестрыхъ кимоно. Онѣ безшумно ходятъ въ однихъ носкахъ по чистымъ циновкамъ и выворачиваютъ пятки, какъ утки.

Кромѣ „good-morning“, „good night“ и „thank you“ *), онѣ не знали ни одной фразы ни на какомъ европейскомъ языкѣ, и кто не умѣлъ говорить по-японски, тотъ долженъ былъ объясняться съ ними знаками.

На обѣденныхъ карточкахъ рядомъ съ англійскими названіями кушаній стоятъ арабскія и японскія цифры, точно такъ-же и на карточкахъ винъ; если вамъ требуется извѣстное блюдо и вино, то вы должны только указать на стоящій тутъ японскій номеръ и получите желаемое. Больше не о чемъ было съ ними говорить, такъ какъ онѣ прекрасно знали свои обязанности: постели всегда были въ порядкѣ, и на нихъ каждый вечеръ лежали приготовленные „уката“. Эти уката—нѣчто вродѣ кимоно, служащія какъ японцамъ, такъ и европейцамъ, и шлафрокомъ и купальнымъ халатомъ; они даются всѣмъ посѣтителемъ отеля такъ-же, какъ полотенца и постельное бѣлье. Рано утромъ мы прямо изъ постели облачаемся въ „уката“ и спѣшимъ черезъ длинные корридоры къ обширнымъ банямъ, которыя, къ счастью для дамъ, не имѣютъ общаго бассейна съ мужскимъ отдѣленіемъ, какъ въ сосѣднемъ отелѣ Нара-йи и въ другихъ отеляхъ и купальныхъ курортахъ Японіи.

Въ отелѣ Фуджи-йи имѣется также цѣлый рядъ просторныхъ ванныхъ комнатъ, гдѣ въ полъ вдѣланы деревянныя ванны, въ которыхъ могутъ свободно купаться одновременно двое или трое. Холодную или горячую воду можно имѣть, по желанію, открывая какую нибудь бамбуковую трубу. Въ водѣ недостатка здѣсь нѣтъ, такъ какъ позади банъ съ горныхъ склоновъ течетъ масса источниковъ и ручейковъ. Эти ванны доставляютъ такое большое наслажденіе, что европейскіе гости, въ подражаніе японцамъ, оснѣжаются двумя-тремя ваннами въ теченіи дня, но только не такими горячими, какъ японцы; послѣдніе находятъ какое-то особенное удовольствіе кипятиться въ горячей водѣ до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ оттуда красными, какъ раки.

Міяношита богата прекрасными мѣстами для прогулокъ, и нигдѣ

*) Доброго утра, спокойной ночи, благодарю васъ.

нельзя такъ хорошо изучить деревенскую и сельскую жизнь Японіи, какъ здѣсь, не поступаясь въ то же время европейскими удобствами.

Весь округъ представляетъ собою прекрасный идиллическій уголокъ, настоящій Олимпъ, съ довольными, вѣжливыми, спокойными и работающими людьми, которые превратили окружающія ихъ прекрасныя мѣста въ роскошныя сады. Хотя здѣшній народъ очень бѣденъ, но, по-видимому, никто не завидуетъ избалованнымъ европейцамъ, которые лѣтомъ нарушаютъ ихъ покой въ этомъ горномъ раю; быть можетъ, они убѣдились въ томъ, что ихъ мирная сельская жизнь, ихъ занятія, удобный костюмъ, ихъ простая пища изъ овощей и рыбы гораздо предпочтительнѣе безумной погони за дѣлами и несравненно лучше безпокойства и жажды наслажденія Джонъ Буллей и дядей Самовъ.

Японская деревня Міяношита сдѣлала только одну уступку европейскому курорту: въ хорошенькомъ чайномъ домѣ, въ долинѣ, поставлены столы и стулья для пріѣзжихъ гостей и имѣются европейскія печенья къ чаю. Среди хорошенькаго садика при чайномъ домѣ находится прудъ съ множествомъ золотыхъ рыбокъ, такихъ ручныхъ, что онѣ хватаютъ изъ рукъ бисквиты.

Миссіонеры, дипломаты, купцы, туристы, собирающіеся каждое лѣто со всѣхъ концовъ земли въ горахъ центральной Японіи, сходятся только утромъ и вечеромъ въ столовой отеля. Въ остальное время дни весь отель точно вымираетъ. Постѣ завтрака всегда предпринимаются прогулки въ горы. Вѣжливые японскіе хозяева отелей, безукоризненно одѣтые въ европейское платье, укладываютъ, по-японски, своимъ европейскимъ гостямъ завтракъ въ свѣже-выстроганные ящики, у выхода стоятъ дюжинами молодые мускулистые кули со своими рикшами, кагами (носилками) или европейскими переносными креслами и вѣжливые проводники; можно, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, ежедневно бывать въ новыхъ мѣстахъ и всякій разъ возвращаться въ Міяношиту все болѣе и болѣе восхищеннымъ этой прелестнѣйшей изъ всѣхъ влѣ-европейскихъ странъ. Я, по порядку, побывать въ прелестныхъ горныхъ деревушкахъ Кига, Догашима, Міашино, купался въ смѣшанныхъ (для мужчинъ и женщинъ) баняхъ съ водой изъ сѣрнаго источника въ курортѣ Кодшигоку, поднимался на Сенгеніаму и Міюйоготаку, чтобы наслаждаться чуднымъ видомъ японскаго морскаго берега и вулканическаго острова Ошима и любоваться находящейся съ противоположной стороны величественной Фуджіямой.

Нѣсколько дней спустя, во время бушующаго тайфуна, я стоялъ на вершинѣ этого высочайшаго великана восточной Азіи, находящагося на высотѣ четырехъ тысячъ двухсотъ метровъ надъ уровнемъ моря, и смотрѣлъ въ его страшный кратеръ, наполненный дымомъ и сѣрными парами.

Но самая восхитительная дневная прогулка въ Міяношиту — это экскурсія къ идиллическому Гаконейскому озеру.

Мы пустились въ путь рано утромъ, сѣдя въ покойныхъ и удобныхъ стульяхъ, которые несли на своихъ плечахъ четверо сильныхъ кули, взявшись за прикрепленные къ стульямъ бамбуковые шесты. Прежде всего, мы направились къ лежащему на пятьсотъ метровъ выше

Японскіе крестьяне.

лечебному мѣсту съ сѣрыми источниками, Ашинойу, чтобы тамъ отдохнуть.

Отель Матцузака, устроенный на половину по-европейски, былъ переполненъ, какъ и всѣ другіе, массою японцевъ, ревматиковъ обо-его пола, ищущихъ исцѣленія въ горячихъ источникахъ этихъ вулканическихъ мѣстъ; но европейцу долгое пребываніе въ Ашинойу должно быть невыносимо.

Этотъ курортъ расположенъ на совершенно голомъ, уныломъ плато и половину лѣта окруженъ густыми облаками; сѣрные источ-

ники пропитали своимъ запахомъ воздухъ и, кромѣ того, изъ окружающихъ болотъ поднимаются ядовитыя испаренія.

Послѣ непродолжительнаго отдыха мы двинулись дальше къ Гаконейскому озеру по пустыннымъ горнымъ тропинкамъ между огромными конусами Каміамы и горы съ двумя вершинами Футагоямы (гора близнецовъ).

Во все время пути мы не встрѣтили ни одной живой души. Повсюду на голой поверхности вздымаются конусы кратеровъ, кое-гдѣ видѣются синевато-зеленыя озера, нигдѣ нѣтъ ни дома, ни признака жилья; въ этомъ уединеніи буддійскіе святыя увѣковѣчили память о себѣ скульптурными произведеніями, вѣзаннѣми въ стѣнахъ скалъ.

Во всей Японіи на каждомъ шагѣ попадаются маленькіе каменные памятники и статуи идоловъ; здѣсь также дремлетъ не одна дюжина ихъ въ высокой жесткой травѣ и среди нихъ и огромный Дшизо, одинъ изъ лучшихъ образцовъ японской скульптуры.

Наконецъ, мы увидѣли у нашихъ ногъ частицу синяго, тихаго озера Гаконэ и опять выбрались на Токайдо съ его огромными тѣнистыми криптомеріями.

Мы двинулись по этой прекрасно-сохранившейся, вымощенной большими камнями главной военной дорогѣ старой Японіи и къ обѣденному времени добрались до деревни Мото-Гаконе, расположенной на южной сторонѣ озера, а отсюда на полъ-километра дальше къ чайному дому Тсуджи-я. Этотъ чайный домъ обращенъ фасадомъ на озеро, и поэтому изъ его комнатокъ, которыя собственно ничто иное, какъ отдѣльныя части передѣленной бумажными перегородками веранды видна окруженная горами водная поверхность, на заднемъ планѣ которой высится величественная Фуджіяма. Съ правой стороны, на узкой, врывающейся въ озеро косѣ, возвышается императорскій дворецъ, гдѣ лѣтомъ живутъ иногда члены царской семьи.

Мы закусили на верандѣ чайнаго дома, и прислуживавшая намъ хорошенькая молодая дѣвушка подарила намъ, на память, маленькія фарфоровыя бездѣлушки, вѣроятно, за нашу щедрую плату за услуги, которую она заслужила больше своей привѣтливостью, чѣмъ знаніемъ своего дѣла.

Едва собрались мы сѣсть въ ожидавшую насъ лодку, какъ начался страшный ливень, который промочилъ насъ насквозь до нитки. Лодка такъ переполнилась водой, что мы должны были усѣсться на свои стулья и даже подобрать ноги, пока двое изъ нашихъ кули безпрестанно вычерпывали черпаками воду изъ лодки. Такъ какъ проводникъ предсказывалъ, что дождь скоро прекратится, и такъ-какъ, кромѣ того, мы должны были вечеромъ вернуться въ Міяношиту, то мы рѣшили покориться обстоятельствамъ и поѣхали по озеру къ сѣверной его части.

Намъ удалось видѣть только нѣкоторыя части береговъ этого озера, соперничающихъ по красотѣ съ берегами итальянской Ривьеры.

Послѣ двухчасоваго тяжелаго пути мы причалили къ мѣсту, гдѣ должны были выйти, чтобы отсюда возвратиться къ себѣ черезъ такъ-называемый великій адъ. Кули подняли насъ изъ лодокъ на нашихъ стульяхъ и перенесли, почти по поясъ въ водѣ, къ берегу въ то время, какъ дождь лилъ, не переставая. Когда я тамъ всталъ, наконецъ, со своего стула, чтобы подняться пѣшкомъ по крутымъ высотамъ Камури, то мои спутники—европейцы и японцы—громко расхохотались. Дѣло въ томъ, что у меня была съ собой книжка Муггауа о Японіи (нѣчто вродѣ Бедекера) въ красномъ переплетѣ. Чтобы предохранить ее отъ дождя я положилъ ее подъ сидѣнье. Но когда я всталъ, то оказалось, что моя красная книга насквозь промокла въ образовавшейся подо мной дождевой лужѣ и окрасила мои бѣлые полотняные брюки въ красный цвѣтъ.

На этотъ разъ нашъ путь въ долину Міяношиты лежалъ по крутымъ дорожкамъ надъ головокружительными пропастями, и все это пустынное и дикое адское мѣсто, черезъ которое намъ надо было пройти, останется у меня въ памяти на всю жизнь.

Горячіе сѣрные пары поднимались со всѣхъ сторонъ изъ рыхлой известковой почвы, въ которой наши ноги вязли мѣстами до лодыжекъ; вода, бьющая изъ многочисленныхъ источниковъ, также горяча, какъ и окружающія ихъ голыя скалы; густыя облака тумана заволакивали арѣіе, теплые, сѣрнистые газы захватывали дыханіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля положительно горѣла у насъ подъ ногами, въ другихъ намъ надо было прокладывать дорогу черезъ большіе обломки камней, и все это подъ непрерывнымъ ливнемъ. Солнце опять показалось только къ вечеру, когда мы, наконецъ, добрались до ясной зеленой долины Хаягавы. Разнообразіе ландшафтовъ и культуры дѣлають Міяношиту самымъ очаровательнымъ мѣстопребываніемъ, и будь она въ Европѣ, то она, навѣрное, была бы лѣтомъ самою любимую цѣлью путешествія нашихъ туристовъ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль пребыванія въ горной странѣ средней Японіи мы, не безъ сожалѣнія, двинулись дальше къ древней столицѣ Японіи—Киото.

По дорогѣ мы остановились еще на нѣсколько дней въ Нагойѣ, лежащей на желѣзнодорожной линіи Токио—Киото, еще сохранившейся отъ европейскаго вліянія. Здѣсь еще можно видѣть наряду съ чисто-японской жизнью прекрасные храмы, богатые лавки съ старинными вещами и—главное—величественный дворецъ дайміоса.

Этотъ послѣдній имѣетъ форму пирамиды представляетъ собою многоэтажное зданіе, увѣнчанное двумя золотыми дельфинами, одинъ изъ которыхъ, на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ, вызвалъ всеобщее вос-

хищеніе. Старый дворецъ, бывшій когда то мѣстопробынаніемъ могущественнаго князя Овари, своимъ внутреннимъ убранствомъ не представляетъ ничего достопримѣчательнаго, потому что въ первые годы существованія нынѣшняго правительства общественныя власти одержимы были маніей разрушенія всего стариннаго, какъ будто-бы совершенно ненужнаго, такъ что много прекрасныхъ вещей, остатковъ старой Японіи, пало жертвой этого несчастнаго увлеченія. Не пощаженъ былъ даже этотъ великолѣпный памятникъ феодализма. Только внѣшній видъ его сохранился такимъ же, какимъ онъ былъ въ началѣ прошлаго вѣка.

Изъ Нагойи мы двинулись частью въ рикшахъ, а частью по желѣзной дорогѣ, черезъ благословенныя нивы прежняго княжества Овари, черезъ Гифу, къ берегамъ большаго озера Бива и оттуда, наконецъ, пріѣхали въ Кіото.

К і о т о.

(Древняя столица Японіи).

Австрійскій наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Францъ Фердинандъ, въ своей интересной книгѣ о совершенномъ имъ кругосвѣтномъ путешествіи справедливо замѣчаетъ что «Киото для японцевъ то-же самое, что Римъ для католиковъ, Москва для русскихъ, Мекка для магометанъ и Канди *) для буддистовъ».

Этимъ, конечно, онъ вовсе не желаетъ сказать, что Киото можетъ сравниться съ Канди, Меккой, Москвой и особенно Римомъ.

Всякаго, кто надѣется увидѣть нѣчто вроде Рима, ждетъ здѣсь большое разочарованіе. Киото не славится ни дворцами, ни произведеніями искусства, ни памятниками, ни музеями, какъ Москва или Римъ. Тутъ нѣтъ рѣшительно ничего подобнаго, и если-бы одинъ изъ самыхъ незначительныхъ дворцовъ вѣчнаго города или одна изъ его

*) Канди—священное для буддистовъ мѣсто въ Цейлонѣ, на вершинѣ Адамова пика, гдѣ, по преданію, находился рай.—мѣстопребываніе нашихъ прародителей, Адама и Евы.

церквей были перенесены въ Кіото, то они несомнѣнно были бы самыми большими и красивыми зданіями этого японскаго Рима.

Я даже сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы всѣ полтораста тысячъ домовъ Кіото, вмѣстѣ взятые, содержали достаточное количество матеріала для постройки одного какого нибудь римскаго дворца.

Кіото состоитъ исключительно изъ деревянныхъ домиковъ, какъ значительная часть Токио, какъ Нагойя, Нагасаки и другіе города японской имперіи. Кіото—ни красивѣе, ни богаче, ни величественнѣе ихъ, но, тѣмъ не менѣе, это самый интересный городъ на островахъ японскаго архипелага.

Несомнѣнно, всякій путешественникъ по Японіи согласится съ этимъ послѣ своего пребыванія здѣсь въ теченіе хотя-бы только нѣсколькихъ дней, особенно если онъ ранѣе этого побывалъ въ другихъ японскихъ городахъ.

Если мы будемъ разсматривать карту Японіи, то въ самой узкой части большаго острова [Ниппона] (въ центрѣ всего японскаго архипелага) мы увидимъ большое озеро Бина; оно очень живописно и по величинѣ своей почти равняется Женевскому озеру.

Къ западу отъ него, въ окруженной высокими горами котловинѣ, находится древній Кіото.

Лучшаго мѣста для царской резиденціи нельзя было-бы придумать, и здѣсь, дѣйствительно, жили и умирали въ теченіе почти тысячи лѣтъ, цѣлыя поколѣнія повелителей Японіи, невидимые своимъ народомъ, заключенные въ окруженномъ высокой стѣной дворцѣ изъ дерева и бумаги. Только вспыхнувшая тридцать пять лѣтъ тому назадъ великая революція разорвала тѣ оковы, въ которыхъ могущественные вице-короли-сіюгуны заковали своихъ манекеновъ на тронѣ. Съ триумфомъ перевезенъ былъ король, —этотъ потомокъ богини солнца, въ новую королевскую резиденцію Токио (прежній Іеддо); японцы бросились на встрѣчу европейской культурѣ и забросили Кіото, какъ вылетѣвшая бабочка бросаетъ свою куколку. Вся толпа куговъ—японской придворной знати—, дайміосовъ, и вся блестящая свита микадо послѣдовала за нимъ въ новую столицу; Кіото можно скорѣе сравнить съ какой-нибудь покинутой германской резиденціей, чѣмъ съ Римомъ.

Уже теперь, въ первые тридцать лѣтъ послѣ переворота, Кіото лишился почти третьей части своего населенія, и въ настоящее время въ немъ не больше трехсотъ тысячъ жителей. Но это только начало его конца. Теперешняя столица привлекаетъ къ себѣ многихъ своимъ блескомъ и богатствомъ, а сосѣдняя Осака—своей торговлей и промышленностью. Объединившее населеніе ищетъ заработка въ другихъ мѣстахъ, и съ Кіото можетъ произойти почти то-же самое, что было съ прежними столицами Японіи (до Кіото) и другихъ странъ, т. е. болѣе, чѣмъ возможно, что этотъ городъ отойдетъ въ прошлое

исторіи и окончательнo захирѣть, какъ захирѣли и ували многіе города древняго Рима, Греціи и Египта.

Между тѣмъ, неминуемая грядущая судьба его не можетъ не вызвать глубокаго сожалѣнія, потому что мѣстоположеніе этого древне-японскаго города просто восхитительно. Его прямыя улицы, расположенныя на манеръ американскихъ въ видѣ шахматной доски, тянутся по обѣ стороны рѣки Камо (Камогавы) широкой овальной полосой, занимающей глубокую котловину, такъ что весь городъ кажется расположеннымъ въ старомъ выдохшемся кратерѣ. Но, вмѣсто неподвижной лавы, здѣсь вездѣ пышныя сады, и все обширное, сѣрое и однообразное море домовъ мѣстами прерывается тѣнистыми рошицами при храмахъ, садами и скверахъ, а кое-гдѣ ихъ пересѣкають серебряныя нити ручейковъ.

Склоны горъ, окаймляющихъ Кіото, покрыты роскошными садами, среди которыхъ видѣются многочисленныя монастыри, храмы, часовни и пагоды, а на поляхъ дальнихъ окрестностей видны обильныя всходы, такъ какъ среднія провинціи Японіи, въ центрѣ которыхъ находится Кіото, самыя плодородныя во всей Японіи.

Новая желѣзная дорога, между Осакой и Кіото, не внесла новой жизни въ старый городъ, и современная европейская культура, вліянію которой подчинились во многихъ отношеніяхъ Токио и другіе города Японіи, оставила Кіото неприкосновеннымъ.

Когда я пріѣхалъ изъ совершенно европейскаго города Кобе въ Кіото, то мой кули привезъ меня въ удобномъ катящемся креслѣ къ отелю „Кіото“. Это и теперь еще единственное вполне европейское зданіе въ городѣ, очень благоустроенное, какъ и любой европейскій отель. Но какъ только я вышелъ на улицу изъ этого европейскаго оазиса, то сразу попалъ въ центръ старинной японской жизни.

Всюду, куда ни взглянешь, тянулись необозримыя ряды маленькихъ, большей частью, одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ, открытыхъ настежь со стороны, обращенной къ улицѣ, кое-гдѣ — лавки съ книгами, японскими бездѣлушками и древностями, или храмъ съ нѣсколькими арками и красиво-приподнятыми крышами. Улицы оказались здѣсь немощеными, но содержатся въ чистотѣ; движенія на нихъ очень мало даже днемъ, а вечеромъ еще меньше, да и осѣщаются онѣ очень плохо. И вездѣ одно и то же на протяженіи десятковъ верстъ. Японцы, одѣтые въ совершенно европейское платье — мужчины, женщины и смѣшныя дѣвочки —, останавливаясь и съ любопытствомъ осматривали чужеземца; дѣти бѣжали за мной вслѣдъ или окружали меня тѣснымъ кольцомъ, когда я останавливался у какой нибудь лавки.

Съ вѣншей стороны отдѣльныя кварталы Кіото своими коричневыми домикамъ, окруженными верандами, напоминають многія деревеньки Бернскаго оберланда въ Швейцаріи. Если представить себѣ

любой изъ этихъ городскихъ кварталовъ перенесеннымъ въ какое нибудь мѣсто Швейцаріи, напримѣръ въ Эмменталь, то онъ могъ бы очень хорошо сойти, какъ Бернская деревушка, только скученность домовъ, правильность и чистота улицъ вызвали бы тамъ удивленіе.

Привлекательность Кіото, какъ и другихъ японскихъ городовъ, заключается не во виѣшности его, болѣе чѣмъ скромной, но въ образѣ жизни его обитателей, въ ихъ нравахъ, костюмахъ и празднествахъ; кромѣ того, въ этой съ виду однообразной путаницѣ улицъ съ невзрачными домиками скрывается то, что насъ больше всего восхищаетъ въ японской культурѣ и чему мы можемъ даже позавидовать — это ихъ искусство и художественная промышленность.

Въ прежніе вѣка искусство процвѣтало при дворѣ микадо и его приближенныхъ; художники всю жизнь были на содержаніи у князей, и цѣлью ихъ было не достиженіе почестей и богатства, какъ во многихъ другихъ странахъ, а созданіе такихъ произведеній, которымъ они передавали-бы свою индивидуальность. Распределеніе труда было этимъ художникамъ совершенно незнакомо. Каждое произведеніе было задумано самимъ художникомъ, имъ-же набросано и чернѣ и отъ начала до конца сдѣлано его-же собственными руками. Количество времени, нужное для выполненія задуманной работы, совсѣмъ не принималось во вниманіе и весьма часто случалось, что художникъ всю свою жизнь работалъ надъ одной вещью.

Но, вотъ, произошла революція.

Микадо и князья уѣхали изъ Кіото, но многіе художники остались тамъ. Въ маленькихъ мастерскихъ, безъ выѣсокъ и какихъ-либо другихъ виѣшнихъ примѣтъ своего существованія, и теперь еще усердно работаютъ они, слѣдуя старымъ традиціямъ, но нынѣ всѣ издѣлія изготовляются ими уже не для прежнихъ повелителей и кормильцевъ этихъ артистовъ, а для повседневнаго рынка.

Среди этихъ художниковъ сильно господствуетъ консервативный элементъ и послѣ революціи прошло слишкомъ мало времени, чтобы они могли примѣниться къ новымъ условіямъ, какъ это, къ сожалѣнію, случилось уже въ Токио, Осакѣ и другихъ городахъ. Къ тому же, въ Кіото осталась прежняя художественная атмосфера; многіе князья и вельможи лишились своихъ художественныхъ сокровищъ, когда правительство конфисковало ихъ помѣстья и доходы; и хотя большая часть этихъ произведеній искусства перевезена была въ музеи и частныя коллекціи Европы, гдѣ до сихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ возбуждаютъ восторгъ всѣхъ знатоковъ, но все же многія старыя произведенія до сихъ поръ остались въ Кіото и служатъ теперь образцами и примѣрами для созданія новыхъ. Поэтому, пріѣзжему чужеземцу очень интересно посѣтить эти скромныя художественныя мастерскія и видѣть, какъ, при помощи самыхъ примитивныхъ приспособленій, изъ

искусныхъ рукъ японскихъ мастеровъ выходятъ чудныя вещи изъ бронзы, эмали, фарфора, лакированныя вещи, вышивки, парча и шелковыя матеріи.

Цѣлыми днями бродилъ я изъ одной мастерской въ другую. Всюду меня встрѣчали съ чисто японской вѣжливостью, къ сожалѣнію, уже исчезающей въ портовыхъ городахъ; вездѣ съ большими церемоніями, подавался мнѣ, чай пѣжными руками дѣвушекъ и, послѣ долгой бесѣды, художники рѣшались показать свои лучшія произведенія, тщательно упакованныя въ ящичкахъ.

Немалое удовольствіе доставляло мнѣ рыться въ многочисленныхъ лавкахъ рѣдкостей и древностей, которыя (лавки) находятся на улицѣ Манджуджидори; рядомъ съ новѣйшими вещами, рассчитанными на рынокъ для туристовъ, здѣсь можно найти массу старо-японскихъ произведеній искусства. Впрочемъ, въ Кіото можно и не трудиться ходить по магазинамъ. Населеніе здѣсь очень обѣднѣло, благодаря вышеописаннымъ событіямъ, и къ тому-же оно, съ присущей японцамъ хитростью и догадливостью, скоро поняло цѣну своихъ художественныхъ произведеній, и частью изъ нужды, частью отъ сильно разившейся жажды наживы, продавцы или частныя лица сами являются къ пріѣзжимъ европейцамъ съ предложеніями художественнаго товара.

Уже по моемъ пріѣздѣ на вокзалъ, цѣлая толпа агентовъ насочнала мнѣ въ руки уйму визитныхъ карточекъ, циркуляровъ, прейскурантовъ, приглашеній и пр., а многіе набросали мнѣ ихъ и въ мою рижку или натискали въ мой багажъ. У себя въ номерѣ я нашелъ за зеркаломъ и на столѣ дюжины всякихъ адресовъ и не успѣлъ я приняться за свой туалетъ, какъ въ дверь начали стучаться поочередно около полудюжины лакеевъ, горячичныхъ, даже хорошенькія маленькія „дѣзавъ“,—и всѣ передавали мнѣ адреса или даже вещицы различныхъ цѣнъ, завернутыя въ платочки. Стоило мнѣ только высунуть носъ на улицу меня уже встрѣчали эти бродячіе торговцы на каждой площадкѣ лѣстницы, на концѣ каждаго корридора. Когда я возвращался домой, то меня опять дожидалось нѣсколько челонѣкъ съ пакетами, свертками и узелками, и я до тѣхъ поръ не могъ отвязаться отъ нихъ, пока не купилъ нѣсколько прелестныхъ, но очень дорогихъ вещицъ. Но этимъ я только подлилъ масла въ огонь. Съ быстротой молніи по всему Токіо распространилось извѣстіе о моихъ покупкахъ, и на другой же день ко мнѣ въ отель явилось вдвое больше продавцовъ, чѣмъ въ предыдущій день.

При всей своей навязчивости, они отличались такой вѣжливостью и почтительностью, точно и быть коронованной особой.

Чтобы рассмотреть товары, я попросилъ показать мнѣ ихъ въ курительной комнатѣ отеля. Всѣмъ, по очереди, была мною дана аудіенція. Отъ перваго я надѣялся избавиться тѣмъ, что предло-

жилъ ему половину того, что онъ просилъ за свою вещь. Онъ тутъ же поймалъ меня на словѣ, и я невольно обогатился однимъ проповѣдніемъ японскаго искусства и обѣдѣлъ на сорокъ марокъ.

Второму я предложилъ четверть просимой имъ цѣны и, къ моему ужасу, онъ и на это согласился.

Третьему показала предложенная мною сумма уже слишкомъ незначительной, и онъ отсталъ отъ меня. Теперь я, наконецъ, зналъ чѣмъ ихъ распугать. И тотчасъ же я началъ предлагать слѣдующимъ торговцамъ десятую часть заявленной цѣны, и это ихъ такъ обезоружило, что они, наконецъ, окончательно отвязались отъ меня.

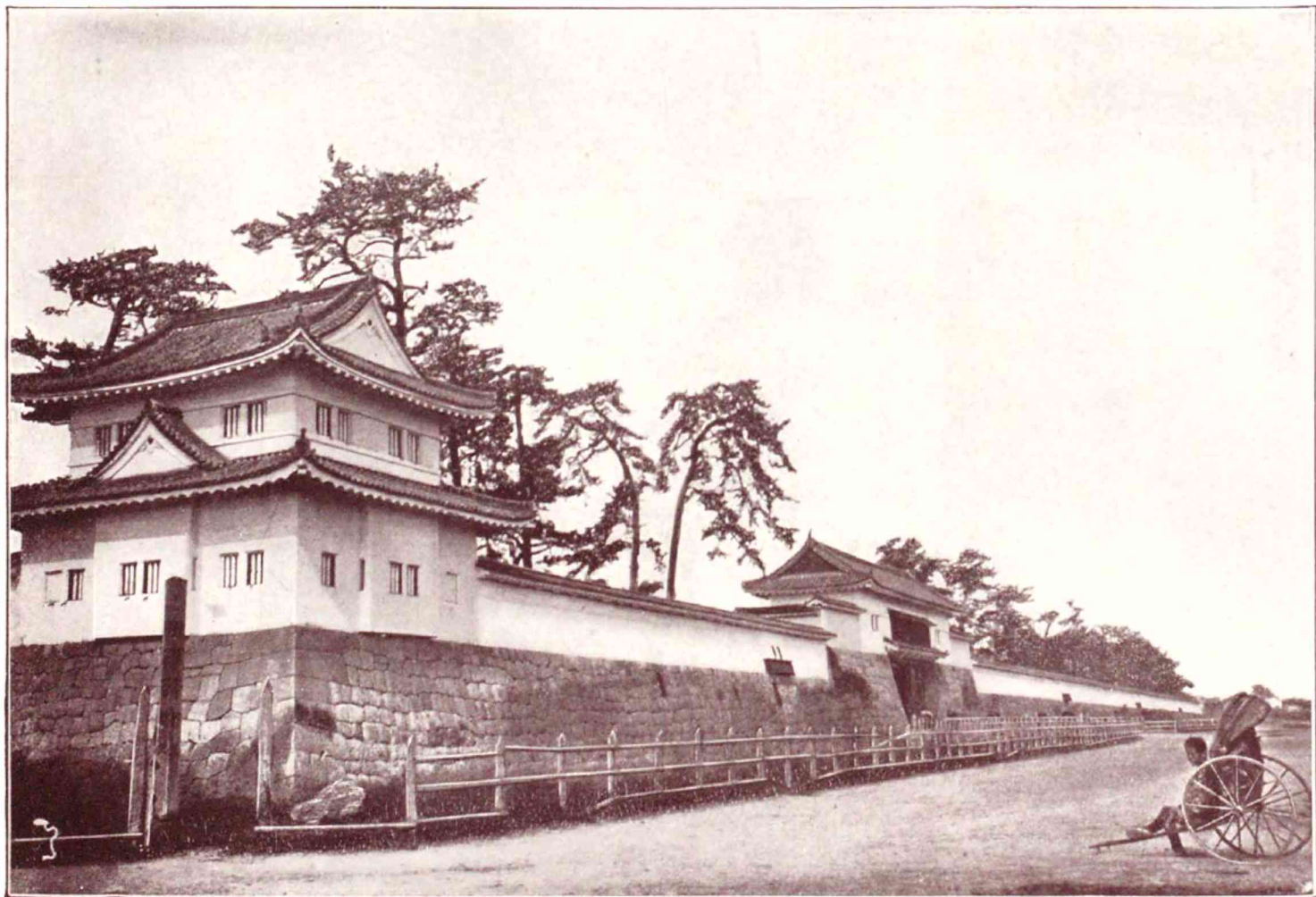
Въ магазинахъ рѣдко спускаютъ съ назначенныхъ цѣнъ, особенно въ большихъ, гдѣ продаются шелковыя матеріи, парча, бархаты и бронза и гдѣ находятся самыя лучшія произведенія художественной промышленности Кіото. Всюду замѣчательно вѣжливы, всюду предлагаютъ чай и всюду продавщицы бросаются предо мной на полъ, но все же ни копейки не уступаютъ со своихъ цѣнъ, которыя обыкновенно вдвое превышаютъ настоящую стоимость.

Вотъ забавный примѣръ того, какъ здѣсь дерутъ и чему европеецъ подвергается иногда въ Японіи.

Когда въ первый свой пріѣздъ въ Іокогаму я прогуливался по улицамъ, то нечаянно увидѣлъ въ одной лавкѣ рѣдкостей (*curio—shop*) прелестные куранты, продававшіеся за 20 марокъ, между тѣмъ, какъ даже въ Парижѣ ихъ нельзя купить дешевле пятидесяти франковъ. Я сейчасъ же купилъ ихъ, не торгуясь. Въ Токио такая же вещь предложена была мнѣ за пятнадцать марокъ и такъ какъ она дѣйствительно была красива, то я купилъ и этотъ экземпляръ. Къ величайшему моему удивленію, одинъ изъ осаждавшихъ меня въ Кіото торговцевъ вынулъ изъ своего узла такіе же куранты; я предложилъ ему половину того, что стояла мнѣ послѣдняя моя покупка, т. е. семь съ половиною марокъ, и онъ безъ всякаго торга согласился на это. Когда и, недѣлю спустя, пріѣхалъ въ японскій Бирмингамъ—Осаку—и пошелъ осматривать мѣстный промышленный музей, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза, мои куранты; но на нихъ была обозначена цѣна... двѣ марки.

Я купилъ и эти и еще другіе, потому что такими подарками, стоящими въ Парижѣ пятьдесятъ франковъ, я могъ произвести сильное впечатлѣніе на моихъ друзей. Надо надѣяться, что никто изъ нихъ не прочтетъ этого признанія.

Въ такомъ городѣ, какъ Кіото, въ стѣнахъ (деревянныхъ и бумажныхъ) котораго находили пріютъ пятьдесятъ королей,—въ этомъ древнемъ городѣ, бывшемъ столицей въ теченіи почти тысячи лѣтъ, должны были, конечно, сохраниться дворцы этихъ королей и высшей аристокра-

Императорскій дворець въ Кіото.

ти, несмотря на то, что уже нѣсколько десятилѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ всѣ они покинули Кіото.

Въ Нагойѣ, въ Фукуямѣ, въ Окаямѣ я любовался большими, замѣчательно живописными замками бывшихъ владѣтельныхъ князей, уцѣлѣвшими, несмотря на страсть къ разрушенію всего старо-японскаго у нынѣшнихъ вандаловъ. Все это, большей частью, пирамидальныя многэтажныя пагоды, окруженныя большими стѣнами и рвами. Какъ же должны были быть великолѣпны императорскіе дворцы! Въ Токіо имъ придаютъ много важности и чтобы получить разрѣшеніе осмотрѣть ихъ, я долженъ былъ хлопотать у японскаго правительства чрезъ посредство германскаго посольства.

Заручившись надлежащими пропусками, написанными по-японски и обильно украшенными четверугольными красными печатями, я поѣхалъ въ одинъ прекрасный день, прежде всего, къ лежащему въ сѣверной части Кіото дворцу „Гошо“. Отъ вѣшняго міра его отдѣляетъ высокая стѣна съ шестью воротами. Пройдя черезъ ворота Высочайшей кухни (Ни-Дайдокоро Гамонъ), я очутился въ большомъ, пустомъ дворѣ, гдѣ еще тридцать лѣтъ тому назадъ стояли дворцы куговъ, т. е. князей-родственниковъ микадо. Они пали жертвой „революціи сверху“. Придворный служитель встрѣтить меня низкими поклонами и повелъ въ бюро, гдѣ освидѣтельствовали мой пропускъ и вписали мое имя въ книгу. Послѣ этого мы отправились черезъ большіе, усаженные деревьями дворы къ голой одноэтажной постройкѣ, окруженной широкими верандами, которую я и принять было за „высочайшую кухню“ или за помѣщеніе для прислуги.

Но оказалось, что это-то и былъ дворецъ. Я долженъ былъ перемѣнить свою обувь на мягкія домашнія туфли съ бархатными подошвами, — предосторожность, которую я понялъ лишь послѣ, когда увидѣлъ полы корридоровъ и другихъ жилыхъ помѣщеній, мѣстами отполированные какъ крышка рояля, мѣстами покрытые нѣжными соломенными циновками. Съ чувствомъ благоговѣнія проходилъ я по длиннымъ корридорамъ, стѣны которыхъ представляли собою деревянные рамы, обтянутыя бѣлой бумагой. Я, вѣдь, долженъ былъ видѣть пріемный и тронный залы самой старой королевской династіи въ мірѣ. Какія сокровища, какія высокія произведенія искусства должны были храниться здѣсь, въ самомъ знатномъ дворцѣ этой страны искусствъ, какъ радовался я ожидавшему меня арѣтищу! Мой проводникъ отодвинулъ бумажную ширму и предложилъ мнѣ зайти. Я увидѣлъ большую, низкую комнату, въ одномъ концѣ которой была эстрада вышиною до коленъ. На эстрадѣ былъ низенькій шатеръ изъ выцѣтшей шелковой матеріи, увѣшанный черными лентами. Рѣшительно никакой мебели не было. Здѣсь мой проводникъ тихо сказалъ мнѣ, что мы въ тронномъ залѣ и что этотъ шатеръ—ничто иное, какъ царскій тронъ...

Онъ отодвинулъ бумажную стѣну, и я увидѣлъ вторую бумажную комнату безъ всякой мебелировки; это былъ... пріемный залъ; третья бумажная комната безъ мебели—столовая; четвертая—спальня. Нигдѣ ничего, кромѣ бумажныхъ стѣнъ, мягкихъ плетеныхъ циновокъ на полу и очень красивыхъ, рѣзныхъ и богато разрисованныхъ деревянныхъ потолковъ. Вотъ и все!.. И такихъ комнатъ было тридцать или сорокъ, и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ была стѣнная живопись, изображающая съ большимъ вкусомъ и съ замѣчательною точностью деревья и всевозможныхъ звѣрей; но нигдѣ ни кровати, ни стола, ни вазы, ни бронзы, ни цвѣтотъ.

Въ одной комнатѣ стѣна была украшена живописью, изображавшей вѣра, разрисованные съ такимъ вкусомъ, съ такимъ гармоничнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ и формъ, что я не могъ наглядѣться на нихъ.

Мною овладѣли такія же чувства, какъ тогда, когда я посѣтилъ въ Сахарѣ и Бибанъ-Эль Мелюкѣ (въ Египтѣ) королевскія гробницы.

Тамъ также пустыя комнаты и онѣ также украшены свѣжей стѣнной живописью. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь мнѣ казалось, что между настоящимъ и тѣми людьми, которые жили въ тѣ времена, когда сооружались эти зданія, лежатъ цѣлыя тысячелѣтія.

А этотъ бумажный дворецъ развѣ не королевская гробница? Развѣ это не могила старой Японіи, которая несравненно привлекательнѣе, интереснѣе и живописнѣе своими людьми и кудьтурой, чѣмъ современная Японія, отшлифованная Европой?

Гораздо красивѣе, величественнѣе и индивидуальнѣе царскаго дворца находящійся недалеко отъ него дворецъ сіогуновъ—Ниджо. Военная власть прежнихъ вице-королей оставила по себѣ слѣды въ видѣ окружающихъ ихъ укрѣпленныхъ стѣнъ съ угловыми башнями въ формѣ пагодъ. Въ путеводителѣ дворецъ Ниджо называется „золотымъ сновидѣніемъ“, вѣроятно, только благодаря богатой позолотѣ потолковъ и отдѣльныхъ брусевъ въ комнатахъ. Комнаты тамъ больше и выше, живопись ярче и смѣлѣе и мѣстами она необычайно красива.

Въ общемъ, здѣсь все богаче и аристократичнѣе. Сіюющій золотомъ пріемный залъ сіогуновъ просто ослѣпительнъ, и мысленно я легко могъ себѣ представить величественную картину, какъ эти, лежащіе теперь во прахѣ, но нѣкогда могущественные властители, одѣтые въ великолѣпные костюмы принимали феодальныхъ князей страны; картина, равной которой по блеску и своеобразію не могло быть нигдѣ въ мірѣ.

Но гдѣ-же теперь все это? Въ одинъ прекрасный день все прежнее было упразднено; и все, что теперь осталось отъ былого, это только дворецъ сіогуновъ,—эта все еще, несмотря на свою пустоту, импонирующая оболочка.

Гораздо интереснѣе всѣхъ этихъ дворцовъ множество пріютившихся въ Кіото буддійскихъ и шинтоистскихъ храмовъ; ихъ тамъ не меньше трехъ тысячъ, а находящихся при нихъ священниковъ восемь тысячъ. Въ этомъ отношеніи Кіото можетъ, дѣйствительно, назваться Римомъ, и здѣсь есть даже свой папа въ лицѣ Великаго Бонзы секты Шинъ, главный храмъ которой — прелестный Хигаши-Хонгванши. Я проводилъ цѣлые дни въ осмотрѣ разныхъ храмовъ съ тысячами статуй Будды разныхъ величинъ, съ бронзовыми богами и богинями, съ жертвенниками и съ жадными, по виду далеко не святыми священнослужителями. Молящихся я рѣдко встрѣчалъ въ этихъ храмахъ; главными посѣлительницами были женщины и насколько онѣ готовы жертвовать для боговъ всѣмъ, я убѣдился при ознакомленіи съ исторіей сооруженія упомянутаго храма Хигаши-Хонгванши.

Постройкой этого гигантскаго зданія, одного изъ величайшихъ въ Японіи, было занято множество рабочихъ.

Въ одномъ углу двора лежали два тюка, въ человѣческій ростъ, съ толстымъ чернымъ канатомъ. Подойдя къ нему ближе, я замѣтилъ, что онъ былъ сплетенъ изъ волосъ. Мой проводникъ сказалъ мнѣ, что обыкновенный канатъ слишкомъ слабъ для того, чтобы поднимать огромныя балки на крышу этого большаго зданія и, благодаря тому, что канатъ обрывался, было нѣсколько несчастныхъ случаевъ. Тогда одинъ священникъ предсказалъ, что только канатъ, сплетенный изъ женскихъ волосъ будетъ настолько крѣпокъ, что съ его помощью можно будетъ продолжать работу. И, вотъ, тысячи женщинъ пожертвовали для этой цѣли своими волосами и притомъ въ количествѣ, гораздо большемъ, чѣмъ нужно было. Развѣ у насъ, въ Германіи, найдутся женщины, которыя рѣшились бы на подобную жертву? Развѣ не правы всѣ путешественники, поющіе хвалебныя гимны японкамъ?

Въ храмахъ Кіото больше, чѣмъ гдѣ-либо, можно изучать внутреннюю жизнь японцевъ, направленіе ихъ ума, ихъ суевѣрія и т. под.; кромѣ того, здѣсь такая масса достопримѣчательностей, что одинъ перечень ихъ могъ бы составить цѣлую книгу.

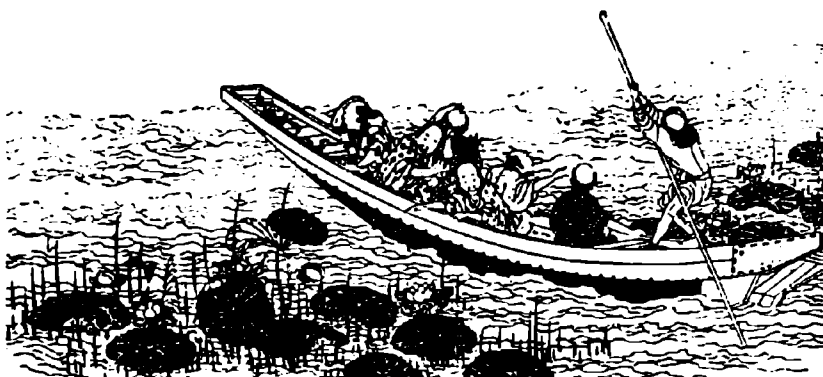
Будда.

Подобно тому, какъ храмы днемъ, такъ множество чайныхъ домовъ Гіона ночью даютъ возможность познакомиться съ нравами японцевъ.

Гіонъ—это спеціальный кварталъ города. Чайные дома по наружному виду значительно уступаютъ богатой Юшиварѣ въ Токио или Иокотамѣ; это невзрачные низенькіе домики, надъ входными дверьми которыхъ по вечерамъ горятъ бѣлые бумажные фонари съ обманчивыми надписями.

Но за то внутри идетъ веселье. Но можно и на улицѣ видѣть это веселье, особенно лѣтомъ, когда Камагава высыхаетъ и населеніе Кіото располагается въ его большомъ каменистомъ руслѣ, или же во время безчисленныхъ празднествъ, когда все населеніе, одѣтое въ пестрые праздничные костюмы, высыпаетъ на улицу. Тогда только убѣждаешься, что Кіото еще живетъ, и что населеніе его такъ-же беззаботно и незамѣнно, какимъ было во времена сіогунуовъ.

Даймонджи.

(Японскій «праздникъ смерти»).

Японія—страна праздниковъ, и ни одна другая страна не сравнится съ нею въ этомъ отношеніи.

Здѣсь каждую недѣлю бываетъ какой-нибудь праздникъ и все не такіе какъ у насъ: напимѣръ, Новый годъ, табельные дни и т. под. Здѣсь бываютъ праздники цвѣтовъ, дѣтскій праздникъ, праздникъ жатвы, праздникъ рѣкъ и лѣсовъ, но больше всего религіозныхъ праздниковъ.

Въ нихъ принимаетъ участіе все населеніе отъ мала до велика; всѣ дома, улицы, сады, площади и храмы въ праздничномъ убранствѣ, точно также и народъ, высыпаящій цѣлыми семьями наружу.

Если иностранцу случится пріѣхать въ Японію въ такой день, то ему покажется, что онъ попалъ на какую-нибудь другую планету,—такъ чужды ему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ оригинальны живыя и пестрыя картины, которыя онъ видитъ здѣсь на каждомъ шагѣ,—картины, не измѣнившіяся въ теченіи всѣхъ столѣтій, потому что внѣшняя сторона европейской культуры усвоена лишь небольшимъ кругомъ населенія, а на внутренней жизни народа она или совсѣмъ не отразилась или - же отразилась крайне слабо.

Въ японскомъ календарѣ, какъ я уже говорилъ выше, больше всего религіозныхъ праздниковъ, буддійскихъ и шинтоистскихъ, хотя низшій слой населенія, при своемъ полномъ невѣденіи и равнодушіи къ религіознымъ вопросамъ, даже не понимаетъ настоящаго значенія этихъ праздниковъ. Съ него довольно и того, что наступаетъ матсури (праздникъ) и можно воспользоваться случаемъ повеселиться, провести весь день на улицѣ, нарядиться въ лучшій костюмъ и пображничать съ родными и знакомыми.

Единственный праздникъ, значеніе котораго понимается всѣмъ населеніемъ, это праздникъ мертвыхъ, или то, что называется у насъ поминовеніемъ усопшихъ.

Хотя новое японское правительство официально возстановило древнюю религію страны—шитоамъ, но народъ еще не отрѣшился отъ буддійскихъ вѣрованій, господствовавшихъ въ Японіи въ теченіи многихъ столѣтій вплоть до реставраціи.

По вѣрованію буддистовъ, души мертвыхъ возвращаются на землю ежегодно въ августѣ мѣсяцѣ и пребываютъ на ней три дня, причемъ посѣщаютъ свои семьи, родину и любимыя мѣста и только на третій день вечеромъ возвращаются къ себѣ въ другой міръ.

Этихъ духовъ нужно, по понятіямъ японцевъ, принять получше, и поэтому ни одинъ праздникъ не празднуется такъ торжественно, какъ праздникъ мертвыхъ, особенно здѣсь, въ древнемъ Кіото.

Когда въ среднихъ числахъ августа я снова пріѣхалъ въ Кіото, послѣ продолжительнаго путешествія по другимъ мѣстамъ, то глазамъ моимъ представился уже не прежній однообразный городъ, а совсѣмъ другой, какихъ-то волшебныхъ красокъ.

На улицахъ, по всѣмъ направленіямъ, видѣлись пестрые флаги, знамена и фестоны; фасады домовъ были разукрашены длинными рядами пестрыхъ фонариковъ разныхъ величинъ и формъ, терраса каждаго дома была декорирована цвѣтами. Цвѣты и бумажныя гирлянды особенно роскошны были на такихъ домахъ, гдѣ въ истекшемъ году былъ смертный случай.

Заглянувъ въ маленькіе домики съ раздвинутыми тонкими стѣнами, я увидѣлъ передъ небольшими семейными алтарями, посвященными памяти умершихъ, благоуханная свѣтильни, легкій дымъ которыхъ струился тонкими нитями, и рядомъ съ ними-маленькія фарфоровыя чашечки съ рисомъ и рисовой водкой,—пищей и питьемъ для мертвыхъ. Въ богатыхъ ящики (дворцахъ), равно какъ и въ бѣдныхъ хижинахъ, въ заднихъ комнатахъ лавченокъ, въ мастерскихъ—вездѣ душамъ умершихъ ставится такое угощеніе и при этомъ не замѣтно было и признака набожности или печали.

По улицамъ двигался народъ въ длинныхъ праздничныхъ нарядахъ; мужчины въ темныхъ кимоно, въ видѣ халатовъ, женщины съ пестрыми зонтиками и вѣрами, дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ и красныхъ нижнихъ юбкахъ, напудренные и нарумяненные, такъ что ихъ лица похожи на кукольные; маленькія, еще пестрѣе наряженные ребяташки въ большомъ количествѣ бродили среди взрослыхъ.

Когда сидя въ своей двухколесной тележкѣ, я, поворачивалъ на перекресткѣ въ какую-нибудь улицу, то общій видъ ея представлялъ собою необыкновенно красивую картину.

Солнечные лучи освѣщали всю эту массу красныхъ, желтыхъ,

синихъ и зеленыхъ зонтиковъ. Тысячи такихъ же пестрыхъ халатовъ, двигающихся взадъ и впередъ, играли на цвѣточныхъ гирляндахъ и пѣрахъ, колыхающихся въ тысячахъ рукъ. Эта разноцвѣтная толпа двигалась между рядами домовъ, точно огромный цвѣтникъ. Когда я въбѣжалъ эту толпу, то всюду встрѣчалъ только веселыя лица, старики весело смотрѣли молодыя дѣвушки, эти очаровательныя мусмэ, хихикали, а парадныя дѣти смѣлялись, прыгали и плясали, какъ будто происходило какое-нибудь веселое торжество, а не праздникъ мертвецовъ.

Большинство публики направлялось къ кладбищу. Тамъ, между длинными рядами совершенно одинаковыхъ надгробныхъ плитъ, воткнуты были, возлѣ каждой могилы, бамбуковые шесты, стволы которыхъ увѣшаны были свѣжими цвѣтами.

Въ этой жизнерадостной толпѣ незамѣтно было ни благоговѣнія, ни страха къ этому мѣсту упокоенія ближнихъ. Смѣясь и весело болтая, бродили они тамъ, замѣняя кое гдѣ увядшіе цвѣты свѣжими, привлаживали пестрые фонарики къ шестамъ или ставили масляныя лампочки на надгробныя плиты, потому что вечеромъ этого, третьяго дня, праздника мертвыхъ душамъ умершихъ надо было освѣтить дорогу въ мрачную страну вѣчности.

Какъ только смерклось, всѣ кладбища, такъ-же какъ улицы и дома, освѣтились яркими разноцвѣтными огнями сначала слабо, а потомъ сильнѣе и сильнѣе. Сотни тысячъ бумажныхъ фонарей горѣли вдоль домовъ, которые также казались большими фонарями благодаря своимъ бумажнымъ стѣнамъ. Къ этому присоединились еще фонари въ рукахъ гуляющей по улицамъ публики и тѣ, которые были прикрѣплены по обѣимъ сторонамъ безшумно двигающихся ручныхъ тележекъ. Вся эта давка представляла собою нѣчто особенное, фантастическое; отсутствіе на улицахъ экипажей и лошадей; своеобразный звукъ хлопающихъ по землѣ деревянныхъ туфель; освѣщенные краснымъ, синимъ или желтымъ цвѣтомъ фонарей фигуры съ странными чертами лица; бѣлыя, раскрашенныя, какъ маски, лица женщинъ,—все это производило впечатлѣніе, будто всѣ эти люди воплощали въ себѣ тѣ души, которыя пришли изъ другого міра и проводили на землѣ послѣдніе часы передъ возвращеніемъ въ невѣдомый міръ душъ, въ Нирванну; мнѣ казалося, будто Кіото изъ живаго города превратился въ городъ привидѣній.

Мнѣ стало какъ-то жутко среди этой многочисленной толпы, среди которой я былъ единственнымъ европейцемъ, и я велѣлъ везти себя домой въ отель „Кіото“, чтобы изъ окна моей комнаты въ верхнемъ этажѣ полюбоваться общимъ видомъ города.

Когда я пришелъ къ себѣ, то изъ окна увидѣлъ огонекъ, мерцающій на черномъ утесѣ, возвышающемся, какъ башня, въ восточной

части города за Маруямой. Этотъ далекій огонекъ колебался, какъ огромный факелъ на крутомъ обрывѣ Даймонджи-ямы; затѣмъ появился другой, третій, и, наконецъ, цѣлыя дюжины ихъ, точно блуждающіе огоньки, замелькали то здѣсь, то тамъ въ вышніѣ, словно освѣщали дорогу на тотъ свѣтъ. Всѣ эти огни, мерцающіе и колеблющіеся отъ дуновенія вѣтра, то потухая, то опять зажигаясь, скоро соединились въ правильные ряды и линіи, которыя соединялись и скрещивались и, наконецъ, образовали китайское слово Дай (немного похожее на закрученную букву А), состоящее изъ огромныхъ огненныхъ линій на высокой горѣ.

Въ то время, какъ тамъ составлялось это огненное слово, на другихъ горахъ появлялись во мракѣ другія огненныя фигуры въ видѣ зигзаговъ молніи, джупковъ, пагодъ, буквъ, арокъ и т. под. Дальше къ западу, вѣроятно на черныхъ склонахъ Араи-яма, появилась огромныхъ размѣровъ арка, или, какъ ее называютъ въ Японіи, тори съ высокими огненными столбами и перекладинами почти такой длины, какъ мостъ. Куда ни взглянешь, вездѣ гигантскія сверхъестественныя огненныя изображенія; на всѣхъ высотахъ, окружающихъ лежащій въ глубокой котловинѣ городъ, и на его улицахъ,—всюду длинныя линіи цѣлыхъ мириадъ разноцвѣтныхъ огней пересѣкаются другими, точно это дѣйствительно души умершихъ, спѣшавшихъ къ этимъ огненнымъ воротамъ. И надъ всѣмъ этимъ нависала темная беззвѣздная ночь.

И только тогда, когда мои глаза освоились съ этимъ страннымъ моремъ огней, я замѣтилъ, что на окружающихъ крышахъ домовъ, на храмахъ и пагодахъ стояли темныя молчаливыя фигуры, точно смертныя оболочки тѣхъ душъ, которыя ходятъ внизу по улицамъ. Но когда зажглись огни гигантской „тори“, и когда засіяло слово „дай“, тогда изъ груди этихъ людей, все время наблюдавшихъ эту феерію съ крышъ, вырвался крикъ восторга, подхваченный кишащей на улицахъ толпой; энтузіазмъ этой экспансивной толпы прорвался и разразился громовыми восклицаніями.

Спустя полчаса, многіе огни начали блѣднѣть и гаснуть, длинныя линіи опять раздѣлились на отдѣльные огоньки, яркое сіяніе превратилось въ красный догорающій жаръ, какъ струящаяся по склонамъ вулкана лава, потомъ и это погасло, оставивъ только кое гдѣ, въ видѣ стѣвѣющихся точекъ, маленькіе огоньки, точно не поспѣвшія за другими души, застрявшія гдѣ-нибудь на дорогѣ.

Потомъ опять наступила темная ночь, но передъ моими глазами долго еще стояли эти огненные знаки; то-же самое бываетъ, когда долго смотришь на солнечный дискъ; его видишь потомъ даже съ закрытыми глазами.

Во истину эти жирные, лѣнныя, предприимчивые буддійскіе бонзы знаютъ народъ и умѣютъ поддерживать въ немъ интересъ къ

великолѣпію храмовъ. Цѣлыя столѣтія монахи находящихся на окружающихъ Кіото горахъ монастырей наставляли все безобидное население окрестныхъ деревень таскать, въ теченіи круглаго года, полѣнья дровъ и складывать ихъ по склонамъ горъ такъ, чтобы изъ нихъ составились опредѣленные фигуры. Можно себѣ представить, какую массу дровъ надо было перетаскать, когда каждая изъ длинныхъ линій слова „дай“ равняется двумъ третямъ километра...

Я снова вышелъ на улицу и смѣшался съ толпой, направлявшейся къ широкому руслу Камогавы. Камогава, представляющая собою нѣ жаркое время года безводное, каменистое русло рѣки въ самомъ центрѣ Кіото,—въ то-же самое время служитъ мѣстомъ сборищъ и увеселеній. На этотъ разъ въ серединѣ русла протекаетъ довольно значительный ручеекъ, такъ что веселая толпа народа могла наслаждаться гуляньемъ и на водѣ и на сушѣ.

Когда я вышелъ изъ длинной и переполненной народомъ улицы на мостъ Камогавы, то невольно остановился ослѣпленный арѣлищемъ русла этой рѣки. Мнѣ казалось, что передо мной огромный бальный залъ, въ которомъ происходитъ веселый маскарадъ, гораздо живѣе, блестяще и великолѣпнѣе, чѣмъ европейскіе балы въ сезонъ карнавала.

На обоихъ берегахъ рѣки почти непрерывно тянулись ряды чайныхъ домовъ, ресторановъ, лавокъ, театровъ, болѣе или менѣе открытых со стороны рѣки и освѣщенныхъ безчисленнымъ количествомъ разноцвѣтныхъ фонарей. Такіе-же балаганы, почти сплошь устланные фонарями, находились и въ самомъ руслѣ рѣки, и между этими балаганами и тѣми, которые расположены на берегу, висѣли арки изъ фонарей; даже вдоль самаго ручья протянуты были цѣпи фонарей; фонарями украшены также открытыя эстрады, на которыхъ подвизаются танцовщицы, актеры и фокусники, фонари болтаются на подкахъ, въ которыхъ катается публика по рѣкѣ, и мелькаютъ въ рукахъ гуляющей публики; всюду жизнь, краски, свѣтъ, движеніе, смѣхъ, пѣніе, музыка,—и все это на протяженіи квадратнаго километра.

Но это еще не все.

Медленно пробирался я черезъ мостъ къ самой веселой улицѣ „снятаго“ японскаго города, къ Терамаджидори, гдѣ каждый домъ посвященъ веселію. Надъ всей улицей висятъ бамбуковыя цыновки, прикрѣпленныя къ лѣсамъ, и съ этихъ потолковъ и съ карнизовъ домиковъ спускается множество керосиновыхъ лампъ, стеклянныхъ и бумажныхъ фонарей, такъ что на улицѣ свѣтло, какъ днемъ. Чайные дома, переполненные актерами, гейшами, пѣвцами и танцовщицами, и въ будни привлекаютъ къ себѣ жизнерадостный народъ, а тѣмъ болѣе сегодня, въ день великаго матсури—праздника мертвыхъ! Каждое заведеніе, каждый чайный домъ, каждое мѣстечко было переполнено веселыми людьми, пришедшими полюбоваться представленіями артистовъ.

Ни въ одномъ японскомъ городѣ нѣтъ такихъ красивыхъ гейшъ, такихъ хорошихъ танцовщицъ и такихъ ловкихъ акробатовъ и фокусниковъ; и всѣ эти тысячи артистовъ исполняютъ сегодня свои лучшіе номера.

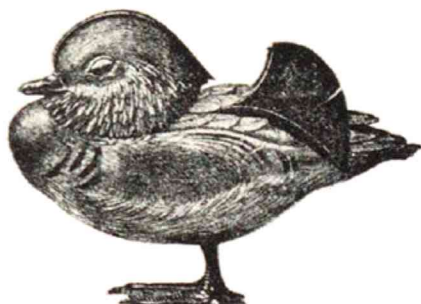
Японцы очень любятъ пикники; и, вотъ, нѣсколько семействъ соединились вмѣстѣ, чтобы въ руслѣ Камогавы провести вечеръ на свѣжемъ воздухѣ; они пригласили гейшъ, чтобы тѣ увеселяли ихъ танцами и пѣніемъ. Такія живописныя группы попадались тутъ на каждомъ шагу. Зрители усаживаются, на землѣ на корточкахъ, въ кружокъ; съ ними и одѣтыя по праздничному дѣти (даже самыя маленькія должны быть въ такихъ случаяхъ); они ѣдятъ палочками сласти, рисовые пряники и засахаренные фрукты, попивая въ то-же время сакѣ или покуривая маленькія трубки; среди нихъ сидятъ молоденькія, фантастически одѣтыя дѣвушки съ японской гитарой, флейтой и барабаномъ и въ то время, какъ онѣ играютъ, здѣшнія знаменитыя гейши танцуютъ „бонодори“, т. е. религіозный танецъ, заключающійся, главнымъ образомъ, въ движеніяхъ корпуса и перемѣнѣ позъ, по всей вѣроятности буддійскаго происхожденія. Такія картины попадаютъ здѣсь на каждомъ шагу; кое гдѣ образуя кругъ танцуютъ и зрители вмѣстѣ съ гейшами. Всюду пѣніе, треньканье гитары, барабанный бой, звонъ стакановъ, смѣхъ, движеніе.

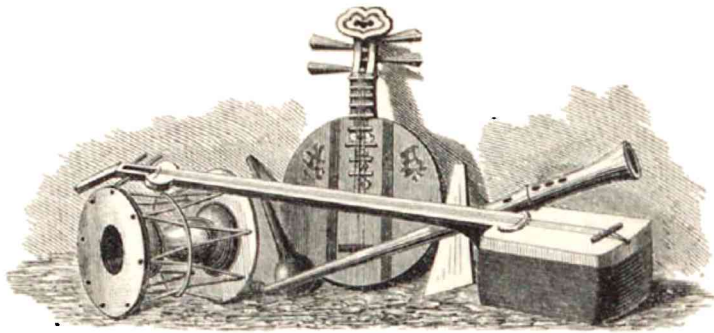
Между тѣмъ, хорошенькія японскія дѣвушки въ живописныхъ праздничныхъ нарядахъ, съ цвѣтами и бабочками въ волосахъ, прогуливаются подъ руку взадъ и впередъ, шутятъ съ знакомыми, осыпаютъ цвѣтами проѣжающія мимо лодки; дѣти окружаютъ разносчиковъ со сладостями, восхищаются ловкостью фокусниковъ и смѣются подычасъ слишкомъ безцеремоннымъ шуткамъ рассказчика сказокъ. Среди этихъ десятковъ тысячъ японцевъ не было ни одного европейца и даже ни одного японца, одѣтаго въ европейское платье; это было вполне японскій языческій праздникъ, и кто имѣлъ случай видѣть этотъ или какой-нибудь другой японскій праздникъ даже въ открытыхъ европейцамъ городахъ, у того сложится своеобразное понятіе о „европейской“ культурѣ. Неужели-же вся европейская культура заключается въ желѣзныхъ дорогахъ и пушкахъ? Не относится-ли къ ней и христіанство и нравственность?

Но въ числѣ всѣхъ японцевъ, веселившихся въ широкомъ руслѣ Камогавы, не было ни одного христіанина; о нравственныхъ понятіяхъ и говорить нечего.

Правда, легкомысленныя, распущенныя гейши были покрыты одеждой съ головы до пятъ, но танцы ихъ, по временамъ, были очень безнравственны и хуже всего то, что онѣ продѣлывали все это въ присутствіи семейныхъ людей и что это видѣли молодыя дѣвушки и дѣти! И всѣ они внимательно смотрѣли такія представленія, наивно

улыбаясь всякой безцеремонной выходкѣ. Въ характерѣ этого страннаго племени есть еще не мало варварства, и хотя ихъ празднества очень красивы, блестящи и живописны и восхищаютъ европейцевъ, но, все таки, при этомъ ярко бросается въ глаза та бездна, которая лежитъ между нами, христіанами Запада, и этими восточными язычниками. Пройдетъ еще не мало времени, пока эта бездна исчезнетъ.

Японскія мусмѣ.

Вотъ ужъ, дѣйствительно, веселыя женщины!

Насмѣшливыя, кокетливыя, красивыя и нѣжныя,—это очаровательнѣйшія созданія, точно созданныя для того, чтобы улаживать мужчинамъ жизнь.

Если вы спросите любого всемірнаго путешественника, какая страна нравится ему больше всего, то онъ навѣрное отвѣтитъ вамъ:— „конечно Японія!“ Если-же вы спросите его, что ему больше всего понравилось въ Японіи, то онъ непременно скажетъ: „несомнѣнно здѣшнія женщины“.

Оригинальнѣе всего то, что путешественникъ знакомится здѣсь, въ сущности, съ самымъ незначительнымъ процентомъ японокъ. Какъ въ другихъ азіатскихъ странахъ, такъ и здѣсь женщины высшихъ классовъ живутъ внѣ общественной жизни; онѣ очень рѣдко показываются на улицѣ или въ обществѣ, и тѣ изъ нихъ, съ которыми знакомятся европейцы, занимаютъ какое-нибудь офиціальное положеніе: это жены министровъ, аристократовъ и придворныхъ сановниковъ; но эти женщины, большей частью, примкнули къ „европейской“ Японіи; онѣ франтятъ въ шляпкахъ съ перьями и корсажахъ, носятъ башмаки на каблукѣхъ, говорятъ на иностранныхъ языкахъ и танцуютъ вальсъ и кадрили.

Европеецъ можетъ прожить цѣлые годы въ разныхъ мѣстахъ этой прелестной страны, но познакомится онъ только съ женщинами изъ народа:—съ продавщицами и лавочницами, съ хозяйками и служанками чайныхъ домовъ, съ пѣвицами, танцовщицами и др. Если какой-нибудь японецъ изъ высшаго общества приглашаетъ его на обѣдъ, то онъ устраиваетъ его не у себя дома, а въ какомъ-нибудь чайномъ домѣ и, вмѣсто хозяйки дома и ея дочерей, ихъ развлекаютъ дѣвушки, которыхъ нанимаютъ на часы; онѣ принимаютъ гостей, ухаживаютъ

за ними и развлекаютъ ихъ шутками, пѣніемъ и танцами. Въ сущности, японки должны, быть очень благодарны этимъ изящнымъ дѣвкамъ, такъ какъ неизвѣстно еще, пользовались-ли бы онѣ въ Европѣ такой лестной репутаціей, если-бы знакомство съ ними было и тутъ такъ же доступно, какъ, напримѣръ, съ женщинами всѣхъ классовъ въ Америкѣ. Можетъ быть, мнѣніе европейца о нихъ измѣнилось-бы, если-бы японцы, въ подражаніе европейцамъ, допустили въ магазины, отели и чайные дома пожилыхъ женщинъ, порядочныхъ, солидныхъ хозяекъ дома и неопытную деревенскую прислугу. Но во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ европейца встрѣчаютъ исключительно молодыя изящныя дѣ-

Японки—музыкантши.

вушки въ возрастѣ отъ десяти до семнадцати, а самое большее—до двадцати лѣтъ; онѣ такія-же воздушныя и хорошенькія, какъ фарфоровыя фигурки, съ тою только разницею, что щедрая судьба надѣлила ихъ жизнью.

Вся Японія, съ ея провинціальными гостиницами и чайными домами, похожа на одинъ огромный пансіонъ для дѣвицъ и нужно быть самымъ безпадежнымъ, сухимъ и ученымъ педантомъ, чтобы не закружиться въ этомъ водоворотѣ веселья и игривой болтовни. Какъ только вы прѣѣзжаете въ какую-нибудь провинціальную гостиницу, къ вамъ сейчасъ-же подбѣгаютъ три, четыре или пять маленькихъ смѣшныхъ дѣвушекъ и бросаются передъ вами на полъ. Съ неподражаемой граціей опускаются онѣ на колѣни и откидываются корпусомъ назадъ, т. е. по-просту садятся прямо на икры и затѣмъ кланяются

такъ низко, что носики ихъ почти касаются пола. Затѣмъ онѣ быстро встаютъ, съ очаровательной улыбкой отбираютъ у пріѣзжаго его багажъ и всѣ вещи и пододвигаютъ ему мягкую подушку, на которую онѣ должны сѣсть. Снова къ его ногамъ опускается одна изъ дѣвушекъ и снимаетъ съ него сапоги. Даже совѣстно, что такія крохотныя ручки берутъ эти тяжелые, неуклюжіе и грязные сапоги! Но тутъ уже не поможетъ никакое сопротивленіе. Лукаво посмѣиваясь, ведутъ онѣ гостя по блестящимъ, вычищеннымъ циновкамъ или по деревянному полу, отполированному какъ крышка рояля, сдвигаютъ въ четвероугольникъ нѣсколько деревянныхъ рамъ съ натянутой бѣлой бумагой, — и вы въ своей комнатѣ.

Конечно, тутъ нѣтъ ни дверей, ни номера, ни замка, ни, вообще, какого-нибудь запора. Эти ширмы ежеминутно раздвигаются маленькими, вѣчно улыбающимися дѣвушками. Дѣвица „Солнечный свѣтъ“ приноситъ кимоно, этотъ удобный, общій для всѣхъ костюмъ; другая дѣвица, которую зовутъ „Маковымъ цвѣтомъ“, готовитъ постель, третья—„Весна“—готовитъ ванну и даже помогаетъ раздѣваться. Что за наивность!

Одиссей на своемъ островѣ не былъ такъ хорошо обставленъ, какъ пріѣзжіе въ Японію: можно себя вообразить единственнымъ мужчиной въ царствѣ молодыхъ, прекрасныхъ женщій.

Когда послѣ купанья вы закутываетесь въ кимоно, то вамъ сервируютъ завтракъ. Одна изъ дѣвицъ приноситъ „табакомонъ“ съ „хибаджи“, т. е. ящичекъ съ пылающими угольями и пепельницу, потому что здѣсь предполагается, что всѣ курятъ. Затѣмъ вамъ приносятъ крошечный, низенькій столикъ со всевозможными японскими яствами и съ необходимыми чаемъ (по японски: ча). Столовъ, стульевъ и креселъ, какъ у насъ, конечно, не полагается; за-то имѣется множество мягкихъ подушекъ, разбросанныхъ по полу, и надо научиться сидѣть на своихъ собственныхъ якрахъ. Маленькія мусмэ безшумно двигаются взадъ и впередъ, поправляютъ бѣлоснѣжныя палочки, которыя здѣсь употребляютъ вмѣсто ножей, ложекъ и вилокъ, наливаютъ изъ фарфоровыхъ графинчиковъ теплый саке въ чашечки, и, вообще, всячески стараются быть полезными.

Ничего нельзя сдѣлать безъ того, чтобы при васъ не была какаго-нибудь мусмэ,—даже въ такихъ случаяхъ, когда нужно быть одному.

Онѣ ходятъ по вашимъ пятамъ, какъ тѣнь Петра Шлемиля. *).

— Не угодно-ли вамъ послушать музыку?

— Конечно, съ удовольствіемъ.

— Аригато (спасибо).•

Тотчасъ же появляются двѣ хорошенькія молодыя дѣвушки,

*) Шамиссо—«Петръ Шлемиль».

одна другой лучше и наряднѣе. Онѣ усаживаются у бумажной стѣны, берутъ въ руки самизень и кото (цитру) и безпрестанно перебираютъ струны.

— Не угодно ли вамъ посмотрѣть танцы?

— Съ удовольствіемъ.

Являются танцовщицы, фантастически одѣтыя въ богатыя, сверкающія платья и танцуютъ.

Наступаетъ ночь.

Отуманенные любезнымъ пріемомъ, улеглись мы, наконецъ, на жесткіе матрацы между четырьмя бумажными стѣнами и положительно пробуемъ себя ущипнуть, чтобы убѣдиться въ томъ, что все это не сонъ, что эта привольная жизнь—дѣйствительность.

Снаружи, на верандѣ, въ цвѣтномъ фонарѣ горитъ огонь; издалека доносится пѣніе, веселый смѣхъ и звуки самизена; временами на просвѣчивающихъ ширмахъ мелькаетъ какая-нибудь тѣнь.

Кто это спитъ въ сосѣдней комнатѣ?

Стоитъ только слегка раздвинуть ширмы, чтобы увидѣть. Впрочемъ, можно обойтись и безъ этого, такъ какъ бумагу легко проткнуть пальцемъ.

Такъ и есть, насъ предупредили.

Послышался трескъ прорванной бумаги, въ отверстіи показался пальчикъ, потомъ исчезъ, а вмѣсто него оттуда смотритъ блестящій, черный, любопытный глазъ.

Кракъ!

Еще одно отверстіе, еще одинъ глазъ.

Какъ, однако, любопытны эти японки!

Съ другой стороны, изъ смежной комнаты, послышался вздохъ и легкое постукиванье, точно капельмейстеръ стучитъ своей палочкой по пюпитру. Легкій запахъ табаку проникаетъ къ намъ черезъ щели. Насъ также разобрало любопытство.

Кто-бы тамъ былъ?

Осторожно и безшумно прорѣзываемъ мы перочиннымъ ножомъ небольшое отверстіе въ самомъ низу, у пола, и видимъ мусмэ, сидящую на корточкахъ передъ своимъ матрацомъ въ самомъ легкомъ костюмѣ; передъ сномъ она куритъ крохотную трубку, величиной не больше карандашика, съ насаженнымъ на него наперсткомъ. Она разъ, другой, потянетъ, потомъ вытряхнеть ее, постукивая о жаровню, и затѣмъ опять вкладываетъ въ наперстокъ табакъ, свернутый пальцами въ горошину. Такимъ образомъ, выкуриваетъ она пять, шесть трубокъ, потомъ ложится на свой матрацъ, предварительно осторожно подложивъ себѣ подъ затылокъ деревяшку, вмѣсто подушки, чтобы не испортить старательно-сдѣланной прически, и, наконецъ, натягиваетъ на свое крохотное тѣло толстое цвѣтное одѣяло.

Спокойной ночи! Подозрѣваетъ-ли она, что подлѣ нея находится европеецъ? Слышала-ли она его вздохъ? Вѣдь, не всѣ японки любопытны. Она уснула.

На слѣдующій день утромъ та же исторія.

Въ Японіи не принято стучать въ дверь и дожидаться позволенія войти. Въ самый неудобный моментъ вашего одѣванья ширмы раздвигаются, и къ намъ, вмѣстѣ съ ласкающими лучами солнца, входитъ улыбающаяся дѣвица „Весна“. Ванна, завтракъ и все прочее готово. Въ это время матрацы сворачиваются и уносятся, ненужныя принадлежности костюма и другія вещи прячутся въ чемоданы, ширмы раздвигаются, полъ чистится и полируется, какъ зеркало, и нигдѣ не видать ни пылинки.

Обѣдаемъ мы вмѣстѣ съ японцами и японками. „Чау“ (т. е. кушанья) подаются среди комнаты на маленькихъ столикахъ съ глубокими, церемонными поклонами, точно всѣ гости—коронованныя особы.

Большая, низкая комната со всѣхъ сторонъ открыта; спереди видна улица, сзади садикъ съ тщательно расчищенными дорожками, зеленымъ деревомъ и странно подрѣзанными деревьями. Въ серединѣ его, какъ разъ передъ нашимъ „табльд’отомъ“, расположенъ небольшой бассейнъ съ чистой водой, окруженный искусственными скалами. Въ то время, какъ мы обѣдаемъ, является японецъ, направляется черезъ садъ прямо къ бассейну, сбрасываетъ съ себя кимоно и совершенно голый входитъ въ воду. Окунувшись нѣсколько разъ, онъ вылѣзаетъ опять на землю, становятся въ присутствіи женщинъ, дѣвушекъ и четырнадцати-пятнадцатилѣтнихъ мусмэ и вытираетъ полотенцемъ свое мокрое тѣло.

Сколько было бы возгласовъ: „ахъ“, „shocking“! Сколько обмороковъ и сколько потребовалось бы нюхательныхъ солей, носовыхъ платковъ и пр., если-бы такой казусъ произошелъ у насъ въ Европѣ!

Здѣсь же никто не обращаетъ на него вниманія; на него смотрятъ такъ же равнодушно, какъ на деревья, на небо, и никто не останавливаетъ на немъ своего взгляда; ни одна пара глазъ не опускается стыдливо. И когда купальщикъ, наконецъ, присоединяется къ намъ, чтобы принять участіе въ „тиффинѣ“ (tiffin—второй завтракъ), то обмѣнивается со всѣми церемонными поклонами.

Мы собираемся уйти изъ гостиницы. Передъ приподнятымъ поломъ большаго зала (который, собственно, и есть гостиница), среди множества „гета“, т. е. японскихъ деревянныхъ башмаковъ, стоятъ и наши сапоги.

Маленькія дѣвушки услужливо подбѣгаютъ къ намъ, чтобы помочь намъ одѣть нашу обувь, и когда мы собираемся уходить, онѣ опять бросаются на полъ и съ поклонами и улыбками говорятъ намъ вслѣдъ: „сайанара, сайанара“ (до свиданья).

Эти мусмэ—однѣ изъ наиболѣе скромныхъ женщинъ, съ которыми

европейцу приходится встрѣчаться въ Японіи. Слѣдующій, высшій разрядъ — „майко“ и „гейши“.

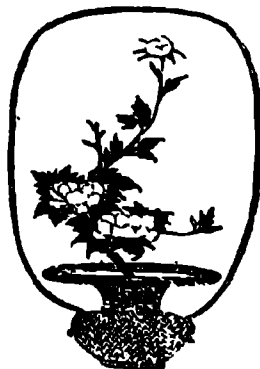
Больше всего ихъ въ Токио и Киото, т. е. въ новой и старой столицахъ, а самыя искусныя и знаменитыя въ странѣ находятся въ Осакѣ и Нагойѣ. Онѣ не подвизаются въ опредѣленныхъ театрахъ, клубахъ, чайныхъ домахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, какъ наши народныя пѣвицы, балерины, субретки и т. д.; онѣ также не соединяются въ товарищества, странствующие труппы, дающія представленія въ театрахъ „Variété“, въ кафе-шантанахъ и пр., но живутъ въ разныхъ частяхъ города у своихъ учителей или родителей и ихъ приглашаютъ лишь на опредѣленные часы къ какому-нибудь торжеству.

Самыя молоденькія изъ нихъ — майко (танцовщицы) и только послѣ того, какъ онѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъярядъ веселятъ мужчинъ своими танцами, майко становятся гейшами (пѣвицами).

Въ этой роли онѣ пребываютъ до двадцати или самое большее — до двадцати пяти лѣтъ, а потомъ исчезаютъ, чтобы уступить мѣсто другимъ, помоложе.

Майко и гейши составляютъ исключительную особенность Японіи. Я видѣлъ подобныхъ, хотя и не такихъ очаровательныхъ профессиональныхъ увеселительницъ въ Китаѣ и Корей, но больше ни въ какомъ мѣстѣ земнаго шара. Безъ нихъ нельзя себѣ представить Японіи.

Въ то время, какъ въ отеляхъ и чайныхъ домахъ разные мусмэ заботятся о личныхъ удобствахъ посѣтителей, майко развлекаютъ ихъ танцами и драматическими представленіями, а съ гейшами можно очень пріятно провести время въ разговорахъ и шуткахъ, такъ какъ онѣ очень интеллигентны и получаютъ классическое образованіе. Къ тому-же всѣ три разряда этихъ дѣвицъ, т. е. мусмэ, майко и гейши отличаются молодостью и красотой.

Гейши *).

Гейша, по понятіямъ европейцевъ, какъ они въ послѣдніе годы привыкли видѣть ее на сценѣ въ опереткѣ такого-же названія, совсѣмъ не такова, какою она бываетъ у себя на своей прекрасной родинѣ.

У нихъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ одинаковаго названія.

На европейской сценѣ нельзя даже приблизительно изобразить этихъ изящныхъ, хорошенеккихъ куколокъ, улаждающихъ жизнь мужчинъ у себя на родинѣ, помогающихъ имъ проводить самымъ пріятнымъ образомъ вечера, замѣняющихъ имъ при трапезахъ женъ и неадѣ служащихъ олицетвореніемъ ума, красоты, веселья, молодости и остроумія!

Если-бы наши гейши на сценѣ хотѣли вѣрно изобразить свои японскія модели, то, прежде всего, ни одна изъ нихъ не должна была-бы быть выше нашей самой маленькой субретки, ни одна не должна была-бы быть старше двадцати лѣтъ и вѣсить больше самаго легкаго парнишки.

Самыя маленькія дамы нашего театральнаго міра, которыя хоть до нѣкоторой степени похожи на японскихъ гейшъ,—это ученицы кордебалета, пока онѣ еще не выступали на сцену; но и онѣ похожи

*) Гейша—свободная пѣвица-музыкантша, необходимая и непобѣдная принадлежность всякихъ обѣдовъ и пировъ какъ туземнаго, такъ и европейскаго общества. Распространенное о нихъ въ Европѣ мнѣніе далеко невѣрно. Намъ ни разу не приходилось ни видѣть, ни слышать, во время нашихъ странствованій по Японіи, чтобы настоящая гейша, будучи всегда непремѣннымъ членомъ всякаго веселья, не сохраняла въ то же время своего женскаго достоинства! Какъ справедливо выразился о нихъ нашъ соотечественникъ д-ръ Корсаковъ, гейша столь-же честно зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба даннымъ ей отъ Бога талантомъ, какъ и собратья ея по искусству, разгоняя и утѣшая людскую печаль, вставляя задумываться безпечную молодость, воскрешая предъ нею величавые образы витавшей родной страны, отвояда хоть на время людей зрѣлаго возраста отъ ихъ гнетущаго алободневнаго труда и засасывающаго болота жестокой дѣйствительности... О гейшахъ см. также главу «Въ царствѣ веселыхъ сновъ» въ моей книгѣ «Японія и японцы», стр. 526—543.

на нихъ только молодостью и фигурой, но все, чему онѣ учатся, чтобы граціозно исполнять всякія движенія на сценѣ и за кулисами,—ихъ японскія коллеги давно оставили позади себя.

Развѣ какая-нибудь европейская пѣвица выступаетъ публично раньше восемнадцати лѣтъ? А, между тѣмъ, въ Японіи въ этомъ возрастѣ она думаетъ уже о томъ, что ей пора уйти со сцены.

Въ то время, какъ наши гейши должны пѣть по нотамъ и декламировать разъученные діалоги,—японская гейша должна блистать находчивостью, остроуміемъ, она должна играть, кокетничать не по программѣ, или по правиламъ какого-либо кодекса, а такъ, какъ ей под-

Японскія пѣвицы.

скажетъ ея живой, шаловливый темпераментъ. Даже въ вопросахъ любви и всего, что ея касается, объ эти гейши совсѣмъ не схожи.

Говорятъ, что языкъ любви вездѣ одинаковъ и всѣмъ равно понятенъ. Это можно сказать про Европу, но не про восточную Азію. Европейская гейша способна на истинную любовь и преданность, а японская способна на преданность, но не на истинную любовь. У этихъ куколокъ странное сердечко; оно не больше и не меньше, чѣмъ у нашихъ актрисъ, но въ немъ нѣтъ ничего, какъ въ пустомъ кошелькѣ; если въ него положить монеты,—оно звенить. Если-же гейша получаетъ деньги,—она поетъ, поэтому ея сердце не знаетъ иной любви, кромѣ такой, за которую платятъ деньги; но и эта любовь здѣсь не такая, какъ у насъ.

Какое огромное значеніе имѣетъ у насъ взглядъ, незамѣтное руко-

пожатіе! Какой-нибудь маленькой гейшѣ въ Токио или Кіото можно подмигивать сколько угодно, можно очень крѣпко жать ей руки, но все это напрасно:—она ничего не пойметъ.

Она даже не понимаетъ значенія поцѣлуя, и если какой-нибудь усатый европеецъ хочетъ прикоснуться къ ея губамъ, то ей кажется, что онъ сотретъ съ ея губъ краску. Тутъ нѣтъ ни веселой пикировки, ни любовнаго воркованія; она, вообще, не признаетъ ничего вполонину.

Въ опереткѣ также принимается во вниманіе непониманіе японцами значенія поцѣлуя (напримѣръ, въ красивомъ дуэтѣ), но тутъ, все таки, гейша и ея возлюбленный—европеецъ обнимаются, какъ будто въ Японіи все это дѣлается такъ-же, какъ въ другихъ странахъ. Но въ Японіи нѣтъ объятій, точно также, какъ нѣтъ поцѣлуевъ и рукопожатій.

Во всей японской литературѣ, какъ поэтической, такъ и прозаической, не упоминается ни о чемъ подобномъ, даже тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о самой горячей любви. Когда мужъ съ женой, дѣти съ родителями, женихъ съ невестой свидится послѣ долголѣтней разлуки, то ихъ любовь и радость свиданія никогда не выражается такимъ образомъ.

Любовь не выражается тамъ и словами, какъ мы безпрестанно слышимъ въ опереткѣ.

Въ японскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ такихъ ласкательныхъ словъ, какъ, напримѣръ: „милая“, „душечка“, „голубушка“ и т. под., которыми такъ изобилуютъ европейскіе языки.

Даже интонація голоса не мѣняется у влюбленныхъ, когда они бываютъ вмѣстѣ.

Въ одной японской балладѣ, называемой „Шантокумару“, которая здѣсь такъ-же любима и популярна, какъ любовныя поэмы нашихъ великихъ поэтовъ, я нашелъ очень своеобразное выраженіе нѣжности.

Рѣчь идетъ о двухъ разлученныхъ жестокой судьбою влюбленныхъ, которые странствуютъ по всей странѣ во взаимныхъ поискахъ и, наконецъ, неожиданно находятъ другъ друга въ храмѣ Кіюмидау. Какой поэтъ не заставитъ своихъ влюбленныхъ броситься другъ другу въ объятія въ экстазѣ счастья, со слезами на глазахъ, причемъ они не въ силахъ будутъ оторваться другъ отъ друга въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, если, впрочемъ, отъ волненія они не упадутъ въ обморокъ или совсѣмъ замертво! Въ японской-же балладѣ влюбленные сначала молча смотрятъ другъ другу въ глаза, затѣмъ садятся на икры и слегка... гладятъ другъ друга.

Но если Японія не знакома любовь со всякими нѣжностями, то почему-же всѣ европейцы, пріѣзжающіе въ Японію, такъ восхищаются гейшами? Въ опереткѣ этотъ недостатокъ проявленій нѣжности замѣнили европейскими, и это выходитъ очень мило, но все-же это не по японски.

Чѣмъ-же беретъ японская гейша?

Японца она очаровываетъ своимъ умомъ, живостью, литературными познаніями, музыкой и пѣніемъ. Европейцу ея живость и умъ непонятны, потому что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ владѣетъ онъ ея языкомъ; музыка, которую гейша производитъ на своей гитарѣ, страшно скучна и нехороша, а что касается ея пѣнія, то оно можетъ довести до слезъ. Такое мяуканье даже со стороны самой красивой гейши производило-бы на европейской сценѣ впечатлѣніе кошачьяго концерта.

Европейца подкупаютъ, такимъ образомъ, не ея выученныя познанія, а ея естественныя совершенства, т. е. молодость, юность, живость. Если она даже не такъ красива, все же въ ней есть какая-то притягательная сила. Она производитъ на европейца такое глубокое впечатлѣніе еще потому, что въ Японіи онъ почти не видитъ другихъ женщинъ, даже при продолжительномъ пребываніи въ странѣ.

Японцы прячутъ своихъ женъ и дочерей; если вы приходите къ японцу въ гости, то васъ принимаютъ исключительно мужчины, но если вы съ ними часто видаетесь и будете интимнѣе, то можетъ случиться, что когда-нибудь вамъ представятъ жену или даже дочь. Но послѣ нѣсколькихъ словъ привѣтствія, женщины опять удалятся и показываются только при прощаньи, чтобы броситься передъ гостемъ на четвереньки.

Длинныхъ бесѣдъ съ ними вести не полагается, и если вы вздумаете сказать женщинамъ комплиментъ насчетъ ея наружности или костюма, то это сочтется большой обидой.

Впрочемъ, бесѣда съ ними не принесла бы ничего, кромѣ разочарованія, потому что японскія женщины высшихъ классовъ до недавняго времени, да и теперь еще въ провинціяхъ, удаленныхъ отъ городовъ, въ которые проникла европейская культура, были совершенно въ сторонѣ отъ общественной жизни. Онѣ рождаются, учатся въ дѣтствѣ, наряду съ умѣніемъ хозяйничать, развѣ только составлять букеты изъ цвѣтовъ, вышивать и готовить чай съ „церемоніей“. Онѣ выходятъ замужъ, въ двадцать пять лѣтъ отцвѣтаютъ и умираютъ вѣрными, преданными женами и хорошими матерями, но умъ у нихъ остается неразвитымъ, у нихъ нѣтъ никакихъ познаній, и поэтому онѣ не могутъ блистать въ обществѣ разговорами и у себя дома удовлетворять въ этомъ отношеніи мужей.

Этого-то недостатка и пополняютъ гейши.

По своей профессіи онѣ развлекаютъ и увеселяютъ публику за извѣстную плату въ часъ, днемъ или вечеромъ.

Если какой-нибудь японецъ послѣ цѣлаго дня работы захочетъ вечеромъ развлечься, то онъ приглашаетъ гейшу; если онъ хочетъ устроить друзьямъ ужинъ, то въ немъ принимаютъ участіе не его

жена и дочери или женщины изъ семьи какого-нибудь приглашеннаго гостя, а, опять таки, гейши: онъ приглашаетъ за плату нѣсколько гейшъ съ ихъ прислужницами и проводитъ вечеръ со всѣмъ этимъ обществомъ въ какомъ-нибудь чайномъ домѣ.

Маленькія, изящныя мусмэ (прислужницы) чайнаго дома на четверенькахъ встрѣчаютъ гостей у входа и приводятъ ихъ въ залъ, гдѣ все приготовлено къ ужину. Если среди гостей есть европейцы, то онѣ снимаютъ съ нихъ своими нѣжными пальчиками обувь. Когда все общество въ сборѣ, всѣ усаживаются въ обычныя свои позы (на икры) на полу среди комнаты, гдѣ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ, и мусмэ приносятъ кушанья и напитки, ставятъ ихъ передъ гостями на маленькіе столики, уносятъ всю грязную посуду,—словомъ исполняютъ всѣ обязанности лакеевъ. Затѣмъ выходятъ молоденькія майко (танцовщицы) и, наконецъ, гейши. Онѣ перебираютъ струны своихъ гитаръ, поютъ, изображаютъ разные драматическіе танцы или сцены изъ историческихъ драмъ, совершенно ненатуральные и непонятные европейцу, какъ ихъ пѣніе и музыка. Въ антрактахъ же эти наемныя дѣвицы подсаживаются къ гостямъ, угощаютъ ихъ рисовымъ виномъ, шутятъ и болтаютъ съ ними и блистаютъ своимъ умомъ, живостью, весельемъ и красотой, но совсѣмъ не той красотой, какую мы привыкли видѣть у нашихъ балеринъ въ коротенькихъ юбочкахъ или пѣвицъ изъ кафе-шантана. Тутъ вы не увидите оголенныхъ рукъ и шеи, ни даже ножки въ атласной туфелькѣ и шелковомъ трико; у японскихъ гейшъ остаются открытыми только ихъ накрашенные и напудренные личики. Ихъ фигурки тонутъ въ просторныхъ, длинныхъ, расшитыхъ золотомъ кимоно, а если при быстрыхъ движеніяхъ оконечности бываютъ видны, то эти тоненькія ручки, кривыя, голыя бедра и ноги, одѣтыя въ неуклюжіе короткіе шерстяные чулки и обращенныя пальцами внутрь, производятъ очень невыгодное впечатлѣніе.

Ихъ платье также играетъ немаловажную роль въ танцахъ. Гейши умѣютъ необыкновенно ловко придавать имъ живописный видъ какими-нибудь красивыми складками; онѣ какъ будто вселяютъ въ нихъ жизнь и выраженіе, подходящее къ данному положенію.

Такимъ образомъ, проходитъ день и часть ночи, и когда подвыпившее общество поднимается, наконецъ, съ мѣста, то хозяину шра подается счетъ, т. е. кусокъ бумаги шириною въ одинъ футъ и длиною въ два-три фута, гдѣ высчитано все до мелочей. Въ этомъ счетѣ рѣшительно ничего не забыто и иногда онъ бываетъ очень курьезенъ. Стоимость параднаго обѣда простирается до 300—400 марокъ (120—160 р.). При этомъ вручается значительное вознагражденіе и гейшамъ. Эти дѣвицы почтительно падаютъ ницъ передъ присутствующими, почти касаясь носиками пола, и уѣзжаютъ на своихъ рикшахъ по домамъ.

На слѣдующій день ихъ приглашаютъ на такой же пиръ въ какой-

нибудь другой чайный домъ; и такъ, изо дня въ день, проходятъ у этихъ профессиональныхъ японскихъ прелестницъ недѣли, мѣсяцы и цѣлые годы. Ихъ искусство, въ концѣ карьеры, достигаетъ совершенства, но ихъ молодость, а съ нею и красота проходятъ, и если гейша въ теченіи своей недолговременной славы не сумѣла найти себѣ мужа, то она удаляется въ частную жизнь и занимается обученіемъ маленькихъ дѣвочекъ всѣмъ искусствамъ гейшъ.

Но гейши часто выходятъ замужъ; японцы гораздо снисходительнѣе къ прошлому этихъ особъ, чѣмъ европейцы. На японскихъ свадьбахъ вы не увидите ни флеръ д'оранжевыхъ, ни миртовыхъ вѣнковъ. Японцы выбираютъ себѣ женъ по своему желанію. При этомъ они ничѣмъ не рискуютъ и имъ совсѣмъ непонятна извѣстная поговорка восточныхъ народовъ, что надо три раза подумать, прежде чѣмъ выбрать себѣ жену. Вѣдь послѣ двухъ пробныхъ мѣсяцевъ мужъ можетъ вернуть ее родителямъ.

При такихъ условіяхъ гейша является очень желанной женой. вмѣсто того, чтобы играть и пѣть по чьему-нибудь найму ежедневно въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, она играетъ и поетъ исключительно для своего мужа. Она занимаетъ его своимъ искусствомъ, въ которомъ упражнялась нѣсколько лѣтъ въ разныхъ чайныхъ домахъ и которое достигло у нея нѣкотораго совершенства, и онъ очень доволенъ. При томъ-же, вѣдь, не всякая гейша грѣшница. Правда, въ одной извѣстной пѣснѣ гейши сами говорятъ о себѣ.

„Гейша — что ива!

„Вѣтеръ подуетъ, и ива колеблется.

„Качается ива вверхъ и внизъ“,

„Впередъ, назадъ, туда, сюда“:—

„Такъ и сердце гейши“

„Слѣдуетъ всякому дуновенію любви“.

Но, несмотря на такое краснорѣчивое признаніе, среди нихъ есть очень много такихъ, которыя не слѣдуютъ всякому „дуновенію любви“, и поэтому очень понятно, что часто гейша становится женой какого-нибудь генерала или даже министра, хотя еще наканунѣ она танцевала и пѣла въ обществѣ мужчинъ въ какомъ-нибудь клубѣ. Тутъ ей можетъ очень пригодиться ея искусство.

Если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы гейша на столько отцвѣла, что перестаетъ быть привлекательной, то она бросаетъ свою шумную жизнь и, какъ выше было сказано, обучаетъ своему искусству маленькихъ дѣвочекъ. Въ этой благословенной странѣ въ такихъ ученицахъ нѣтъ недостатка. Если въ семьѣ много дочерей, то ихъ очень трудно всѣхъ выдать замужъ; занятія въ различныхъ учрежденіяхъ или коммерческихъ предпріятіяхъ имъ недоступны, такъ что родителямъ ничего

больше не остается, какъ сдѣлать самыхъ красивыхъ и талантливыхъ дочерей своихъ гейшамъ, если не продать ихъ для другихъ цѣлей.

Если какому-нибудь предпринимателю нравится маленькая семи или восьмилѣтняя мусмэ, то онъ выплачиваетъ за нее родителямъ извѣстную сумму денегъ и на свои средства обучаетъ ее искусствамъ гейши. Съ этого времени для маленькой дѣвочки наступаетъ тяжелая жизнь, потому что пройдетъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ она обучится традиционнымъ танцамъ, пѣнію, стихамъ, мимикѣ и игрѣ на любимиыхъ инструментахъ: самизенѣ и кото.

Но, кромѣ этого, ей надо обучиться еще очень многимъ искусствамъ, о которыхъ въ Европѣ и понятія не имѣютъ. Напримѣръ, ей надо научиться трудной и сложной чайной церемоніи (чаной-ю), искусству связывать цвѣты въ букеты и гирлянды, разнымъ фокусамъ и игрѣ въ карты, а, главнымъ образомъ, ей надо научиться очаровывать и заинтересовывать мужчинъ.

Въ Кіото, старой столицѣ Японіи, гдѣ также, какъ въ Токио, самая красивая и знаменитая гейши, имѣется специальная школа танцовъ, но я тамъ не былъ, такъ какъ для меня она не представляла такого интереса, какъ небольшія школы гейшъ, которыхъ такое множество въ Кіото.

Доступъ въ эти заведенія очень труденъ и для того, чтобы проникнуть сюда, пришлось вести долгіе переговоры и дѣлать денежные подношенія содержательницамъ этихъ учреждений.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро мой драгоманъ, который велъ эти переговоры, доложилъ мнѣ, что я могу посѣтить школу госпожи „Серебряной луны“.

По дорогѣ туда я, по его совѣту, купилъ для маленькихъ ученицъ, чтобы расположить ихъ къ себѣ, два бумажныхъ мѣшка разныхъ сластей, которыя очень дешевы въ Японіи.

Мы явились, такимъ образомъ, навѣоченные въ низенькій рѣшетчатый домикъ, гдѣ живетъ госпожа „Серебряная луна“.

Сквозь заклеенныя бумагой окна доносились однообразные звуки гитары. Мой драгоманъ счелъ нужнымъ предупредить о моемъ приходѣ. Спустя нѣкоторое время онъ пригласилъ меня войти. Едва закрылась за мной входная дверь, какъ появились три молоденькія, хорошенькія дѣвушки, одѣтыя въ пестрые кимоно (слегка наброшенные, такъ-какъ было жаркое время года) и, по обычаю, бросились передо мною ничкомъ, касаясь лбомъ пола; потомъ онѣ, хихикая, принялись снимать съ меня обувь. Затѣмъ онѣ взяли меня за руки и повели, какъ слѣпого, въ танцевальный залъ, бумажная стѣна котораго была отодвинута.

Полъ, устланный пѣжными соломенными циновками, былъ приблизительно на аршинъ выше входа. Маленькія дѣвочки ловко вскараб-

Спящі японки.

кинулись туда и, безпрестанно хихикая, старались помочь мнѣ, точно я, чувствовавшій себя среди этихъ крошечныхъ созданийъ Гулливеромъ, самъ не могъ-бы этого сдѣлать. Въ глубинѣ этой низенькой, совершенно голой комнаты возвышались подмостки, вышиною въ одинъ футъ, на которыхъ стояло около дюжины молоденькихъ дѣвушекъ, а передъ ними въ залѣ на цыновкахъ помѣщались сама госпожа „Серебряная луна“.

Какъ только онѣ увидѣли меня, то всѣ съ торжественными лицами бросились ничкомъ на полъ и въ такомъ положеніи оставались въ теченіи нѣсколькихъ минутъ; у насъ такъ бываетъ только въ церкви на богослуженіи. Конечно, и я долженъ былъ стать на четвереньки что въ европейскомъ платьѣ было и неудобно и не безопасно для послѣдняго.

Наконецъ, мой драгоманъ дернулъ меня за фалду сюртука въ знакъ того, что можно встать. Сама начальница уже нѣсколько разъ поднимала голову взглядывала украдкой, лежу-ли я на четверенькахъ; и всякій разъ опять принимала ту-же позу.

Когда я, наконецъ, поднялся на колѣни, всѣ сдѣлали то-же самое. По наставленію моего драгомана я осведомился о здоровьи хозяйки дома; сейчасъ же всѣ снова уткнулись носами въ полъ. Затѣмъ я спросилъ, какъ поживаютъ ея родители,—и всѣ хлопнулись на полъ; потомъ настала очередь хозяйки задавать мнѣ подобные общеупотребительные вопросы, и всякій разъ всѣ присутствующіе кидались на полъ.

Наконецъ, обмѣнъ этихъ привѣтствій окончился. Театральная мамаша и ея дѣвочки усклились на полу въ обычныхъ позахъ японцевъ; я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру, потому что японская обстановка не признаетъ ни стульевъ, ни креселъ, ни дивановъ; двѣ дѣвочки подложили мнѣ, впрочемъ, пару тонкихъ подушекъ.

Между тѣмъ, мой драгоманъ передать дѣвочкамъ пакеты со сладостями и, хотя онѣ то и дѣло поглядывать на нихъ, и, навѣрное, съ удовольствіемъ полакомились бы, но сдерживали свои желанія, какъ того требовали правила приличія.

Самой старшей изъ всѣхъ ученицъ было не больше шестнадцати лѣтъ. Это былъ прелестный ребенокъ, съ красивымъ личикомъ. Она сидѣла у стѣны по-европейски, вытянувъ ноги. Другія были въ возрастѣ отъ семи до пятнадцати лѣтъ; лица у всѣхъ были напудрены, губы и щеки накрашены, а на нижней губѣ, кромѣ того, были еще три золотыя точки. Онѣ были одѣты въ пестрые кимоно и нѣкоторые—въ очень богато-расшитыя изъ очень дорогихъ матерій. Меня крайне удивило, что такія маленькія дѣвочки, и притомъ изъ небогатыхъ семей, такъ роскошно одѣты (только настоящія гейши получаютъ въ подарокъ такіе наряды), но начальница объяснила мнѣ, что среди дѣвочекъ есть дочери богатыхъ родителей, отданныя сюда для обученія танцамъ и пѣнію.

Въ честь чужеземнаго гостя дѣвочки разодѣлись въ свои лучшія платья. Настоящіе гейши были отданы „Серебряной лупѣ“ на полный пансіонъ антрепренеромъ, который платитъ ей за нихъ по два доллара въ недѣлю (10 франковъ или 3 руб. 75 коп.). Но, кромѣ того, онъ долженъ былъ, по таксѣ, платить правительству за каждую ученицу полъ-доллара въ мѣсяцъ. Какъ только дѣвушка начинаетъ выступать публично, эта пошлина увеличивается до цѣлаго доллара ежемесячно.

Но, вотъ, начались танцы.

Милыя дѣвочки протанцовали подь-рядъ всѣ самыя смѣлыя и трудныя танцы и все парами или группами по четыре. Японскіе танцы не похожи на наши балетныя или балъныя танцы; послѣдніе, вообще, совсѣмъ неизвѣстны японцамъ, и не многія благопріобрѣтенія европейской культуры кажутся имъ такими смѣшными, бессмысленными и неприличными, какъ нашъ вальсъ или полька. Еще безумнѣе имъ кажется порханіе балеринъ въ коротенькихъ платьицахъ съ глубокимъ вырѣзомъ, ихъ ломанье и танцы на пальцахъ ногъ. Японскія майко во время танцевъ закутаны съ головы до пятъ, а въ танцахъ онѣ обыкновенно изображаютъ какія-нибудь событія изъ исторіи или изъ повседневной жизни; но ихъ танцы, въ сущности, нельзя назвать танцами въ нашемъ смыслѣ. Это, большей частью, только позы, движенія верхней части туловища и рукъ, которымъ только искусный языкъ вѣера придаетъ смыслъ и выраженіе.

Поэтому я былъ страшно удивленъ, когда, въ заключеніе, двѣ самыя старшія дѣвочки, совершенно расцвѣтшія, несмотря на свою молодость, протанцовали настоящую тарантеллу. Маленькія ножки съ удивительной легкостью скользили по полу, нѣжныя фигурки быстро вертѣлись, такъ что полы ихъ кимоно приняли почти горизонтальное положеніе; при этомъ онѣ то и дѣло потряхивали головками и хлопали въ ладоши. Но затѣмъ онѣ, совершенно неожиданно для меня, упали на руки, стали головами на полъ и вытянули вверхъ ноги.

— Это—„манцай“,—гордо сказала мнѣ директриса, когда танцовщицы усѣлись на свои мѣста.—Нравится вамъ?

Я выразилъ ей свое восхищеніе.

— Это единственный европейскій танецъ, которому я обучаю своихъ уважаемыхъ ученицъ.

По всей вѣроятности, какой-нибудь шутникъ европеецъ позволить себѣ когда-нибудь показать въ Кіото такую неприличную глупость, какъ заключительная поза манцай, и теперь она вошла въ программу всѣхъ школъ для гейшъ.

Но не въ одномъ этомъ замѣтно вліяніе европейцевъ. Оно уже настолько велико, что грозитъ даже существованію самой профессіи гейши. Благодаря организаціи женскихъ школъ и тому, что прекрасному полу открылись другія поприща; наконецъ, благодаря перемѣнѣ нрав-

ственныхъ понятій у японцевъ,—тамъ вскорѣ должно уменьшиться число гейшъ. Быть можетъ, со временемъ въ странѣ Восходящаго Солнца появятся наши балеты и кафе-шантаны.

Миссъ Алиса Беконъ, бывшая много лѣтъ воспитательницей въ лучшихъ домахъ Японіи и имѣвшая возможность ближе присмотрѣться къ жизни мѣстныхъ женщинъ, говоритъ, между прочимъ, въ своей книгѣ, которую я уже неоднократно цитировалъ:

„Гейша не должна быть обязательно дурной, но въ ея жизни, вѣдь, такъ много соблазновъ; благодаря этому, на одну порядочную гейшу приходится очень много такихъ, нравственный уровень которыхъ очень низко падъ. Но онѣ такъ соблазнительны, блестящи и умны, что многія изъ нихъ сдѣлались женами высокопоставленныхъ лицъ и теперь занимаютъ почетное мѣсто въ высшемъ обществѣ“...

Одинъ изъ глубокихъ почитателей Японіи, сэръ Эдвинъ Арнольдъ, также отдаетъ должное веселымъ женщинамъ Дай-Ниппона, но относительно ихъ нравственности выражается въ своей книгѣ „Japanese ways and thoughts“ слѣдующимъ образомъ:

„Въ Японіи буддизмъ внушилъ презрѣніе къ земной любви, учение Конфуція еще усилило это презрѣніе, а грубой натурѣ мужчинъ она служить только пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Японскія женщины въ теоріи усвоили этотъ ограниченный взглядъ на взаимоотношеніе половъ и поэтому, въ теченіи многихъ вѣковъ, онѣ предпочитаютъ вѣрность сердца чистотѣ тѣла“...

„Конечно, въ высшихъ слояхъ общества существуетъ правило, въ силу котораго дочери до самого своего замужества должны находиться подъ чьимъ нибудь наблюденіемъ и руководствомъ, но эти молодыя дѣвушки такъ свободно выражаются о мусмэ и гейшахъ, что сейчасъ-же можно замѣтить разницу во взглядахъ европейцевъ и японцевъ на взаимоотношеніе половъ“...

Дугласъ Сладенъ, въ своей книгѣ „The Japs at home“, такъ характеризуетъ, напримѣръ, гейшъ:

„Если гейша ловка, остроумна, весела, а, главное, хороша собой, то она сейчасъ же становится знаменитостью въ городѣ. Молодые японскіе щеголи очень польщены, если ихъ поддразниваютъ ею; ее приглашаютъ за нѣсколько дней впередъ, ее можно видѣть на самое короткое время. На ея рукахъ появляются драгоценности, въ волосахъ жемчугъ, она становится гордой, по-временамъ бросаетъ блестящія, выразительныя взгляды и, вотъ, въ одинъ прекрасный день, она исчезаетъ. Насъ приглашаютъ на торжественный пиръ, но ея тамъ нѣтъ. Мы осѣдомляемся о ней у ея друзей, но никто не можетъ намъ ничего сказать.

Теперь уже нечего сомнѣваться въ томъ, что она достигла своей цѣли. Какой-нибудь богатый военный влюбился въ нее и, желая имѣть гейшу только для себя, выкупилъ ее у импрессаріо. Она слѣдуетъ за

своимъ новымъ господиномъ въ его домъ на время или на всегда, и, вотъ, та самая гейша, которая въ молодости кружила головы столькимъ мужчинамъ, становится почтенной полковницей такой-то, или женой министра“.

Какъ часто родители выдаютъ здѣсь своихъ дочерей замужъ на время за денежную плату! Но кто не читалъ прелестной книги Пьера Лоти „*Madame Chrysanthème*“? То-же, что было съ Пьеромъ Лоти, происходило, конечно, и съ другими европейцами въ Японіи; вѣдь, здѣсь такъ легко развестись! Но развѣ европейцы, берущіе себѣ временныхъ подругъ жизни, не такъ-же безнравственны, какъ веселыя женщины Дай-Ниппона? Что, если въ одинъ прекрасный день, въ отвѣтъ на книгу Пьера Лоти „*Madame Chrysanthème — par Pierre Loti*“, появится другая, подъ заглавіемъ „*Pierre Loti — par Madame Chrysanthème*“? Быть можетъ, маленькая, милая японочка тоже могла бы поразсказать много смѣшнаго о своемъ временномъ супругѣ.

Пожалуй, даже больше, чѣмъ онъ о ней.

Борцы.

На улицахъ большихъ японскихъ городовъ мы не разъ бросались въ глаза—особенно во время народныхъ праздниковъ—отдѣльныя, крупныя фигуры людей, отличающихся отъ обыкновенныхъ, невзрачныхъ и маленькихъ японцевъ не только высокимъ ростомъ, но и крайней толщиной и удивительно развитой мускулатурой. Мы сказали, что это профессиональные борцы, играющіе въ народной жизни Японіи такую-же значительную роль, какъ гладиаторы въ старомъ Римѣ, торреадоры въ Испаніи или боксеры въ Англіи и Америкѣ.

Во времена феодализма, въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, всякій членъ привилегированной военной касты, самурай, зналъ въ совершенствѣ всякаго рода спортъ, особенно фехтованье и борьбу. Но здѣсь, такъ-же, какъ у насъ, эти упражненія мускуловъ на счетъ крѣпости всего организма, подъ вліяніемъ теченій новаго времени, почти совсѣмъ упразднены и даже борьбу изучаютъ только профессиональные борцы или, какъ ихъ здѣсь называютъ, сумотори, составляющіе въ Японіи особенную корпорацію съ строгими законами и выработанными долготѣтней практикой правилами своего искусства.

Если-бъ ихъ не выдавала наружность, то одинъ взглядъ на прическу объяснилъ-бы, что это члены общества борцовъ; подобно тому, какъ испанскіе торреадоры заплетаютъ свои волосы въ косу, падающую ниже затылка, точно такъ-же сумотори сворачиваютъ свои волосы

въ толстые жгуты и перетягиваютъ ихъ напередъ бумажными шнурами. Такую прическу когда-то носили всѣ японцы, и еще во время моей поѣздки по средней Японіи я видѣлъ многихъ пожилыхъ мужчинъ съ косами, съ тою только разницею, что у нихъ волосы сбриты до темени.

Если въ какомъ-нибудь мѣстѣ Японіи устраивается народный праздникъ, то борцы на немъ обязательно присутствуютъ, и никакой театръ, никакіе акробаты, фокусники и т. д. не собираютъ вокругъ себя такой массы зрителей, какъ сумотори. Чѣмъ значительнѣе праздникъ, тѣмъ больше борцовъ, а въ Токио, Кіото и Осакѣ случается такъ, что борятся одновременно двадцать или тридцать паръ сумотори, такъ что ихъ представленіе длится иной разъ цѣлый день.

Но нѣтъ болѣе терпѣливой публики, чѣмъ японцы. Чѣмъ дольше длится представленіе, тѣмъ оно пріятнѣе имъ. Съ чадами и домочадцами съ утра забираются они въ театръ, забираютъ съ собой провизію, усаживаются на циновкахъ, пьютъ, ѣдятъ и даже немного спятъ; матери курятъ трубки точно такъ-же, какъ мужчины и молодые дѣвушки.

Борцы рѣдко сами берутся устраивать свои представленія. Обыкновенно ихъ нанимаютъ за извѣстную плату антрепренеры; они-же строятъ театръ и собираютъ входную плату съ стремящейся сюда массой публики. Чѣмъ большимъ успѣхомъ пользуется сумотори, тѣмъ больше въ немъ заискиваетъ антрепренеръ и тѣмъ лучше платитъ ему. Съ самой ранней юности живутъ они исключительно своей профессіей. Если въ какой-нибудь семьѣ одинъ изъ мальчиковъ отличается силой и высокимъ ростомъ, то отецъ часто предназначаетъ его къ карьерѣ сумотори и отдаетъ его къ нему въ обученіе. По достиженіи извѣстнаго совершенства въ этомъ искусствѣ, онъ вступаетъ въ корпорацію сумотори, обязуясь, предварительно, повиноваться всѣмъ правиламъ этой корпораціи. Тутъ на ряду съ клятвой въ цѣломудріи, есть клятвы, относящіяся къ его искусству и многія другія, имѣющія отношенія даже къ его питанію. Одинъ сумотори, съ которымъ я познакомился въ Кіото, рассказывалъ мнѣ, что его ежедневная пища состоитъ изъ развареннаго до мягкости риса и только въ исключительныхъ случаяхъ изъ мяса,—доказательство, что мясное питаніе не обязательно для развитія мускуловъ. Въ сорокъ лѣтъ карьера борца кончается; онъ получаетъ тогда изъ кассы своего общества пенсію, но за то обязанъ обучать своихъ преемниковъ тайнамъ борецкаго искусства.

Спеціальныхъ театровъ или аренъ для борцовъ въ Японіи нѣтъ. Если предполагается устроить борьбу, то въ опредѣленныхъ мѣстахъ: какъ, напр., въ Кіото, въ большомъ высохшемъ руслѣ Камогавы, или въ Токио, недалеко отъ храма Экоинъ, въ предмѣстьи на противоположномъ берегу Сумидагавы, устраиваются балаганы вродѣ нашихъ цирковъ, только парусину тамъ замѣняютъ плетенныя циновки. Такой балаганъ, называемый „сумо“, можно узнать даже издали благодаря огром-

ному скопленію публики. По обѣимъ сторонамъ его стоятъ ряды склоненныхъ другъ къ другу бамбуковыхъ шестовъ, съ верхушки которыхъ висятъ голубыя, красныя и желтыя полосы матерій длиною отъ шести до восьми метровъ и шириною въ одинъ метръ; всѣ они покрыты большими надписями. Передъ самымъ входомъ возвышаются бамбуковыя подмостки, на которыхъ барабанщикъ трещитъ изо всѣхъ силъ. Поблизости, на видномъ мѣстѣ, разложены призы—отъ публики побѣдителю.

Зажиточный японецъ охотно разыгрываетъ изъ себя покровителя искусствъ, и подобно тому, какъ у насъ артистамъ дѣлають подношенія изъ цвѣтовъ и вѣнковъ, здѣсь имъ подносятъ почетныя знамена, куски матеріи, а, чаще всего, боченокъ саке. Обыкновенно на большихъ афишахъ обозначены имена борцовъ. Чѣмъ большей знаменитостью является выступающій сумотори, тѣмъ большими буквами пишется его имя,—словомъ, все какъ у насъ.

У входа вамъ даютъ, за плату въ четверть или полъ-доллара, билетъ, въ видѣ деревянной дощечки, съ надписью; билетъ этотъ внутри балагана отбирается служителемъ. Японцы обязаны при входѣ снять свою обувь, подобно тому, какъ мы оставляемъ шляпы и зонтики, такъ какъ внутри балагана весь полъ устланъ тонкимъ и мягкимъ войлочнымъ ковромъ и ходить по этому коврику въ тяжелыхъ деревянныхъ башмакахъ, какіе въ употребленіи даже у японскихъ дамъ аристократическаго круга, было бы также немислимо, какъ если бы у насъ кто нибудь, придя въ домъ съ визитомъ, началъ вдругъ ходить по гостинной мебели.

На особыхъ подставкахъ тутъ стоятъ длинными рядами сотни паръ деревянныхъ башмаковъ, и можно себѣ представить, какая бываетъ здѣсь давка, когда, послѣ окончанія представленія, вся эта толпа въ чулкахъ является за своей обувью.

Внутри балагана, на правой сторонѣ его, находится уборная артистовъ. Здѣсь сидятъ на корточкахъ или лежатъ, растянувшись на циновкахъ, сумотори,—крѣпкія, мясистыя фигуры, съ тѣломъ огромныхъ размѣровъ, обыкновенно совершенно голые; ловкіе служители расчесываютъ имъ волосы, туго стягиваютъ косы, растираютъ тѣло, или одѣваютъ имъ единственную принадлежность туалета, которую они носятъ во время борьбы, шелковый шарфъ на животъ. Этотъ широкий и очень тугой шарфъ бываетъ обыкновенно голубого цвѣта и отдѣланъ длинной бахромой. Онъ оборачивается нѣсколько разъ вокругъ бедеръ, а потомъ пропускается между голыхъ ногъ.

Вокругъ внутренняго, обыкновенно четырехъ-угольнаго зрительнаго зала, тянется галлерей, вышиной въ половину человѣческаго роста, гдѣ находятся самыя дорогія мѣста.

Однажды, въ Осакѣ, я пошелъ на подобное представленіе борцовъ

и взять билетъ на галерею; но, подойди къ ней и не видя никакого способа проникнуть туда (ни дверей, ни лѣсенки), я собрался уже просто на-просто перелѣзть черезъ барьеръ, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ служителей съ лѣстницей. Отобравъ у меня мой деревянный билетъ, онъ приставилъ лѣстницу къ галереѣ, и когда я пробрался по ней наверхъ, то снова убралъ ее. Мнѣ невольно закрался въ душу страхъ при мысли о пожарѣ, который здѣсь очень возможенъ благодаря тому, что всѣ непрерывно курятъ и ежеминутно вытряхиваютъ изъ трубокъ еще не потухшій пепелъ; но японцы объ этомъ не беспокоятся. Главная цѣль достигается тѣмъ, что лѣстница принимается, т. е. безбилетные зрители не проберутся на галерею. Если же кто нибудь желаетъ сойти оттуда во время представленія, то онъ призываетъ къ себѣ служителя хлопаньемъ въ ладоши.

Какъ на галереѣ, такъ и внизу всѣ мѣста заняты любопытными. Въ самой серединѣ зала находится окруженная публикой эстрада, диаметръ которой равняется приблизительно тремъ метрамъ; это собственно и есть арена для борцовъ.

По угламъ ея стоятъ бамбуковые столбы, на которые натягивается полотноянная крыша. Полъ арены посыпанъ землей, а по краямъ она обложена пучками соломы.

Руководитъ борьбою обыкновенно гіюци, т. е. жюри, знакомый со всѣми правилами борьбы, также бывшій въ молодости сумотори.

Одѣтый въ старинный пестрый японскій нарядъ, держа въ рукахъ знакъ своего достоинства—вѣрообразный „тутчива“, обвѣшанный шнурами и кистями торжественнымъ шагомъ направляется онъ къ эстрадѣ, стучить двумя деревяшками, чтобы привлечь вниманіе публики и затѣмъ фистулой выкрикиваетъ имена выступающихъ сейчасъ борцовъ. Борьбу обыкновенно начинаютъ молодые, менѣе опытные борцы.

Эти жирныя и голыя (за исключеніемъ бедеръ) фигуры не отличаются особенной привлекательностью.

Начинается борьба. Прежде всего, борцы берутъ изъ стоящей вблизи кадочки глотокъ воды и поливаютъ ею свое тѣло, потомъ берутъ въ ротъ щепотку соли, отрываютъ отъ висящей тутъ-же пачки съ бумагой клочекъ и вытираютъ имъ руки; затѣмъ, въ присутствіи стоящаго сбоку эксперта, борцы становятся другъ передъ другомъ въ особую позу, при которой ноги борцовъ должны быть какъ можно больше растопыренными. Послѣ этого они опускаются на икры, ударяя себя ладонями по бокамъ, и, наконецъ, упираются вытянутыми руками въ землю. Едва приняли они эту, далеко не живописную, позу, какъ сразу испускаютъ крикъ, прыгаютъ, точно подтолкнутые невидимой пружиной и съ яростью бросаются другъ на друга.

Цѣль такой борьбы заключается въ томъ, чтобы повалить соперника на землю, соблюдая при этомъ всѣ установленныя на сей случай правила.

Толчки, удары, боксъ и разныя хитрости,PRODЪ того, чтобы под-
ставить ногу и т. под., строго воспрещены; впрочемъ, тутъ никогда и
не бываетъ такихъ случаевъ, или очень рѣдко и то только съ какимъ-
нибудь молодымъ борцомъ отъ волненія; но въ такихъ случаяхъ
борьба моментально прекращается, и виновный немедленно изгоняется.

Члены этого атлетическаго общества такъ осваиваются съ tradi-
ціонными приѣмами борьбы, что только ихъ они и пускаютъ въ ходъ.
Когда я присмотрѣлся къ этимъ приѣмамъ у разныхъ борцовъ, то
вспомнилъ о такихъ-же состязаніяхъ борцовъ, ежегодно устраиваю-
щихся въ Швейцаріи. Но тамъ въ нихъ принимаютъ участіе не про-
фессіональные борцы, а горные пастухи, гимнасты и просто городскіе
любители. Тамъ также главная цѣль поднять—соперника высоко надъ
головой и перебросить его черезъ себя назадъ, чтобы онъ упалъ на
спину.

У швейцарскихъ борцовъ, вмѣсто пояски, одѣты штаны изъ крѣп-
кой матеріи, за которые они хватаютъ другъ друга. Между тѣмъ,
японскій борецъ избѣгаетъ того, чтобы соперникъ схватилъ его за по-
вязку. Вообще ихъ правила, при равной задачѣ, гораздо строже, чѣмъ
у швейцарцевъ. Земли можно касаться только подошвами ногъ; стано-
виться на колѣни, упираться ногами или локтями считается равно-
сильнымъ пораженію, точно также, какъ и перейти границу арены въ
восемь или десять квадратныхъ метровъ.

Эксперты неустанно слѣдятъ за ходомъ борьбы, подбадриваютъ
борцовъ восклицаніями, предостерегаютъ ихъ, если видятъ, что они
отступаютъ отъ правилъ или если они приближаются къ пучкамъ со-
ломы, окружающимъ арену. Если одинъ изъ борцовъ носкомъ пере-
шагнулъ границу, то онъ считается побѣжденнымъ.

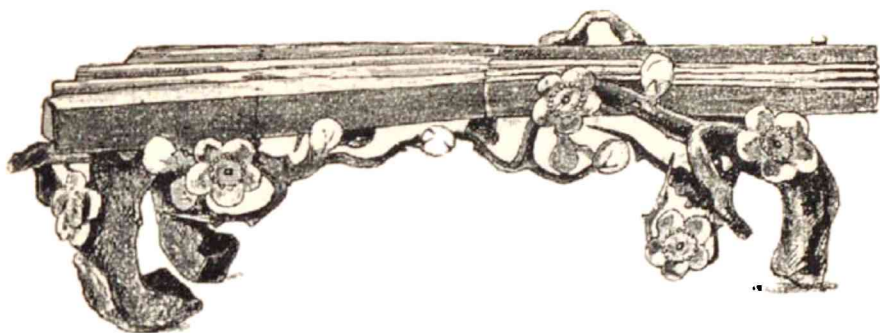
На представленіе, которое давалось въ Осакѣ,—этомъ японскомъ
Бирмингамѣ, я попалъ въ тотъ моментъ, когда на арену выступили
самые знаменитые борцы, и вниманіе публики было такъ занято ими,
что никто и не замѣтилъ прихода европейца. Тысячи глазъ были
устремлены исключительно на ихъ огромныя тучныя фигуры; женщины
забыли о ѣдѣ, мужчины—о своихъ трубкахъ, даже дѣти умолкли и
внимательно смотрѣли на арену. Во всемъ этомъ большомъ помѣщеніи
не слышно было ни единого звука, ни единого движенія, точно все
это своеобразное сборище окаменѣло. Но какая-то незамѣтная уловка
одного изъ борцовъ, оставшаяся мнѣ совершенно непонятной, послу-
жила сигналомъ для громовыхъ аплодисментовъ, раздавшихся сразу,
какъ по командѣ. Тутъ волненіе массы начало расти все больше и
больше; борцы крѣпко обхватили другъ друга, потъ градомъ струился
съ ихъ жирныхъ тѣлъ, жилы у нихъ надулись, мнѣ даже слышно
было ихъ короткое, прерывистое дыханіе, и все же они нѣсколько ми-
нутъ оставались неподвижными; одно едва замѣтное движеніе снова

вызвало энтузіазмъ публики, и снова раздались аплодисменты, умолкнувшіе такъ-же внезапно, какъ и раздались. Каждый пріемъ одного борца для пораженія другого былъ отпарированъ послѣднимъ; наконецъ, одинъ началъ какъ будто подаваться, другой, не чувствуя препятствія, подался впередъ, и его противникъ быстро воспользовался этой слабостью, чтобы головой и плечами удариться въ низъ живота своего противника и такъ перебросить его черезъ себя, какъ это сдѣлать бы и быкъ, что онъ упалъ на арену на четвереньки.

Трудно описать, что тутъ произошло; волненіе, крикъ и хлопанье безъ конца. Обыкновенно спокойные и вѣжливые японцы въ такихъ случаяхъ легко переходятъ въ экстазъ; шляпы, платки, вѣера, трубки, мѣшечки съ табакомъ,—все летѣло на арену къ ногамъ низко кланяющагося во всѣ стороны побѣдителя. Служители заботливо подняли брошенныя вещи; всѣ эти вещественныя доказательства восторга по окончаніи представленія возвращаются обладателямъ за болѣе или менѣе значительную сумму денегъ, или обмѣниваются на какой-нибудь подарокъ. Все это принадлежитъ побѣдителю.

Въ послѣднее время японская молодежь опять принялась за тѣлесныя упражненія и во всѣхъ школахъ здѣсь начали старательно обучать гимнастикѣ по европейскому образцу.

Какъ японцы путешествуютъ по своей странѣ.

Первое, что ввели въ своей странѣ японцы сейчасъ же послѣ революціи—это желѣзныя дороги. Въ настоящее время большинство японскихъ городовъ соединены другъ съ другомъ рельсами, и всякое сообщеніе ведется теперь посредствомъ ихъ.

Всякаго путешественника несомнѣнно удивить, съ какою быстротой японцы освоились съ этимъ европейскимъ способомъ передвиженіе. Все желѣзнодорожное дѣло находится исключительно въ рукахъ японцевъ; японцы-же изготовляютъ вагоны, отчасти и рельсы и всякіе другіе матеріалы; японцы проектируютъ и строятъ новыя линіи, служатъ въ качествѣ кондукторовъ и машинистовъ, и среди всего желѣзнодорожнаго персонала, заключающаго въ себѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вы не найдете ни одного европейца.

Какъ съ другими европейскими предпріятіями, такъ и съ желѣзнодорожнымъ дѣломъ, японцы поступили одинаково: сначала они пригласили европейскихъ инженеровъ на постройку желѣзной дороги, соединяющей столицу страны—Токио—съ главнымъ портомъ страны Іокогамой. Эта дорога, длиною въ 27 километровъ, начала строиться въ 1870 г., а въ 1872 г. была уже сдана въ эксплуатацію, и съ тѣхъ поръ она служитъ какъ бы образцомъ для огромной теперь сѣти желѣзныхъ дорогъ на самомъ большомъ островѣ Японіи—Ниппонѣ.

Европейскіе инженеры показали японцамъ, какъ надо все дѣлать, и получили отставку. Всѣ другія желѣзныя дороги Японіи строились по образцу первой и, поэтому, онѣ очень мало отличаются отъ европейскихъ. Вокзалы, надстройки, двигатели и устройство сигналовъ,—въ общемъ все такіе же, какъ и у насъ.

Все таки, невольно удивляешься, когда, видишь какъ хорошо функционируютъ желѣзныя дороги въ Японіи; можно подумать, что

онѣ существуютъ здѣсь уже не первое десятилѣтіе; нѣтъ только у нихъ точности во времени прибытія и отхода поѣздовъ. Если японцы объявляютъ, что уже „тадейма“ или „сугуни“, т. е., что уже „пора“, то поѣздъ, все таки, стоитъ еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ двинется въ путь; неудивительно поэтому, если поѣзда здѣсь зачастую опаздываютъ. При всемъ томъ, японцы рѣшительно ни въ чемъ не стѣснили себя; наоборотъ, все подчинили они своимъ обычаямъ и нравамъ, не поступившись рѣшительно ни одной особенностью своей природы.

Когда я впервые собрался ѣхать по японской желѣзной дорогѣ изъ Іокогамы въ Токио, то курума привезъ меня въ своей удобной рикшѣ на вокзалъ, который былъ ничуть не хуже любого европейскаго, съ тою только разницей, что здѣсь не было ресторана, какъ и вообще на всѣхъ японскихъ вокзалахъ.

У входа въ помѣщенія всѣхъ трехъ классовъ стояли японцы и покупали проѣздные билеты; кассиры говорятъ довольно хорошо по-англійски, чтобы объясняться съ европейскими путешественниками. Но, прежде чѣмъ получить билетъ, я долженъ былъ показать полицейскому въ мундирѣ мой японскій паспортъ. Если бы въ немъ не было обозначенъ Токио, то я не получилъ бы билета.

До отхода поѣзда пассажиры размѣстились въ залахъ трехъ классовъ, устроенныхъ такъ-же, какъ у насъ; тамъ были столы, стулья и скамейки вдоль стѣнъ. Въ залѣ перваго класса на столахъ даже лежали болѣе значительныя столичныя газеты для чтенія пассажировъ.

Мужчины, женщины и дѣти, одѣтые всѣ въ свои національныя кимоно, устроились на сидѣньяхъ по своему; вмѣсто того, чтобы сидѣть, какъ мы, съ опущенными ногами, они сбрасывали съ себя свои неуклюжія сандалии и, подобравъ подъ себя ноги, усаживались, по своему обыкновенію, на корточки.

Въ слишкомъ большой непринужденности японцевъ (гдѣ коснется ихъ обычаевъ) я имѣлъ случай лично убѣдиться здѣсь, въ этомъ городѣ, гдѣ живетъ такая масса европейцевъ и гдѣ вліяніе ихъ сказалось такъ сильно. Такъ, здѣсь произошелъ очень курьезный случай.

Среди женщинъ и дѣтей въ залѣ втораго класса сидѣлъ пожилой японецъ, котораго, повидимому, мучилъ японскій бичъ,—блоха. Не обращая вниманія на присутствіе публики, онъ снялъ съ себя кимоно, затѣмъ нижнее платье и очутился передъ всѣмъ честнымъ народомъ совершенно голый. Внимательно осмотрѣвъ себя всего, онъ тщательно вытряхнулъ все платье, одѣлъ его и снова усѣлся.

Въ багажномъ отдѣленіи вещи принимаются и записываются такъ-же, какъ у насъ, но только на квитанціяхъ написаны по-японски мѣсто назначенія и номеръ.

Когда наступило время отхода поѣзда, то вся публика, въ коли-

чествѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, двинулась къ ожидавшему поѣзду. Только очень немногіе пассажиры носили европейское платье и обувь; они занимали вагоны перваго класса; больше всего было такихъ, которые носили смѣшанный костюмъ, т. е. вмѣстѣ съ темнымъ кимоно, въ видѣ халата, европейскую шляпу или бѣлый пробковый шлемъ (отъ солнца), затѣмъ башмаки и зонтики европейскаго издѣлія; полу-японцы предпочитали занять вагоны втораго класса, но большая часть совсѣмъ по-японски одѣтыхъ пассажировъ ѣхали въ третьемъ классѣ. Это раздѣленіе я видѣлъ потомъ не разъ во время моихъ путешествій по странѣ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ я видѣлъ японца въ національномъ костюмѣ, ѣдущимъ въ первомъ классѣ; и то, онъ входилъ въ вагонъ въ европейскомъ костюмѣ, а тутъ только замѣнялъ его болѣе удобнымъ кимоно, не обращая вниманія на другихъ пассажировъ.

На такую, выражаясь деликатно, безцеремонность всегда нужно расчитывать, какъ при поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и въ деревняхъ и городахъ.

Гораздо безвыходнѣе въ такихъ случаяхъ положеніе бѣдныхъ европейскихъ дамъ, потому что онѣ не имѣютъ возможности убѣжать изъ вагона.

Нѣкоторые вагоны перваго класса раздѣлены на отдѣленія, но есть много такихъ, которые, точно такъ-же, какъ и вагоны втораго класса, представляютъ собою одно общее отдѣленіе, вдоль стѣнъ котораго стоятъ диваны, а по срединѣ свободное пространство, гдѣ стоитъ столъ съ ледовой водой. Въ вагонахъ третьяго класса также есть отдѣленія, но перегородки доходятъ только до половины спины сидящаго пассажира. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ лучшихъ вагоновъ написано по-японски и по-англійски: „для некурящихъ“, но на эту надпись рѣшительно никто не обращаетъ вниманія въ этой странѣ, гдѣ мужчины и женщины,—всѣ безъ исключенія курятъ и постоянно носятъ при себѣ свои трубки.

Что касается чистоты и удобства, то только первый классъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, но за то тутъ европеецъ не имѣетъ возможности наблюдать интересныхъ и своеобразныхъ чертъ изъ народной японской жизни, какъ, напримѣръ, во второмъ и третьемъ классахъ. Поэтому я всегда выбиралъ для своихъ поѣздокъ второй классъ, гдѣ день и ночь я дѣлилъ свое вниманіе между прекрасными ландшафтами, мимо которыхъ мчался поѣздъ, и препровожденіемъ времени моихъ японскихъ спутниковъ. Спальные вагоны, вагонъ-рестораны и буфеты совершенно неизвѣстны Японіи.

При болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествіяхъ японцы обыкновенно берутъ съ собою свое домашнее платье, дорожныя одѣяла, провизію и проч. и какъ только они входятъ въ вагонъ, ниско кланаясь своимъ спутникамъ, сейчасъ же устраиваются, какъ можно удобнѣе

на длинныхъ и узкихъ сидѣнiяхъ. Выходные кимоно замѣняются легкими домашними костюмами изъ свѣтлой матерiи, и такъ какъ японцы не носятъ нижняго бѣлья, то это, въ сущности, то-же самое, какъ если бы мы стали мѣнять бѣлье въ нашихъ наполненныхъ народомъ вагонахъ.

Передовые японцы, у которыхъ европейская культура проникаетъ снизу, отличаются тѣмъ, что носятъ модные башмаки или сапоги; но они снимаютъ ихъ, входя въ вагонъ, и остаются, во все продолженiе пути, въ однихъ носкахъ. При очень сильной жарѣ путешественники обоехъ половъ откидываютъ кимоно и обмахиваютъ обнаженные груди постоянно находящимися у нихъ въ рукахъ бумажными вѣерами.

Если дѣтамъ нужно исполнить естественную потребность, то они продѣлываютъ все тутъ-же, на полу, особенно, если это въ вагонѣ третьяго класса. Дорожные сумки и сундуки, вродѣ нашихъ, очень мало распространены въ Японiи; японецъ низшаго класса обыкновенно связываетъ свои вещи въ пестрый носовой платокъ, специально для этого предназначенный; для сморканья-же онъ прибѣгаетъ къ бумажкамъ.

Даже если японка приобретаетъ себѣ въ какомъ-нибудь европейскомъ магазинѣ, въ Токио или Иокогамѣ, кожаную сумку, то она и ее заворачиваетъ въ носовой платокъ и несетъ, какъ отдѣльный узелокъ. Что-же это за путешественница безъ узелка?

Свои платья и прочiя вещи японцы обыкновенно носятъ въ янаги-гори, или, какъ тутъ сокращенно называютъ: „кори“, состоящемъ изъ двухъ продолговатыхъ корзинокъ, которыя своими отверстиями вдвигаются одна въ другую и связываются веревками. Онѣ лучше нашихъ дорожныхъ сундуковъ въ томъ отношенiи, что гораздо помѣстительнѣе ихъ; по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество багажа, корзины выдвигаются одна изъ другой. Живущiе въ Японiи европейцы также пользуются этими практичными кори; если бы они были сдѣланы изъ кожи и снабжены замками, то ихъ смѣло можно было бы рекомендовать въ Европѣ.

Для тѣхъ путешественниковъ, которые не взяли съ собой провизiи, продается на нѣкоторыхъ большихъ станцiяхъ разная ѣда, какъ, напримѣръ, пряники, яйца, фрукты и даже цѣлыя обѣды. Для этой цѣли берутся небольшiе ящички изъ новаго дерева, величиной и формой подходящiе къ нашимъ ящикамъ отъ сигаръ; они носятъ названiе бенто и стоятъ нѣсколько сенъ. Снявъ съ ящика обертку, вы, прежде всего, находите маленькую бумажную салфетку, потомъ деревянную лучину, служащую вмѣсто ложки, и двѣ палочки, замѣняющiя наши вилки и ножи, длиною и толщиною въ обыкновенный карандашъ, расколотыя на три четверти своей величины, въ знакъ того, что онѣ ни разу не были въ употребленiи. Подъ ними находятся всякiя яства японской кухни; въ одной сторонѣ ящика лежатъ разныя варенныя ко

ронья, засахаренные фрукты, сырая и соленая рыба, но никогда нѣтъ ни кусочка мяса, а по другой сторонѣ—превосходный бѣлоснѣжный рисъ. Палочки служатъ ножомъ и вилкой, а ящикъ—тарелкой; при этомъ на станціяхъ продаются бутылки съ очень хорошимъ японскимъ пивомъ, лимонадъ и для охлажденія всего этого даются кусочки льда.

Но самый употребительный напитокъ у японцевъ, все-таки, чай. Маленькіе мальчики продаютъ хорошенькіе чайники съ горячимъ чаемъ и маленькими чашечками къ нему, и все вмѣстѣ стоитъ три или четыре сена; когда послѣ нѣсколькихъ часовъ пути поѣздъ приходитъ на какую-нибудь большую станцію, то первая работа станціоннаго служителя, обязаннаго приводить въ порядокъ вагоны, это выбросить всѣ скопившіеся здѣсь чайники и чашки.

Впрочемъ, чайники находятъ иногда и другое примѣненіе, какъ я въ этомъ убѣдился однажды, когда ѣхалъ изъ Токио въ Осаку въ обществѣ нѣсколькихъ европейскихъ дамъ и многихъ японцевъ. Одинъ изъ японцевъ напился чаю изъ чайника, а когда ему понадобилось выйти въ другое отдѣленіе, то онъ рѣшилъ лучше не трудиться, а подставить въ нужный моментъ подъ себя чайникъ и потомъ выбросить его черезъ окно. Этотъ же самый джентльменъ, прибывъ къ дѣлу своей поѣздки, удалился изъ вагона, почтительно и низко кланяясь намъ,—доказательство того, что онъ даже не подозревалъ неприличія своего предъидущаго поступка.

До 1898 г. европейцы не могли свободно передвигаться по японскимъ желѣзнымъ дорогамъ; для каждой отдѣльной поѣздки имъ нужно было брать у правительства паспортъ, гдѣ на японскомъ языкѣ подробно перечислялись всѣ тѣ города, въ которыхъ они собирались остановиться. На каждой станціи, даже въ самыхъ глухихъ и маленькихъ мѣстечкахъ, японскіе полицейскіе съ рыслыми глазками строго слѣдили за всякимъ проѣзжающимъ и, какъ выше было упомянуто, ни одинъ европеецъ не могъ купить себѣ проѣздного билета, прежде чѣмъ его паспортъ не былъ тщательно освидѣтельствованъ полицейскимъ. Если бы европеецъ явился въ какой-нибудь городъ, не упомянутый въ его паспортѣ, то могъ бы подвергнуться серьезнымъ непріятностямъ. Какъ въ Россіи, такъ и здѣсь, безъ паспорта онъ не могъ-бы остановиться ни въ одномъ отелѣ. Благодаря этимъ паспортнымъ строгостямъ чуть было совсѣмъ не разстроилась моя поѣздка въ Корею (лѣтомъ 1894 г.).

Послѣдній пассажирскій пароходъ, отходившій передъ японско-китайской войной въ страну „утренняго покоя“, долженъ былъ въ извѣстный день выйти изъ порта Кубе, а мой паспортъ еще не прибылъ въ Мияношиту, гдѣ я находился въ это время. Чтобы не опоздать на этотъ послѣдній пароходъ, я рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Въ ризѣ, которую везли два быстрыхъ „курума“, я успѣлъ самъ и помѣ-

стиль весь свой багажъ, въ которомъ быть уложенъ, между прочимъ, и полный японскій костюмъ; мы двинулись съ горъ къ станціи Кодзу въ вечеръ самаго послѣдняго дня.

Я заѣхалъ въ чайный домъ, находящійся противъ вокзала, закурилъ тамъ и, давъ щедрый джадай (на чаекъ), попросилъ одну изъ маленькихъ прислуживавшихъ мнѣ незянъ купить мнѣ билетъ на проездъ въ Кубе.

По счастливой случайности полицейскаго не было у кассы, и она безпрепятственно взяла билетъ и принесла его мнѣ. Пользуясь сумерками, я забрался въ бамбуковую чашу, быстро сорвалъ съ себя европейскій костюмъ, накинулъ на себя кимоно, повязалъ голову краснымъ платкомъ, одѣлъ темныя очки и спряталъ свое европейское платье въ дорожный мѣшокъ.

Дождавшись остановки приближавшагося поѣзда, я вскочилъ въ вагонъ такъ быстро, насколько мнѣ позволяли мои деревянные туфли и, закрывъ лицо платкомъ, какъ будто отъ зубной боли, промчался между полицейскими и желѣзнодорожными служащими.

Въ теченіи всей ночи показался, къ счастью, только одинъ полицейскій въ вагонѣ, гдѣ я растянулся на скамьѣ, представившись спящимъ. Мой маскарадъ и мракъ спасли меня отъ опасности, и я благополучно прибылъ въ Кубе, открытую европейцамъ гавань, гдѣ не мало смѣялись надъ моимъ японскимъ нарядомъ. Я попалъ на пароходъ, а паспортъ мой, какъ я впоследствии узналъ, прибылъ въ Міяношиту черезъ два дня послѣ моего отъѣзда.

Японскія желѣзныя дороги даютъ странѣ очень хорошій доходъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1896 г. желѣзнодорожная сѣть достигла 3,000 километровъ длины. Это, конечно, не много, потому что Японія по величинѣ равна всей сѣверной Германіи, исключая тюрингенскихъ провинцій, и притомъ населеніе ея равняется 42 милліонамъ человекъ, т. е. на 9 милліоновъ больше, чѣмъ въ сѣверной Германіи, а между тѣмъ, въ послѣдней желѣзнодорожная сѣть равняется 30,000 километровъ, т. е. въ десять разъ больше. Но за то здѣсь теперь строится еще 1,500 километровъ рельсовыхъ путей. Въ 1895 г. правительство разрѣшило строить 26 временныхъ дорогъ, составляющихъ, въ общемъ, 1,350 километровъ съ капиталомъ въ 40 милліоновъ іенъ и 5 постоянныхъ дорогъ, составляющихъ 390 километровъ съ капиталомъ въ 10½ милліоновъ іенъ.

Японскія желѣзныя дороги всѣ—узкоколейныя, не то что у насъ; ширина колеи, вмѣстѣ съ рельсами, равняется 1 метру 15 сантиметрамъ, поэтому быстрота скорыхъ поѣздовъ оставляетъ желать многого. Но за то здѣсь проездъ очень дешевъ:—въ первомъ классѣ взимается 6 пфениговъ за километръ, во второмъ—4, а въ третьемъ—2 пфенига. За

исключеніемъ такихъ короткихъ разстояній, какъ отъ Кобе до Осаки, Токио и Иокогамы, всѣ японскія дороги однопутныя.

Въ 1895 г. въ Японіи было 880 километровъ рельсовыхъ путей съ 127 станціями и 3,000 вагоновъ; доходъ равнялся $7\frac{1}{2}$ милліонамъ іенъ, а расходъ 4 милліонамъ, такъ что основной капиталъ въ 40 милліоновъ іенъ давалъ 8 $\frac{1}{2}$ % дохода; въ 1896 г. онъ давалъ только 6 $\frac{1}{2}$ %.

80 милліоновъ іенъ вложено здѣсь также въ частныя желѣзнодорожныя предпріятія, общая длина путей которыхъ равнялась въ 1895 г. 2,300 километрамъ. У японцевъ было 273 паровоза и 5,000 вагоновъ. Ихъ доходы равнялись $8\frac{3}{4}$ милліонамъ, а расходы—4 милліонамъ, и такъ какъ всего уплачено 60 милліоновъ іенъ, то образуется, при чистой прибыли въ $4\frac{3}{4}$ милліона, довольно хорошій дивидендъ.

Число пассажировъ въ теченіи 1895 г. дошло до 22 милліоновъ, изъ которыхъ 20 $\frac{1}{2}$ милліоновъ приходилось на третій классъ, 75,000—на второй, и только 50,000 ѣхали первымъ классомъ; остальные же пассажиры — желѣзнодорожные служащіе, ѣдившіе по служебнымъ дѣламъ.

Отъ несчастныхъ случаевъ погибло 135 пассажировъ и ранено было 38.

Въ 1898 правительственныя желѣзныя дороги равнялись 1,065 километрамъ длины, частныя—3,682 километрамъ, итого вмѣстѣ—4,747 километрамъ.

Вмѣстѣ съ возрастаніемъ количества желѣзныхъ дорогъ въ Японіи растетъ и число конокъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ; японцы даже опередили нѣмцевъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ они могутъ похвалиться такимъ конножелѣзнымъ путемъ, которому навѣрное нѣтъ равнаго на всемъ земномъ шарѣ.

Когда лѣтомъ 1894 г. я ѣдиль вдоль чудной бухты Одавара, южнѣе Иокогамы, въ купальный курортъ Атами съ его знаменитымъ гейзеромъ, то мнѣ еще пришлось обратный путь совершить въ рикшѣ. Но съ тѣхъ поръ находчивые японцы придумали устроить желѣзную дорогу съ рикшами и съ людьми въ качествѣ локомотивовъ. Вмѣсто запряженной однимъ кули ручной тележки по этой дорогѣ ходятъ четырехмѣстные коляски, которыя тянутся двумя кули.

Въ Японіи, кажется, имѣется общество покровительства животнымъ. Не цѣлесообразнѣе ли было бы устроить здѣсь общество покровительства людямъ? Подъемы для этихъ цѣлявъ такъ трудны, особенно когда въ коляску садятся шесть пассажировъ, вмѣсто четырехъ, что бѣдные кули насилу одолѣваютъ ихъ; точно такъ же они не могутъ умѣрить скорости движенія колясокъ при спускахъ; въ короткое время существованія этой оригинальной желѣзной дороги было не мало несчастныхъ случаевъ.

Благодаря значительному количеству желѣзныхъ дорогъ удобное

сообщеніе, конечно, повело къ тому, что прежнія дороги Японіи опустѣли; но кто хочетъ изучить страну и ея обитателей, тотъ, все-таки, долженъ пользоваться еще этими дорогами. Самая старая изъ нихъ знаменитая дорога Наказендо, идетъ отъ Кіото по всей средней части Ниппона къ восточной части его; вторая идетъ оттуда-же къ сѣверу, третья—на сѣверо-востокъ къ святому городу Никко, но въ послѣднее десятилѣтіе, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, самая оживленная дорога была Токайдо, между Кіото и Іеддо; это была главная дорога прежнихъ феодальныхъ князей, когда они, въ сопровожденіи многочисленной свиты, иногда до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, отправлялись ежегодно поклониться сіогуну. Движеніе по этой самой значительнѣйшей дорогѣ Японіи было такое оживленное, что ни одна улица большого города не могла сравниться съ нею; даже теперь еще по Токайдо ежедневно двигаются тысячи людей разными способами: пѣшкомъ, въ экипажахъ, въ рикшахъ или японскихъ носилкахъ (каго).

Къ сожалѣнію, правительство, увлеченное желѣзными дорогами, обращаетъ мало вниманія на состояніе шоссеиныхъ дорогъ. Частыя наводненія и землетрясенія съ каждымъ годомъ причиняютъ все больше и больше опустошеній на этихъ дорогахъ, и мѣстами онѣ стали совсѣмъ непроходимы. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ онѣ были окаймлены чудными тѣнистыми вѣковыми криптомеріями и мнѣ еще пришлось мѣстами, какъ, напримѣръ, воелѣ Никко или Гаконейскаго озера, вѣхать въ моей рикшѣ между двумя длинными рядами этихъ удивительныхъ деревьевъ, напоминавшихъ мнѣ своей горделивой величавостью знаменитыя секои въ Іоземигскомъ округѣ Калифорніи.

Но въ своемъ стремленіи къ мнимой европейской культурѣ японцы начали безпощадно истреблять эти величественные остатки древней Японіи. На разстояніи многихъ верстъ деревья были вырублены, чтобы уступить мѣсто телеграфнымъ столбамъ, и только вмѣшательство дипломатовъ и шумъ, поднятый иностранными газетами, обратили этихъ вандаловъ.

Большинство японскихъ дорогъ содержатся такъ плохо, такъ изрыты водой и въ дождливую погоду представляютъ собою такое болото, что всѣмъ этимъ напоминаютъ китайскія дороги; только мѣстами возможно сообщеніе по нимъ на рикшахъ и только благодаря этому японцы еще пользуются до сихъ поръ носилками, этимъ мучительнымъ экипажемъ, остаткомъ старыхъ временъ.

Этимъ каго пользуются, главнымъ образомъ, женщины, и при взглядѣ на нихъ меня всегда удивляло, какъ могли эти нѣжныя созданія много дней подъ-рядъ проводить въ этихъ жалкихъ носилкахъ. Каго представляетъ собою сидѣнье не больше нашего кресла, принятое спереди и сзади веревками къ бамбуковому шесту, концы котораго лежатъ на плечахъ несущихъ его кули. На этомъ креслѣ

путешественникъ сидитъ на краяхъ, такъ какъ каго слишкомъ низокъ, чтобы сидѣть на немъ, выпрямившись, какъ слѣдуетъ, и спустить ноги и слишкомъ коротокъ для того, чтобы вытянуть ихъ.

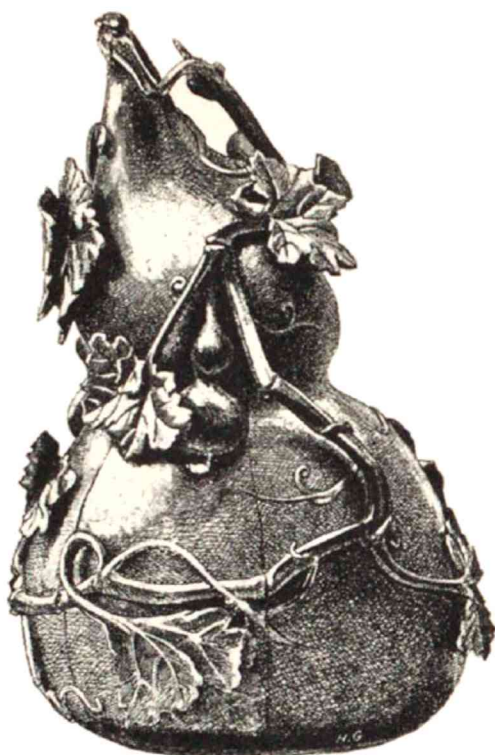
При этомъ, благодаря низкому росту японцевъ, разстояніе между сидѣльемъ и шестомъ такъ мало, что только маленькія женщины могутъ держать голову прямо; я-же, всякій разъ, какъ поднимаю голову, ударялся объ шестъ. Правда, для облегченія страданій, на сидѣнье, кладется подушка, а на бамбуковый шестъ горизонтальный предохранительный колпакъ изъ матеріи на случай палящихъ лучей солнца или дождя; но, все-таки, ѣхать въ каго очень мучительно. Поэтому въ послѣдніе годы здѣсь введены были, главнымъ образомъ, для европейцевъ, переносные стулья, какіе въ большемъ употребленіи въ Китаѣ, преимущественно въ Гонгконгѣ. Они состоятъ изъ удобнаго плетенаго кресла съ висящей на веревкѣ скамеечкой для ногъ; вмѣсто того, чтобы быть привѣшеннымъ къ бамбуковому шесту, какъ каго,—къ каждой сторонѣ этого кресла, на высотѣ сидѣнья, прикреплены эластичные бамбуковые шесты, въ нѣсколько метровъ длиною, концы которыхъ покоятся на плечахъ у двухъ или четырехъ кули.

Нельзя не удивляться силѣ и выносливости сухожилийъ кули, при видѣ того, какъ они справляются съ рикшами, каго и переносными креслами; но еще больше удивляетъ небольшой размѣръ платы, которой они удовлетворяются. Правда, ихъ потребности болѣе, чѣмъ скромны; они спятъ въ жалкихъ лачугахъ или въ устроенныхъ мѣстахъ по Токайдо, или Накаендо сторожкахъ; они питаются рисомъ и овощами, а что касается костюма, то внутри страны, вдали отъ полицейскаго надзора, онъ состоитъ лѣтомъ только изъ бѣлаго пояса, перекинутого вокругъ бедеръ.

Только въ болѣе модныхъ мѣстахъ кули присоединяютъ къ этому еще снужку, спереди открытую куртку и иногда позволяютъ себѣ роскошь: одѣть туго-обтянутые панталоны до коленъ.

Такихъ кули въ странѣ Восходящаго солнца—до двухъ милліоновъ человѣкъ.

Бирмингамъ дальняго Востока.

Благодаря японско-китайской войнѣ Европа начала удѣлять восточной Азіи очень большее вниманіе. Неоднократно говорили и писали о тѣхъ опасностяхъ, какія грозятъ европейской промышленности со стороны соперничающей съ нею промышленности азіатскихъ странъ и преимущественно со стороны Японіи, которая за послѣднія десятилѣтія стала вполне самостоятельной въ этомъ отношеніи и даже успѣшно выступаетъ со своими произведеніями не только на азіатскихъ рынкахъ, но и на европейскихъ.

Гдѣ-же главный центръ молодой и уже могущественной промышленности этой далекой страны?

Въ отдѣльныхъ городахъ и областяхъ вся Японія превращается постепенно въ небольшую восточно-азиатскую Вестфалію? Поѣздивши по Японіи, вы скоро будете достаточно освѣдомлены объ этомъ.

Когда вы ѣздите по Европѣ, то можете узнать близость городовъ по пропитанному дымомъ воздуху, по куполамъ церквей, по высокимъ трубамъ и большимъ фабричнымъ постройкамъ; въ Японіи

же вы только тогда видите городъ, когда вы въ него совсѣмъ въѣхали. Сады и высокія деревья скрываютъ отъ взоровъ низенькіе и одноэтажные домики, и воздухъ въ этихъ городахъ такъ-же прозраченъ и чистъ, а небо такое-же голубое, какъ въ деревняхъ. Японцы берутъ для отопленія только древесный уголь, а для этого не нужны трубы, которыя, къ счастью, совершенно неизвѣстны городамъ южной Японіи.

Поэтому путешественника очень удивляетъ, когда на своемъ пути вдоль восточнаго берега, между Иокогамой и Кобе (на разстояніи часоваго пути до Кобе), онъ видитъ на востокъ густые облака дыма, точно отъ большого пожара. Подъѣхавъ ближе, онъ видитъ въ далекой равнинѣ множество обширныхъ фабрикъ, красные, многоэтажные дома со множествомъ оконъ и высоко вздымающимися трубами,—арѣлище, которое онъ привыкъ видѣть въ Вестфаліи и Саксоніи, но которое здѣсь кажется ему страннымъ. Затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ прокопченной дымомъ, темной и оживленной станціи, и кондукторъ объявляетъ, что поѣздъ прибылъ въ Осаку.

Осака—это японскій Бирмингемъ; это молодая гордость молодой же японской промышленности и главный фабричный пунктъ восточной Азіи. Въсѣтъ съ этимъ Осака (Ohsakka)—второй въ странѣ городъ, по своей величинѣ, по числу жителей и богатству уступающій мѣсто только Токио.

Передъ вокзаломъ, среди тысячи дѣловыхъ людей, тѣсятся сотни курума съ запряженными въ нихъ кули.

Я сажусь въ одну изъ курума, говорю своему возницѣ: „Іадіа Джикютай“ и черезъ десять минутъ быстрой ѣзды по искривленнымъ улицамъ Осаки я уже нахожусь въ единственной полу-европейской гостинницѣ этого города.

Отель Джикютай и примыкающія къ нему другія постройки находятся на уакомъ и длинномъ островѣ, покрытомъ красивыми садами. Этотъ островъ находится посреди рѣки Іодогавы, ширина которой здѣсь такая же, какъ ширина Рейна близъ Кельна.

Островъ Никоношима соединяется съ городомъ широкимъ мостомъ, постоянно запруженнымъ народомъ; по рѣкѣ ходятъ взадъ и впередъ безчисленные пароходы, грузовыя барки и сампаны; берега густо застроены живописными, многоэтажными домами, фасады которыхъ стоятъ въ водѣ на сваяхъ, и въ каждомъ этажѣ которыхъ находится обращенная къ рѣкѣ веранда, украшенная цвѣтами, фонарями и флагами. Въ домахъ, на верандахъ, на мосту и на рѣкѣ,—вездѣ кипитъ жизнь. Всюду, куда ни взглянешь, масса людей, и все исключительно японцы, очевидно, еще нетронутые европейской культурой.

За нѣсколько дней моего пребыванія въ Осакѣ, я не встрѣтилъ ни одного европейца. Въ прежніе годы, когда японцы еще только устраи- вали свои фабрики, тутъ было много европейскихъ мастеровъ, пригла-

шенныхъ японцами въ качествѣ руководителей. Но когда ихъ миссія была окончена, т. е., когда японцы изучили европейское искусство, то европейскіе мастера были уволены. Теперь же всѣ эти большія фабрики, появившіяся въ этомъ старинномъ японскомъ городѣ въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій, находятся почти исключительно въ японскихъ рукахъ; эти фабрики построены на японскія деньги, всѣ нужные европейскіе или азіатскіе сырые матеріалы обрабатываются исключительно японцами посредствомъ японскихъ-же машинъ и въ готовомъ видѣ поставляются на рынокъ при посредствѣ японскихъ торговыхъ фирмъ, страхуются отъ всякаго рода несчастій въ японскихъ страховыхъ обществахъ и, наконецъ, японскими-же пароходами развозятся по разнымъ портамъ не только своей страны, но и Китая, Индіи, Австраліи и даже Европы.

Въ послѣднее время одно большое японское общество пароходства—Ниппонъ-юэнь-кайша, установило правильныя пароходныя сообщенія: одно черезъ Тихій Океанъ въ Америку и другое—черезъ Суэцкій каналъ въ Европу, такъ что большое количество осакскихъ издѣлій проникаетъ въ Европу, не давая ни гроша заработка самимъ европейцамъ.

Но гдѣ-же, однако, всѣ фабрики этого, такъ быстро выросшаго японскаго Бирмингама?

Вокругъ всей широкой рѣки и внутри города нѣтъ ни одной фабрики, и кто ожидаетъ увидѣть здѣсь телеги для перевозки тяжестей или повозки, машины, рельсовые пути, набережныя съ элеваторами, на которыхъ работаютъ прокопченные рабочіе, словомъ все то, что можно встрѣтить въ любомъ европейскомъ фабричномъ городѣ,—тотъ будетъ пріятно разочарованъ.

Рѣка, безчисленные каналы, улицы внутренней части города до самой крѣпости,—все представляетъ собою чисто-японскую картину прежнихъ временъ, и можно сказать, что ни Токио, ни Киото, ни какой-либо другой городъ Японіи, посѣщаемый иностранцами, не сохранился такимъ.

Токио передѣлывается правительствомъ, выражаясь фигурально, на европейскій ладъ, точно также и Иокогама, Кобе, Хіого, отчасти Киото и Нагасаки. Но за то Осака, покорила европейскую культуру японскою, она усвоила изъ нея все ей необходимое, но все усвоенное приноровила къ японскому характеру; и по наружному виду своихъ улицъ, домовъ и людей, живущихъ въ нихъ, она осталась, очевидно съ намѣренной настойчивостью, совершенно японскимъ городомъ прежнихъ временъ.

За все время моего путешествія по Японіи я не видѣлъ ни одного города, гдѣ нравы жителей остались бы такими неприкосновенными и гдѣ было бы столько жизни, какъ въ Осакѣ.

Въ этомъ отношеніи это самый интересный и достойный внима-

Японцы во время путешествія по Токаидо.

нiя городъ во всей Японiи. Казалось бы, что всѣ европейскiя мастерства, развивавшiяся здѣсь съ такой быстротой, должны были отразиться на жизни, костюмахъ и на всемъ характерѣ жителей. Но, между тѣмъ, какъ разъ наоборотъ. Все японское нигдѣ не сохранилось въ такой неприкосновенности, какъ здѣсь. Нигдѣ не остались такъ нѣрны старымъ предразсудкамъ, идолопоклонству и процессiямъ,—какъ адѣсь, въ Осакѣ; празднованiе матсури не сохранило такого колорита, какъ въ осакѣ; осакскiя гейши славятся, какъ самыя красивыя и самыя талантливыя, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не сохранились въ такой неприкосновенности старо-японскiе танцы, пѣсни и музыка.

Городъ расположенъ на обоихъ берегахъ широкой рѣки Иодогавы, вытекающей изъ озера Бива, и съ давнихъ временъ считается гаванью прежней столицы Японiи,—Киото, съ которымъ она соединена нынѣ желѣзной дорогой и пароходнымъ сообщенiемъ по Иодогавѣ.

Въ настоящее время Осака не можетъ считаться портовымъ городомъ, потому что она почти на три километра удалена отъ тинистаго устья рѣки въ глубокую бухту, такъ что морскимъ пароходамъ здѣсь невозможно пристать.

Противъ Осаки, въ западной части бухты, которая не шире пятнадцати километровъ, расположились города-близнецы, Хiого и Кобе, и они, съ своей стороны, представляютъ собой Осакскiй портъ; всѣ ея произведенiя нагружаются здѣсь на пароходы и какъ въ до-революцiонное время Киото создалъ гавань Осаку, такъ въ новѣйшiя времена Осака создала и довела до расцвѣта гавань Кобе.

Кобе—совсѣмъ европейскiй городъ, съ улицами, домами, консульствами, театрами, концертными залами и клубами еще болѣе на европейскiй ладъ, чѣмъ Токогама, которую она въ скоромъ времени совсѣмъ перецеголяетъ; но за то Осака осталась совсѣмъ японскимъ городомъ.

Это, впрочемъ, бросается въ глаза съ перваго-же взгляда, стоятъ только прокатиться въ рикшѣ по улицамъ этого прелестнаго города. Онъ распланированъ по-американски, въ видѣ шахматной доски; широкiя, прямолинейныя улицы пересѣкаются подъ прямыми углами и, въ свою очередь, прорѣзываются такими-же прямыми каналами, черезъ которые перекинуты горбатые деревянные мосты. Тутъ какъ будто смѣшались два города вмѣстѣ, причемъ одинъ изъ нихъ состоитъ изъ каналовъ, соединяющихся почти тремя съ половиною тысячами мостовъ.

Какой же изъ этихъ двухъ городовъ интереснѣе?

Днемъ, конечно,—городъ, находящiйся на сушѣ, съ его кипучей жизнью и движенiемъ, съ безчисленными магазинами, которые тянутся въ нѣкоторыхъ улицахъ на разстоянiи цѣлыхъ верстъ одинъ возлѣ другаго, точно каждая изъ 162.000 семей города имѣетъ свой собственный магазинъ.

Въ іюлѣ 1896 г. въ городскую черту Осаки были включены 28 городовъ и деревень, такъ что, благодаря этому, населеніе ея увеличилось на 125.000 человекъ. Такимъ образомъ, общее число жителей въ немъ равняется 752000 человекъ, т. е. на 300.000 человекъ больше, чѣмъ въ Вирмингамѣ.

Вездѣ, вверху и внизъ по улицамъ, мелькаютъ широко-открытые магазины, такъ что, гуляя по улицѣ, можно видѣть не только выставленный товаръ, но и все, что дѣлается внутри.

Осака не только рынокъ, но и фабричный городъ; тутъ фабрикуются не только европейскія издѣлія, но также и издѣлія японскихъ фабрикъ.

На улицѣ—торговля, а внутри магазиновъ—мастерскія. Эти мастерскія, особенно тѣ, въ которыхъ дѣлаются японскія вещи, остались, по прежнему, кустарными. Каждая семья работаетъ въ маленькой, низенькой, но открытой съ двухъ сторонъ доступу свѣжаго воздуха лавочкѣ; семьи работаютъ самостоятельно, а въ рѣдкихъ случаяхъ приглашаютъ одного или нѣсколькихъ подмастерьевъ со стороны. Тутъ зачастую можно видѣть, какъ въ знойное время года маленькіе, трудолюбивые японцы, работаютъ, почти голые, руками, а иногда и ногами. Тутъ можно видѣть, какъ разрисовываются маленькіе вѣера, какъ рѣжутся ихъ бамбуковыя ребрышки и соединяются вмѣстѣ. Этотъ маленький предметъ вывозится по всему міру въ количествѣ сотенъ милліоновъ и именно изъ Осаки, и приносить не одинъ милліонъ барыша жителямъ города. Здѣсь можно видѣть, какъ плетутся нѣжныя, красивыя цыновки, какъ красятся посредствомъ индиго заготовленныя на фабрикахъ матеріи, какъ ткутся прелестныя шелковыя матеріи и золотая парча, какъ изготавливаются зонтики изъ бамбука и бумаги; здѣсь можно наблюдать выдѣлку маленькихъ деревянныхъ бездѣлушекъ, ящичковъ и шкатулокъ разныхъ размѣровъ, но совершенно одинаковой формы, такъ что онѣ легко впадаютъ одни въ другія; тутъ же фабрикуются милліоны куколъ и разныхъ другихъ игрушекъ, бронзовыхъ фигурокъ, чашечекъ и сотенъ другихъ годныхъ для продажи вещей, которыя выдѣляются на европейскихъ рынкахъ, нравятся намъ и заставляютъ насъ раскошелиться.

Цѣлыми часами бродилъ я по этимъ кварталамъ, гдѣ господствуетъ кустарная промышленность, и не переставалъ удивляться ловкости и простымъ приспособленіямъ японскихъ ремесленниковъ. Что касается изящества и тонкости работы, то ни одна нація не можетъ соперничать съ ними, если они только постараются.

Благодаря огромному сбыту, въ Европѣ и Америкѣ, фабрикующихся въ Осакѣ бездѣлушекъ, спросъ на нихъ такъ возросъ, что кустари завалены заказами и не хватаетъ подростковъ для подмастерья; и такъ какъ трудоспособность японцевъ послѣ шестнадцати-часоваго рабочаго

дня сильно ослабляется, то за послѣдніе годы въ производствѣ стала, къ сожалѣнію, замѣчаться рутинна.

Осака — нѣчто вродѣ японскаго Чикаго, съ его погоней за деньгами. Зарабатывай деньги, но зарабатывай ихъ честнымъ трудомъ, если же такъ не можешь, то, все-таки, зарабатывай...

Только небольшое число художественныхъ производствъ уцѣлѣло отъ легкомысленнаго къ нимъ отношенія со стороны мастеровъ: — именно, фабрикація бронзовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій. Въ магазинахъ рѣдкостей, въ Кубе и Иокогамѣ, часто предлагали мнѣ прелестныя вещицы этого рода. Бронза съ инкрустированными или выкованными фи-

За вышиваніемъ ширмъ.

гурами, орнаентами, съ необыкновенно нѣжной эмалью, — всѣ вещи прелестной формы и тончайшаго издѣлія. Или показывали мнѣ прелестныя маленькія вазочки, чашки, пепельницы изъ тончайшаго фарфора, разрисованнаго узорами, изящество, миниатюрность и сочетаніе цвѣтовъ которыхъ недостижимы въ Европѣ.

Творцами этихъ произведеній, какъ мнѣ тогда сказали, были знаменитыя фирмы въ Осакѣ. Когда я посѣтилъ эти фирмы, чтобы познакомиться на мѣстѣ съ способомъ производства этихъ художественныхъ вещицъ, то увидѣлъ, что онѣ помѣщаются въ скромныхъ деревянныхъ домикахъ, но у нихъ не было тутъ же открытой лавки, какъ у ихъ менѣе значительныхъ коллегъ.

На запертыхъ домахъ, похожихъ на обыкновенные частные дома, не было ни вывѣсокъ, ни какихъ либо другихъ обозначеній фирмы.

Даже когда меня впустили внутрь, я не замѣтилъ тамъ никакой выставленной вещи. Только послѣ долгой бесѣды и послѣ того, какъ я выпилъ нѣсколько чашекъ чаю, открылись сундуки и появились на свѣтъ Божій маленькія художественныя вещицы, завернутыя въ бумагу и шерсть. Ихъ церемонно поднесли показать мнѣ, точно это были брилліантовые украшенія. Когда я спросилъ, гдѣ находится мастерская, то мнѣ показали крутую узкую лѣстницу, ведущую въ первый этажъ, гдѣ на полу сидѣли двое молодыхъ рабочихъ и разрисовывали маленькія фарфоровыя вазы и чашки. Это-то и была знаменитая фабрика.

Въ Европѣ мастеръ, рисующій такъ прелестно на фарфорѣ, навѣрное былъ бы профессоромъ, сидѣлъ бы въ прекрасной мастерской и получалъ бы большой окладъ. Здѣсь же эти артисты—скромные молодые люди, работающіе по шестнадцати часовъ въ день, сидя почти нагишомъ, на корточкахъ, на полу и получающіе подневную плату въ одинъ іенъ (1 рубль). Очень немногіе получаютъ больше, а большая часть рабочихъ, находящихъ примѣненіе своего искусства въ мелкихъ мастерскихъ Осаки, получаютъ не больше двадцати—двадцати пяти копеекъ въ день. И такихъ рабочихъ—мастеровъ насчитывается въ Осакѣ больше шестидесяти тысячъ. Лучшіе механики получаютъ здѣсь по рублю въ день; вышивальщики, надзиратели, рисовальщики, рѣзчики по дереву—50 копеекъ; фабричные рабочіе, среднимъ числомъ, отъ двадцати до двадцати пяти копеекъ въ день, подневные рабочіе тридцать пять копеекъ.

Но еще меньшую плату получаютъ работницы. Больше всего платятъ вышивальщицамъ и рисовальщицамъ; онѣ получаютъ по двадцати копеекъ въ день; за ними слѣдуютъ надзирательницы и лучшія работницы изъ другихъ отраслей промышленности, получающія по пятнадцати копеекъ въ день; затѣмъ обыкновенныя работницы—съ платой по десяти копеекъ въ день и, наконецъ, ученицы, получающія отъ пяти до пятнадцати копеекъ въ день.

Какъ мы видимъ, рабочая плата въ Японіи составляетъ четвертую или пятую часть того, что получаютъ рабочіе въ Европѣ, и если принять во вниманіе, что Японія по отношенію къ Азіи то-же, что Англія по отношенію къ Европѣ и что она соединена съ различными гаванями азіатскихъ странъ собственными пароходными путями; что разстояніе этихъ странъ отъ Японіи въ три или пять разъ меньше, чѣмъ разстояніе между ними и Европой, что составляетъ большую экономію въ перевозкѣ и страховкѣ; если мы примемъ все это во вниманіе, то намъ станетъ понятнымъ развитіе Японіи, какъ промышленной страны, и переполненіе азіатскихъ рынковъ японскими издѣліями и товарами.

Поразительные успѣхи японской промышленности нигдѣ такъ не

бросаются въ глаза, какъ въ Осакѣ. Мѣстнаго населенія здѣсь давно уже не хватаетъ для выполненія всѣхъ работъ, и поэтому деревенскіе жители стремятся сюда со всѣхъ провинцій въ поискахъ за работой, которая въ городѣ все же лучше оплачивается, чѣмъ въ деревнѣ, какъ это замѣтно и въ европейскихъ промышленныхъ странахъ.

Въ послѣдніе годы застроились совершенно новыя части города, и жаткіе деревянныя домишки снимаются раньше, чѣмъ ихъ успѣваютъ выстроить. Цѣнность строительныхъ матеріаловъ въ этомъ разрастающемся городѣ возросла до того, что превышаетъ теперь втрое стоимость ихъ въ Токио, а соответственно этому возросли и квартирная плата и „шишикинь“. Всякій квартиронаиматель передъ переселеніемъ въ квартиру обязанъ внести домовладѣльцу извѣстную сумму въ обезпеченіе исправнаго платежа,—это и есть шишикинь. Если домъ сгорѣлъ, то шишикинь дѣлается цѣликомъ собственностью домовладѣльца; по окончаніи срока найма квартиры двадцать процентовъ этой суммы домовладѣлецъ получаетъ во всякомъ случаѣ; надо только удивляться, какимъ образомъ японцы, при своихъ ограниченныхъ средствахъ, въ состояніи вносить шишикинь.

Больше всего мастеровъ Осакѣ доставляетъ западная провинція Хирошима, населеніе которой, главнымъ образомъ, состоитъ изъ потомковъ покореннаго японцами народа айно; это мирный, трудолюбивый и не требовательный народъ, который далъ изъ своей среды большой контингентъ рабочихъ для японскихъ колоній въ Австраліи, Новой Каледоніи, Гавайѣ и т. д. Тысячи бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ въ нѣжномъ возрастѣ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ находятъ себѣ работу на фабрикахъ Осаки, и многіе фабриканты устроили для этихъ безпомощныхъ молодыхъ работницъ общежитія, гдѣ онѣ получаютъ столъ, ночлегъ и гдѣ онѣ иногда учатся читать и писать. Изъ своей незначительной почасной платы въ шесть копеекъ онѣ должны платить за свой пансіонъ около четырехъ съ половиною коп. При наймѣ онѣ получаютъ 1 р. 50 к. на обмундировку и плату на проездъ въ Осаку, но за то ихъ контрактовываютъ на три года; остатки ихъ жалованья откладываются въ особыя сберегательныя кассы и по окончаніи срока найма имъ выдается скопившаяся за все время сумма. Первая фабрика, гдѣ впервые былъ введенъ этотъ способъ вознагражденія,—была прядильня Канегафуджи въ Токио, гдѣ работало больше двухъ тысячъ маленькихъ дѣвочекъ.

Но гдѣ же большія фабрики Осаки?

Въ оживленныхъ улицахъ этого большаго города ихъ не видно. Онѣ помѣщаются, главнымъ образомъ, за городомъ, надъ грязными, скверно пахущими каналами; это огромныя, совершенно европейскія постройки, устроенныя по новѣйшимъ образцамъ, гдѣ работаютъ самыя лучшія европейскія машины, многія изъ которыхъ нѣмецкаго происхожденія. Двѣ самыя большія фабрики принадлежатъ казнѣ, именно—

арсеналь и монетный дворъ. По мнѣнію знатоковъ, эти учрежденія нисколько не уступаютъ таковымъ-же въ Европѣ. Австрійскій наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, даетъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ такой отзывъ о японскомъ арсеналѣ:

„Больше всего поражаетъ то, въ какой короткій промежутокъ времени японцы освоились со всѣми касающимися этой промышленности усовершенствованіями. Арсеналь снабженъ машинами лучшихъ конструкцій, такъ что стволы ружей, являющіеся въ сыромъ видѣ изъ плавильныхъ мастерскихъ, бывають совершенно готовы въ самомъ непродолжительномъ времени. Во многихъ обширныхъ залахъ можно видѣть проаводство ядеръ въ большомъ размѣрѣ; само собою разумѣется, тутъ нѣтъ недостатка въ побочныхъ мастерскихъ, какъ-то: мастерскихъ для починки, столярныхъ, каретныхъ и сѣдельныхъ. Японскій арсеналь получаетъ теперь заказы даже изъ за границы; такъ, напримѣръ, Португалія заказала здѣсь себѣ горныя орудія“.

Какъ арсеналь, такъ и монетный дворъ ведется исключительно японцами. Благодаря удивительному таланту въ подражаніи, эти маленькіе, привѣтливые и предупредительные японцы во время своихъ научныхъ поѣздокъ въ Европу прямымъ или косвеннымъ путемъ изучили методы нашего производства и, вернувшись къ себѣ домой, прежде всего постарались устроить такіа же учрежденія у себя, чтобы не прибѣгать къ европейскимъ рынкамъ.

То-же самое можно сказать и относительно крупныхъ шерстопрядильныхъ фабрикъ, гдѣ скрипятъ сотни шестерней и дѣлають пряжу изъ австрійской, индійской и даже египетской шерсти; эта пряжа во всей восточной Азіи, даже въ Индіи, вытѣснила европейскіе продукты. То же можно сказать и о ткацкомъ дѣлѣ, пивовареніи, кожевенныхъ фабрикахъ, стеклянныхъ и т. под.

Во время моихъ прогулокъ по Осакѣ я наткнулся даже на фабрику европейскихъ зонтиковъ, стальные прутья для которыхъ получались изъ Германіи, на мыловаренные заводы, на фабрики, изготовлявшія обувь, зубныя щетки и даже карманные часы. Хотя часовая фабрика и теперь, много лѣтъ спустя, все еще работаетъ въ убытокъ, но пройдетъ еще немного времени, и она достигнетъ такихъ же результатовъ, какъ спичечныя фабрики, окончательно вытѣснившія значительный ввозъ этого предмета въ восточную Азію.

Правительство всѣми силами поощряетъ отечественную промышленность и вполне полагается на методы, перенятые у европейцевъ.

Въ центрѣ города находится роскошный промышленный музей, подобнаго которому нѣтъ, къ сожалѣнію, во многихъ большихъ европейскихъ городахъ. Такой музей, называемый хакуранквей, имѣется въ каждомъ японскомъ городѣ, но изъ всѣхъ, которые мнѣ пришлось видѣть, самый полный въ Осакѣ.

Заплативъ за входъ незначительную плату въ нѣсколько копеекъ я вошелъ въ большой паркъ съ группами деревьевъ и цвѣтниками, въ которомъ раскинуто было множество построекъ, совсѣмъ какъ на любой промышленной выставкѣ въ Европѣ, съ тою только разницей, что въ Осакѣ она постоянная.

Въ этихъ зданіяхъ размѣщены въ систематическомъ порядкѣ всѣ производства города. Всѣ предметы распределены съ большимъ умѣньемъ; на всякой, даже самой маленькой вещицѣ есть ярлычекъ, на которомъ обозначена ея цѣна, и ее можно сейчасъ же приобрести и унести съ собой.

Вечеромъ паркъ ярко освѣщается электричествомъ, на эстрадѣ играетъ военная музыка, и тысячи японцевъ посѣщаютъ эту выставку, точно и эта выставка, и электрическое освѣщеніе, и вѣяскій вальсъ и проч.—нѣчто туземное, прирожденное, давно знакомое, а не совершенно чужое, только нѣсколько лѣтъ тому назадъ привившееся здѣсь.

Японцы, вмѣстѣ съ своей промышленностью, усвоили себѣ и европейское военное искусство и примѣнили его къ старой крѣпости, возвышающейся въ восточной части города надъ полноводной и быстрой Иодогавой.

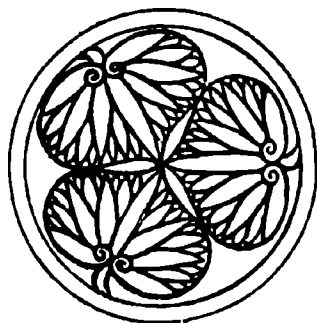
Великій японскій полководецъ Гидейоши построить ее въ 1583 г., и его дворецъ, находившійся внутри этой сильной крѣпости, былъ самымъ роскошнымъ и дорогимъ во всей Японіи. Первый сіюгунъ изъ рода Токугава, знаменитый Іеяси, овладѣлъ въ 1615 г. этимъ дворцомъ и крѣпостью, и съ тѣхъ поръ они оставались во владѣніи сіюгуновъ до 1858 г. Здѣсь-же былъ окруженъ войсками микадо послѣдній сіюгунъ вмѣстѣ съ остатками своего войска, а 22 февраля того-же года пала и эта японская Гаэта.

Сіюгунъ бѣжалъ на американское военное судно, его приверженцы подожгли этотъ роскошный, дорогой дворецъ, и огонь, уничтожившій его, былъ какъ бы могилой древне-японской феодальной системы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и колыбелью власти императора въ наступившей новой эрѣ.

Въ настоящее время въ этой крѣпости находятся казармы и квартиры офицеровъ японской дивизіи. Проходя черезъ входныя ворота мимо часовыхъ, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на огромныя стѣны, построенныя триста лѣтъ назадъ по приказанію Гидейоши. Каменные глыбы длиною въ шесть или семь метровъ и вѣсомъ больше трехсотъ тоннъ, соперничающія по своей многочисленности съ каменными колоссами Ваальбека и Карнака, лежали нагроможденные одна на другую въ видѣ огромныхъ стѣнъ и какъ тамъ, такъ и здѣсь, я невольно удивлялся, какъ могли древніе японцы, со своими примитивными средствами и безъ знанія нашей механики, притащить сюда эти глыбы и нагромождать ихъ одну на другую.

Опѣ, впрочемъ, вызываютъ удивленіе и у самихъ японцевъ, которые снабдили ихъ разными названіями. По угламъ и теперь еще возвышаются на этихъ стѣнахъ своеобразныя японскія стороженія будки съ нѣсколькими крышами одна надъ другой, но въ остальномъ все устроено согласно требованіямъ современнаго военнаго дѣла.

Вездѣ, гдѣ только возможно, японское правительство, очевидно, стремится уничтожить все старое и примѣнить все новое, принесенное съ запада. Но самъ народъ со своими нравами, религіей и костюмомъ остался прежнимъ.

Лебиссо, предмѣстѣе Осаки.

Когда мы двое, т. е. я и Иосифъ Шиттенгельмъ изъ Вѣны, добрались до высотъ крутаго ущелья Отомето, то нашимъ глазамъ открылась во всемъ своемъ величїи дѣль нашего путешествія — высокая Фуджи-яма.

Рѣзко выделяются ея коричневые отвѣсные склоны и сѣровыя вершины на ясномъ, голубомъ небѣ Японїи, какъ это изображено на миллионахъ рисунковъ, но какъ въ дѣйствительности не часто бываетъ лѣтомъ. Обыкновенно вершина Фуджи-ямы скрывается въ густыхъ облакахъ, и очень многіе путешественники, бывшіе въ царствѣ микадо даже нѣсколько недѣль, совсѣмъ не могли видѣть этой священной горы.

Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, то я, помню, видѣлъ изображеніе вулканическаго конуса на бумажномъ японскомъ вѣерѣ; позже я видѣлъ его на фарфоровыхъ вазахъ, на тарелкахъ, въ смѣшанныхъ японскихъ книжкахъ съ картинками. Я видѣлъ тамъ золотыя изображенія Фуджи-ямы на бронзовыхъ и серебрянныхъ сосудахъ, — словомъ на всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ вещахъ, которыми японцы запружаютъ наши рынки.

Дѣйствительно, Фуджи считается символомъ японцевъ, чѣмъ-то вродѣ божества, олицетвореніемъ Коноямазаку-йя-химе, т. е. той принцессы, которая бутоны деревень превращаетъ въ цвѣты.

Могъ ли я тогда предполагать, что мнѣ придется на яву увидѣть эту красивѣйшую изъ горъ и что завтра я буду на ея вершинѣ!

Собственно говоря, это совершенно безсмысленное предпрїятіе, безцѣльная, трудная и утомительная забава.

Японцы совершаютъ подъемъ на Фуджи-яму для искупленія своихъ грѣховъ, поэтому лѣтомъ здѣсь можно видѣть нѣсколько тысячъ пилигримовъ, идущихъ сюда изъ всѣхъ мѣстъ страны. Въ Японїи, особенно среди сельскаго населенія, существуютъ паломническія общества, члены которыхъ ежегодно вносятъ опредѣленную сумму; эти общество даетъ своимъ членамъ возможность совершать каждый годъ паломничество на Фуджи-занъ. Наша христіанская религія не требуетъ восхожденія на горы, какъ искупленія грѣховъ. Но меня подзадорило то, что десять лѣтъ тому назадъ я былъ на вершинѣ Попокатепетля,

высочайшей горы сѣверной Америки; почему-же мнѣ теперь не возвратиться на высочайшую гору восточной Азіи?

Наши кули быстрыми шагами пронесли насъ среди дѣйствительно райскихъ мѣстъ внизъ къ Готембѣ, подножію Фуджи.

Мы сидѣли въ переносныхъ стульяхъ, которые очень удобны, пока находятся въ спокойномъ состояніи. Но какъ только длинные шести изъ эластичнаго бамбука подымутся на плечи носильщиковъ, и эти послѣдніе идутъ скорымъ шагомъ, начинается безпощадная тряска. На каждомъ шагу насъ то высоко подбрасываетъ вверхъ, то такъ безжалостно швыряетъ внизъ на жесткое сидѣнье, что мы были совершенно разбиты и измучены, когда прибыли въ Готембу, одну изъ деревушекъ, лежащую у Токайдо.

Мы пообедали въ чайномъ домѣ, гдѣ намъ прислуживали двѣ милостивыя незнакомки, разочли своихъ кули и, послѣ непродолжительнаго отдыха, снова пустились въ путь по направленію къ Субашири.

Мой спутникъ ни за что не хотѣлъ воспользоваться переноснымъ кресломъ. Съ другой стороны, насъ не особенно прельщала перспектива подняться пѣшкомъ по твердой лавѣ на протяженіи цѣлыхъ шести километровъ, особенно если принять во вниманіе предстоящій намъ подъѣмъ на гору; мы рѣшили нанять единственный нашедшійся въ Готембѣ экипажъ, — какой-то жалкій ящикъ, запряженный заморенной клячей. Но оказалось, что мы, что называется, попали изъ огня да въ полымя, потому что дорога отъ Готембы до Субашири оказалась самой ужасной, которую я когда-либо испыталъ; вся она была въ глубокихъ рывтинахъ и состояла изъ обломковъ камней и глыбъ лавы, такъ что, за время этого путешествія, насъ еще больше растрясло, чѣмъ прежде въ носилкахъ.

Субашири—одна изъ самыхъ интересныхъ деревень Японіи.

Быть какъ разъ сезонъ паломничества, и въ многочисленныхъ отеляхъ и чайныхъ домахъ, изъ которыхъ состоитъ это мѣстечко, было навѣрное тысячи двѣ паломниковъ. Въ то время, какъ мы отдыхали на террасѣ чайнаго дома Іоне-Йама, мимо насъ проходили группы паломниковъ въ шесть, восемь, двадцать и тридцать человекъ: — старыхъ и молодыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, но все исключительно мужчины: — ни одной женщины среди нихъ, такъ какъ женщинамъ запрещено всходить на эту гору. Всѣ они были одѣты совершенно одинаково: въ бѣлыя куртки, бѣлые-же обтянутые панталоны, бѣлые носки съ соломенными сандалями на ногахъ и съ огромными соломенными шляпами на головахъ; у каждого была на плечахъ для предохраненія отъ дождя, солнца и холода плетеная соломенная дыновка величиною въ квадратный метръ; ночью она служила имъ подстилкой. Въ правой рукѣ у каждого паломника былъ длинный посохъ вродѣ нашихъ альпенштоковъ, а въ лѣвой—колокольчикъ, въ который паломники безпрестанно звонили.

Паломники были на всѣхъ верандахъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ домовъ; одни отдыхали, другіе играли, курили или безцеремонно совершали свой туалетъ. На покрытомъ цыновками полу нашего чайнаго дома одна группа принялась ужинать. Японцы, мужчины и женщины, среди которыхъ были совсѣмъ молодыя дѣвушки, усѣлись въ кружокъ на икры и ловко управлялись палочками, кладя въ ротъ рисъ и отъ времени до времени беря изъ стоящей посрединѣ большой миски кусочки рыбы или какой нибудь зелени.

Хитрый хозяинъ, должно быть, хотѣлъ заработать у насъ за ночлегъ, такъ какъ онъ сильно отговаривалъ насъ подняться на Фуджи еще сегодня вечеромъ: и погода, дескать, испортится, и лошадей больше нѣтъ, чтобы довезти насъ черезъ равнины лавы и обломки камней къ Умагайши, послѣдней станціи священной горы, доступной верховымъ. Но когда мы, все таки, настояли на своемъ и когда мнѣ удалось даже достать пару верховыхъ лошадей, то онъ натравилъ на насъ полицію. У насъ потребовали для осмотра наши паспорта, но такъ они выданы были правительствомъ въ Токио и были совсѣмъ въ порядкѣ, то стражи закона оставили насъ въ покоѣ и даже разогнали окружившихъ насъ ребятишекъ, разглядывавшихъ насъ во всѣ глаза.

Около семи часовъ вечера мы уже сидѣли на скверно осѣдланныхъ клячахъ и скакали по живописной деревенской дорогѣ по направленію къ огромной и темной массѣ вулкана, величественно возвышавшагося передъ нами. Вся деревня кипѣла жизнью, точно во время ярмарки; передъ домами тянулись длинные ряды лотковъ, гдѣ разложены были для продажи лакомства, освѣжительные напитки, маленькія вещицы на память о Фуджи и проч.; на каждомъ домѣ развивались флаги и полотенца, которыя берутъ всѣ паломники съ собою и на которыхъ ставятъ клейма различныхъ мѣстъ, гдѣ имъ пришлось быть, на память о своемъ паломничествѣ. Посреди широкой улицы шумно протекаетъ полноводный ручей по направленію къ Сакагавѣ, а на его берегахъ выставлена была масса маленькихъ гидравлическихъ колесъ и механическихъ игрушекъ, отчасти для дѣтской забавы, отчасти для того, чтобы этими двигающимися аппаратами разгонять мукъ въ лоткахъ съ фруктами и сладостями.

Огненно-красное солнце закатилось, и на небѣ засіялъ блѣдный мѣсяцъ, освѣщая намъ дорогу, ведущую вверхъ по пустыннымъ грудамъ обломковъ и сплошнымъ пространствамъ лавы. Послѣ двухчасоваго пути мы вѣхали въ темный лѣсъ съ высокими деревьями, гдѣ должны были крѣпко держаться за поводья лошадей и гдѣ кули освѣщали намъ дорогу факелами, чтобы мы не могли наткнуться на торчащія всюду пни и корни.

Мой спутникъ очень сердился на меня за мою безумную выдумку подняться на Фуджи ночью, вмѣсто того, чтобы сдѣлать это днемъ,

какъ другіе люди, такъ-какъ мы рисковали въ темнотѣ сломать себѣ шею и ноги. Но я зналъ, что мы сейчасъ опять выйдемъ изъ темнаго лѣса на дорогу, освѣщенную луннымъ свѣтомъ; притомъ-же было гораздо лучше карабкаться теперь, чѣмъ при палящихъ лучахъ солнца.

Я намѣревался подняться какъ можно выше, провести остатокъ ночи въ какой нибудь сторожкѣ и на слѣдующее утро подняться до самой вершины вулкана. При здѣшней непостоянной погодѣ всегда можно было ожидать, что гора вдругъ окутается густыми облаками, и тогда все наше путешествіе было бы безцѣльнымъ.

Вскорѣ мы увидѣли среди темнаго лѣса огни и слышали звонъ колокольчиковъ пилигримовъ. Мы достигли уже Умагайши, жалкаго чайнаго домика съ примыкающимъ къ нему навѣсомъ, подъ которымъ отдыхало на деревянныхъ нарахъ около полусотни паломниковъ, возвращающихся съ Фуджи. Всѣ эти фигуры, одѣтыя въ бѣлое, лежащія въ разныхъ позахъ, казались во мракѣ лѣса, при мерцаніи сосновыхъ лучинъ, какими то припадѣніями. Они почти не обратили на насъ никакого вниманія, когда мы подѣхали и, выпивъ чай, отправились дальше.

Но наши кули запротестовали.

„Умагайши“ въ переводѣ значитъ: „оставить лошадей“, т. е. это было мѣсто, гдѣ паломники слѣзали съ лошадей и продолжали подъемъ на гору пѣшкомъ.

Но я слышалъ, что лошади могли еще пройти отсюда разстояніе по крайней мѣрѣ въ два километра, а такъ какъ намъ хотѣлось сберечь силы, то я взялъ изъ рукъ у кули факель и погналъ свою лошадь впередъ.

Мой спутникъ послѣдовалъ за мной, и хотя намъ пришлось проѣхать нѣсколько опасныхъ мѣстъ, все же мы, быть можетъ, первые пріѣхали верхомъ къ станціи Тшуджикяба.

Здѣсь мы оставили лошадей, распорядившись, чтобы на слѣдующій день къ вечеру ихъ опять привели сюда. Мы прошли черезъ ворота одного храма и купили у стараго священника альпенштоки, а наши кули накупили цѣлую кучу соломенныхъ сандалій,—паръ двадцать. Я думалъ, что они исполняютъ порученіе кого либо изъ сторожей, живущихъ въ будкахъ на горѣ, и не прекословить имъ.

Сначала все шло хорошо, и мы подвигались впередъ довольно успѣшно. Лѣсъ перемежался болотами и лужайками и только, когда мы достигли вышины въ двѣ тысячи метровъ, то деревья стали замѣтно тоньше, сосны сдѣлались маленькими и искривленными, и, наконецъ, намъ стали попадаться только мѣстами суковатая лиственницы-карлики и колючіе кустарники, рвавшіе наше платье. Но луна продолжала свѣтить. Несмотря на то, что на Фуджи-яму приходятъ многія тысячи паломниковъ ежегодно, здѣсь, послѣ первыхъ двухъ тысячъ метровъ, нѣтъ никакой дороги, и мы карабкались частью по

твердымъ базальтовымъ или покрытымъ лавою скаламъ, а частью шли въ бродъ по вулканическому пеплу или песку, гдѣ утопали на каждомъ шагу. Японцы вѣрятъ, что этотъ песокъ, сдвигаемый въ долину паломниками, ночью опять переносится сверхъестественной силой на гору. Но мы этого, конечно, не замѣтили.

Для облегченія подъема въ различныхъ мѣстахъ горы устроены шалаши. Со стороны Субашири ихъ цѣлыхъ десять штукъ на разстояніи одного километра и на высотѣ трехсотъ метровъ другъ отъ друга.

Вскорѣ послѣ того, какъ мы прошли по уединенной дорогѣ мимо перваго шалаша, стало гораздо холоднѣе; облака окутали надъ нами отѣсы горъ и заслонили отъ насъ луну; вѣтеръ усилился и, наконецъ, превратился въ такой ураганъ, что мы съ трудомъ добрались до втораго шалаша. Еслибы не наши кули, то мы прошли бы мимо, не замѣтивъ его, такъ какъ онъ устроенъ на площадкѣ, высѣченной въ лавѣ, со стѣнами изъ глыбъ той-же лавы; стволы деревьевъ, съ наваленными на нихъ обломками скалъ, составляютъ крышу и въ единственномъ отверстіи, служащемъ одновременно окномъ и дверью, были столбы и рамы. На стукъ намъ открыли дверь, и мы очутились въ низенькой комнатѣ съ досчатымъ поломъ, среди котораго на каменной плитѣ скалы потухалъ костеръ.

При свѣтѣ коптящей керосиновой лампы мы увидѣли, что надъ очагомъ висѣлъ большой котелъ. Вокругъ очага нѣсколько десятковъ паломниковъ лежали на соломенныхъ циновкахъ, между тѣмъ, какъ другіе сидѣли у теплой золы, чтобы согрѣться. Когда мы вошли, навстрѣчу намъ поднялся хозяинъ гостиницы „Четырехъ Вѣтровъ“ и началъ молча устранивать для насъ ночлегъ въ углу, потому что при этой страшной бурѣ, свистящей въ щели нашего пріюта, нечего было и думать о дальнѣйшемъ путешествіи.

Онъ досталъ нѣсколько тонкихъ стеганныхъ шерстяныхъ одѣялъ, разостлалъ ихъ на полу и передъ сномъ подаль намъ котелокъ съ горячимъ чаемъ. Мы завернулись въ плащи и при той усталости, которую мы чувствовали, мы моментально уснули бы мертвымъ сномъ, еслибы... да, еслибы!

Японія — царство блохъ. И даже въ такихъ фешенебельныхъ отеляхъ, какъ европейскій отель въ Міяношитѣ, онѣ безпощадно мучаютъ усталаго путника. Но въ японскихъ гостиницахъ и чайныхъ домахъ эти насѣкомыя являются настоящимъ бичемъ. Поэтому мнѣ такъ хотѣлось избѣжать ночлега въ Субаширѣ, но, къ несчастію, это мнѣ не удалось. Никакая температура для нихъ не слишкомъ холодна, ни одна гора не слишкомъ высока, ни одно разстояніе — не велико и ни одинъ человѣкъ не является для нихъ священной особой.

Съ чисто-республиканскимъ равноправіемъ и братствомъ блохи

присасываются ко всему, что живетъ и имѣетъ мясо, кожу и кровь. Не знаю, были-ли эти дьявольскія созданія предувѣдомлены о нашемъ прибытіи, или они насъ почували,—но черезъ пять минутъ послѣ того, какъ мы улеглись, началось невыносимое кусанье, зудъ и щекопанье; напрасны были-бы наши усилія вступить въ борьбу съ легиономъ этихъ мучителей. Если бы они хоть медленнѣе двигались! Послѣ двадцати-часоваго пути по желѣзной дорогѣ, въ коляскѣ, верхомъ, пѣшкомъ; послѣ тряски въ носилкахъ и послѣ того, какъ наши пальцы окоченѣли отъ холода, мы уже не обладали той ловкостью, которая нужна для охоты за этими насѣкомыми. Но мы, все-таки, не хотѣли дешево продать свою кровь. Я зналъ, что мнѣ предстоитъ неравная борьба съ этими кровожадными тварями и поэтому запасся масломъ *Reppu Royal*. Мы и раньше натерли имъ тѣло, но это ни къ чему не привело, поэтому мы вылили всё содержимое бутылокъ на свое бѣлье; это, наконецъ, помогло, и мы крѣпко уснули отъ усталости. Однако, когда мы проснулись въ четыре часа утра, чтобы продолжать путь, то наши тѣла оказались усыянными красными точками. Это блохи растатуировали насъ во время нашего сна.

Буря и дождь все еще не унялись, такъ что мы рѣшили пробить еще два часа въ этомъ пріютѣ. Но погода не прояснилась ни въ шесть, ни въ восемь, ни въ десять часовъ утра.

Настало обѣденное время, и мы стали уже бояться, что съ нами будетъ то-же, что было съ другими, которымъ пришлось два-три дня прожить въ шалашѣ среди этой пустыни изъ лавы, питаться рисомъ и сквернымъ чаемъ; но тутъ погода прояснилась. Вѣтеръ дулъ съ такой силой, что мы насилу держались на ногахъ, и мой спутникъ выразилъ даже намѣреніе непременно вернуться назадъ. Но мы такъ далеко зашли, что надо было подниматься дальше.

Итакъ, впередъ! Мы подвигались съ трудомъ и медленно, но все же подвигались. Мы дошли до третьяго, четвертаго, пятаго шалаша, потомъ до шестаго, седьмаго и восьмаго. Мой спутникъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Я уступилъ ему своихъ проводниковъ, они обвязали его поясомъ и стали тянуть вверхъ, трое другихъ подталкивали его сзади и, такимъ образомъ, онъ слѣдовалъ за мной, останавливаясь вблизи каждаго шалаша, чтобы подкрѣпиться глоткомъ взятаго съ собою коньяка.

Во всѣхъ этихъ пещерахъ мы находили утомленныхъ паломниковъ, множество блохъ, высокія цѣны, но очень мало пищи и напитковъ,—больше всего риса, сушеной рыбы и макароновъ, висѣвшихъ длинными нитями по стѣнамъ вмѣстѣ съ синими и красными полотенцами, оставленными на память набожными паломниками. Стѣны, столбы, даже потолки задрапированы были этими оригинальными визитными карточками; многіе оставили полосы бумаги съ написанными на нихъ именами,

Священная гора Фуджіяма.

и среди послѣднихъ я видѣлъ не мало англійскихъ и американскихъ именъ.

Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ чаще попадались намъ снѣжныя поляны въ ущельяхъ конусообразнаго купола вулкана; снѣгъ не исчезаетъ здѣсь въ теченіи круглаго года. Между ущельями тянутся крупныя выступы твердой лавы; однимъ такимъ выступомъ мы воспользовались для подъема вверхъ. Благодаря рѣзкой перемѣнѣ температуры масса лавы дала въ нѣсколькихъ мѣстахъ трещины, которыя послужили опорой нашимъ ногамъ, когда мы карабкались вверхъ.

Достигнувъ шестаго шалаша, мы миновали холодный, густой слой тумана, окутывавшаго гору, и передъ нашими глазами ясно вырисовался конусъ вершины, казавшейся намъ такой близкой, что мы думали, что достигнемъ ее черезъ полъ-часа.

Однако, мы карабкались еще три часа кряду и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ выше казалась намъ гора. Справа отъ насъ, т. е. на южной сторонѣ горы, между двумя выступами изъ лавы, виднѣлась огромная отлогость съ обломками и рыхлой золой на такомъ большомъ протяженіи, какого я никогда не видѣлъ. Она тянется съ самой вершины горы на разстояніи многихъ верстъ внизъ до лѣса, окаймляющаго Фуджи на высотѣ полуторы тысячи метровъ, и на этой отлогости виднѣлось нѣсколько десятковъ паломниковъ, которые спускались бѣгомъ, опираясь на свои альпенштоки и погружаясь въ мусоръ на каждомъ шагѣ.

Наконецъ, въ пятомъ часу вечера мы очутились у подножія огромной лѣстницы, ступеньки которой высѣчены въ ровной массѣ крутоспускающейся лавы, чтобы сдѣлать возможнымъ подъемъ на вершину. Съ большимъ трудомъ, точно наши ноги налиты были свинцомъ, поднялись мы, со ступеньки на ступеньку, вверхъ и, совершенно выбившись изъ силъ, къ шести часамъ вечера достигли краевъ кратера.

На узкомъ плато, между вѣйшнимъ краемъ горы и кратеромъ, діаметръ котораго равенъ почти одной верстѣ, стоитъ нѣсколько домиковъ, построенныхъ изъ лавы, гдѣ живутъ священники и хозяева харчевень, въ которыхъ продаются сѣстные припасы и разные сувениры съ священной горы.

Одинъ изъ этихъ домиковъ превращенъ въ храмъ; и у его входа мы успѣли отдохнуть и выпить остатки имѣющагося у насъ кокосоваго вина.

Благотворное вліяніе кокосоваго вина я испыталъ на себѣ еще въ американскихъ Кордильерахъ и съ тѣхъ поръ всегда беру его съ собой, когда поднимаюсь въ горы.

Своего спутника я никакъ не могъ уговорить прогуляться вокругъ кратера или пройти къ его подошвѣ, находящейся на глубинѣ тысячи метровъ. Такъ какъ мы не собирались тутъ ночевать, то должны были немедленно двинуться въ обратный путь. И поэтому я одинъ поспѣ-

шилъ по сѣуживавшемуся кверху краю кратера къ павильону, стоящему на самомъ высокомъ мѣстѣ его, и оттуда заглянулъ въ наполненное парами, дымящееся жерло, стѣны котораго состояли изъ потрескавшихся глыбъ лавы, фантастически нагроможденныхъ одна на другую. Изъ многихъ трещинъ и разсѣлинъ со свистомъ струится горячій паръ,—признакъ того, что высочайшій вулканъ восточной Азіи только дремлетъ.

А что, если онъ какъ разъ теперь проснется отъ своего двухсотлѣтняго сна? Зрѣлище было бы, безъ сомнѣнія, грандіозное, но я не особенно радовался бы этому. Одна мысль объ этомъ приводила меня въ ужасъ.

Мой проводникъ отговаривалъ меня спуститься въ кратеръ, потому что пора было пуститься въ обратный путь.

Мы попросили священниковъ храма выжечь на нашихъ альпенштокахъ изображеніе вершины Фуджи, еще разъ оглядѣли все окружающее, посмотрѣли внизъ, гдѣ облака закрывали отъ нашихъ взоровъ видъ моря и мѣста, лежація у нашихъ ногъ, и пустились въ путь. Когда мы достигли подножія крутой лѣстницы, то проводники настояли на томъ, чтобы сверхъ башмаковъ мы одѣли соломенные сандаліи, а мнѣ они вручили еще три пары, такъ какъ я обыкновенно шелъ впереди нашего каравана. вмѣсто того, чтобы спуститься по той дорогѣ, по которой мы поднялись, мы повернули направо по необозримой отлогости съ мусоромъ; ноги тонули до щиколокъ въ рыхломъ, остромъ' пескѣ, выброшенномъ кратеромъ въ большомъ количествѣ въ прежнія времена, и наши башмаки, навѣрное, были-бы изрѣзаны въ первые полчаса, если бы поверхъ ихъ не были одѣты соломенные сандаліи. Вотъ причина, почему наши проводники запаслись двумя дюжинами сандалій.

Во время нашего спуска мы мѣняли ихъ нѣсколько разъ, потому что каждые полчаса они висѣли на нашихъ ногахъ въ видѣ лоскутьевъ. Вся отлогость была усыяна изорванными сандаліями, такъ что изъ нихъ одѣхъ можно было бы составить маленькую Фуджи-яму. Вѣдь, на священную гору забирается ежегодно, быть можетъ, тридцать тысячъ паломниковъ, которымъ бываетъ нужно по крайней мѣрѣ полтора-два тысячъ паръ сандалій; и это тянется уже много столѣтій!

Быстро прошли мы отлогость. Чтобы подняться на вершину, намъ понадобилось десять часовъ, а спустились мы, опять къ краю лѣса, то бѣгомъ, то прыгая, то скользя внизъ въ рыхлой золѣ, меньше, чѣмъ черезъ три часа.

Между тѣмъ, стало совершенно темно, и мы должны были пробираться лѣсомъ при свѣтѣ факеловъ опять къ Умагайши; въ десять часовъ вечера мы были уже тамъ. Лошади были готовы, но мы, все таки, остались на часокъ прилечь среди усталыхъ японскихъ палом-

никогда, чтобы набраться силъ для дальнѣйшаго путешествія. Въдь уже цѣлыхъ сорокъ часовъ мы были въ пути!

Съ удовольствіемъ остались бы мы здѣсь поочевать, но одна мысль о блохахъ погнала насъ дальше. Лучше прождать всю ночь верхомъ, чѣмъ подвергнуться нападенію этихъ кровожадныхъ насѣкомыхъ.

Моего спутника подвигли еле живаго на лошадь, но какъ только онъ очутился въ сѣдлѣ, онъ пришелъ въ себя, и мы весело направились въ Субангирі. Тамъ я также не рѣшился остановиться отдохнуть, потому что мой бѣдный спутникъ не въ состояніи былъ бы снова усесться на лошадь. Поэтому мы проѣхали деревню по мертвой и тихой дорогѣ и, наконецъ, въ четыре часа утра счастливо добрались до Готембы какъ разъ во время, такъ что попали на ранній поѣздъ, уходящій въ Коцу, а оттуда мы опять поѣхали къ своимъ, въ Міяношиту, куда прибыли въ 9 часовъ утра.

Намъ очень обрадовались, такъ какъ безпокоились, не захватилъ ли насъ тайфунъ, свирѣствовавшій здѣсь пока мы были на Фуджи-ямѣ и уничтожившій массу кораблей, разрушившій нѣсколько деревень и вообще патворившій массу бѣдъ въ странѣ.

Правда, вверху, на вершинѣ высочайшей горы восточной Азіи, мы избѣжали тайфуна, но я, все таки, согласенъ бы лучше попасть въ тайфунъ, чѣмъ подняться еще разъ на Фуджи-яму.

Гитаристъ (на самизентъ).

Икао.

(Японскій Карлсбадъ).

Японія, со своими тремя тысячами восемьюстами пятьюдесятью (3.850) островами и островками, несомнѣнно самая вулканическая страна на всемъ земномъ шарѣ. Здѣсь и теперь еще дѣйствуетъ цѣлый рядъ вулкановъ, и къ намъ ежегодно доходятъ извѣстія о страшныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ изверженіями вулкановъ или землетрясеніями. Но хотя вулканы производятъ много бѣдъ, за то вытекающіе изъ ихъ жерлъ минеральныя источники приносятъ исцѣленіе страждущему человечеству. Японія очень богата источниками, содержащими въ себѣ желѣзо, сѣру, мышьякъ, соль и соду, и вокругъ этихъ источниковъ образовались курорты, куда японцы ѣздятъ лечиться уже много вѣковъ подъ-рядъ.

Извѣстнѣйшіе изъ мѣстныхъ источниковъ: Унденъ, вблизи Нагасаки, Кузатану и Юмото вблизи стариннаго японскаго города храмовъ—Никко, Міяношита, самое фешенебельное и любимое европейцами мѣсто въ округѣ священной горы Фуджи-ямы, и, наконецъ, Икао, находящійся среди горъ острова Ниппона.

Икао раскинулся въ сторонѣ отъ главнаго тракта странствующихъ европейскихъ туристовъ, поэтому онъ мало посѣщается ими и еще не испорченъ ищущими развлеченій англичанами и американцами. Къ

этимъ благословеннымъ горячимъ источникамъ еще не проложена ни обыкновенная шоссеиная проѣзжая дорога, ни перенесенная сюда, вмѣстѣ съ культурой далекаго европейскаго Запада, желѣзная дорога, и всякій, желающій познакомиться съ неподдѣльнымъ, оживленнымъ, интереснымъ и богатымъ развлеченіями курортомъ, долженъ побывать въ Икао,—этомъ японскомъ Карлсбадѣ.

Послѣ всего, что я пережилъ въ „странѣ утренняго покоя“, Кореѣ, откуда я незадолго передъ этимъ вернулся, я могъ себѣ позволить небольшую поѣздку для отдыха. И я рѣшилъ избрать мѣстомъ для него—Икао.

Дорога къ находящейся близъ Икао желѣзнодорожной станціи Таказаки (близъ города того-же названія)—одна изъ самыхъ пріятныхъ. Вся мѣстность къ сѣверу отъ столицы, которую вы мчитесь въ теченіи трехъ часовъ въ удобныхъ вагонахъ, похожа на чудный садъ. Каждый клочекъ земли обработанъ трудолюбивыми японцами; вездѣ видѣются маленькія поля, фруктовые сады, тѣнистыя рощи, бамбуковые плетни; дороги и тропинки расчищены такъ тщательно, что можно подумать, будто хозяева всего этого края богатые люди, занимающіеся земледѣліемъ и садоводствомъ только для развлечения. При этомъ въ этой идеальной картинѣ все такъ гармонируетъ, точно какой нибудь садовникъ-декораторъ, вродѣ Пюклеръ Мюскау, нарочно устроилъ здѣсь холмы и засадилъ ихъ большими деревьями, точно онъ распредѣлитъ всѣ оттѣнки зелени и насадилъ въ одномъ мѣстѣ кустарники бамбука, въ другомъ—высокія темныя криптомеріи и оригинальной формы сосны нарочно для распредѣленія цвѣтовъ и для декорации, но никакъ не для какихъ либо практическихъ цѣлей. Самые большія деревья растутъ на небольшихъ холмахъ, возвышающихся тамъ и сямъ на поверхности, богато орошенной рѣками и источниками; изъ ихъ зеленой чащи кое гдѣ видѣются небольшіе храмы и пагоды, къ которымъ ведутъ сплошныя аллеи. Передъ нѣкоторыми храмами стоятъ по нѣсколько десятковъ странно приподнятыхъ воротъ, окрашенныхъ въ свѣтло-красную краску. Фономъ этихъ прелестныхъ ландшафтовъ служатъ лѣсистыя цѣпи горъ въ три, четыре и пять рядовъ, словно театральныя кулисы; позади ихъ возвышаются кое гдѣ конусы вулкановъ, поднимающіеся къ голубому небу на высоту двухъ или трехъ тысячъ метровъ.

Таказаки, хорошенькій, оживленный городокъ, очень гармонируетъ съ окружающей его обстановкой и представлялъ собою при моемъ приближеніи центръ богатой красками картины.

Быль праздничный день, и поэтому на улицахъ по всѣмъ направленіямъ видѣлись триумфальныя арки изъ вѣтвей и цвѣтовъ; гирлянды цвѣтовъ тянулись отъ одного дома къ другому; къ этому еще присоединялись разноцвѣтные фонари, а надъ крышами развѣвались

цѣлые лѣса японскихъ флаговъ (бѣлаго и краснаго цвѣта). Каждая фура, каждая рикша, даже вагоны конки, пересекающей Таказаки,— все было увѣшано фонарями. На улицахъ кипѣли — кишѣли пестро-одѣтые люди, точно бабочки въ огромномъ цвѣтннкѣ. Какъ ни были они увлечены весельемъ и развлеченіемъ, — все же присутствіе европейца возбудило ихъ вниманіе, и вскорѣ я былъ окруженъ любопытными дѣвочками и мальчиками. Они удивленно, но довѣрчиво смотрѣли на меня, ощупывали мое платье и перчатки и громко разсмѣялись, когда я попытался на японскомъ языкѣ разузнать у нихъ нѣкоторыя подробности предстоявшей мнѣ дальнѣйшей поѣздки по конкѣ, которая идетъ отъ Таказаки въ горы, на разстояніе двадцати пяти километровъ, до Шибукавы и устроена такъ-же, какъ наши европейскія конки: такіе же вагоны, кучера и кондуктора въ такихъ же мундирахъ; но обращаются съ лошадьми они гораздо лучше, чѣмъ ихъ европейскіе коллеги; они стараются не переполнять вагоновъ публикой и каждые полъ-часа останавливаются, чтобы полить лошадямъ водой ротъ и животь.

Я не знаю, кто въ комъ, во время нашего переѣзда по конкѣ, возбуждалъ большее удивленіе: я — въ японцахъ, или они — во мнѣ. Лошадки такъ медленно двигались впередъ, что мы имѣли достаточно досуга наблюдать другъ за другомъ. Я полагаю, что мои наблюденія были интереснѣе. Былъ вечеръ и жара была невыносимая, такъ что японцы и японки безъ всякаго стѣсненія сидѣли, въ буквальныймъ смыслѣ этого слова, въ костюмахъ Адама и Евы. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, вся семья купалась въ узкихъ деревянныхъ чанахъ, или же нагишомъ разгуливала по двору, чтобы обсохнуть на свѣжемъ воздухѣ. Чѣмъ позднѣе становилось, тѣмъ яснѣе я могъ видѣть все то, что дѣлалось въ домашнемъ обиходѣ всѣхъ домиковъ, мимо которыхъ мы проѣзжали. Послѣ купающихся семей я видѣлъ, какъ другія семьи ужинали, кушая неизбежный рисъ при помощи палочекъ; нѣкоторые разстилали на высокомъ полу своихъ квартиръ соломенные циновки и тонкіе матрацы на ночь; наконецъ, попадались и спящіе семьи: мужчины, женщины, дѣти — всѣ вмѣстѣ, совершенно голые, отдѣленные отъ внѣшняго міра только большой сѣткой, прикрѣпленной къ потолку.

Къ десяти часамъ вечера вагонъ конно-желѣзной дороги, нанятый мною для себя и моихъ спутниковъ-европейцевъ, прибылъ въ Шибукаву, — небольшую и очень бѣдную деревушку. Среди жителей ея поднялось волненіе. Они вскочили съ своихъ постелей въ болѣе, чѣмъ легкихъ костюмахъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, такъ какъ хозяинъ чайнаго дома, находящагося противъ станціи, очень хотѣлъ, чтобы мы у него переночевали. Онъ говорилъ, что дорога въ Икао слишкомъ плоха, чтобы ѣхать по ней въ темнотѣ, а, между тѣмъ, у него имѣются

прекрасныя постели и хорошенькія молодыя „незанъ“, которыя услаждали-бы нашъ сонъ. Но я настоялъ на томъ, чтобы ѣхать дальше; на улицѣ свѣтила луна, а маленькія незанъ нисколько не привлекали насъ. Послѣ долгихъ переговоровъ мы сторговались, за сравнительно высокую цѣну, поѣхать дальше въ рикшахъ.

Впереди каждой изъ нихъ шло по четыре здоровыхъ, мускулистыхъ кули, и мы двинулись въ гору по направленію къ Икао. Нѣсколько бумажныхъ фонарей въ рукахъ кули скудно освѣщали эту дѣйствительно скверную, кочковатую дорогу. Послѣ двухчасовой ѣзды наши кули, крихтя и стѣная, карабкались на послѣдній откосъ по направленію къ конечному пункту нашей поѣздки, признаками котораго являлось пока множество тускло-свѣтящихся фонарей какъ разъ среди дороги. Когда мы подѣхали къ нимъ, то я увидѣлъ, что ихъ несло нѣсколько десятковъ человѣкъ, почтительно повалившихся намъ въ ноги, какъ того требовалъ японскій обычай; тутъ же были: хозяинъ гостинницы, нѣсколько кули, хорошенькія прислужницы,—словомъ, весь персоналъ гостинницы Муруматсу. Мы заказали себѣ комнаты, такъ-какъ въ прекрасномъ путеводителѣ Mugaу'a по Японіи (удивительно, что тутъ нѣтъ еще Бедекера!) эта гостинница рекомендуется, какъ исполнѣ европейская.

Гостинница находилась совсѣмъ близко: это было первое европейское зданіе знаменитаго купальнаго курорта. Въ темнотѣ можно было только разсмотрѣть, что оно было вышиною въ два этажа и что внизу находились столовая и билліардная. Но когда хорошенькія незанъ повели насъ по лѣстницѣ въ верхній этажъ, то оказалось, что этотъ европейскій отель, въ сущности, совершенно японскій домъ, потому что вмѣсто отдѣльныхъ спаленъ весь этажъ представлялъ собою одну большую комнату, покрытую тонкими цыновками, изъ которой посредствомъ бумажныхъ ширмъ можно было составить отдѣльныя спальни. Двѣ изъ этихъ ширмъ, затянутыя тонкой, прозрачной бумагой, были сдвинуты, и я очутился въ своей спальнѣ. Все, что здѣсь было европейскаго,—это кровать, умывальникъ и стулъ; больше внутри ширмы, т. е. въ моей комнатѣ, никакой мебели не было.

Хорошенькая незанъ усердно прислуживала мнѣ и очень неохотно удалилась отсюда. Послѣ ея ухода я сдвинулъ ширмы и очутился одинъ. Съ одной стороны бумага отдѣляла меня, должно быть, отъ спящей женщины, насколько я могъ судить по дыханію, а съ другой — повидимому отъ спящаго мужчины: его выдавалъ громкій храпъ. Хорошо испытаннаго противъ этого въ Европѣ средства—швырнѣя сапогъ въ стѣну, нельзя было здѣсь примѣнить, потому что они могли прорвать бумагу и упасть храпящему на голову. Поэтому я прибѣгъ къ болѣе деликатному способу, т. е. началъ свистать, и это помогло. Но еще въ продолженіи цѣлаго часа я немогъ успокоиться, потому что

малѣйшій шорохъ, производимый при раздѣваньи моими спутниками, доносился ко мнѣ даже изъ самыхъ дальнихъ угловъ. На слѣдующее утро меня разбудили маленькія горничныя, безцеремонно раздвинувшія мои ширмы и, безпрестанно улыбаясь и кланаясь, подъ всякимъ предлогомъ вертѣлись тутъ; онѣ проводили меня въ купальный павильонъ, выходившій на улицу и почти совсѣмъ открытый. Замкомъ, задвижекъ, занавѣсокъ, купальныхъ костюмовъ въ японскихъ купальныхъ курортахъ не полагается, и кто хочетъ купаться, долженъ безропотно выносить общество постороннихъ людей.

Въ столовой, все таки, были тарелки и стаканы, ножи и вилки, столы и стулья для сидѣнья; отсюда и явилось названіе „европейскаго отеля“. Тутъ даже имѣлась на лицо книга для записи гостей, и въ ней я прочелъ, что за послѣдніе три года въ отелѣ было три нѣмца.

Съ веранды нашего дома, находящагося на самомъ выступѣ горы на высотѣ почти девятисотъ метровъ надъ уровнемъ моря, открывается восхитительный видъ; передъ моими глазами развертываются настоящіе швейцарскіе виды; недостаетъ только снѣговыхъ вершинъ, чтобы дополнить воспоминаніе объ этой альпійской странѣ. Налѣво тянется лѣсистое ущелье вплоть до самой равнины, а на противоположномъ плато видѣется великолѣпный японскій дворецъ, похожій на императорскій дворецъ въ Токио или на дворецъ сіюгуна въ Никко или Кіото, окруженный роскошными садами. Современная Японія создала въ послѣднія два десятилѣтія людей съ еще большими средствами, чѣмъ ранѣе въ эпоху феодальнаго режима, и сказочный дворецъ въ Икао принадлежитъ предсѣдателю правленія самаго крупнаго туземнаго общества пароходства—„Ниппонъ-Юзень-Кайша“.

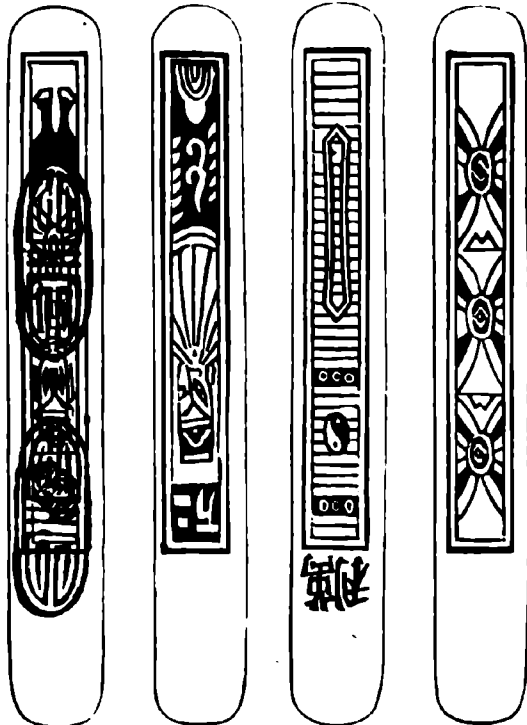
Само Икао, начиная съ отеля Муруматсу, къ которому примыкають десятки другихъ, спускается по склону ущелья круто внизъ, и поэтому главная улица мѣстечка представляетъ собою лѣстницу длиною въ километръ, по сторонамъ которой находятся деревянные домики въ нѣсколько этажей. Каждый домъ—отель, а при каждомъ отелѣ купальня или чайный домъ. Чтобы видѣть все Икао насквозь, мнѣ вовсе не нужно уходить съ моей террасы, потому что во всѣхъ этажахъ окружающихъ меня домовъ раздвинуты ширмы, открыты двери и веранды, такъ что мнѣ насквозь видна вся внутренность домовъ. Жители ихъ съ любопытствомъ поглядываютъ на европейца, но это, однако, не мѣшаетъ имъ заниматься своими обычными дѣлами.

Одѣтые и раздѣтые они или играютъ на самизенѣ, ѣдятъ, пьютъ, работаютъ, читають, причесываются или занимаются болѣе интимнымъ дѣломъ—и притомъ безъ всякаго стѣсненія, точно я для нихъ не человекъ, а комнатная собачка или канарейка. Я съ удовольствіемъ перенелъ бы сюда какимъ нибудь волшебствомъ чопорную старую дѣву изъ Германіи, чтобы она пожила въ японскомъ отелѣ и продѣлала

курсъ леченія въ какомъ нибудь японскомъ купальномъ курортѣ. Она безпрестанно падала бы здѣсь въ обморокъ. Это же самое, впрочемъ, случилось бы и съ нашими купальными комиссарами и похвальной полиціей нравовъ, еслибы они сопровождали меня во время моей первой прогулки вверхъ и внизъ по Икао.

Старинные, многоэтажные дома со множествомъ верандъ, вышекъ, лѣстницъ, выступовъ съ красивыми цѣпками, фонарями и флагами на фронтонахъ и съ пестрыми базарами внизу, на улицѣ, гдѣ продаются разныя мелочи, очень красиво выдѣляются и даже имѣютъ отдаленное сходство съ потемнѣвшими отъ непогоды коричневыми швейцарскими шале въ Бернскомъ Оберландѣ. Но что за жизнь, что за дѣла на улицахъ, въ садахъ и купальняхъ! Наши изображенія первыхъ людей рисуютъ ихъ гораздо болѣе одѣтыми, чѣмъ здѣшніе мужчины и женщины въ баняхъ и виѣ ихъ. На нихъ нѣтъ ни единого лоскутка величиною въ почтовую марку!

Вода, содержащая въ себѣ большое количество сѣры и желѣза, имѣетъ температуру въ 45° Цельсія, бьетъ изъ источника и, посредствомъ цѣлой сѣти бамбуковыхъ трубъ, проведена въ отдѣльные бассейны, расположенные позади домовъ и подъ ними. Съ большой лѣстницы, составляющей улицу, къ каждому дому проложенъ проходъ къ принадлежащей ему купальнѣ, и въ этомъ бассейнѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ, въ теченія цѣлаго дня забавляется цѣлое общество купающихся, состоящее изъ стариковъ, мужчинъ, старухъ и молодыхъ дѣвушекъ. По японскимъ правиламъ

Игральныя карты (въ натур. величину).

этого курорта, пріѣзжими принимаются нѣсколько разъ въ день горячія ванны, и многіе изъ купальщиковъ не трудятся даже одѣваться. въ промежуткахъ между ними. Послѣ ванны японцы усаживаются на находящіяся передъ домами скамейки, или же прямо на землю, совершенно голые, покуриная трубки, разглядывая прохожихъ, играя въ карты или домино. Затѣмъ они опять лѣзутъ въ ванну, и черезъ двѣ не-

дѣли курсъ леченія окончить. Дамы принимаютъ въ ваннѣ посѣтителей, вѣжливо раскланиваются другъ съ другомъ, смѣются и балагурятъ самымъ непринужденнымъ образомъ, точно у карлсбадскаго Шлос-сбрунена.

Когда я заходилъ въ какую нибудь купальню, то все веселое общество бросало на меня любопытные взгляды, но, въ общемъ, ихъ спокойствіе не нарушалось ни на іоту; молодыя дѣвушки, въ довольно сомнительныхъ позахъ, сидѣли на ступенькахъ, растирали себѣ тѣло, бросались влпавъ или лежали въ водѣ на спинѣ; только нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно прѣзжія изъ открытыхъ для европейцевъ портовъ, складывали свои руки такъ-же, какъ очаровательная Венера изъ Капитолія,—но это и всѣ.

Японцы обыкновенно посѣщаютъ Икао лѣтомъ,—такъ же, какъ и мы свои лечебныя мѣста; они прѣзжаютъ сюда не только всей семьей съ чадами и домочадцами, но привозятъ съ собой свою постель, бѣлыя посуду и проч. и даже (кому это позволяютъ средства) гейшъ для увеселенія.

Здѣшнія гостиницы раздѣляются на три разряда; въ перворазрядныхъ гостиницахъ плата за помѣщеніе и полное содержаніе немного больше 50 копеекъ въ сутки съ каждой персоны. Конечно, въ японской кухнѣ нѣтъ мяса, и поэтому живущіе въ гостиницахъ получаютъ утромъ только рисъ и немного супа изъ бобовъ; къ обѣду опять рисъ съ свѣжей или соленой рыбой, при этомъ еще овощи, коренья, что-нибудь мучное и фрукты; вечеромъ, конечно, опять рисъ, рыбный супъ и т. п. Въ промежуткахъ, сколько угодно, чаю. Цѣны во второразрядныхъ отеляхъ простираются до 40 копеекъ въ сутки и въ третьеразрядныхъ — до двадцати пяти-тридцати копеекъ за все. Въ этотъ же счетъ идутъ и ванны; только въ перво-класныхъ гостиницахъ желающіе могутъ, за особую плату, брать отдѣльныя ванны.

Икао богато прекрасными окрестностями для прогулокъ; лучшія изъ нихъ — къ шумящему источнику Тозава съ горячей водой цвѣта охры, вверхъ по рѣкѣ къ лечебному источнику Юмото, или къ идиллическому озеру Гаруна, или же, наконецъ, къ крутому, но богатому видами вулканическому конусу Сомайама.

Золотушными больными посѣщается, главнымъ образомъ, источникъ Кузатсу, находящійся на разстояніи одного дня ѣзды отъ Икао. Кузатсу находится въ прекрасной горной области центральной Японіи и въ немъ горячіе, какъ кипятки, желѣзистые, мышьяковистые и сѣрнистые источники. Даже сами японцы, которые такъ любятъ кипятиться въ ваннѣ, теряютъ мужество, когда они стоятъ у дымящагося бассейна главной купальни Кузатсу—Нету-но-ю, и нужна установленная правительствомъ дисциплина, чтобы заставить ихъ войти въ бассейнъ.

Въ книгѣ Мугау'а о Японіи я нашелъ слѣдующее описаніе сценъ, происходящихъ у этого источника:

Туземная улица.

„На разсвѣтъ раздается трубный звукъ, которымъ созывается такое количество больныхъ, какое можетъ вмѣстить въ себѣ бассейнъ. Въ рукахъ у каждаго имѣется черпакъ въ видѣ ложки и, по командѣ заведующаго купальней, каждый купающійся зачерпываетъ воду ложкой сто разъ подрядъ и обливаетъ себя ею для избѣжанія прилива крови. Сторожа зорко наблюдаютъ за всѣми, потому что бывають случаи обмороковъ. Въ продолженіи слѣдующаго за этимъ купанья, продолжающагося 3½—4 минуты, заведующій и купающіеся поютъ хоровую пѣсню, чтобы сохранить бодрость духа. По истеченіи одной минуты, заведующій громко объявляетъ: „еще двѣ минуты“, и купающіеся, которымъ минута, проведенная въ горячей водѣ, показалась вѣчностью, повторяютъ хоромъ: „еще двѣ минуты“; потомъ объявляется „еще одна минута“, „еще полъ-минуты“, — и всякій разъ купающіеся все веселѣе отвѣчаютъ тѣмъ-же. Наконецъ, заведующій объявляетъ: „готово“, и вся толпа красныхъ, кипяченыхъ тѣлъ появляется на поверхности воды, и купальщики съ такою быстротой выскакиваютъ оттуда, что всякій, видѣвшій, какъ они медленно и робко лѣзли въ воду, очень удивится этому. Вскорѣ послѣ этого раздается другой трубный сигналъ, и слѣдующая группа больныхъ подвергается той же процедурѣ“.

Обыкновенный курсъ леченія въ Кузатсу требуетъ, чтобы было принято сто двадцать ваннъ въ теченіи четырехъ недѣль, и можно себѣ легко представить, что эти купанья доставляютъ гораздо меньше удовольствія, чѣмъ ванны въ Икао.

Въ Европѣ не должны приходить въ ужасъ отъ того, что здѣсь открыто купаются въ смѣшанныхъ для обоихъ половъ купальняхъ. То-же самое было и въ европейскихъ купальныхъ курортахъ много десятиковъ лѣтъ назадъ. Когда я наблюдалъ непринужденное поведеніе въ открытыхъ смѣшанныхъ купальняхъ японскихъ городовъ и лечебныхъ мѣстъ, то мнѣ не разъ вспоминалась одна большая картина, писанная маслянными красками, находящаяся въ знаменитомъ историческомъ музеѣ въ Базелѣ, на которой изображена купальня въ швейцарскомъ Ваденѣ: мужчины, женщины и дѣвушки барахтаются въ водѣ въ общемъ бассейнѣ, такіе же голые, какъ современные японцы, и довольно подозрительно заигрываютъ другъ съ другомъ. А посреди бассейна на большомъ столѣ стоятъ наполненные виномъ бокалы, и веселое общество пируетъ во время купанья. Правда, эта картина написана въ началѣ семнадцатаго столѣтія.

Н и к к о.

Городъ храмовъ.

Нikko wo minai utschi wa, Kekko to yu na! („Кто не видалъ Никко, тотъ не можетъ судить о прекрасномъ“)!

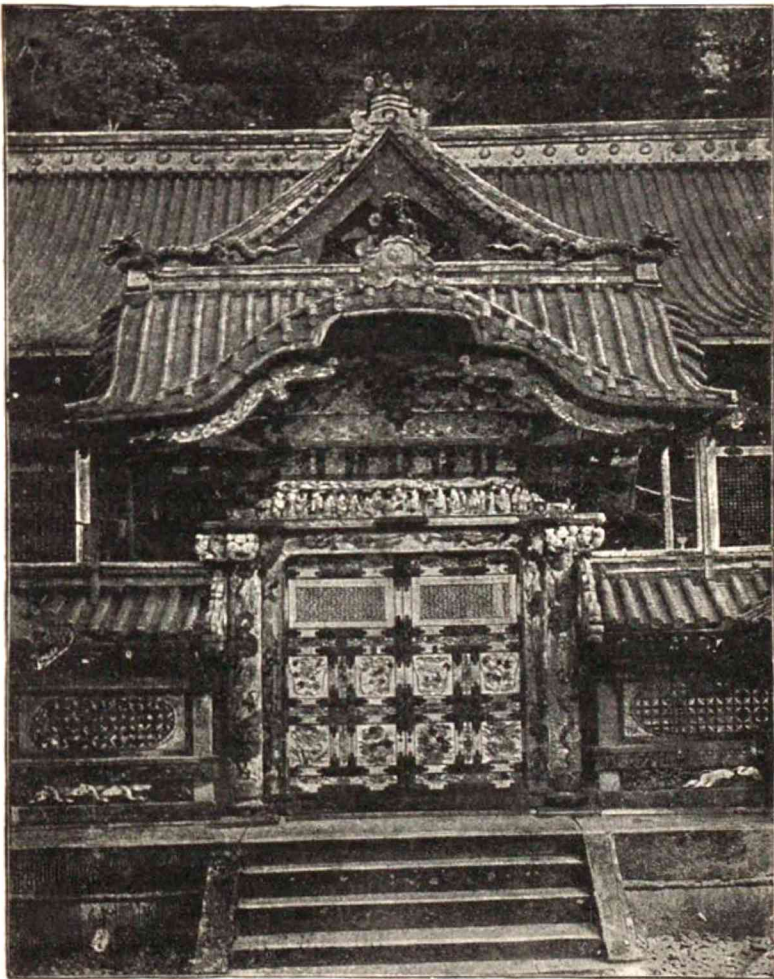
Этой поговоркой, извѣстной всѣмъ жителямъ царства микадо, японцы какъ-бы объясняютъ великолѣпіе своего самого знаменитаго и больше всего посѣщаемого паломниками города. Что касается природы, то японцамъ можно вѣрить на слово, такъ-какъ нѣтъ другого народа, даже въ Европѣ, который бытъ бы такъ чутокъ къ вышнимъ красотамъ и такъ понималъ-бы ту природу, среди которой онъ живетъ. Это, по-моему, самая лучшая черта характера японцевъ и это одинаково относится къ обитателямъ всей страны.

Можно подумать, что большинство маленькихъ городовъ и деревень, такъ красиво расположенныхъ у подножія лѣсистыхъ горъ, у шумящихъ рѣкъ и источниковъ, или среди красивыхъ ландшафтовъ, построено именно тутъ не для практическихъ цѣлей, а изъ-за красоты мѣстоположенія, какъ, напримѣръ, мы устраиваемъ наши лѣтнія убѣжища. Въ японскихъ садахъ, на плантаціяхъ и поляхъ, — всюду видно, что японцы посвящаютъ имъ много труда и заботы, и въ этомъ отношеніи они напоминаютъ только Голландію.

Японскій архипелагъ такъ усеянъ горами, что только двѣнадцатая часть имперіи годна для какой нибудь культуры, но и эта двѣнадцатая часть похожа на садъ. Даже въ лѣсистыхъ горахъ главнаго острова замѣтна любовь японцевъ къ природѣ, особенно въ горномъ округѣ, Никко, который находится въ ста километрахъ къ сѣверу отъ Токио и тянется на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ морскихъ береговъ.

Среди дремучихъ лѣсовъ, шумящихъ рѣкъ и бушующихъ водопадовъ, у пустынныхъ темносинихъ озеръ и высокихъ вулкановъ съ

данныхъ порѣ стояли посвященные разнымъ богамъ храмы, куда стремились на богомолье набожные японцы. Это романтическое мѣсто очаровывало впечатлительный народъ. Большая часть японскихъ народныхъ сказокъ и преданій начинается слѣдующими словами: „Однажды въ горахъ священнаго Никко“... Дѣйствительно, когда я самъ бродилъ по этимъ единственнымъ по своей красотѣ горнымъ мѣстамъ, то мнѣ

Внутреннія двери въ храмъ Іемитсу (въ Никко).

казалось, что ихъ населяютъ сказочные дѣхи и феи. И такъ какъ я начитался всякихъ сказокъ, то мнѣ казалось, что тѣ немногіе путники, которые попадались на встрѣчу,—гномы, а хорошенькія дѣвочки, собирающія въ лѣсу ягоды и хворостъ,—феи изъ другаго міра, какихъ встрѣчати во время своего странствованія Гензель и Гретель. Этому способствовало своеобразие окружающей природы.

Напрасно старался я припомнить какую нибудь страну, которая могла-бы сравниться съ этой. Я перебиралъ въ своей памяти Шварцвальдъ, Зальцкаммергутъ съ его озерами, но Никко, да и вообще вся Японія—совсѣмъ въ другомъ родѣ и мнѣ по-временамъ казалось, что я нахожусь на другой планетѣ. Нигдѣ не чувствовалъ я себя болѣе удаленнымъ отъ европейской культуры и болѣе одинокимъ и удовлетвореннымъ, какъ въ этихъ тѣнистыхъ, безмолвныхъ лѣсахъ съ ихъ огромными фантастическими соснами и криптомеріями, упирающимися въ небо, и странными лиственницами а, между тѣмъ, я находился на разстояніи всего нѣсколькихъ минутъ ходьбы отъ европейскихъ гостиницъ. Надъ этимъ клочкомъ земли витають какія то особыя чары, съ чѣмъ не можетъ не согласиться всякій чуткій и впечатлительный человѣкъ, побывавшій въ Никко.

Эта выдающаяся по своимъ красотамъ провинція, нужно полагать, совершенно очаровала великаго сіюгуна изъ рода Токугава, тайкуна Іеяси, потому что когда этотъ великій человѣкъ, этотъ Юлій Цезарь Японскаго архипелага, умиралъ (въ семнадцатомъ вѣкѣ), то приказалъ похоронить себя именно въ Никко.

Его преемники воздвигли ему здѣсь великолѣпную гробницу, а императорскій домъ, которому Іеяси оказалъ такія огромныя услуги, почтилъ память умершаго государственнаго человѣка, героя и объединителя имперіи, тѣмъ, что причислилъ его къ лику боговъ и далъ ему названіе „высочества перваго разряда, свѣта востока, благороднаго воплощенія Будды“.

Это было въ 1617 г., и съ тѣхъ поръ Никко сдѣлалось самой знаменитой и самой священной цѣлью паломничества для японцевъ. А храмы, построенные въ честь Іеяси, къ которымъ пріѣзжаютъ императоръ, князья и весь народъ уже много поколѣній подрядъ, представляютъ собою лучшія произведенія японскаго искусства, достигшаго во времена Іеяси своего расцвѣта. Такимъ образомъ, этотъ японскій Цезарь возбуждалъ удивленіе и послѣ своей смерти: онъ далъ возможность стариннымъ японскимъ мастерамъ и художникамъ проявить себя въ полномъ блескѣ, и, благодаря ему, мы еще и теперь можемъ любоваться всѣмъ тѣмъ, что было создано въ блестящую эпоху японской культуры.

Эти храмы служатъ памятниками не только Іеяси, но и тѣмъ художникамъ, которые ихъ строили.

Съ большимъ сожалѣніемъ покинулъ я Никко и уѣхалъ въ Утсуноміѣ въ поѣздъ, — въ этотъ прозаическій поѣздъ желѣзной дороги, который долженъ былъ въ знойный августовскій день везти меня и цѣлую толпу европейскихъ туристовъ въ горы. Я сожалѣлъ о покинутой мѣстности, которая была гораздо величественнѣе и красивѣе, чѣмъ эти сверкающіе на солнцѣ рельсы, которые имѣють для евро-

пейца ту особенность, что, гдѣ-бы они ни находились, всегда кажется, что они ведутъ въ Европу. Рельсы—это поистинѣ разрушители всего первобытнаго и своеобразнаго; они, какъ ланцетъ, врѣзаются въ чужую культуру, и въ образовавшіяся раны вторгается будничная европейская жизнь.

Рядомъ съ желѣзнодорожнымъ полотномъ, то ближе, то дальше, пролегаетъ старинная японская дорога, ведущая къ гробницѣ Іеяси, и во всю ея долину, т. е. на разстояніи двадцати пяти километровъ, она была усажена роскошными тѣнистыми криптомеріями. Эти остроколючныя деревья высятся надъ поверхностью земли, какъ огромныя башни; возбудить удивленіе можетъ уже одно такое дерево, а ихъ тутъ нѣсколько тысячъ; всѣ они посажены много вѣковъ тому назадъ однимъ пилигримомъ, который былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы поставить въ память національнаго святаго фонарь, какъ это въ обычаѣ въ Японіи. Его жертва оказалась, однако, лучше всѣхъ фонарей, вмѣстѣ взятыхъ. Къ счастью, желѣзная дорога не доходитъ до самаго Никко, лежащаго на высотѣ 700 метровъ надъ уровнемъ моря и остатокъ пути приходится проѣзжать въ удобныхъ двухколесныхъ рикшахъ. Все время приходится ѣхать въ нихъ между двумя рядами гигантскихъ деревьевъ, которыя тянутся на всемъ протяженіи дороги въ Никко и своими соединившимися вверху вершинами образуютъ какъ-бы сводъ готическаго собора.

Подъ именемъ Никко извѣстенъ весь горный округъ вплоть до выдыхающаго вулкана Нантай-Санъ, — высочайшей горы этой части Японіи. У подножія этого вулкана находится обрамленное лѣсомъ живописное озеро Тшунцэнджи, и изъ него вытекаетъ, образуя на своемъ пути многочисленныя водопады, шумная Даягава. Въ ея живописной долині распустились двѣ деревни—Хаджи-Идзи и Ирмадзи, а между ними, въ чащѣ огромныхъ криптомерій, находятся великолѣпныя гробницы сіогуновъ. Въ Хаджи-Идзи имѣется только одна улица въ два километра длиною, и когда я быстро промчался по ней, то мнѣ показалось, что здѣсь каждый домъ представляетъ собою или отель, или лавку рѣдкостей, или чайный домъ. Здѣсь ежегодно бываютъ десятки тысячъ паломниковъ, чтобы поклониться праху Іеяси и двинуться затѣмъ въ дальнѣйшій путь по направленію къ Тшунцэнджи, а оттуда взобраться на Нантай-Санъ.

Въ верхней части этой растянувшейся въ одну линію деревни, которая, благодаря большому количеству лавокъ и сильному оживленію, имѣетъ очень живописный видъ, находится большой отель Кинайя, устроенный совершенно по-европейски, гдѣ я встрѣтилъ около ста европейцевъ. Когда я спустился вечеромъ къ табль-д'оту, то освѣщенная столовая съ элегантно-одѣтыми дамами и мужчинами въ строго-выдержанныхъ вечернихъ туалетахъ представляла собою зрѣлище, др-

стойное, правда, любого европейскаго курорта, но казавшееся до-нельзя страннымъ здѣсь, въ сердцѣ старой Японіи.

Высокое положеніе этого мѣста въ горахъ, чудные лѣса, прохлада и свѣжесть, которая бываетъ здѣсь лѣтомъ (или должна была бы быть; въ продолженіи моего пятидневнаго пребыванія здѣсь я не чувствовалъ ея совсѣмъ), сдѣлали изъ Никко нѣчто вродѣ восточно-азиатской Швейцаріи. Японцы ѣздятъ сюда для поклоненія праху Іеяси, а живущіе въ восточной Азіи европейцы бѣгутъ сюда отъ невыносимой жары изъ Токио, Кобе, Шанхая, Гонгконга, даже изъ Сингапура и Бангкока. Иностранные дипломаты, живущіе въ Токио, также спасаются здѣсь отъ лѣтняго зноя, и на всѣхъ свободныхъ площадкахъ между священными башнями старой Японіи раздается шумъ отъ игры въ крокетъ и лаунъ-теннисъ, нарушающій молитвенное настроеніе паломниковъ. Лаунъ-тенниса тутъ никто не можетъ избѣжать.

Ужаснымъ мученіемъ является въ Никко безчисленное множество комаровъ и черныхъ жуковъ, которыхъ притягиваетъ въ комнаты отеля электрическій свѣтъ лампъ (о, святой Іеяси!). Чтобы распугать ихъ, зажигаютъ большіе костры съ подвѣтренной стороны отеля и въ огонь бросаютъ сырые листья, такъ что воздухъ временами пропитывается удущливымъ запахомъ и дымомъ. Но комары и жуки влетаютъ въ отель съ другого хода.

На слѣдующее утро я, прежде всего, отправился въ рощу изъ огромныхъ криптомерій, гдѣ находились храмъ, посвященный Іеяси, и его гробница.

Черезъ полноводную, шумливую Даягаву переброшено два моста. Одинъ, изъ краснаго лакированнаго дерева, запертъ и открывается только для самого микадо, когда онъ пріѣзжаетъ къ здѣшнему храму, а другой открытъ для простыхъ смертныхъ. По другую сторону Даягавы тянется аллея изъ криптомерій вплоть до самаго плато, на которомъ находится храмъ. Лучшаго мѣста для своей гробницы Іеяси не могъ бы найти даже здѣсь.

Оба берега Даягавы представляютъ собою настоящій швейцарскій ландшафтъ съ величественными, смѣло надымающимися горами, растянутыми густыми лѣсами, зелеными лужайками и журчащими ручьями; сквозь огромные стволы криптомерій виднѣется верхняя часть долины съ пидиллической деревней Ирмаджи и нѣсколькими европейскими постройками, среди которыхъ выдѣляется большой отель „Никко“; ближе къ дорогѣ храмовъ, среди огромнаго сада, возвышается царскій дворецъ, гдѣ обыкновенно живетъ лѣтомъ японскій послѣдній принцъ, а невдалекѣ отсюда сквозь зелень деревьевъ сверкаетъ пятиэтажная пагода изъ краснаго лакированнаго дерева. Еще дальше вверху стоятъ два нѣсколько скромныхъ зданія, гдѣ живетъ мѣстное духовенство, а на противоположной сторонѣ находятся окруженные стѣнами храмы.

Всѣ зданія, ворота, часовни, пагоды для жертвоприношеній, раки, находящіяся здѣсь въ нѣсколькихъ дворахъ передъ храмомъ-гробницей, не отличаются ни особенной вышиной, ни замѣтной величиной. Было бы вообще ошибочно предполагать, что въ Никко—какъ и вообще въ Японіи—можно видѣть что-нибудь похожее на наши церкви или на храмы арабовъ, персовъ и индусовъ. Ни своей архитектурой, ни красотой формъ, ни величиной и матеріаломъ, изъ котораго построены, они не имѣютъ даже отдаленнаго сходства съ тѣми и даже представляютъ собою полную противоположность имъ. Здѣшніе храмы малы, приземисты, низки, сооружены сплошь изъ дерева и, относительно, такъ же некрасивы, какъ японскіе жилые дома, такъ что ихъ наружный видъ очень разочаровываетъ иностранцевъ. Въ Никко это разочаровываніе еще сильнѣе, такъ какъ японцы примѣняютъ здѣсь весьма оригинальныя средства для предохраненія храмовъ отъ пожаровъ и отъ вліянія непогоды.

Такъ, каждое отдѣльное зданіе окружено здѣсь огромными проволочными сѣтками, похожими на наши проволочные колпаки, которыми покрываютъ масло для защиты отъ мухъ. Нѣкоторые храмы окружены заборомъ изъ вывѣтрившихся досокъ, такъ что, если смотрѣть на нихъ снаружи, то они напоминаютъ наши деревенскіе амбары. Такимъ образомъ, невозможно разсмотрѣть постройку и архитектуру ихъ въ цѣломъ; только тогда, когда вы поднимаетесь по невысокой лѣсенкѣ на окружающую всякій храмъ веранду и очутитесь, такимъ образомъ, между досчатымъ заборомъ и наружными стѣнами храма, можно видѣть хоть что нибудь; но и тогда производитъ впечатлѣніе лишь старательное спланиванье (фуговка) деревянныхъ рамъ, красивая, красная, бѣлая или золотая лакировка, которою онѣ покрыты, но цѣльности впечатлѣнія, все-таки, нѣтъ.

Главную заботу японцы отдають внутреннему убранству тѣсныхъ помѣщеній, гдѣ сосредоточено много искусства и богатства, и если бы они не были такъ темны, то можно было бы разсмотрѣть чудеса, которыя могли бы соперничать съ лучшими сокровищами искусства въ Европѣ. Описать ихъ нельзя никакимъ перомъ, и ни одинъ художникъ не изобразить ихъ кистью. Единственно, съ чѣмъ можно сравнить помѣщенія храмовъ съ ихъ прелестной позолотой, рѣзбой и живописью—это съ нашими византійскими постройками, съ капеллами въ соборѣ св. Марка въ Венеціи или съ королевской капеллой въ Палермо и можно, пожалуй, отдать предпочтеніе японскимъ украшеніямъ.

До великой революціи храмъ Іеяси былъ еще больше разукрашенъ; но послѣ того, какъ скромная религія Шинто сдѣлалась опять господствующей въ странѣ и вытѣснила любящій пышность буддизмъ, отсюда удалили массу цѣнныхъ мелочей, священныхъ даровъ, изображеній идоловъ,—словомъ всю живописную выставку буддизма; теперь здѣсь

можно любоваться только стѣнными украшеніями храмовъ, потолками и прекрасными воротами, соединяющими отдѣльные дворы храмовъ. Лучшими воротами, по справедливости, считаются Іо-Мей-Монъ изъ бѣлаго лака съ золотыми украшениями и съ чуднымъ рѣзнымъ потолкомъ. Тутъ видно (какъ и во многомъ другомъ), какого искусства достигли японцы въ архитектурѣ.

Позади храма, гдѣ находится постоянно запертая рака Іеяси, возвышается, среди густой и яркой зелени, надгробный памятникъ герою, — стоящая на прочномъ каменномъ цоколѣ бронзовая урна, въ которой находятся его смертные останки. Для европейца находящійся въ сосѣднемъ зданіи музей, гдѣ собраны всѣ сокровища храма, представляетъ гораздо больше интереснаго; здѣсь собраны и выставлены для публики самые цѣнные образцы японскаго искусства и, кромѣ того, платье, оружіе, доспѣхи Іеяси и всѣ предметы, бывшіе у него въ употребленіи; на всѣхъ этихъ вещахъ находится изображеніе трехъ листьевъ, т. е. гербъ рода Токугава. Нѣсколькими недѣлями раньше я проходилъ черезъ пустынное ущелье по дорогѣ въ Гаконе мимо того мѣста, гдѣ когда то на Іеяси напасть непріятель, отъ котораго онъ спасся какимъ то чудомъ. Здѣсь-же я увидѣлъ носилки, въ которыхъ онъ тогда находился, съ дырой въ стѣнкѣ, пробитою стрѣлой; еслибы она пролетѣла на одинъ дюймъ дальше, то храмы въ Никко никогда не были бы выстроены. Этотъ музей открытъ теперь для публики только благодаря посѣщенію австрійскаго эрцгерцога Франца Фердинанда д'Эста. Раньше эта сокровищница храма была неприступна; ее открыли только въ честь эрцгерцога и съ того времени она составляетъ главную приманку для европейскихъ туристовъ.

Здѣсь, какъ и при всякомъ шинтоистскомъ храмѣ, имѣется въ одномъ изъ дворовъ открытая эстрада, на которой жрица танцуетъ священные танцы. Она одѣта въ бѣлую мантию и красную юбку (признакъ непорочности); въ одной рукѣ у нея вѣеръ, а въ другой палочка съ бубенчиками; весь танецъ заключается въ томъ, что она проходитъ нѣсколько шаговъ босыми ногами сначала въ одну, а потомъ въ другую сторону, обмахивается вѣеромъ, нѣсколько разъ кланяется и снова опускается на корточки. Несмотря на всю свою несложность, этотъ танецъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе, чему способствуетъ наружность танцовщицы, ея костюмъ и бѣлое напудренное лицо съ сбритыми бровями.

Недалеко отъ храма Іеяси находятся достойные вниманія храмы внука и втораго преемника его, сіюгуна Іемитсу, гдѣ еще сохранилось все великолѣпіе буддійскаго храма. Японцы и сюда ѣздятъ на поклоненіе и платятъ жрецамъ, бросая передъ каждой молитвой на полъ храма нѣсколько маленькихъ монетъ, называемыхъ ринъ*); этой монеты

*) Ринъ—почти пятая часть копейки.

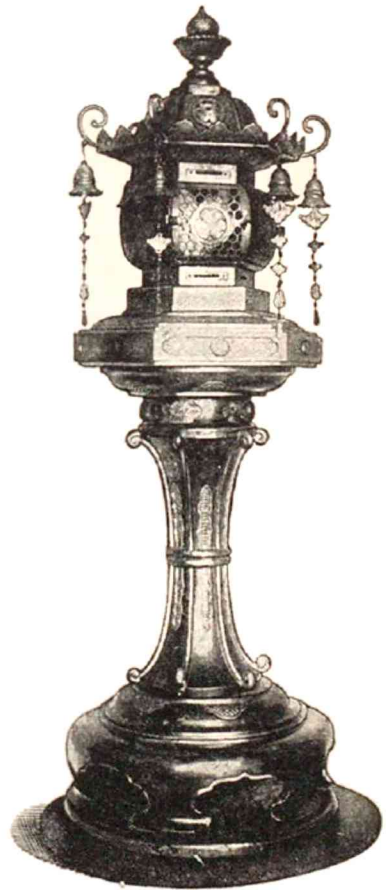
Храмовые ворота въ Никко.

вы не увидите въ обращеніи нигдѣ въ Японіи; за то пожертвованія въ храмы даютъ, главнымъ образомъ, этой монетой, которую, очевидно, берегутъ только для такихъ случаевъ.

Дальше нверхъ по долигѣ рѣки Даягавы лѣтъ уже больше ни храмовъ и никакихъ вообще любопытныхъ мѣстъ, вплоть до находящагося въ шести часахъ ѣзды, среди центральныхъ горныхъ цѣпей, озера Тшупенджи.

Богатая чудными видами дорога ведетъ вдоль журчащей Даягавы къ лежащему на высотѣ 1.400 метровъ надъ уровнемъ моря горному озеру, надъ которымъ вадывается голая, величественная вершина Нантай-Сана. На узкой полосѣ между горой и берегомъ озера раскинулась японская деревушка Тшупенджи, состоящая почти исключительно изъ гостиницъ и чайныхъ домовъ, построенныхъ на половину надъ озеромъ, съ террасами, на сваяхъ. Маленькія, вѣчно улыбающіяся незнакомцы заботятся здѣсь о нуждахъ прѣѣзжихъ; чудная семга для стола ловится прямо въ озерѣ, рисъ здѣсь ослѣпительной бѣлизны и кто привыкъ къ легкимъ бумажнымъ японскимъ гостиницамъ, можетъ пріятно провести здѣсь нѣсколько недѣль; не слѣдуетъ только прѣѣзжать сюда въ первыхъ числахъ августа, какъ мы это сдѣлали, потому что въ это время въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ скопляются десятки тысячъ паломниковъ; вдоль берега озера, на священной землѣ, обозначенной громаднымъ, каменнымъ тори, находятся длинныя, одноэтажныя казармы, построенныя специально для богомольцевъ, и всѣ мѣста въ нихъ были заняты одѣтыми во все бѣлое людьми, которые еще до восхода солнца ушли, чтобы подняться на священную гору Нантай-Санъ.

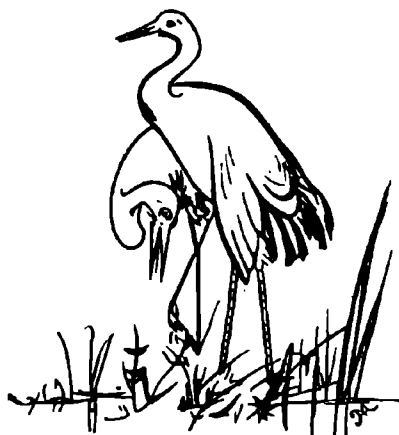
Желѣзные ворота запираютъ выходъ на широкую лѣстницу, ведущую къ находящейся на высотѣ трехъ тысячъ метровъ вершинѣ, и кто хочетъ подняться на нее, долженъ уплатить четверть іена священникамъ, живущимъ въ шинтоистскомъ храмѣ вблизи воротъ. Но такъ какъ я незадолго до этого поднимался на вершину высочайшей горы восточной Азіи Фуджи-ямы, въ сравненія съ которой Нантай-

Надгробный факель на гробницѣ Іеяси.

Санъ—карликъ, то мени уже не прельщало подняться на него. За то я прошелъ вдоль живописнаго, тихаго озера, мимо уединенныхъ дачныхъ домовъ нѣмецкаго и англійскаго посланниковъ, къ маленькому купальному курорту Юмото, гдѣ подъ павѣсамъ купается на улицахъ масса мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ и всѣ вмѣстѣ.

На что до сыта не наглядись въ горномъ округѣ Никко,—это на удивительную природу, роскошье которой не увидишь во всей восточной Азіи! Но при этомъ не мѣшало бы быть хорошей погодѣ, а она бываетъ очень рѣдко въ Никко. Тутъ такіе же частые дожди, какъ въ Зальцбургѣ.

Праздники цвѣтовъ въ Японіи.

Многое измѣнилось за послѣднее время въ „Странѣ восходящаго солнца“; нѣкоторые обычаи, къ сожалѣнію, окончательно принесены въ жертву новѣйшей культурѣ, которой подчинились японцы, но все-же многія національныя черты и особенности сохранились еще до сегодняшняго дня и, пожалуй, сохранятся еще на долгое время.

Путешественнику, попадающему въ эту прекрасную страну острововъ Великаго Океана, нетрудно замѣтить эти черты и особенности, такъ какъ съ ними сталкиваешься здѣсь на каждомъ шагу. Главная черта японцевъ: любовь къ природѣ и ея украшеніямъ—цвѣтамъ. Нигдѣ въ мірѣ цвѣты не пользуются такой любовью, пониманіемъ, нигдѣ не посвящаютъ имъ столько времени и искусства, какъ здѣсь. Начиная съ императора и его супруги и кончая послѣднимъ нищимъ,—все обожаютъ и почитаютъ цвѣты: мужчины и женщины, старики и дѣти ухаживаютъ за ними и холятъ ихъ съ большой нѣжностью.

Куда-бы я ни пріѣхалъ во время моихъ странствованій по Японіи,—вездѣ я видѣлъ дома, положительно усыпанные цвѣтами.

Въ императорскомъ дворцѣ въ Токио они красовались въ цѣнныхъ вазахъ, а въ бѣдныхъ, деревянныхъ и бумажныхъ лачугахъ землепашцевъ они стояли въ бамбуковыхъ сосудахъ, какъ единственное украшеніе убогаго помѣщенія. Если я оставался въ какой-нибудь японской гостиницѣ на нѣсколько дней, то въ моей бумажной комнатѣ обязательно появлялись каждое утро цвѣты, приносимые нѣжными дѣвичьими ручками; полуголые кули, вознашіе меня по странѣ въ своихъ легкихъ рикшахъ, закладывали себѣ за ухо цвѣтокъ; по улицамъ городовъ бродятъ продавцы цвѣтовъ, которыми наполнены корзины, висящія на бамбуковомъ шестѣ, и ни одинъ нищій не можетъ отказаться отъ того, чтобы не пріобрѣсти за нѣсколько ринъ какого-нибудь цвѣтка.

Но это еще не все. Весь японскій календарь состоитъ изъ цвѣточныхъ праздниковъ; вмѣсто того, чтобы называть мѣсяцы и времена

года, какъ у насъ, японцы даютъ имъ названія цвѣтовъ, расцѣтающихъ въ соотвѣтствующіе мѣсяцы. Своихъ дочерей японцы называютъ именами цвѣтовъ, и онѣ, какъ всѣ японскія жепицны, одѣваются соотвѣтственно тому, какой цвѣтокъ въ данное время расцѣтаетъ.

Когда цвѣтетъ вишня, японки носятъ кимоно, на которыхъ вышиты вишневые цвѣты; когда вишня отцвѣтаетъ, то и въ природѣ и въ туалетахъ японокъ появляется азалия; и т. д. до ноября, когда наступаетъ время самаго прекраснаго цвѣтка Японіи,—хризантемы.

Даже стѣнные украшенія въ комнатахъ соотвѣтствуютъ цвѣтамъ. Японцы вѣшаютъ на голыя бумажныя стѣны какемоно, т. е. длинныя полосы бумаги, на которыхъ нарисованы цвѣты и разные другіе предметы; когда цвѣтутъ глициніи, піоны или лотосъ, тогда и въ домахъ вѣшаются какемоно съ такими-же нарисованными цвѣтами, а передъ ними вазы со свѣжими букетами.

Мы, европейцы, также, конечно, любимъ цвѣты, и многіе изъ насъ выращиваютъ ихъ и ухаживаютъ за ними съ такою-же любовью, какъ японцы; но что касается составленія букетовъ, гирляндъ и проч., то мы сильно отстали отъ японцевъ, и только нѣмецкіе садоводы до нѣкоторой степени способны изощряться на манеръ японцевъ. Но какими изящными и грубыми кажутся тѣ букеты, которые продаются на еженедѣльномъ цвѣточномъ рынкѣ возлѣ церкви св. Мадлены въ Парижѣ! Нѣсколько десятковъ розъ одного цвѣта связываютъ вмѣстѣ, и весь этотъ букетъ втискивается въ бумажную воронку. Если-бы японцы видѣли это, то они пришли-бы въ ужасъ. Здѣсь каждый цвѣтокъ, когда онъ даже срѣзанъ, охорашиваютъ такъ, какъ будто онъ находится еще въ саду. Японецъ придаетъ не столько значенія аромату или окраскѣ цвѣтовъ, какъ его формѣ и искусственному расположенію цвѣтка, стебля и листьевъ. Если листья сами по себѣ некрасивы, то они, во всякомъ случаѣ, своимъ ансамблемъ подчеркиваютъ красоту самыхъ цвѣтовъ. Умѣнье распредѣлять цвѣты, какъ срѣзанные, такъ и сидящіе на стебляхъ, считается въ Японіи однимъ изъ изящныхъ искусствъ и входитъ въ программу воспитанія японской женщины; безъ такихъ знаній оно считается незаконченнымъ.

При такой любви и даже страсти японцевъ къ своей родной флорѣ нечего, конечно, удивляться, что цвѣты составляютъ главный сюжетъ для туземной живописи и скульптуры при выдѣлкѣ бронзовыхъ издѣлій и фарфора и что японская аристократія избрала ихъ для своихъ фамильных гербовъ.

Какъ у cadaго японца въ отдѣльности, такъ и у всего народа любовь къ цвѣтамъ выражается многочисленными празднествами, въ которыхъ принимаютъ участіе рѣшительно всѣ. Подобно тому, какъ у насъ есть праздники: Рождества, Пасхи и Троицы, въ Японіи есть праздникъ вишневаго цвѣта, праздники азалий и хризантемъ. Даже

на новый годъ дома украшаются, за непмѣнѣемъ цвѣтовъ, плющемъ, соснами и бамбукомъ. Но уже съ наступленіемъ весны, при согрѣвающихъ лучахъ солнца, распускаются бутоны вишневаго цвѣта, и тогда вся страна окутана розовато-краснымъ цвѣтомъ, точно съ неба спустились маленькія облака, чтобы пробить нѣсколько недѣль среди деревьевъ въ садахъ. Кто хоть разъ имѣлъ счастье видѣть необычайно пышный цвѣтъ вишневыхъ деревьевъ въ Японіи, тому станетъ понятна любовь японцевъ именно къ этимъ цвѣтамъ и тотъ найдетъ вполне естественнымъ, что японцы культивируютъ вишневые деревья только ради цвѣтовъ, такъ какъ японскія вишни не годятся для ѣды. Ихъ розоватый снѣгъ, окутывающій деревья, дѣйствуетъ особенно сильно послѣ холоднаго времени года. Поэтому, любимый цвѣтокъ японцевъ не хризантема, какъ думаютъ у насъ въ Европѣ, а вишневый цвѣтокъ.

Незадолго до наступленія времени полного расцвѣта вишневыхъ цвѣтовъ во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ появляются своеобразные бюллетени, отмѣчающіе малѣйшее событіе въ этой области. Со всѣхъ мѣстъ страны шлютъ радостныя телеграммы, что въ томъ или другомъ мѣстѣ вишня почти уже расцвѣла, а въ отдѣлѣ городскихъ новостей можно прочесть, что принцъ Санджо или министръ-президентъ графъ Ито уѣхали на три дня въ Нару или Кіото, чтобы полюбоваться на цвѣтущую вишню.

Наконецъ, вишневые деревья пышно расцвѣтаютъ и въ столицѣ.

Кто пойдетъ, въ первой половинѣ апрѣля, въ вишневые рощи парка Уено или Мукоджимы, на берегу Сумидагавы, тотъ увидитъ огромныя деревья, достигающія высоты старыхъ сосенъ, сплошь покрытыя цвѣтами величиной въ сентифолію. На каждой вѣткѣ, на каждомъ сучкѣ ихъ по нѣсколько штукъ, тѣсно прижатыхъ другъ къ другу, такъ что одніе вѣтви заслоняютъ другія; а позади нихъ возвышаются могучіи темно-зеленыя криптомеріи, эти самыя красивыя хвойныя деревья на востокѣ. Отъ цвѣтовъ идетъ нѣжный ароматъ; странныя птицы поютъ и щебечутъ въ густыхъ розовато-красныхъ вѣнкахъ цвѣтовъ, отражающихся въ тихихъ прудахъ, поросшихъ лотосами.

Наконецъ, наступаетъ день расцвѣта вишневыхъ деревьевъ, — національный праздникъ японцевъ.

Въ теченіи всей ночи въ большихъ аллеяхъ и по боковымъ дорожкамъ, точно также и вдоль узкихъ, тѣнистыхъ лѣсныхъ дорожекъ, появляются сотни балагановъ, въ которыхъ нарядные японцы и японки продаютъ разнаго рода мишурныя бездѣлушки. Черезъ каждые три дома находится чайный домъ, въ которомъ продается сакѣ, и сотни семействъ съ чадами и домочадцами, разодѣтые въ шелкъ, разгуливаютъ по розовато-красному лѣсу, останавливаются передъ какимъ нибудь особенно красивымъ деревомъ, чтобы съ видомъ знатоковъ полюбоваться имъ, или-же, чтобы прикрѣпить къ стволу стихи, вос-

хваляющіе его великолѣпіе. Каждый владѣлецъ сада справляетъ въ этотъ день праздникъ вишневыхъ цвѣтовъ и разсылаетъ всѣмъ своимъ знакомымъ большія пригласительныя карточки съ нарисованными на нихъ цвѣтами вишенъ; даже при дворѣ устраивается гулянье въ саду (garden party), на которое приглашается вся аристократія и дипломатическій корпусъ; это гулянье устраивается обыкновенно въ прекрасныхъ садахъ Гама-Никиу.

Но если кто хочетъ ближе изучить народный бытъ, тотъ долженъ отправиться въ Мукоджиму (въ юговосточной части Токио). Тамъ, во времена могущества сіюгуновъ рода Токугава, были посажены вишневые деревья, достигшія въ настоящее время огромныхъ такихъ размѣровъ, что ихъ вѣтви на верхушкѣ сплелись и образуютъ розовато-красный сводъ. Это—главное мѣсто для ганами, т. е. для семейныхъ пикниковъ, которыхъ дѣти ждутъ цѣлый годъ.

Еще задолго до наступленія праздника нѣсколько семействъ сговариваются соединиться вмѣстѣ. Они являются сюда пѣшкомъ, въ лодкахъ и въ рикшахъ, каждая группа съ какойнибудь особой примѣтой; у однихъ головы повязаны пестрыми платками, у другихъ одинаковые шейные платки, у третьихъ общій пестрый знакъ на кимоно. Мужчины, женщины, дѣвушки, дѣти,—все одѣты въ самые пестрые кимоно, съ пестрыми-же ширмами надъ глазами и съ пестрыми вѣерами въ рукахъ. Въ каждой подкѣ раздается веселье, смѣхъ, пѣніе, удары бубна и игра на самизенѣ; это настоящій весенній карнавалъ!

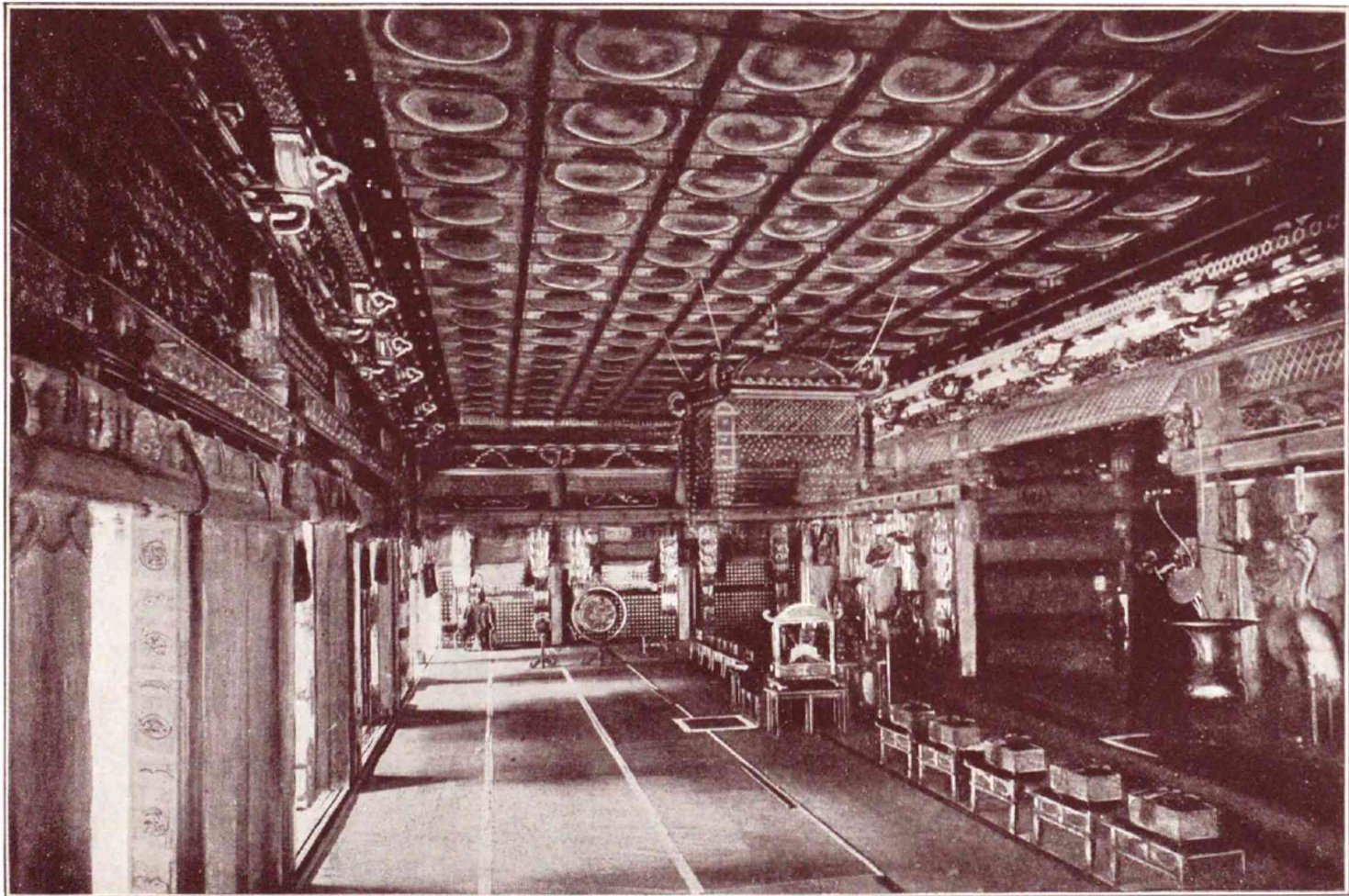
Дѣвушки играютъ въ разныя игры, мужчины пляшутъ, какъ сатиры, поэты декламируютъ оды и сонеты, посвященные деревьямъ; канатные плясуны, акробаты, рассказчики, сказочники, борцы забавляютъ публику. Все это, въ соединеніи съ длинными костюмами и своеобразными ландшафтами, переноситъ васъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, точно вы очутились среди сатурналій Петронія.

Съ наступленіемъ сумерекъ появляются тысячи пестрыхъ бумажныхъ фонарей на деревьяхъ, на лодкахъ, въ рѣкѣ, вокругъ лавокъ съ сакѣ и чайныхъ домовъ.

Но, вотъ, наступаетъ время ужина. Отдѣльныя семьи и цѣлыя общества усаживаются въ кружокъ, смѣясь и шутя ѣдятъ при помощи палочекъ, попивая въ то-же время изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ сакѣ и слушая пѣніе и игру на самизенѣ.

Хорошенькія майко и гейши, одѣтыя въ прелестные наряды, съ раскрашенными лицами и съ цѣлымъ лѣсомъ булавокъ, въ видѣ бабочекъ, въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ, танцуютъ и изображаютъ разныя сцены. Всѣмъ становится особенно весело тогда, когда внезапный порывъ вѣтра охватитъ деревья, оборветъ листья съ цвѣтовъ и осыпаетъ ими все общество.

Но, къ сожалѣнію, вишня очень быстро отцвѣтаетъ. Вслѣдъ за

Внутренность гробницы Сёгуна Иемитсу в Никко.

нею, даже когда ея цвѣты еще не успѣли опастъ, слѣдуютъ азалии, а за ними піоніи, но не такія, какими мы привыкли ихъ видѣть у себя, а необычайной величины, красоты и въ такомъ изобиліи, какое бываетъ только въ восточной Азіи.

Мнѣ случалось видѣть въ Японіи азалии и піоніи въ человѣческій ростъ съ нѣсколькими тысячами цвѣтовъ, а въ монастырскомъ саду Хіа-хунгтіенъ, на восточной границѣ нѣмецкаго Китая, я видѣлъ дерево—азалию, толщина ствола котораго равняется половинѣ метра въ діаметрѣ и на верхушкѣ котораго, вышиною въ домъ, красовалось навѣрное не меньше двадцати тысячъ цвѣтовъ. Піоніи, извѣстныя въ Японіи подъ названіемъ ботанъ, расцвѣтаютъ въ началѣ мая роскошнымъ цвѣтомъ. За ними слѣдуютъ въ іюнѣ чудные цвѣты ириса, покрывающіе лиловымъ ковромъ пруды и наполненные водою рвы; какъ тюльпаны въ Голландіи, такъ здѣсь ирисы красуются на широкихъ поляхъ на пространствахъ нѣсколькихъ моргеновъ; когда, спустя нѣсколько дней, расцвѣтаютъ глициніи (по японски—фуджи), то во многихъ мѣстахъ весь ландшафтъ окрашенъ въ лиловый цвѣтъ. Въ невѣроятномъ изобиліи выются они вдоль дачныхъ построекъ, на дворцахъ и лачугахъ, на чайныхъ домахъ и искусственныхъ бесѣдкахъ; при этомъ еще бѣдняки часто насаживаютъ ирисъ на верхушку крыши своего дома, такъ что онъ въ іюлѣ бываетъ весь покрытъ лиловыми цвѣтами ириса. Самая знаменитая достопримѣчательность—это трехсотлѣтняя глицинія (*Wistoria chinensis*) въ саду монастыря Камейдо, куда весною стекается масса народа, чтобы полюбоваться ея вѣтвями въ нѣсколько метровъ длиною, усыянными множествомъ цвѣтовъ. Глициніи образуютъ здѣсь тѣнистыя крытыя аллеи, покрываютъ своей цвѣточной крышей чайные дома и тянутся далеко надъ маленькимъ озеромъ, въ неподвижной водѣ котораго отражаются ихъ чудные цвѣты. Множество народа сходится и къ другой глициніи, которой отъ роду пятьсотъ лѣтъ и которая находится въ Казукабе, къ сѣверо-востоку отъ Токио; это удивительное растеніе, усики котораго, въ видѣ гроздей, образуютъ бесѣдку площадью въ 400 квадр. метровъ!

Слѣдующій цвѣточный праздникъ въ году — празднество въ честь красивыхъ, бѣлыхъ лотосовъ, которые, послѣ вишенъ и хризантемъ, являются самыми любимыми цвѣтами японцевъ и считаются символомъ чистоты, добродѣтели и полезности. Чистоты—потому, что ихъ нѣжныя бѣлыя лепестки возвышаются надъ тиной болотъ и лужъ, добродѣтели—изъ за ихъ чуть замѣтнаго аромата, полезности—потому что ихъ сѣмена съѣдобны. Въ теченіи всего августа можно видѣть эти огромные цвѣты во всей Японіи: во рвахъ, окружающихъ старинные дворцы дайміосовъ, въ прудахъ и озерахъ, вдоль каналовъ и рѣкъ. Въ Токио, въ паркѣ Уено, все озеро Шинобадсу буквально запружено ими, и въ это время все населеніе города отправляется

смотрѣть на эту роскошь на маленькіе островки и въ чайные дома, находящіеся тамъ. Но мнѣ больше понравился маленькій прудъ позади пагоды въ паркѣ Шибъ; окруженный могучими криптомеріями, онъ дремлетъ въ ихъ густой тѣни; посреди него находится островокъ съ маленькимъ храмомъ, и поверхность воды такъ густо устлана цвѣтами лотоса, что можно принять ихъ за бѣлый коверъ.

Но самымъ большимъ культомъ пользуется въ Японіи послѣдній лѣтній цвѣтокъ, хризантема, красующаяся въ гербѣ императорскаго дома. Въ теченіи многихъ столѣтій всѣ профессиональные садовники только и заботятся въ томъ, чтобы возможно больше облагородить этотъ цвѣтокъ и всякими, имъ однимъ извѣстными способами, разнообразить его цвѣтъ и форму. Цѣлыя состоянія уходятъ на хризантемы, но такія же состоянія и выигрываются благодаря этому цвѣтку. Иокосамскіе садоводы владѣютъ пятьюстами садами, занимающими площадь въ двѣсти моргеновъ, и въ нихъ разводятся отъ шестисотъ до восьмисотъ разныхъ сортовъ хризантемы! Въ Токио садоводы владѣютъ еще большимъ количествомъ садовъ въ предмѣстьи Дангодака, и лучшіе ихъ цвѣты выставляются въ императорскихъ садахъ въ Аказаки во время праздника хризантемы. Одни эти сады съ ихъ огромными кедрами и криптомеріями, съ тѣнистыми аллеями, зеленымъ дерномъ, съ холмами, увѣнчанными кіосками и храмами, съ озерами, островами и горбатыми мостиками, — все это достопримѣчательности Японіи, которыя, къ сожалѣнію, доступны взору немногихъ избранныхъ. Я съ удивленіемъ оглядываю это убѣжище императрицы, носящей подходящее для нея имя „Императрицы Весны“. Всему большому парку искусные садовники придаютъ въ ноябрѣ совершенно весенній видъ, и если кто будетъ удостоенъ приглашенія императрицы на этотъ праздникъ, то пойметъ восторгъ и увлеченіе японцевъ царскимъ цвѣткомъ кикю (хризантема).

Здѣсь, въ этомъ роскошномъ саду, цвѣтутъ различными цвѣтами навѣрное десятки тысячъ прекрасныхъ хризантемъ; вдоль всѣхъ дорожекъ устроены навѣсы изъ бамбука съ лиловыми газовыми занавѣсками, на которыхъ вышиты бѣлые цвѣты хризантемы. Подъ каждымъ навѣсомъ устроена выставка хризантемъ, различныхъ по цвѣту, величинѣ, формѣ и даже по виду самого растенія. Нѣкоторые цвѣты больше нашихъ тарелокъ и каждый изъ нихъ сидитъ на отдѣльномъ стеблѣ; другіе, со свернутыми внутрь лепестками, похожи на большіе снѣжные шары; еще другіе, съ сотнями лепестковъ, висающихъ въ видѣ длинныхъ нитей, или же съ такими, которые твердо стоятъ, какъ у подсолнечника. Особенно хороши цѣлые кусты хризантемъ, покрытые разноцвѣтными цвѣтами. Но самый лучшій образецъ садоводнаго искусства представляютъ собою отдѣльные кусты, гдѣ на одномъ стеблѣ растетъ дюжина цвѣтовъ разной величины и разнаго цвѣта.

Дальше, внутри парка, видны большія пространства, покрытыя буквально коврами изъ хризантемъ:—въ одномъ мѣстѣ бѣлый коверъ, въ другомъ — красный или лиловый; всѣ цвѣты каждаго ковра совершенно одинаковы по формѣ и находятся въ одинаковомъ періодѣ расцвѣта, такъ что всѣ они одновременно уныдаютъ и отцвѣтають.

Среди этихъ цвѣтниковъ поднимаются гигантскія растенія, на длинныхъ стебляхъ которыхъ (въ два метра и больше) находится до шестисотъ цвѣтковъ. На каждомъ экземплярѣ имѣется ярлычекъ, на которомъ написано по японски названіе даннаго сорта; такъ, напримѣръ, есть такія названія, какъ „бѣлый драконъ“, „золотой канатъ“, „фонарь рыбака“, „одежда изъ перьевъ“ или „десять тысячъ усыпанныхъ золотомъ“ и т. п.

Одновременно съ празднествомъ, устраиваемымъ въ честь хризантемы, въ императорскомъ саду и въ другихъ частяхъ имперіи, а больше всего въ Токио, также устраиваются торжества въ честь этого цвѣтка.

Все населеніе, отъ мала до велика, отправляется въ Дангоцака—кварталъ садоводовъ, гдѣ устраиваются веселые пикники (ганамп). Каждый садоводъ сооружаетъ отдѣльный бамбуковый навѣсъ, въ который онъ впускаетъ за небольшую плату (въ нѣсколько пфениговъ) всякаго, желающаго полюбоваться лучшими образцами своего искусства. Но сюда привлекають празднично-настроенную толпу не столько самыя хризантемы, сколько тѣ причудливыя фигуры и ландшафты, которые составляются изъ нихъ. Поэтому внутри балагановъ устроена зрительная зала и сцена, на которой красуются всѣ эти фигуры и цѣлыя картины изъ хризантемъ. Сюжетами для нихъ служатъ историческіе эпизоды, сцены изъ мифологіи и на современныя темы, народные герои, знаменитые актеры въ своихъ лучшихъ роляхъ, сцены изъ популярныхъ театральныхъ пьесъ,—все это изображается здѣсь и представляетъ собою такой же паноптикумъ, какъ у Madame Tussaud въ Лондонѣ или у Кастана въ Берлинѣ, съ тою только разницею, что платье и всѣ принадлежности костюма сдѣланы исключительно изъ хризантемъ.

Лица, руки и ноги очень тщательно и натурально сдѣланы изъ воска, но костюмы и виды со скалами, горами, водопадами, храмами сдѣланы исключительно изъ цвѣтовъ хризантемы и листьевъ, такъ искусно связанныхъ, что они даже напоминають гладкую поверхность матеріи; причемъ эти цвѣты даже не сорваны со своихъ стеблей; они всѣ тутъ съ стеблями и корнями; кто разсматриваетъ украшенные вышивками кимоно или вооруженіе старо-японскаго воина, тому это кажется невѣроятнымъ; но если вы зайдете въ Дангоцаку рано утромъ, то можете иногда случайно увидѣть въ какомъ нибудь балаганѣ, какъ мѣняють увядшіе цвѣты на свѣжіе. Для этого небольшіе пучки цвѣтовъ развязываютъ и тогда видно, что эти фигуры состоятъ изъ бамбуковаго остова, за которымъ прячутъ растенія съ корнями, вкопанными

въ сырую землю, съ нужными для фигуры или картины цвѣтами, сплетенными другъ съ другомъ и притянутыми къ наружной сторонѣ.

Утромъ и вечеромъ эти растенія поливаются водой и благодаря протянутой надъ ями дыновкѣ, образующей крышу балагана и оберегающую ихъ отъ солнечныхъ лучей, они сохраняются въ теченіи цѣлаго мѣсяца, какъ если бы находились въ саду.

Для жизнерадостныхъ японцевъ праздникъ хризантемы служить прощаньемъ съ прекраснымъ теплымъ временемъ года; это послѣдній цвѣточный праздникъ, и уже по одному этому всякая семья и каждый отдѣльный японецъ, до послѣдняго нищаго, принимаетъ въ немъ участіе. Когда хризантемы отцвѣтаютъ, то ландшафтъ разобразится только покрасившимися и пожелтѣвшимися осенними листьями клена и, любясь ими, японцы все же считаютъ недѣлю, отдѣляющую ихъ отъ слѣдующаго весенняго праздника,—праздника вишневыхъ цвѣтовъ.

Формоза.

Овладевъ островомъ Формозой, японцы приобрѣли самостоятельную китайскую провинцію величиной въ тридцать четыре тысячи квадратныхъ километровъ, съ населеніемъ въ три съ половиною милліоновъ жителей,—территорія, на которую они давно уже заглядывались, такъ какъ она имѣла огромное значеніе для ихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ. Въ будущемъ они, по всей вѣроятности, сдѣлаютъ ее не только еще болѣе независимой отъ европейской торговли, но, несомнѣнно, и болѣе опасной, чѣмъ она была до сихъ поръ.

А, между тѣмъ, для китайцевъ принесенная имъ жертва не имѣла особеннаго значенія, потому что значеніе Формозы было для нихъ, до этихъ поръ, очень проблематично и при томъ, рано или поздно, имъ, все равно, пришлось-бы уступить эту, самую маленькую изъ своихъ провинцій какой нибудь державѣ.

При одиннадцати милліонахъ квадратныхъ километровъ, которые занимаетъ Китайская имперія, Формоза составляла только трехсотую часть ея, но при этомъ только одна половина ея была покорена въ теченіи минувшаго столѣтія. Восточная часть Формозы даже въ настоящее время принадлежитъ еще первымъ аборигенамъ острова, малайцамъ, которыхъ китайцы, несмотря на безпрестанную борьбу, не могли покорить и никогда не покорили.

Японцы также не сразу побѣдятъ дикое и отважное племя, живущее въ горахъ и первобытныхъ лѣсахъ восточной части Формозы.

Этотъ островъ попасть во владѣніе китайцевъ только два съ половиною столѣтія тому назадъ. Первыми его обладателями были португальцы, устроившіе здѣсь свой торговый пунктъ и давшіе острову въполнѣ заслуженное названіе Формозы, т. е. прекрасной.

Но это португальское владѣніе, какъ и большинство прочихъ владѣній этого слабаго государства, скорѣ попало въ другія руки. Въ 1643 г. Формоза занята была голландцами, прочно засѣвшими здѣсь и построившими вблизи сѣверной ея оконечности крѣпость (часть ея и теперь еще существуетъ), которая долгое время была резиденціей англійскаго консула. Въ 1661 г. китайцы уполномочили началь-

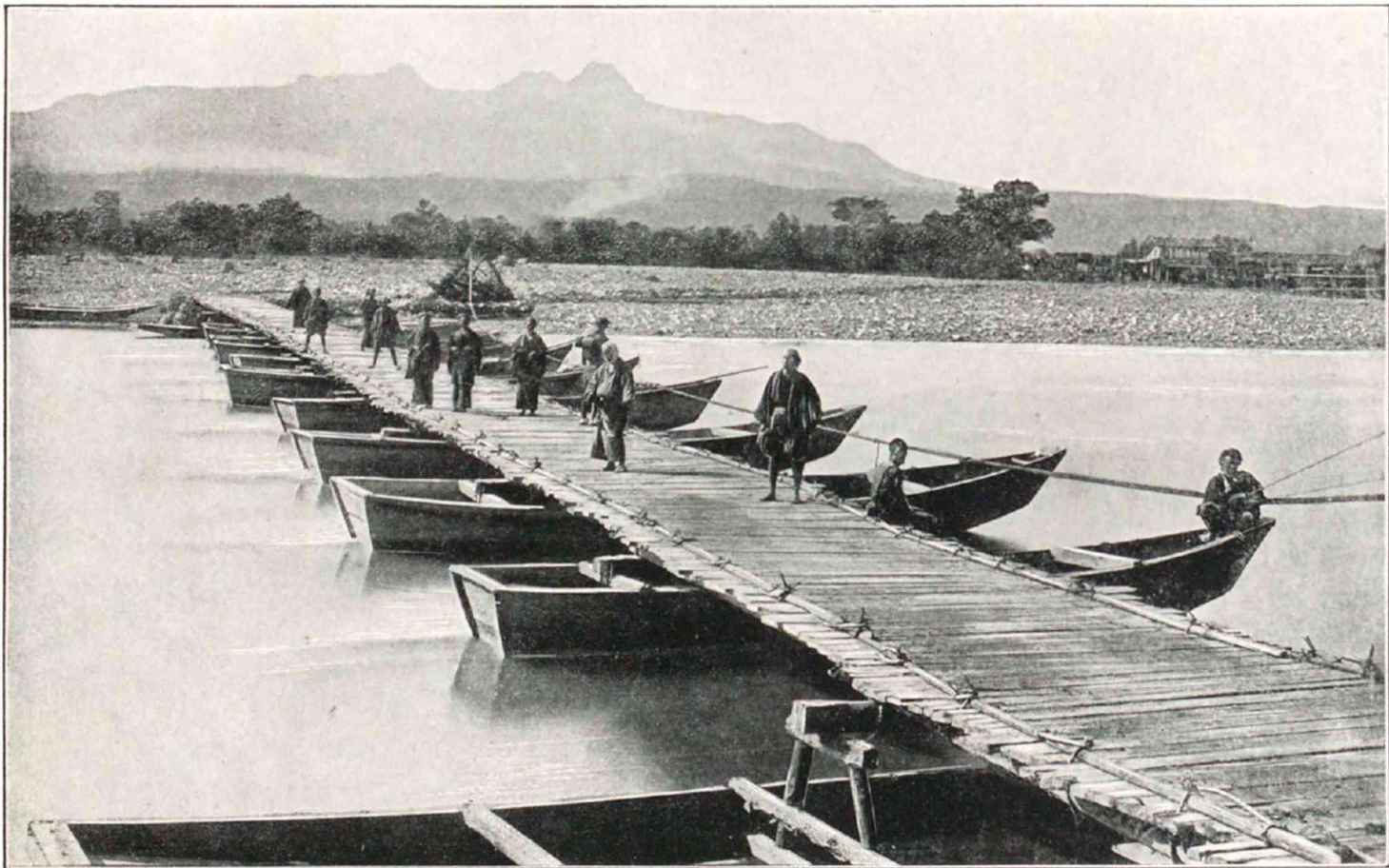
ника пиратовъ, Когсуйгу, изгнать чужестранцевъ, что, конечно, принесло только пользу этому чудному острову, который въ рукахъ какой нибудь европейской державы навѣрное скоро превратился-бы въ цвѣтущую колонію.

До франко-китайской войны 1884 г. Формоза составляла часть сосѣдней провинціи Фокіи; въ то время китайскій генераль Ліу-Мингъ-Туанъ былъ посланъ на Формозу съ войскомъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ, чтобы изгнать оттуда французовъ и, должно быть, въ награду за всѣ пораженія, которыя онъ терпѣлъ до заключенія мира, онъ былъ назначенъ первымъ генераль-губернаторомъ новоиспеченной провинціи; теперь онъ могъ присваивать лично себѣ всѣ тѣ деньги, которые выжимались прежде у народа губернаторомъ Фокіи. До 1885 г. губернаторъ Фокіи исполнялъ одновременно должность фу, т. е. префекта Формозы, съ обязательствомъ посѣщать островъ каждые три года. Въ то время было въ порядкѣ вещей, что при этихъ посѣщеніяхъ подчиненные чиновники острова должны были подносить префекту подарки деньгами или натурой, и мандарины обыкновенно возвращались съ этой поѣздки домой съ полными кошельками.

Ліу-Мингъ-Туанъ былъ, впрочемъ, очень хорошимъ губернаторомъ. Это былъ Ли-Хунгъ-Чангъ въ миниатюрѣ, и японцы, къ которымъ перешелъ этотъ островъ, многимъ обязаны Ліу-Мингъ-Туану; онъ даже построилъ на островѣ желѣзную дорогу, вторую въ предѣлахъ знамени дракона. Во время его правленія дикія племена также были спокойнѣе, чѣмъ раньше. Ліу отлично понималъ, что китайцы неспособны покорять народы при помощи оружія; поэтому онъ старался ладить съ враждебными предводителями племенъ и, слѣдуя старинному ученію, онъ посылалъ предводителямъ платки, одѣла, трубки, ножи, оружіе и т. п. вещи, на которыя тѣ смотрѣли, какъ на дань. Во всякомъ случаѣ, изъ благодарности, они сдерживали свои племена отъ разбойничьихъ набѣговъ на западную часть острова, гдѣ жили китайцы, у которыхъ они раньше разоряли цѣлые города и деревни.

Тѣмъ не менѣе, предводители не могли помѣшать своимъ подчиненнымъ въ одномъ удовольствіи: — отрубать китайцамъ головы. Коренные жители Формозы любятъ этотъ спортъ такъ-же, какъ дайки острова Борнео. У нѣкоторыхъ племенъ молодой человѣкъ не можетъ жениться, пока не поднесетъ главѣ племени хоть одну голову китайца.

Но они отрубаютъ головы не во время открытаго боя. Молодые люди выслѣживаютъ путешествующихъ китайцевъ, нападаютъ на нихъ сзади и, отдѣливъ голову отъ туловища, бросаются бѣгомъ къ своему лагерю, держа въ рукахъ кровавый трофей. Тамъ, прежде всего, всѣ исполняютъ военный танецъ, въ то время какъ счастливый женихъ беретъ свою невесту и ведетъ ее въ свой домъ, построенный изъ древесной коры. Здѣсь приходятъ къ невестѣ всѣ члены рода. Будетъ-

Плавучий мостъ черезъ р. Ганда.

ли у этихъ островитянъ такое-же пристрастіе къ головамъ японцевъ, какъ къ головамъ китайцевъ,—покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, японцамъ не мѣшаетъ обращать большее вниманіе на свои головы.

У японцевъ и жителей Формозы гораздо больше расоваго родства, чѣмъ у послѣднихъ съ китайцами. Эти племена такъ-же, какъ и японцы, покрываютъ свое тѣло татуировкой, — обязанность, которую здѣсь исполняютъ женщины. У нѣкоторыхъ воиновъ изображена на тѣлѣ вся

Японскій почтальонъ.

жизнь. Женщины передъ выходомъ замужъ также татуируются, а въ день свадьбы должны еще вырвать себѣ глазные зубы. У этихъ дикарей существуетъ также своеобразный обычай хоронить мертвыхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они умерли; если это случилось дома, то покойниковъ погребаютъ подъ поломъ. Войнамъ кладутъ въ могилу, вмѣстѣ съ провизіей, все вооруженіе.

Потребности этихъ сильныхъ и рослыхъ дикарей очень скромны;

ихъ костюмъ такъ-же несложенъ, какъ у малайцевъ, а пищу они добываютъ охотой и рыбной ловлей. Такимъ образомъ, мы видимъ, что японцы не могутъ рассчитывать на нихъ, какъ на покупателей своихъ товаровъ, но за то на Формозѣ такъ много природныхъ богатствъ, что японцы несомнѣнно очень скоро пожелаютъ протянуть къ нимъ свои цѣпкія руки. Конечно, это не обойдется безъ кровавыхъ битвъ, потому что быстроногіе дикари живутъ или въ непроходимыхъ первобытныхъ лѣсахъ, или въ неприступныхъ горахъ, вершины которыхъ достигаютъ трехъ тысячъ метровъ вышины. На Формозѣ находятся большія залежи угля, желѣза, мѣди и золота, которыя, при правильной эксплуатаціи, могутъ давать огромные доходы; дѣйствительные лѣса состоятъ преимущественно изъ камфарныхъ деревьевъ, которые особенно прельщаютъ японцевъ.

Для русскихъ и американскихъ рынковъ важно то, что на Формозѣ имѣются нефтяные источники. До сихъ поръ Россія ежегодно ввозила въ Китай десять милліоновъ галлоновъ нефти, а Америка — сорокъ милліоновъ. Японія-же платила этимъ двумъ странамъ за керосинъ отъ двухъ до трехъ милліоновъ іенъ ежегодно. Если нефтяные источники на Формозѣ дѣйствительно окажутся обильными, то ввозу этого продукта изъ другихъ странъ будетъ нанесенъ сильный ударъ.

Но, между тѣмъ, какъ минеральныя богатства Формозы совершенно не эксплуатировались до сихъ поръ, китайцы, переселившіеся сюда изъ сосѣднихъ провинцій континента, съ обычнымъ своимъ усердіемъ обрабатывали плодородную западную часть Формозы и вскорѣ превратили ее въ чайныя, рисовыя и сахарныя плантаціи. Въ 1887 г. вице-королю Ліу удалось покорить нѣсколько племенъ дикарей. По крайней мѣрѣ, я прочелъ въ одной пекинской газетѣ (отъ 26 іюня 1887 г.) длинное сообщеніе Ліу о томъ, что дорога, ведущая съ запада къ востоку и пересѣкающая Формозу отъ Чангъ-хія до Чуи-вея, окончена. Благодаря этому, китайскія войска могли пробраться къ восточному берегу и присоединить къ китайскимъ владѣніямъ восемьдесятъ девять мѣстечекъ съ 21.000 жителей. Послѣдніе подчинились китайскому владычеству и даже ввели у себя китайскій календарь, и теперь они уже носятъ китайское платье и косы на головѣ; они больше не занимаются охотой и рыбной ловлей и превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ. Благодаря этому, подверглось культурѣ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ земли. Многочисленные потомки, происшедшіе отъ смѣси туземцевъ съ китайцами, по своему типу и характеру приближаются скорѣе къ послѣднимъ и представляютъ собою трудолюбивыхъ и интеллигентныхъ земледѣльцевъ. При всей своей медлительности и несмотря на плутовство чиновниковъ, китайцы, въ общемъ, за тѣ двѣсти лѣтъ, въ теченіи которыхъ они владѣли Формозой, достигли гораздо большаго, чѣмъ испанцы на Филиппинахъ за триста лѣтъ.

Самымъ важнымъ предметомъ экспорта былъ прежде рисъ; но благодаря покоренію множества туземцевъ, питавшихся охотой и рыбной ловлей, благодаря многимъ переселенцамъ и многочисленнымъ войскамъ, пристаннымъ на Формозу изъ Китая, потребность въ рисѣ на самомъ островѣ возросла до того, что нечего было и думать объ экспортѣ его въ другія мѣста. Въмѣсто риса, главнымъ предметомъ экспорта на сѣверѣ сдѣлался чай, а на югѣ—сахаръ. Чай съ Формозы (Оолянгъ) вывозится, главнымъ образомъ, въ Америку; въ Европу-же онъ доставляется въ очень небольшомъ количествѣ и въ смѣси съ китайскимъ чаемъ. Сахаръ вывозился прежде въ Европу и Австралію. Но такъ-какъ цѣны на сахаръ сильно пали, то не стоило вывозить его на европейскіе и австралійскіе рынки, и теперь большая часть сахара съ Формозы идетъ въ Японію и на китайскій материкъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что продукты Формозы имѣютъ для Японіи огромную цѣнность сами по себѣ, притомъ-же благодаря имъ Японія можетъ соперничать въ экспортѣ своихъ продуктовъ съ европейскими государствами. Тѣ самые предметы, которые она съ такимъ успѣхомъ доставляетъ на китайскіе рынки, вывозятся и на Формозу, и такъ какъ этотъ островъ перешелъ совсѣмъ въ руки японцевъ, то ввозъ европейскихъ товаровъ, цѣнность котораго достигла въ послѣдніе годы пятнадцати—двадцати милліоновъ марокъ ($7\frac{1}{2}$ —10 мил.л. рублей), скоро совсѣмъ прекратится.

Главный обмѣлъ товаровъ между Формозой, Японіей и Китаемъ совершался посредствомъ германскихъ кораблей; но и они въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно замѣнятся японскими. До сихъ поръ пароходы одного изъ самыхъ большихъ въ мірѣ пароходныхъ обществъ (японской компаніи „Ниппонъ-Юзень-Кайша“) совершали правильные рейсы на сосѣдніе острова Луджу и въ китайскіе порты Амой и Футчау, находящіеся противъ Формозы, но къ самому острову они еще не подходили. Но уже черезъ мѣсяцъ послѣ заключенія мира общество Юзень-Кайша рѣшило установить правильные пароходные рейсы на Формозу. Если пароходное сообщеніе будетъ развиваться въ Японіи и дальше такъ-же успѣшно, какъ теперь, то и другіе нѣмецкіе пароходы, какъ, напримѣръ, такъ называемые *Tramp-Steamers*, должны будутъ прекратить свое плаваніе въ восточной Азіи. Японцы и теперь уже установили подъ своимъ флагомъ правильное пароходное сообщеніе съ Кореей, Китаемъ, Филиппинами, Индіей, Явой, Австраліей и даже съ портами Индійскаго Океана.

Первымъ предпріятіемъ Японіи на Формозѣ будетъ, конечно, шелководство, что не удавалось китайцамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія. И въ настоящее уже время Японія по производству шелка занимаетъ первое мѣсто послѣ Китая и, благодаря вывозу своего шелка, дѣлаетъ ежегодный оборотъ въ шестьдесятъ милліоновъ іенъ, т. е. почти столько же, сколько Франція и Италія, вмѣстѣ взятыя. Формоза увели-

читъ производствѣ сырого шелка, а японскія фабрики будутъ его обрабатывать; и при всей дешевизнѣ рабочей платы въ Японіи, которая дѣлаетъ конкуренцію съ ней невыносимой, вывозъ шелковыхъ матерій изъ Японіи, достигающій нынѣ семнадцати милліоновъ іенъ, возрастетъ до огромныхъ размѣровъ. Германія, Франція и Италія очень заинтересованы въ этомъ, потому что изъ Германіи ежегодно вывозится на 160000 марокъ шелка. Восточно-азиатская конкуренція сдѣлается, такимъ образомъ, въ слѣдующія десятилѣтія грознымъ вопросомъ существованія для милліоновъ.

Благодаря присоединенію Формозы къ Японіи, производство камфары также какъ бы монополизировано Японіей, такъ какъ этотъ важный продуктъ, примѣняемый въ медицинѣ и во многихъ ремеслахъ, добывается на южныхъ островахъ Японіи и на островѣ Формозѣ.

Мнѣ случалось видѣть отдѣльныя камфарныя деревья на Зондскихъ островахъ, въ Сіамѣ, Малаккѣ, Андалузій и Вестъ-Индіи, но цѣлыя плантаціи и лѣса этихъ цѣнныхъ деревьевъ имѣются только на японскихъ островахъ вплоть до тридцати пятаго градуса широты, и весь цивилизованный міръ снабжается камфарой только отсюда. До послѣдняго времени большая часть сырой камфары отправлялась на корабляхъ въ Европу (главнымъ образомъ, въ Лондонъ и Гамбургъ) и въ сѣверную Америку и тамъ обрабатывалась для употребленія. Изъ Формозы большое количество камфары доставлялось на рынокъ Гонгконга, и поэтому цѣна на японскую сырую камфару стояла довольно низкая. Но теперь, благодаря тому, что Формоза перешла во владѣніе Японціи, она не только господствуетъ на рынкѣ, но даже должна была обложить высокой пошлиной вывозъ сырой камфары, чтобы этимъ поднять мѣстную обработку ея.

Японцы навѣрное упразднятъ обѣ теперешнія гавани Формозы — Тамсуй и Тайнанъ и вмѣсто нихъ выберутъ третью — Келунгъ. Тамсуй и Тайнанъ открыты были европейцамъ съ 1858 г., и тамъ есть много европейскихъ, а среди нихъ и нѣмецкихъ фирмъ. Европейцамъ дорого стоило устройство товарныхъ складовъ и конторъ и послѣ многолѣтнихъ трудовъ они довели, наконецъ, торговлю до такого состоянія, что она стала приносить нѣкоторый доходъ. Но этому, вѣроятно, скоро будетъ положенъ конецъ; европейцы принуждены будутъ удалиться и уступить мѣсто японцамъ. Ихъ, конечно, не удалить силой, но японцы возьмутъ ихъ, что называется, изморомъ.

Къ обѣимъ гаванямъ, Тамсую и Тайнану, корабли не могутъ приставать; они должны оставаться въ открытомъ рейдѣ и во время юговосточныхъ муссоновъ, дуящихъ здѣсь съ большой силой, не говоря уже о частыхъ тайфунахъ, часто случается, что корабли, не бросая якоря, отправляются къ Пескадорамъ или даже въ Амой или Футчау. Въ Келунгѣ же, лежащемъ въ тридцати километрахъ къ востоку отъ

Тамсуя у сѣверной оконечности Формозы, глубина воды даже у самыхъ верфей достаточна для большихъ военныхъ кораблей, и притомъ еще эта гавань защищена отъ бурь лежащимъ передъ нею островомъ. Кромѣ того, вблизи Келунга находятся большіе склады угля, снабжавшіе до этого времени углемъ южный Китай и особенно Футчу. Поэтому Келунгъ можетъ считаться будущей гаванью Формозы, а въ Тамсуй и Тайнань будутъ приходить только китайскія джонки.

Какъ Тамсуй, такъ и Тайнань не представляютъ собою одно цѣлое, какъ другія китайскія гавани. Оба они только имена собирательныя для нѣсколькихъ мѣстечекъ. Пятнадцатью километрами южнѣ береговаго пункта, называемаго Тамсуемъ, въ сѣверной оконечности Формозы находится лежащій при рѣкѣ Тайпей главный городъ острова такого же имени. Въ Тамсуѣ имѣется только таможня, нѣсколько товарныхъ складовъ и старая голландская крѣпость съ необходимыми постройками. Европейскіе купцы живутъ, большей частью, въ Туатутіа, въ нѣсколькихъ километрахъ вверхъ по рѣкѣ, недалеко отъ Тайпея, а еще дальше по верхнему теченію рѣки находится китайскій городъ Банка, на границѣ рисоваго округа Формозы.

Тайпей—созданіе генералъ-губернатора Ліу; онъ распланировалъ городъ по образцу американскихъ, на манеръ шахматной доски, съ широкими улицами, съ дорогой въ Туатутіа, освѣтилъ городъ электричествомъ и выстроилъ прекрасный ямынь (официальный дворецъ); онъ даже ввелъ здѣсь японскихъ джиприкшъ.

Какъ Тамсуй, такъ и южная гавань, Тайнань, состоитъ изъ трехъ городовъ. Тайнань, или Тайвань-фу, — это китайскій городъ, основанный кантонцами, находящійся на разстояніи шести километровъ отъ берега и соединенный съ настоящей гаванью Тайнана, Анпингомъ, каналомъ, по которому могутъ проходить только джонки.

На нѣкоторыхъ ландшафтахъ лежащій на сорокъ пять километровъ южнѣ Такао обозначается, какъ главная европейская гавань, но это невярно. Въ прежніе годы Такао дѣйствительно былъ главной гаванью для кораблей, но онъ, какъ было уже сказано, находится на разстояніи сорока пяти километровъ отъ Тайвань-фу и соединенъ съ нимъ жалкой сухопутной дорогой. Кромѣ того, европейскимъ купцамъ вреденъ былъ здѣшній климатъ, несмотря на чудную растительность въ Такао и Апъ-Гиллѣ (обезьянныя гора). Поэтому всѣ купцы, а съ ними и торговое сообщеніе и пароходное, перешли въ Анпингъ, сдѣлавшійся мѣстопребываніемъ консульствъ.

Такимъ образомъ, на географическихъ картахъ вмѣсто Такао долженъ быть обозначенъ главной гаванью Анпингъ. Точно также вмѣсто Тайвана на картахъ нужно бы отмѣтить Тайнань или Тайвань-Фу, потому что Тайвань—это совершенно другое мѣсто, находящееся въ серединѣ острова и предназначавшееся губернаторомъ Ліу для главнаго города острова.

Не только Формоза, но и нѣкоторыя другія гавани восточной Азіи отличаются тѣмъ, что корабли не могутъ пристать прямо къ берегу, а вынуждены бросать якорь на разстояніи нѣсколькихъ километровъ; но нигдѣ нѣтъ такого сильнаго прибой, какъ здѣсь, особенно когда дуетъ южный муссонъ и нагоняетъ сильныя волны съ южно-китайскаго моря. *) Поэтому во время муссоновъ нельзя пристать къ берегу даже въ маленькихъ шлюбкахъ и приходится прибѣгнуть къ помощи катомарана, т. е. парома, сдѣланнаго изъ двѣнадцати бамбуковыхъ трубъ, длиною въ семь метровъ каждая, среди которыхъ привязано нѣчто, похожее на ванну. Въ нее садятся пассажиры и ихъ приносятъ волнами къ берегу, конечно, почти всегда промокшими насквозь. Такимъ же способомъ привозятся сюда товары и поэтому понятно, почему японцы предпочтутъ для порта Келунгъ.

Японцы въ непродолжительномъ времени приступаютъ къ постройкѣ давно проектированной китайцами желѣзной дороги, которая, протянувшись отъ сѣвера къ югу, соединитъ Келунгъ и Тамсуй съ Анпингомъ будетъ и эксплуатироваться на разстояніи тридцати англійскихъ миль.

Предпринчливый Ліу еще въ 1887 г. уполномочилъ европейскихъ инженеровъ построить эту линію, но потомъ возложилъ исполненіе этого сооруженія на китайскія войска. Находящуюся между Тамсуемъ и Келунгомъ горную цѣпь нужно было прорѣзать тоннелемъ; но китайскому генералу это не понравилось, и онъ велѣлъ прорѣзать горную цѣпь въ серединѣ. Послѣ многихъ лѣтъ бесполезнаго труда этотъ проектъ признанъ былъ неосуществимымъ и, все-таки, прибѣгли къ тоннелю, но китайцы очень боялись въѣзжать въ эту темную дыру, и еще нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія дороги между Тамсуемъ и Келунгомъ поѣзда останавливались у входа въ тоннель, и пассажиры съ трудомъ перелѣзали черезъ горы, въ то время какъ поѣзда порожнемъ проходили тоннель. Но, мало по малу, китайцы привыкли къ нему.

Почта доставляется здѣсь скороходами, и плата за письмо на разстояніи между Анпингомъ и Тамсуемъ равняется 200 кашъ, т. е. 25 копейкамъ. Эти „каши“, которые находятся въ обращеніи на Формозѣ, самыя худшія деньги въ Китаѣ; они продырявлены во многихъ мѣстахъ и сдѣланы изъ желѣза. На Формозѣ нѣтъ банковъ, и такъ какъ при здѣшнемъ большомъ ввозѣ и вывозѣ бываютъ въ оборотѣ большія суммы, то китайскіе гонги (торговые дома) складываютъ въ одинъ

*) Малодоступностью, а порой (во время сильныхъ вѣтровъ) даже неприступностью отличается особенно береговая линія острова Сахалина. Пишущему эти строки пришлось однажды крейсировать у его береговъ почти цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ удалось улучшить моментъ, удобный для высадки съ парохода. Формоза едва-ли превосходить въ этомъ отношеніи Сахалинъ.

свертокъ пятьдесятъ мексиканскихъ долларовъ или японскихъ іенъ и на оберткѣ ставятъ свой штемпель. Если гонгъ пользуется довѣріемъ, то его свертки принимаются въ обращеніе нераспечатанными и въ такомъ видѣ переходить изъ рукъ въ руки, пока не распадутся. Тогда только видно, изъ какой коллекціи разнообразныхъ монетъ они составлены. Впрочемъ, всѣ фальшивыя монеты обмѣниваются гонгами, выдавшими эти свертки, на настоящія.

Японцы, для блага страны и ея обитателей, конечно, пытались внести порядокъ въ эту денежную систему, но до сихъ поръ это имъ не удастся. Туземцы сильно сопротивляются вліянію новыхъ хозяевъ, такъ что нельзя предположить, чтобы на островѣ скоро водворился полный миръ.

Японія, какъ промышленная страна.

Въ нѣмецкой печати недавно высказано было мнѣніе, что Японія, вѣроятно, никогда не будетъ промышленной страной, а скорѣе останется страной земледѣльской и поэтому будетъ потребительницей иностранныхъ произшествъ. На чемъ основано это мнѣніе, трудно угадать, но надо предположить, что поводомъ для него служили тѣ условія, въ которыхъ Японія находилась до 1870 г. Тогда она была, дѣйствительно, земледѣльской страной; но стоитъ только присмотрѣться къ различнымъ отраслямъ національной дѣятельности, чтобы замѣтить, что въ послѣднія тридцать лѣтъ эта страна окончательно превратилась изъ земледѣльской въ промышленную. Съ каждымъ годомъ эта метаморфоза становится все замѣтнѣе и если оставить въ сторонѣ главные продукты Японіи: чай, шелкъ и рисъ, то въ будущемъ мы будемъ имѣть дѣло съ Японіей, какъ съ страной исключительно промышленной, могущественное вліяніе которой на пывозъ товаровъ изъ Европы въ восточную Азію все возрастаетъ и гавани которой на берегахъ Тихаго океана съ каждымъ годомъ все больше дають себя знать.

Благодаря поощренію и поддержкѣ правительства и увеличенію населенія, возросшаго за послѣднія двадцать лѣтъ на 25 процентовъ, благодаря пробужденію и напряженію національной дѣятельности, земледѣліе также сдѣлало большіе успѣхи, которые объясняются только лучшимъ удобреніемъ почвы и лучшимъ уходомъ за полями, потому что площадь засѣянныхъ полей не особенно увеличилась. Напримѣръ, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ площадь рисовыхъ полей увеличилась на $8\frac{1}{2}$ проц., а производительность риса повысилась на $25\frac{1}{2}$ проц.; площадь хлѣбныхъ полей увеличилась на 20%, а производительность ихъ—на 58%. Приращеніе чая и шелка еще значительнѣе, потому что чай увеличился на 240%, а шелкъ даже на 300%.

Благодаря присоединенію Формозы, къ земледѣльческимъ произведеніямъ Японіи присоединилась еще камфара, а, главное, сахаръ. До этого времени Японія получала сахаръ изъ за границы, и потребность ея въ этомъ продуктѣ—очень важномъ для германскаго экспорта—увеличилась съ 28 милліоновъ килограммовъ (въ 1872 г.) въ пять разъ, т. е. до 150 милліоновъ килограммовъ (въ 1898 г.) и уплатила она за него иностраннымъ государствамъ 58 милліоновъ марокъ. Собственное производство сахара достигло въ Японіи уже въ 1894 г. 50 милліоновъ килограммовъ, и условія для увеличенія сахарныхъ плантацій въ Японіи такъ благопріятны, что ввозу сахара изъ-за границы будетъ скоро положенъ копецъ.

Названныя отрасли сельско-хозяйственной культуры существовали у японцевъ уже тогда, когда они открыли европейской торговлѣ доступъ въ свою страну и теперь только больше развились. Но что касается промышленности Японіи, то многія отрасли ея возникли только недавно, и ея благосостояніе и вся грядущая роль Японіи на всемъ азіатскомъ востокѣ приписывается развитію ея промышленности. Всѣ условія благопріятствуютъ ей: у нея есть свой уголь, желѣзо, мѣдь, золото, серебро, удобные и дешевые водные и сухопутные пути сообщенія и, наконецъ, большія мѣста сбыта на близкомъ разстояніи. Къ этому надо прибавить поддержку и поощреніе правительства, дешевизну рабочихъ рукъ, которая составляетъ третью, а иногда пятую часть нашей платы и, наконецъ, уиѣренность въ томъ, что со времени возникновенія торговыхъ договоровъ съ европейскими державами туземные продукты, благодаря повышенію ввозной пошлины, еще больше сохраняются и развиваются.

Промышленное развитіе Японіи не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ исторіи, и его размѣры и опасность, угрожающая благодаря ему европейскимъ рынкамъ въ восточной Азіи, собственно говоря, недостаточно принимаются во вниманіе.

Въ первоклассныхъ промышленныхъ странахъ міра отношеніе экспорта данной страны къ общему производству таково: англійскіе фабрики составляютъ 82%, швейцарскіе 75%, германскіе 65,9%, французскіе 55,6%, бельгійскіе — 37,4%, изъ Австро-Венгріи вывозится 27,2%, изъ Швеціи—16,4%, изъ Америки 9%.

Въ Японіи, откуда еще тридцать лѣтъ тому назадъ ничего не вывозилось, въ настоящее время экспортъ товаровъ равняется 38% и, такимъ образомъ, Японія занимаетъ въ числѣ другихъ странъ пятое мѣсто и даже перещеголяла Бельгію. Въ послѣдніе годы вывозъ японскихъ фабрикатовъ увеличился втрое, между тѣмъ какъ вывозъ сырыхъ продуктовъ почти не измѣнился. Въ 1872 г. стоимость японскаго экспорта равнялась едва нѣсколькимъ милліонамъ рублей, въ 1899 г. она достигла 90 милліоновъ рублей. Главные покупатели японскихъ това-

ровъ — это, естественно, азіатскія страны, куда въ послѣднія двадцать лѣтъ экспортъ достигъ 65% и въ настоящее время равняется стоимости въ 75 милліоновъ рублей. Австралія до 1880 г. не покупала никакихъ японскихъ продуктовъ, а теперь они составляютъ цѣнность въ 2½ милліона рублей ежегодно.

Очень интересно присмотрѣться къ развитію отдѣльныхъ отраслей промышленности въ Японіи. Развитіе ихъ, естественно, находится въ связи съ добываніемъ дешеваго топлива, т. е. съ разработкой богатыхъ каменноугольныхъ копей, которыя находятся на островѣ Кіу-Сіу. Въ 1886 г. было добыто 2 милліона тоннъ каменнаго угля, въ 1897—6 милліоновъ; такимъ образомъ, въ теченіи десяти лѣтъ разработка его увеличилась втрое. Цѣны на уголь за это время увеличились больше, чѣмъ вдвое. Въ настоящее время японскій уголь конкурируетъ съ англійскимъ даже въ Бомбей. Внутри самой страны потребленіе фабрикъ за это время удесятирилось.

Второй по значенію продуктъ—железо еще въ 1862 г. ввозилось въ очень незначительномъ количествѣ (33.000 килограммовъ); въ 1880 г. ввозъ равнялся 6 милліонамъ килограммовъ, въ 1891 г. 14 милліонамъ, въ 1894 г. даже 40 милліонамъ; съ 1872 г. такимъ образомъ, приращеніе достигло 12.000%.

Потребность Японіи въ европейскомъ желѣзѣ стоимостью въ 8 милліоновъ рублей (1894 г.) было, конечно, очень полезно для европейскихъ странъ, изъ которыхъ оно вывозилось. Но теперь въ самой Японіи открыты большія залежи желѣза, и въ непродолжительномъ времени этотъ матеріалъ будетъ добываться на мѣстѣ. Цѣна ввозимаго въ Японію желѣза равняется 62 іенъ за тонну, а въ самой странѣ, по точной оцѣнкѣ, тонна должна стоить отъ 15 до 20 іенъ. Въ морскомъ арсеналѣ въ Іокоскѣ, близъ Іокогамы, добывается уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, посредствомъ новаго метода, прекрасная сталь, и прекращеніе ввоза желѣза въ Японію — только вопросъ времени. Уже въ 1898 г. желѣза было ввезено только на 5 милліоновъ рублей, и среди него, въ ущербъ европейскому ввозу, было и китайское желѣзо.

Японскіе рудники опредѣляются въ 70 мил. тоннъ. Въ послѣднее время правительство устроило на свои средства въ Бамстамурѣ роскошный железоделательный и сталелитейный заводъ стоимостью въ 18 милліоновъ марокъ, съ двумя доменными печами и 200 коксовыми; ежегодное производство его равняется 90.000 тоннъ готоваго продукта.

Восточно-азіатскій Ллойдъ публикуетъ слѣдующія статистическія данныя о японскихъ фабрикахъ:

Въ 1883 г. всѣ 84 фабрики Японіи обладали, въ общемъ, 1.700 лошадиными силами. Въ 1893 г. было 1.163 фабрики съ 35.000 лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ 31.165 добывалась паромъ, а 4.142—водяной силой.

Посадка риса.

Въ теченіи одного десятилѣтія сила пара повысилась на 2.226⁰/₀, а сила воды—на 2.134⁰/₀. При этомъ послѣдняя еще только въ зародышѣ. Сотни водяныхъ теченій могутъ принести пользу промышленности, такъ что добываніе продуктовъ обойдется еще дешевле, а цѣны за трудъ повысятся не особенно сильно. На шерстяныхъ ткацкихъ фабрикахъ заработная плата рабочихъ повысилась въ 1899 г. на 37⁰/₀, и въ 1898 г. мужчины получали 24 копейки, а женщины—14 копеекъ въ день. Въ другихъ мастерствахъ рабочимъ платятъ слѣдующимъ образомъ:

Поденные рабочіе получаютъ 38 копеекъ въ день, носильщики — отъ 70 до 75 копеекъ, столяры отъ 55 до 60 копеекъ, кровельщики — 60 копеекъ, драпировщики—отъ 55 до 60 копеекъ, плетельщики цыновокъ—55—60 копеекъ.

Электричество также въ послѣдніе годы примѣняютъ, какъ двигательную силу, и съ 1890 г. въ Японію ввозятся электромоторы стоимостью въ 2¹/₂ милліона рублей. Современемъ они будутъ изготовляться въ самой странѣ, точно также, какъ теперь изготовляются телефонные и телеграфные аппараты. Въ Осакѣ устроена электрическая станція, гдѣ примѣняется водяная сила, равная 15.000 лошадиныхъ силъ. Въ Осакинскихъ фабрикахъ, по послѣднимъ извѣстіямъ о мѣстныхъ производствахъ, общая сумма равняется 25.000 лошадиныхъ силъ, и собственники электрическихъ учреждений считаютъ экономію, получаемую отъ примѣненія электричества вмѣсто паровой силы, въ одинъ милліонъ іенъ ежегодно!

Осака—это мѣсто, гдѣ сосредоточивается шерсто-прядельная фабрика, т. е. та промышленность, которая сдѣлала тамъ самые большіе успѣхи. Начало свое это производство беретъ съ 1871 г., когда князь Садаумы, Шимадау, ввезъ въ Японію нѣсколько прядельныхъ машинъ. Революція помѣшала развитію этой отрасли промышленности, и только въ 1880 г. правительство опять вмѣшалось въ дѣло, устроивъ пять пряделенъ. Этотъ примѣръ нашель себѣ подражателей въ народѣ и уже въ 1886 г. въ Японіи было 65.000 веретенъ; въ 1891 г. число ихъ возросло до 354.000, въ 1894 г. до 664.000, въ 1896 г. ихъ уже было свыше 800.000 и въ 1899 г.—милліонъ сто двадцать пять тысячъ. Количество производства разныхъ тканей равнялось въ 1883 г. 2¹/₃ милліонамъ метровъ, въ 1891 г. уже 45 мил. метровъ и въ 1895 г. 65 мил. метровъ. Потребность въ сырой шерсти въ теченіи одного десятилѣтія увеличилась въ двадцать пять разъ. Въ 1885 г. въ Японію было ввезено сырой шерсти больше, чѣмъ на 1¹/₂ мил. рублей, а въ 1898 г. ввезено ея было на 47 мил. рублей. Ввозъ шерстяной пряжи изъ Европы достигъ самыхъ большихъ размѣровъ въ 1888 г. Именно—31 мил. килограммовъ, исключительно изъ Англіи. Въ 1894 г., т. е. черезъ шесть лѣтъ, ввозъ ея уменьшился до десяти милл. килограммовъ, а нынѣ уже Японія,

съ своей стороны, въ прошломъ году вывезла въ Китай $2\frac{1}{2}$ мил. килограммовъ. Такимъ образомъ, Японія въ отношеніи шерстяной пряжи и матеріи почти перестала зависѣть отъ Европы. Послѣдствія этого очевидны: въ Ланкаширѣ работали въ 1895 г. около 100 прядильныхъ фабрикъ въ убытокъ, тогда какъ японскія получили дивидендъ отъ 16 до 25 процентовъ. Чувствительнѣе всего было развитіе японскихъ прядильныхъ фабрикъ для Индіи. Въ 1880 г. оттуда вывезено было въ Японію 4.500 кипъ шерстяной пряжи, а въ 1897 только 750, а съ тѣхъ поръ вывозъ еще уменьшился.

Такого же развитія достигли производство и фабрикація шелка, хотя японскій шелкъ по своей добротности далеко не можетъ сравниться съ китайскимъ. Въ 1889 г. производство шелка простиралось до $3\frac{1}{2}$ милл. килограммовъ, изъ которыхъ вывезено было $2\frac{3}{4}$ мил. килограммовъ стоимостью свыше 50 мил. рублей; въ 1894 г. производство было свыше 10 мил. килограммовъ, а вывезено было $6\frac{1}{4}$ мил. килограммовъ стоимостью въ 85 мил. рублей. Это относится только къ шелку-сырцу. Но шелковыя матеріи также вывозятся въ изобиліи, особенно изъ провинціи Фукуи, гдѣ въ 1890 г. было только 2200 веретенъ съ 3000 рабочихъ. Въ 1894 г. ихъ было уже 12500 съ 12000 рабочихъ, главнымъ образомъ дѣвушекъ, которыя получали за каждую штуку шелка по 50 іенъ и въ теченіи мѣсяца ткали 5—10 штукъ. Въ 1885 г. вывезено было шелку на 108.000 рублей, а въ 1898 г. на $17\frac{1}{2}$ мил. рублей.

Производство ковровъ въ Сакайѣ, маленькомъ городкѣ недалеко отъ Осаки, занимаетъ собою больше 16.000 рабочихъ. Въ 1890 г. изъ Японіи вывезено было 27.000 ковровъ, въ 1898 г.—800.000, а въ настоящее время японскіе ковры нашли себѣ сбытъ даже въ Англіи, не столько благодаря своему качеству, сколько изъ-за красивыхъ рисунковъ, похожихъ на восточные, и своей необычайной дешевизны, составляющей третью или даже четвертую часть стоимости восточныхъ ковровъ.

Весьма любопытна статистика развитія цѣлаго ряда производствъ, изъ которыхъ большая часть не существовала даже десять лѣтъ тому назадъ. Такъ, напримѣръ, общій вывозъ на рынки стоилъ въ 1889 г. 140 мил., въ 1899 г. — 428 мил. Товары распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	1897	1898	1899
	въ милліонахъ іенъ		
Шелкъ	55,6	42,0	62,6
Сырой шелкъ въ кускахъ .	9,5	12,0	15,8
Шелковыя ткани	9,4	3,5	3,5
Шерстяныя ткани	13,5	20,1	28,5

	1897	1898	1899
	въ милліонахъ ієнъ.		
Шерстяное производство . .	—	2,6	3,9
Рисъ	6,1	6,0	10,3
Чай	7,9	8,6	8,5
Уголь	11,6	15,2	15,1
Мѣдь	5,6	7,3	11,4
Камфара	—	1,2	1,8
Точилки	5,6	6,3	5,9
Цыновки	3,3	3,9	3,7
Фарфоръ	—	2,0	2,2

Въ числѣ другихъ крупныхъ продуктовъ, которыми трудолюбивые японцы хотятъ вытѣснить такіе же европейскіе продукты, надо еще упомянуть о пивѣ. Самый значительный пивной заводъ въ Токио Николь-Бакуоса-Кайша (въ переводѣ: японское пивоваренное общество) еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ на краю гибели; въ 1895 г. онъ, однако, продать уже 7.515 коку (около 13.500 гектолитровъ) пива, него акціи поднялись отъ 40 до 80 ієнъ. Не хуже развиваются и другіе пивоваренные заводы въ Японіи, такъ что понятно, почему вывозъ нѣмецкаго пива въ англійскую и голландскую Индію, въ Японію, Китай, Филиппины, вообще въ восточную Азію, за промежутокъ времени отъ 1891 г. до 1895 года, вмѣсто прежнихъ 96.000 гектолитровъ, дошелъ до 81.000 гектолитровъ *).

Жельзнодорожная багажная квитанція.

*) Развѣтленіемъ и процвѣтаніемъ своей промышленности Японія обязана въ равной мѣрѣ какъ энергіи и способностямъ своего населенія, такъ и поощренію и поддержкѣ правительства. Судьбы промышленнаго образованія, которое даже въ иныхъ европейскихъ странахъ до сего времени находится только въ зародышѣ, — давно уже составляютъ предметъ исключительныхъ заботъ юнаго японскаго правительства, и въ настоящее время эта страна, всего только на-дняхъ приобщенная къ европейской

Самое замѣчательное въ развитіи японской промышленности—это разнообразіе продуктовъ. За исключеніемъ ограниченаго количества спеціальныхъ предметовъ, особенно химическаго производства, все теперь производится въ самой Японіи, и если качество продуктовъ оставляетъ желать многого, то, во всякомъ случаѣ, всѣ они доходны. Одними изъ главныхъ продуктовъ считаются, на примѣръ, точилки, бумажные обои (подражаніе тисненой кожѣ), искусственные цвѣты, фонари, занавѣсы изъ стеклянныхъ бусъ, черепаховыя издѣлія. Въ Японіи теперь есть три большія фабрики, гдѣ выдѣлывается фланель, для которой шерсть привозится изъ Австраліи. На фабрикахъ въ Осакѣ имѣется 250 прядильныхъ машинъ и 2.000 веретенъ, привезенныхъ изъ Германіи и Англіи; затѣмъ въ Осакѣ имѣются фабрики стѣнныхъ и карманныхъ часовъ, зубныхъ щетокъ, нижняго бѣлья изъ бумаги; фабрики, рафини-

цивилизациі, обладаетъ уже стройной системой школьнаго образованія, изъ которой на обученіе прикладнымъ знаніямъ обращено преимущественное вниманіе. Увлеченіе классицизмомъ (китайскимъ) уже отошло въ область преданій и, не въ примѣръ большинству европейскихъ странъ, реальное образованіе, отвѣчающее насущнымъ потребностямъ націи, является здѣсь преобладающимъ. Вотъ самыя послѣднія дошедшія до насъ свѣдѣнія о положеніи реального образованія въ странѣ. Прежде всего, нужно отмѣтить, что уже въ большинствѣ народныхъ училищъ преподаются нынѣ элементарныя свѣдѣнія изъ реальныхъ наукъ. Но это вообще. Въ частности же система спеціально реального образованія представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ Японіи существуютъ: а) школы для мастеровъ, съ курсомъ, продолжающимся, въ зависимости отъ предметовъ обученія, отъ 5 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ; б) низшія промышленныя училища съ отдѣленіями: земледѣльческимъ, техническимъ и коммерческимъ; в) реально-промышленныя гимназіи (въ каждомъ окружномъ городѣ); г) высшее земледѣльческое училище съ 4-лѣтнимъ курсомъ съ отдѣлами: земледѣльческимъ, инженернымъ и леснымъ; д) высшее коммерческое училище; и е) политехникумы (въ Кіото и Осакѣ). — При каждомъ изъ высшихъ училищъ существуетъ отдѣленіе, имѣющее цѣлью подготовку преподавателей для низшихъ школъ по предметамъ земледѣлія, техники и коммерціи. На постановку реально-промышленнаго образованія японское правительство, судя по бюджету 1901 года, тратитъ болѣе трети всѣхъ ассигнованій по министерству народнаго просвѣщенія. Характерно, между прочимъ, то, что парламентъ не упускаетъ случая ставить каждый разъ на видъ правительству необходимость все большаго и большаго развитія въ странѣ реального образованія. На современное состояніе японской промышленности несомнѣнно оказывать нѣкоторую долю вліянія и то, что университетская молодежь, по окончаніи высшихъ учебныхъ заведеній, отдаетъ свои силы, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, не государственной службѣ (кстати, весьма скудно оплачиваемой въ Японіи) не либеральнымъ профессіямъ,—а отечественной промышленности. Явленіе это въ послѣднія 10 лѣтъ, по сообщенію г. Фусата-Сузуки, сдѣлалось настолько преобладающимъ, что, на примѣръ, японскій министръ юстиціи въ началѣ текущаго (1902) года считалъ необходимымъ уведомить ректоровъ японскихъ университетовъ, что имъ назначенъ нѣкоторый срокъ поступленія на государственную службу для окончившихъ курсы студентовъ-юристовъ; по истеченіи же этого срока они не будутъ приниматься на государственную службу, хотя бы и были свободныя вакансіи.

Примѣчаніе редактора.

Храмъ въ Нагойѣ.

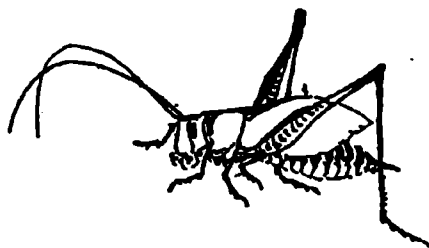
рующія сахаръ, другія, гдѣ льютъ шрифтъ, мастерскія бумажныхъ мельницъ;— въ общемъ, 2.600 промышленныхъ учрежденій съ 16.000 рабочихъ и 20.000 работницъ. Въ машино-строительствѣ также сдѣлано много успѣховъ: японцы строятъ паровозы, желѣзнодорожные вагоны, и даже свои большіе броненосцы.

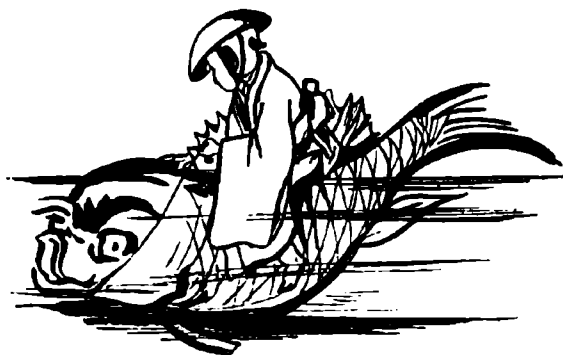
Вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности, естественно, улучшаются и способы перевозки; одно съ другимъ связано. Число желѣзныхъ дорогъ за 27 лѣтъ увеличилось на 12.250%, вмѣстительность японскихъ пароходовъ за 24 года увеличились на 1.380%. Въ 1898 г. Японія обладала 970 пароходами съ 273.000 тоннами вмѣстимости, при этомъ парусныхъ кораблей вмѣстимостью 45.000 тоннъ кораблей, построенныхъ по японскому образцу, было 17.000.

Неожиданный и безпримѣрный ростъ японской промышленности, разумѣется, не могъ не отразиться на внутренней жизни страны. Цѣны на все сильно поднялись; предметы роскоши, какъ, напр., шелкъ, повысились въ цѣнѣ отъ 30 до 40%, и въ одной японской газетѣ былъ напечатанъ перечень 22 предметовъ, продажная цѣна которыхъ повысилась въ послѣднія нѣсколько лѣтъ до 24%. Среди нихъ находятся такіе предметы первой необходимости, какъ, напр., рисъ, ячмень, соль, сахаръ, топливо, металлическія издѣлія, шерстяные товары.

Въ слѣдующіе годы японская промышленность будетъ развиваться такъ-же, какъ теперь, но, все таки, со временемъ на восточно-азиатскихъ рынкахъ появится очень опасный конкурентъ даже для Японіи, именно—Китай.

Правда, пройдетъ еще много десятилѣтій, пока это сбудется, и за это время Японія получитъ громадныя выгоды отъ китайской торговли, — гораздо больше другихъ государствъ, потому что она находится у входа въ китайскую имперію и знакома съ условіями, особенностями и потребностями китайскаго народа, какъ ни одна другая промышленная страна. И въ концѣ концовъ будетъ то, что европейскія державы будутъ, какъ и теперь онѣ зачастую это дѣлають, таскать для Японіи каштаны изъ огня. Но тутъ уже ничего не подѣлаешь!

Джіуджутсу.

Японское слово джіуджутсу знакомо, навѣрное, очень немногимъ.

Даже люди, жившіе въ Японіи много лѣтъ,—и тѣ, быть можетъ, никогда его не слыхали. О немъ не упоминается ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ книгъ о Японіи и единственное сочиненіе, въ которомъ оно упоминается—это Transactions of the Asiatic society.

Написать его Кано Джигоро,—одинъ изъ величайшихъ учителей джіуджутсу.

Но это странное, незнакомое слово очень скоро станетъ, вѣроятно, извѣстнымъ и въ Европѣ, потому что джіуджутсу — это ключъ къ уразумѣнію характера японскаго народа въ его отношеніяхъ къ чужимъ странамъ; въ этомъ словѣ—тайна успѣха этой удаленной за тысячи миль отъ Европы страны.

Джіуджутсу—значить: „побѣдить подчиненіемъ“.

Въ то время, какъ многочисленныя зданія токіосскаго университета выстроены въ новѣйшемъ европейскомъ стилѣ,—среди нихъ выдѣлется одинъ домикъ совершенно японскаго стіля, съ тою только разницею, что, вмѣсто бумажныхъ оконъ, раздвигающихся въ горизонтальномъ направленіи, окна сдѣланы въ немъ изъ стекла. Надъ дверью этой длинной, низенькой постройки красуется китайская надпись: „дун-хо-кванъ“, т. е. „зала нашей священной страны“.

Войдя внутрь этого зданія, вы очутитесь въ просторной комнатѣ безъ всякаго убранства, только приподнятый полъ покрытъ толстыми, мягкими циновками. Иногда эта комната наполняется студентами. Въ серединѣ комнаты на мягкихъ циновкахъ располагаются десять или двѣнадцать молодыхъ людей, весь костюмъ которыхъ состоитъ только изъ одного пояса; двое изъ нихъ, очевидно, борются другъ съ другомъ. Ихъ окружаютъ группы студентовъ, внимательно слѣдящихъ за всѣми движеніями борцовъ. Но лица ихъ точно окаменѣли. На нихъ не замѣтно ни веселья, ни сочувствія, и они все время хранятъ упорное

молчаніе. Какъ только единоборство двухъ кончается, — двое другихъ начинаютъ его, въ свою очередь, и такъ до конца — при той-же гробовой тишинѣ.

Въ этой комнатѣ преподается джіуджутсу.

Описанная сцена представляетъ собою совсѣмъ не то, что мы видимъ у насъ, или въ Англіи, Америкѣ, Швейцаріи и совсѣмъ не похожа на борьбу японскихъ профессиональных борцовъ; это древнее искусство самураевъ (военного класса Японіи)—бороться безъ оружія. Во время своихъ путешествій или въ лагеряхъ самураи часто бывали среди ночи застигнуты врасплохъ врагами и случалось при этомъ, что у нихъ не было при себѣ никакого оружія, чтобы отразить нападеніе врага. Тогда они примѣняли джіуджутсу и, благодаря этому, имъ случалось побѣждать сильнѣйшихъ враговъ, наносить имъ опасныя раны, если не убивать совсѣмъ.

Для джіуджутсу совсѣмъ не требуется особенной мускульной силы; для этого нужна лишь долготѣлная практика, хладнокровіе, спокойствіе и знаніе строенія человѣческаго тѣла. Самураи еще мальчиками начинали упражняться въ этомъ искусствѣ, но даже для самыхъ сильныхъ и крѣпкихъ изъ нихъ требовалась непрерывная практика въ теченіи семи лѣтъ, чтобы вполнѣ овладѣть искусствомъ джіуджутсу. Тайны этого искусства ревниво охранялись самураями, и нынѣ ихъ послѣдователи, повидимому, даютъ клятвенное обѣщаніе сохранять въ тайнѣ всѣ тонкости этого искусства, поэтому о немъ очень мало извѣстно посторонней публикѣ.

Настоящій мастеръ этого искусства никогда не истощаетъ въ борьбѣ своихъ собственныхъ силъ, онъ старается истощить силы своего соперника, чтобы легче побѣдить его. Онъ заставляетъ противника дѣлать рѣзкія нападенія и ловко выворачивается отъ нихъ; онъ иногда вынуждаетъ его всѣми силами вытянуть руки; у насъ такое движеніе встрѣтило-бы сильное сопротивленіе, а, между тѣмъ, опытный борецъ системы джіуджутсу ловко и сразу отступаетъ, противникъ не встрѣчаетъ препятствія и, повинаясь закону инерціи, подается впередъ за своими руками. Для всякаго положенія, для каждаго нападенія имѣются извѣстныя тонкіе приемы сопротивленія, основанные на ловкости и знаніи строенія человѣческаго тѣла; если ихъ примѣнять умѣючи, то послѣдствіемъ будетъ или вывихъ, или переломъ кости, или же разбитый затылокъ. Знатокъ джіуджутсу побѣждаетъ не нападеніемъ, а отступленіемъ, какъ самое слово означаетъ; онъ не только отступаетъ, но ловкимъ и рассчитаннымъ движеніемъ нападаетъ такъ, что никакая сила не можетъ сопротивляться ему.

Я нахожусь въ большомъ затрудненіи подобрать примѣръ, подходящій къ нашимъ понятіямъ. Испанскій торреадоръ также примѣняетъ джіуджутсу и, благодаря ему, побѣждаетъ быка тѣмъ скорѣе, чѣмъ

сильнѣе и больше самъ быкъ. Если онъ хочетъ нанести ему смертельный ударъ, то онъ принуждаетъ раненнаго звѣря броситься на красное сукно, находящееся въ лѣвой рукѣ; самъ онъ ловко отскакиваетъ въ сторону, такъ что животное не успѣваетъ послѣдовать за нимъ, и возааетъ ему кинжалъ въ спину. Это то же джіуджутсу, но далеко не такое утонченное, ловкое и искусное, какъ у японцевъ; въ вышеупомянутомъ единоборствѣ примѣняется только самое небольшое количество приемовъ. Джіуджутсу рассчитываетъ не только на сопротивление противъ нападенія; оно представляетъ собою цѣлую науку для слабаго противъ сильнаго, т. е., какъ говоритъ Кахсадіо Неачи въ одной изъ своихъ книгъ, это система философская, экономическая и этическая. Она учитъ, что силѣ нужно противопоставить не силу, а нужно ловко направлять чужую силу для своей пользы; она учитъ, въ противоположность ученію европейцевъ дѣйствовать прямымъ путемъ, дѣйствовать, прибѣгая къ кривымъ путямъ (ученіе восточныхъ народовъ), и поэтому джіуджутсу выражаетъ расовый духъ, который долженъ стать понятнымъ державамъ, интересующимся восточной Азіей и желающимъ успѣшно выступить противъ Японіи.

Какъ каждый самурай прибѣгалъ въ нужныхъ случаяхъ къ джіуджутсу, такъ и всѣ японцы, вмѣстѣ взятые, прибѣгаютъ къ нему: ихъ отношеніе къ иностранцамъ ничто иное, какъ джіуджутсу. Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ это было основнымъ тономъ всей японской политики, и если Японія до сихъ поръ успѣшно выходила изъ своего политическаго, экономическаго и культурнаго кризиса, то только благодаря примѣненію джіуджутсу японскими государственными людьми.

Какой почитатель японцевъ (а въ Европѣ ихъ не мало) не предполагалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, что Японія не усвоитъ цѣликомъ западной культуры, — не только промышленности, путей сообщенія и науки, но и нравственныхъ понятій и, главное, христіанства? Кто не рассчитывалъ на то, что японцы, вмѣстѣ съ европейскимъ платьемъ, усвоятъ себѣ европейскіе нравы, откроютъ европейцамъ свою страну, что они притянутъ къ себѣ европейскіе капиталы, обставивъ ихъ выгодными условіями для развитія своихъ естественныхъ богатствъ. Японцевъ считали такими умными, интеллигентными, такими прямыми и честными, что надѣялись увидѣть современемъ въ восточной Азіи вполнѣ культурное государство; имъ помогали bona fide во всѣхъ отношеніяхъ, имъ, такъ сказать, держали лѣстницу, по которой имъ легко было-бы вскарабкаться. Но все это, въ сущности, было только джіуджутсу, игра слабаго съ сильнымъ, безпощадное пользованіе силами сильнаго для своихъ національныхъ выгодъ, скрытая борьба восточныхъ людей съ европейцами, въ которой послѣднихъ просто водили за носъ. Хорошо было-бы разоблачить это во всѣхъ мелочахъ, чтобы оно послужило предостереженіемъ въ будущемъ. Особенно важно было-бы

принять это во вниманіе Германіи, занявшей теперь прочное положеніе въ восточной Азіи и сдѣлавшейся сосѣдкой Японіи не только въ Китаѣ, но и въ Тихомъ океанѣ.

Стоить только ближе присмотрѣться къ тому, какъ образовалась современная Японія: она всюду посылала своихъ съ виду такихъ скромныхъ, любезныхъ и довѣрчивыхъ пословъ для изученія промышленности, наукъ и военного искусства; всѣ приписывали это ихъ желанію подняться въ культурномъ отношеніи до высоты Европы. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ восточной Азіи, прежній англійскій посланникъ сэръ Гарри Парксъ, говорилъ даже своему правительству, что Японія дѣлаетъ все это изъ подражанія, безъ всякихъ серьезныхъ цѣлей и что изъ нея современемъ разовьется нѣчто вродѣ южно-американскихъ республикъ!

Что-же оказалось на самомъ дѣлѣ? Японія усвоила себѣ всѣ нашія изобрѣтенія и открытія, испытала всѣ системы, какія она нашла въ Европѣ, и примѣнила ихъ у себя не точно въ такомъ видѣ нѣтъ, — она примѣнила ихъ настолько, насколько это нужно было для укрѣпленія ея силъ. Она воспользовалась Европой, какъ лѣстницей, по ступенькамъ которой она взобралась на вершину дальняго Востока. Такимъ образомъ, современная Японія, по сосѣдству съ которой находятся восточно-азіатскія колоніи европейскихъ государствъ, не европейская культурная страна, какъ это думали; она, несмотря на свою новую армію, несмотря на желѣзныя дороги, телеграфъ и машины, осталась прежней старой Японіей, восточной страной, какой она была много вѣковъ подъ-рядъ. Въ борьбѣ, которую ведутъ европейскія державы съ самостоятельными государствами другихъ частей свѣта, эти послѣднія всегда проигрывали; одной Японіи посчастливилось воспользоваться силами могущественныхъ странъ и самой выйти сильной изъ борьбы; она просто примѣнила свою удивительную, ей одной свойственную систему самозащиты,—джіуджутсу.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ я не разъ (на страницахъ газетъ и въ докладахъ) говорилъ о томъ, что Японія помѣнилась, не мѣняя, въ сущности, основныхъ чертъ своего характера. Японія осталась тѣмъ, чѣмъ была, и впредь останется такою же. Мнѣ возражали, напримѣръ, относительно платья, что правительство, все-таки, звело европейскій костюмъ, императоръ самъ подалъ этому примѣръ, а онъ пользуется такой властью и авторитетомъ, что японцы вскорѣ послѣдуютъ его примѣру. На Японію рассчитывали, какъ на большой рынокъ для сбыта платья, башмаковъ, шляпъ, бѣлья и проч., и я самъ получалъ многочисленные запросы отъ купцовъ и фабрикантовъ относительно наступающей „большой торговли“. Но все это было только джіуджутсу, только показное. Европейское одѣяніе для японца невозможно и немыслимо. Японцу пришлось бы втиснуть въ тѣсный башмакъ не только

свои ноги, но и, такъ сказать, весь образъ жизни, ему пришлось бы для этого разрушить сверху до низу весь свой домашній строй, устройство своего дома. Его національный халатъ, кимоно, позволяетъ ему сидѣть на полу; и потому онъ не нуждается въ стульяхъ и столахъ; его костюмъ грѣетъ его и зимою, такъ что ему не надо строить у себя печей. Легко снимающіяся деревянныя сандалии даютъ ему возможность ходить у себя дома въ однихъ носкахъ, и онъ, благодаря этому, покрываетъ весь полъ своей квартиры мягкими бѣлыми циновками. Еслибы онъ вдругъ началъ носить башмаки, то ему, прежде всего, пришлось бы ввести паркетъ или досчатые полы, а если бы онъ сталъ одѣваться въ европейскій костюмъ, то надо было бы устраивать у себя печи для отопленія комнатъ, что было бы невозможно благодаря легко-воспламеняющемуся матеріалу, изъ котораго строятся здѣсь дома.

Европейскіе брюки не позволяютъ садиться на корточки; поэтому во всѣхъ домахъ понадобились бы стулья и столы. Все это сопряжено было бы съ перестройкой, вѣрнѣе съ разрушеніемъ теперешнихъ домовъ и съ постройкой и устройствомъ новыхъ. Но гдѣ же всѣ эти сорокъ пять милліоновъ японцевъ—въ общемъ, бѣдный народъ—возьмутъ средства для новаго платья и новыхъ домовъ? Кто приметъ все это во вниманіе, тотъ пойметъ, какъ нелѣпы надежды японофиловъ въ этомъ отношеніи.

Но даже всѣ служащіе при дворѣ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ носятъ европейскіе костюмы только въ оффиціальныхъ случаяхъ. Когда я удостоился быть принятымъ императоромъ въ частной аудіенціи, то мнѣ говорили, что онъ только для этого случая одѣлъ европейское военное платье и что до и послѣ аудіенціи онъ былъ въ кимоно, какъ обыкновенно въ своей частной жизни. Министръ иностранныхъ дѣлъ принялъ меня въ своемъ бюро въ скюртку европейскаго покроя; когда-же я встрѣтилъ его нѣсколько часовъ спустя въ клубѣ, то онъ носилъ кимоно. Когда я уѣзжалъ въ Корею, со мною сѣли на пароходъ нѣсколько кавалерійскихъ японскихъ офицеровъ въ сапогахъ со шпорами, съ саблями на боку, съ револьверомъ за поясомъ; они ѣхали, чтобы присоединиться къ своимъ армейскимъ корпусамъ. Черезъ полъ-часа они явились на палубу одѣтые въ кимоно прямо на голое тѣло и въ деревянныхъ сандалияхъ на босую ногу. Въ столицѣ чиновники носятъ европейскій костюмъ только въ своихъ устроенныхъ по европейски учрежденіяхъ; дома и въ частной жизни не только они, но и всѣ генералы, адмиралы и полицейскіе комиссары одѣваются по-японски. Кромѣ нихъ, европейское платье носятъ врачи, студенты и немногіе ревностные послѣдователи реформы. Вольшая же часть японцевъ, въ числѣ 999 на тысячу, осталась приверженцами старой Японіи. Когда я освѣдомился, почему это во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ служащіе носятъ европейское платье, то мнѣ отвѣтили, что это дѣлается для того,

чтобы произвести хорошее впечатлѣніе въ сношеніяхъ съ дипломатами, иностранцами и пр. Такимъ образомъ, здѣсь тоже джуджутсу.

Японцы придерживаются своихъ костюмовъ не только изъ экономическихъ соображеній, или для своего удобства, а еще изъ національной гордости и презрѣнія, чтобы не сказать ненависти къ иностранцамъ. Не будь этого, можно было бы, все таки, видѣть въ открытыхъ европейцамъ гаваняхъ: Іокогамѣ, Нагасаки, Кобе, одѣтыхъ по европейски японцевъ и выстроенные въ европейскомъ стилѣ частные дома. Но и тамъ только фабрики, арсеналы, заводы, почтамтъ и таможня, волей-неволей, находятся въ европейскихъ домахъ, все же остальное, несмотря на сомѣстное пребываніе съ европейцами и постоянное общеніе съ ними, осталось совершенно японскимъ: постройка, костюмы, религія, празднества, нравы и обычаи.

Такъ же пошло дѣло съ распространеніемъ среди нихъ нравственныхъ понятій. Мы считаемъ моногамію неразрывно связанною съ европейской культурой. Японцы-же заимствовали у этой культуры то, что имъ нужно было. Моногамія не подходила къ ихъ нравамъ, и они остались полигамистами, начиная съ самого императора. Гейши, Іошивара, продажа дочерей родителями,—все осталось по прежнему. Единственное, что японцы сдѣлали хорошо, это то, что они отдали Іошивару подъ надзоръ полиціи и санитаровъ; имъ это показалось удобнымъ.

Какъ растяжима „европейская культура“ въ Японіи, особенно гдѣ коснется вопросовъ нравственности, указываетъ слѣдующая замѣтка, обѣжавшая въ 1897 г. всѣ европейскія газеты: „Японское правительство публикуетъ теперь разрѣшеніе, данное имъ бѣднымъ родителямъ продавать своихъ дочерей, чтобы на вырученные деньги можно было купить ~~себѣ пищу~~ ^{себѣ пицу}. Свирѣпствующій въ настоящее время въ Японіи голодъ дошелъ до такихъ размѣровъ, что правительство даже поощряетъ эту постыдную торговлю. Жертвовать всѣмъ для родителей, чтобы избавить ихъ отъ нужды и лишеній, самое обычное явленіе въ Японіи. Дѣвушка продается богатому японцу въ качествѣ второй жены. Она должна быть не моложе двадцати лѣтъ. Покупная цѣна равняется теперь 25 франкамъ, а въ обычныхъ условіяхъ—тысячѣ франковъ. Контрактъ совершается законнымъ порядкомъ. Черезъ три года покупатель долженъ дать свободу дѣвушкѣ, если родители внесутъ ему потраченную имъ сумму; черезъ шесть лѣтъ она, по закону, свободна безъ всякаго выкупа.“

Мы, европейцы, не можемъ себѣ представить европейской культуры не только безъ нравственныхъ правилъ, но и безъ христіанства. Но японцы относятся къ этому враждебно и во всякомъ случаѣ равнодушно; вообще, это не религіозный народъ, несмотря на буддизмъ и шинтоизмъ. Когда въ 1549 г. одинъ изъ величайшихъ апостоловъ католицизма, св. Францискъ Ксаверій, высадился въ Каюшимѣ на островѣ

Kiу-Ciу, то можно было предположить, что ему удастся обратить японцевъ въ католичество, такъ какъ усердію и убѣжденіямъ этого миссіонера нельзя было противустоять; къ тому-же предводители двухъ значительныхъ войскъ дайміосовъ, Минамото и Таира, воспользовались христіанствомъ для своихъ политическихъ цѣлей, и извѣстный изслѣдователь Японіи, Эрнестъ Сатовъ, приводитъ историческій документъ дайміоса Ямагуджи, въ которомъ онъ даетъ католическимъ миссіонерамъ разрѣшеніе „проповѣдывать религію Будды“, такъ какъ въ своемъ невѣдѣніи японцы принимали иногда христіанство за высшее ученіе буддизма.

Страшная рѣзня христіанъ въ семнадцатомъ вѣкѣ всеѣмъ извѣстна, и съ тѣхъ поръ христіанство больше не распространялось въ Японіи. Въ Японіи послѣ того была разрѣшена свобода религій, но это дѣлалось изъ расчета. Правительство не могло въ этомъ отношеніи создавать препятствій европейскимъ державамъ, если оно хотѣло считаться правительствомъ культурной страны; кромѣ того, оно могло спокойно впустить въ страну миссіонеровъ, такъ какъ оно знало, что христіанское ученіе не найдетъ отклика у японцевъ уже потому, что оно, напр., учитъ, чтобы мужъ покинулъ для жены отца и мать; это находится въ такомъ противорѣчій съ основными понятіями японской культуры, что нечего было бояться вліянія новаго ученія. Опять джіуджутсу, т. е. покорность побѣдила. Правительство вѣрно рассчитало. Только католичество, съ его 92 миссіонерами, имѣетъ относительный успѣхъ, такъ какъ, не смотря на ограниченныя средства, находящіяся у нихъ въ распоряженіи, они имѣютъ 50.000 послѣдователей въ странѣ. Еслибы правительство дѣйствительно намѣревалось сдѣлать изъ Японіи европейскую культурную страну, то оно ввело бы христіанство, какъ господствующую религію страны; но, вмѣсто европейской религій, оно ввело древне-японскую языческую религію Шинто, въ качествѣ господствующей, и заставляетъ весь народъ поклоняться, какъ божеству, не только самому императору, но и его изображеніямъ.

Какъ въ отношеніи религій японцы, повидимому, уступали европейскимъ державамъ и ихъ посланникамъ въ Токио, причѣмъ ихъ собственное положеніе укрѣпилось, такъ было и съ открытіемъ ихъ страны доступу европейской торговли и промышленности. Все только джіуджутсу, въ которомъ играетъ роль не только расчетливый политическій пріемъ, но и расовый инстинктъ.

Люди, увлекающіеся Японіей, торжествуютъ по поводу видимаго распространенія европейской культуры. Во всякой странѣ, тамъ, гдѣ эта культура господствуетъ, само собой разумѣется, что эта страна открыта для туристовъ, купцовъ и промышленниковъ и даже для ихъ предпріятій. Развѣ можно себѣ представить, чтобы въ Англіи или во Франціи внутренняя часть страны была закрыта доступу иностранцевъ,

и чтобы тамъ было только пять или шесть гаваней, гдѣ жили бы иностранцы и гдѣ они вели бы торговлю? Но это сдѣлала Японія, причемъ она, все-таки, сумѣла убѣдить всѣхъ въ своей культурности. Ея эмиссары, студенты, чиновники свободно и безпрепятственно путешествуютъ по всѣмъ странамъ, но внутренняя часть ихъ собственной страны осталась, все-таки, закрытой для внѣшняго міра. Причиной этого быть, какъ уже было сказано, расовый инстинктъ, который проявляется и у насъ, но только по отношенію къ подчиненнымъ народамъ. Такъ сдѣлала Америка и Австрія, чтобы помѣшать иммиграціи китайцевъ къ нимъ, потому что китайцы уступали народамъ кавказской расы въ ихъ жизненныхъ условіяхъ и при безпрепятственномъ переселеніи могутъ составить имъ конкуренцію снизу. Но японцы повернули копье другимъ концомъ. Кавказская раса стоитъ выше японцевъ относительно условій жизни и соперничаетъ съ ними сверху; благодаря своему богатству, знанію и энергіи, благодаря вообще своимъ положительнымъ качествамъ, она достигаетъ господства. Это угадали японцы и боялись этого; благодаря своей національной гордости, они отодвинули въ сторону всѣ другія соображенія и выгоды, какъ, напр., открытіе, при помощи европейцевъ, вспомогательныхъ источниковъ, поднятіе національнаго богатства, увеличеніе доходовъ и т. под. Японцы видѣли, что если европейцы проникали въ какую нибудь внѣ-европейскую страну и пользовались тамъ свободой, то эта страна рано или поздно теряла свою самостоятельность; поэтому они до тѣхъ поръ держали свою страну взаперти, пока жители ея стали самостоятельнѣе въ политическомъ, торговомъ и промышленномъ отношеніи и могли, такъ сказать, ваять книги въ руки. Во всемъ этомъ помогали имъ европейскіе мастера, и когда японцы узнали все то, что имъ нужно было знать, они отпустили европейскихъ мастеровъ и выпроводили ихъ изъ своей страны.

Послѣ этого уже можно было поддаться давленію державъ и открыть свою страну, но тутъ также было джіуджутсу, превратившее эту уступку Японіи въ выигрышъ для нея. Страна открыта, иностранцы могутъ въ ней жить и вести торговлю, но должны подчиняться японскимъ судебнымъ властямъ. Всѣ прежде уступленные имъ земли въ открытыхъ гаваняхъ возвращаются Японіи; они не имѣютъ права приобрѣтать въ собственность недвижимости, а могутъ только арендовать ее на извѣстное число лѣтъ, а послѣ смерти арендатора, если срокъ аренды даже еще не окончился, вся недвижимость переходитъ въ казну. Имъ не разрѣшена береговая торговля даже съ открытыми раньше гаванями, и всѣ иностранные товары облагаются высокой пошлиной.

При этихъ условіяхъ пребываніе европейцевъ въ Японію не представляетъ собою ничего привлекательнаго; это соглашеніе точно нарочно сдѣлано для того, чтобы изгнать европейцевъ отсюда. Ихъ торговля съ Японіей приносила имъ доходъ только благодаря ихъ прочному

положенію и благодаря тому, что они стояли подъ защитой своихъ, европейскихъ законовъ. Теперь имъ надо подчиняться японскимъ судьямъ? Кто на это согласится? Японія, дѣйствительно, открыла свою страну европейцамъ, но такъ, что въ будущемъ она ихъ у себя не увидитъ. Тутъ опять джіуджутсу.

На этотъ разъ Англія первая дала себя надуть, а за нею последовали и другія государства, хотя нужды въ этомъ не было никакой.

Шестнадцать державъ съ шестнадцатію уполномоченными заключили договоръ съ японцами, но джіуджутсу помогло японцамъ выйти изъ затрудненія и дало имъ полную независимость и равноправіе съ первыми державами міра, безъ всякой жертвы съ ихъ стороны; даже, наоборотъ, они вернули себѣ всѣ потери и убытки отъ прежняго договора.

Эти политическія побѣды усилились благодаря успѣшной войнѣ съ Китаемъ; она внушила японцамъ довѣріе къ своей военной организаціи, перенятой ими у европейцевъ, она подняла національное чувство, соединила партіи, враждебныя чужестранцамъ, такъ что теперь Японія уже рассчитываетъ на дальнѣйшія пріобрѣтенія въ Азіи и собирается тверже выступить противъ европейскихъ державъ. Это ясно видно изъ рѣчи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Окума, которую онъ въ то время держалъ:

„Въ европейскихъ державахъ замѣтны признаки упадка, и наступающее столѣтіе будетъ свидѣтелемъ разрушенія ихъ устройства и разпаденія ихъ владѣній. Если это даже не случится, то, во всякомъ случаѣ, ихъ средства изсякнутъ благодаря безплоднымъ попыткамъ къ колонизаціи. Кто же будетъ ихъ наслѣдниками, если не мы? Какое государство, исключая Германіи, Россіи, Франціи, Австріи и Италіи, въ одинъ мѣсяць составитъ войско въ 200.000 человекъ? Что касается интеллектуальныхъ силъ японца, то въ этомъ отношеніи онъ не только сравнялся съ европейцемъ, но даже перещеголялъ его. Развѣ японцы не осуществили усовершенствованія изобрѣтенія, котораго тщетно добивались европейцы въ теченіи многихъ лѣтъ? Нашъ народъ удивляетъ своей работой даже первый трудящійся народъ въ мірѣ—французовъ. Правда, нашъ народъ малъ ростомъ, но превосходство тѣлесныхъ силъ заключается не въ высокомъ ростѣ, а въ сложеніи. Какъ только окончится пересмотръ договора, и Японія побѣдитъ Китай, — мы сдѣлаемся одной изъ могущественныхъ державъ міра, и ни одна держава уже не предприметъ ничего, не спросивъ раньше насъ. Японія можетъ тогда быть для Европы представительницей восточной расы“.

Эти фразы даютъ пищу для размышленія, тѣмъ болѣе, что всѣ невыгодныя для Европы условія договора осуществились, и война съ Китаемъ доставила Японіи первенствующее положеніе въ восточной Азіи. Начинается даже движеніе (на которое Окума намекаетъ въ своей

рѣчи) въ пользу объединенія восточныхъ расъ (желтой расы), такъ какъ до насъ, въ Европу, недавно дошли извѣстія о томъ, что Японія старается заключить союзъ съ Китаемъ. Это устранено пока благодаря внимательству Россіи, но уже одна попытка къ этому должна заставить европейца призадуматься. Многие выдающіеся ученые уже не разъ выражали мнѣніе, что весь земной шаръ никогда не будетъ въ рукахъ европейцевъ, и что будущее принадлежитъ желтой расѣ, и кто знаетъ послѣднихъ, особенно китайцевъ и японцевъ, тотъ не отнесется пренебрежительно къ этому мнѣнію. Въ томъ, что европейцы гораздо умнѣе восточныхъ народовъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, но послѣдніе гораздо живучѣе. У нихъ гораздо больше жизненной силы, чѣмъ у европейскихъ народовъ; они усвоили себѣ всѣ наши открытія и изобрѣтенія, стоившія намъ столькихъ трудовъ, не затративъ при этомъ своихъ силъ, и въ тоже время примѣняютъ ихъ у себя, не имѣя даже приблизительно нашихъ потребностей. Наши жизненные потребности и условія жизни слишкомъ дорого обставлены, чтобы мы могли разсчитывать въ будущемъ побѣдить и теперь уже болѣе многочисленныхъ обитателей востока. Въ нашихъ искусственныхъ и дорогихъ условіяхъ жизни, связанныхъ съ нашимъ неблагоразуміемъ, и заключается наша слабость. Правда, намъ на это могутъ отвѣтить, что чѣмъ болѣе японцы подчиняются нашей культурѣ, тѣмъ болѣе и у нихъ развиваются наши потребности, какъ доказываютъ факты въ Японіи. Но развѣ мы останавливаемся въ этомъ отношеніи? Развѣ наши потребности не увеличиваются еще болѣе? Стоитъ только оглянуться на то, какъ жили наши отцы, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько наши жизненные условія улучшились, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вадорожали; тоже самое, вѣроятно, будетъ и съ нашими потомками.

Благодаря тому, что европейцы, по договору съ японцами, уравнены въ правахъ съ послѣдними; благодаря тому, что европейцы подчиняются законамъ Японіи; благодаря увеличенію торговыхъ сношеній съ восточной Азіей и постоянно увеличивающейся промышленной дѣятельности запада и потребности въ новыхъ рынкахъ для сбыта; благодаря приобрѣтенію колоній въ Индіи и въ Тихомъ океанѣ и опасному союздству такого государства, какъ Японія,—благодаря всему этому выше указанные вопросы становятся все настоятельнѣе.

Не только вся восточная Азія выдвинулась впередъ, но и ея обитатели, и поэтому не мѣшаетъ лишній разъ забыть тревогу. Было бы гораздо благоразумнѣе, еслибы жителямъ восточной Азіи оказывали меньше довѣрія.

До сихъ поръ всѣ очень заняты были изученіемъ восточно-азиатскихъ странъ, но совсѣмъ не изучали своеобразнаго, замкнутаго, загадочнаго характера ихъ обитателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	III
Нагасаки. Родина госпожи Хризантемы	1
Японскимъ средиземнымъ моремъ въ Кобе.	11
Юкагама.	18
Столица царства Микадо	27
Японскій императоръ и его дворъ	37
Высшее общество	55
Японская женщина	65
Туалетъ японской женщины	74
Японская молодежь	81
Бракъ у японцевъ	92
Землетрясеніе.	99
Современный театръ въ Японіи	103
Данжура (японскій Сальвини)	115
Литература и періодическая пресса въ Японіи	122
Японское войско и флотъ	131
Уличная жизнь въ Токио	144
Путешествіе внутри страны	154
Киото (древняя столица Японіи	163
Даймонджи (японскій «праздникъ смерти»).	173
Японскія мусмэ	180
Гейшѣ	186
Борцы	197
Какъ японцы путешествуютъ по своей странѣ	203
Бирминггамъ дальняго Востока	212
На вершинѣ Фуджи-Ямы	223
Икао (японскій Карлсбадъ)	232
Никко (городъ Храмовъ)	240
Праздникъ цвѣтовъ въ Японіи.	249
Формоза	237
Японія какъ промышленная страна.	266
Джиджутсу	274

